ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Ракетный корабль «Галилей»
Космический кадет

АЗБУКА

Ракетный корабль «Галилей». Космический кадет

Роберт Энсон Хайнлайн

Аннотация
Роберт Хайнлайн. Ракетный корабль «Галилей»; Космический кадет (сборник)
В начале начал
Ракетный корабль «Галилей»
Космический кадет
Послесловие к романам «Ракетный корабль „Галилей“» и «Космический кадет»

Аннотация

«Ракетный корабль „Галилей“»… Роман о том, как американские подростки, свято верящие в мечту о космосе, о Луне, о миссии человечества преодолеть земные пределы, осуществляют свои желания. Но все не так просто. Мечта мечтой, а Луна, как о ней ни мечтай, слишком «суровая хозяйка», как скажет о спутнике нашей планеты годы спустя сам автор. Преодолевая то, что кажется, на взгляд человека бескрылого, просто непреодолимым, хайнлайновские герои доказывают: не боги приближают небо к земле, а землю к небу приближает человек деятельный.

«Космический кадет» – роман о звездной профессии, как делается человек космоса. Здесь все прописано в мелочах – от того, как устроен скафандр и как выжить в глубоком вакууме, до мудрых венерианских законов о неразделимости вселенского человечества и абсолютном неприятии зла.

В настоящем издании перевод романов доработан и дан в новой редакции.

Роберт Хайнлайн
Ракетный корабль «Галилей»; Космический кадет (сборник)

Robert A. Heinlein
ROCKET SHIP GALILEO
Copyright © 1947, 1974 by Robert A. Heinlein, © 1988 by The Robert A. & Virginia Heinlein Library Foundation
SPACE CADET
Copyright © 1948, 1975 by Robert A. Heinlein, © 1988 by The Robert A. & Virginia Heinlein Library Foundation
All rights reserved
Издательство выражает благодарность С. В. Голд (swgold) за активную помощь при подготовке книги.
© А. С. Шаров (наследники), перевод, 1993
© И. Г. Почиталин (наследник), перевод, 1992
© С. В. Голд, предисловие, послесловие, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

* * *

Роберт Энсон Хайнлайн (1907–1988)

Наряду с Айзеком Азимовым и Артуром Кларком входит в большую тройку писателей-фантастов и носит титул гранд-мастера. Автор знаменитых романов «»Двойная звезда, «Звездный десант», «Кукловоды», «Чужак в стране чужой» и многих других, писатель — рекордсмен по числу литературных наград, включая такие престижные, как премия «Хьюго», «Небьюла» и т. д. По опросам, проводимых журналом «Локус» среди читателей, Роберт Хайнлайн признан лучшим писателем-фантастом всех времен и народов.

* * *

Полвека не покладая рук он работал в фантастике, выпустил в свет 54 книги – романы, сборники рассказов и т. д. – общим тиражом 40 миллионов экземпляров. За три первых года работы он на взлете таланта создал несколько книг, которые живы и сегодня не просто как любопытные опыты довоенной фантастики, а как совершенно современные произведения. И когда я говорю о том, что Хайнлайн – создатель современной американской фантастики, я имею в виду именно свежесть, актуальность его работы – каждая из его повестей могла быть опубликована сегодня, и мы бы восприняли ее как сегодня написанную.

Кир Булычев

Уже после первого опубликованного рассказа Хайнлайна признали лучшим среди писателей-фантастов, и он сохранил этот титул до конца жизни.

Айзек Азимов

Что бы ни говорили плохого об идеологии этого автора, его нельзя обвинить в фарисействе, разве только в простодушной наивности.

Станислав Лем

Хайнлайн верил, что фантастический рассказ имеет смысл только в том случае, если его корни уходят в самую настоящую действительность, в то же время проникая в мир воображения. Он был убежден, что выдуманная действительность не может быть опрокинута на читателя в первых же абзацах произведения, а должна проявляться постепенно, прорастая сквозь реальность.

Роберт Сильверберг

В начале начал

Вторая мировая война вплотную подвела человечество к одному из самых опасных кризисов в его истории. Атомное оружие стало Великим Уравнителем, таким же, как шестизарядный кольт во времена освоения Северной Америки. Любая самая слабая в военном отношении и скромная по территории страна могла напасть на могучую континентальную державу — и победить в ходе одной-единственной атаки. Бельгия, Дания, Монако или Парагвай — любая. Ни США, ни Евразийский союз более не могли считаться ведущими державами, их гегемония закончилась.

Кризисную ситуацию усугубило развитие ракетной техники. Существующие системы ПВО едва справлялись с авиационной угрозой, редкие цепочки радарных станций на границах давали в лучшем случае несколько минут на подготовку к отражению авианалета. Скорости баллистических ракет сводили это время практически к нулю. Кроме того, ракетам не нужны были аэродромы. Тайная ракетная установка, скрытая

во льдах Гренландии или на одиноком корабле посреди океана, могла нанести анонимный удар по столицам мировых держав и спровоцировать войну между континентами.

Но удар мог быть нанесен и прямо из космоса, в обход всех средств слежения, сконцентрированных на границах. Ракетная установка, размещенная на орбите Земли или на Луне, становилась идеальным средством государственного шантажа. Отсюда можно было навести ракету с атомной боеголовкой на любую точку на поверхности планеты. Первый лунный кризис показал всем нациям Земли, что они равно уязвимы перед этой угрозой, и это заставило их подписать Иоханнесбургский атомный мораторий и передать контроль над атомным оружием ООН. За первым лунным кризисом последовал второй — мятеж полковников, затем третий — «звездная бомба» Кейтли, а потом и четвертый — но это была революция, и это совсем другая история.

Луна определенно играла важную роль в человеческой истории, вплоть до создания Солнечной империи и эпохи Расселения. Ее трижды пытались колонизировать, терпели неудачи и снова возводили жилые купола из лунного реголита и земного рифленого железа. Лунная база, пер-

вые поселения обратились в прах, и наконец появился Луна-Сити, город, который выжил и продолжил свое существование как независимая колония и космический форпост человечества.

Уникальная роль Луны была предрешена законами небесной механики и особенностями человеческой психологии. Миллиарды людей, поднимая глаза к небу, видели ее — как лик божества, как символ, как самую близкую из планет Солнечной системы. В начале космической эры Луна была заманчивой и достижимой целью. Люди смотрели в телескопы и видели скалы и камни чужого мира. До них было буквально рукой подать, достаточно сделать шаг. И люди тянулись к Луне, строили планы, рисовали модели и создавали первые межпланетные корабли. У них не было никакого будущего, кроме того, что брезжило в их воображении.

История еще не была написана. Для них все начиналось здесь и сейчас.

С. В. Голд

Ракетный корабль «Галилей»

Колину, Мэтту и Бадди

1

«И пусть взревет ракета!»

— Все готовы?

Юный Росс Дженкинс взволнованно оглядел двух своих товарищей.

— Арт, как там твоя камера? Надеюсь, сегодня ты не забудешь снять крышку с объектива?

Трое юношей сгрудились за укрывавшей их с головой толстой бетонной стеной длиной около десяти футов. За ней возвышалась стальная платформа, к которой был привинчен зловещий и некрасивый заостренный металлический снаряд — ракета. По обе стороны ее корпуса виднелись кронштейны для крепления стабилизаторов, которые были сняты: ракету установили для проведения научных исследований.

— Так что с камерой, Арт? — продолжал допытываться Дженкинс.

Парень, к которому он обращался, выпрямился

во весь рост — пять футов три дюйма — и взглянул Россу в лицо.

— Смотри сам, — ответил он, — крышку я снял, все по протоколу проверок. И нечего меня попрекать. Ты бы лучше беспокоился о своей ракете. В прошлый раз она так и не запустилась, и я зря потратил двадцать футов пленки.

— Но ведь однажды ты снимал с крышкой… все, все, молчу. А лампы в порядке?

Вместо ответа Арт включил прожекторы. Лучи отразились от зеркал из нержавеющей стали и вырвали из темноты модель ракеты и фермы, удерживавшие ее во время испытаний. Третий юноша, Морис Абрамс, приник к перископу, который позволял им видеть испытательный стенд из-под прикрытия железобетонной стены.

— Ну, прямо картинка, — произнес он с воодушевлением. — Росс, ты уверен, что эта горючая смесь и есть то, что мы так долго искали?

Росс пожал плечами:

— Не знаю. Лабораторные испытания дали отличный результат. Как бы то ни было, скоро мы все узнаем наверняка. Так, ребята, по местам! Доложите о готовности. Арт?

— Готов.

— Морри?

— Готов.

— Я тоже готов. Внимание! Начинаю отсчет. Поехали! — И он стал отсчитывать секунды, оставшиеся до момента зажигания: — Десять… девять… восемь… семь… шесть… пять… четыре…

Арт облизнул пересохшие губы и запустил камеру.

— Три… два… один… *контакт*!..

— И пусть взревет ракета! — вскричал Морис, и его голос потонул в оглушительном грохоте.

Из сопла взревевшей ракеты вырвалась мощная струя черного дыма. Она ударила в земляной вал, насыпанный в футах двадцати от платформы, и затопила все вокруг удушливыми газами. Росс недовольно покачал головой и коснулся ручки управления на пульте. Клубы дыма рассеялись; через перископ Росс рассматривал бьющие из двигателей реактивные струи. Из дюз вырвалось чистое, почти прозрачное пламя, на фоне которого лишь изредка вспыхивали искры. Сквозь огонь Росс мог видеть деревья и камни, находящиеся по ту сторону. Их контуры слегка колебались в потоке раскаленного воздуха, но само пламя было чистым, бездымным.

— Что на динамометре? — бросил он Морису, не отрывая взгляда от перископа.

Морис смотрел на динамометр, прикрепленный прямо к стенду, через отдельный перископ с приспособленным к нему театральным биноклем.

— Ничего не видно! — крикнул он. — Ага, вижу… подожди секунду… Пятьдесят два — нет, сто пятьдесят два, сто пятьдесят два, пятьдесят три, четыре… Росс! Получилось! Ты гений! Это же вдвое больше самого лучшего старого результата!

Арт оторвал взгляд от аппарата. Это была обычная восьмимиллиметровая кинокамера, которую он купил в магазине и переделал так, чтобы в кассету влезало больше пленки, и теперь можно было не отвлекаться на перезарядку. Аппарат работал, но механизм оказался капризным и требовал ежесекундного внимания.

— Сколько времени до конца эксперимента? — спросил он.

— Семнадцать секунд! — крикнул в ответ Росс. — Внимание, сейчас я дам полную мощность! — И повернул вправо рычаг на пульте, открывая клапаны до отказа.

И ракета отозвалась. Низкий глубокий рев двигателей перешел в надсадный свист такого высокого тона, что его почти не было слышно.

В этом звуке явственно ощущалась угроза. Росс заметил, что Моррис, оставив перископ, с биноклем в руке влез на ящик.

— Морри, пригнись!

Из-за рева двигателей Морис не услышал его крика и полез наверх, намереваясь получше рассмотреть ракету. Росс бросил пульт управления, одним прыжком оказался около Мориса и потащил его вниз, под защиту стены. Они вместе упали на землю и продолжали бороться лежа. Разумеется, драться они не стали: Росс был рассержен, но не настолько, чтобы ударить товарища, а Морри лишь слегка удивился.

— Ты чего это? — возмутился он, переводя дыхание.

— Ты сумасшедший идиот! — крикнул Росс прямо ему в ухо. — Головы хочешь лишиться?

— Но все шло нормально…

Но Росс уже поднялся на ноги и отошел к пульту; Морри продолжал что-то говорить, но его оправдания заглушил рев ракеты.

— Что там у вас? — крикнул Арт.

Он так и не бросил свою любимую камеру, но не из чувства долга, а потому, что не мог решить, на чьей стороне вступить в битву. Росс услышал его голос и повернулся, чтобы ответить.

— Этот дурак, — он ткнул большим пальцем в сторону Морри, — хотел…

Он так и не успел объяснить, что случилось: внезапно опять изменился тон двигателей, а затем раздался страшный взрыв. Одновременно вспыхнул яркий огонь, который, несомненно, ослепил бы ребят, не будь перед ними защитной стены. Тем не менее вспышка высветила все вокруг до мельчайших деталей, отразившись от деревьев с такой силой, что у них зарябило в глазах. Они все еще моргали, приходя в себя, когда их окутали валившие из-за стены клубы дыма. Все трое закашлялись.

— Так, — пробормотал Росс, в упор глядя на Морри. — Все! Пришел конец пятой модели «Звездного штурма»!

— Да нет же, Росс, — запротестовал Морри, и в наступившей тишине его голос прозвучал пронзительно. — Я тут ни при чем. Я только пытался…

— Никто тебя не винит, — оборвал его Росс. — Я знаю, что ты тут ни при чем. Я вывел ракету на режим, но она не выдержала и взорвалась. Забудь. Но ты не должен забывать о своей голове, ведь на этот раз ты чуть было не лишился ее! Не зря же мы стену построили.

— Я вовсе не собирался высовывать голову наружу. Я только хотел…

— Замолчите оба, — вмешался Арт. — Мы еще раз взлетели на воздух, только и всего. Ну и что? Построим еще одну. Что бы там ни случилось, всё на пленке. — Он похлопал по камере. — А теперь пойдем и посмотрим, что там уцелело, — и двинулся в обход стены.

— Секундочку, — скомандовал Росс, пристально вгляделся в перископ и объявил: — Похоже, все в порядке. Топливные баки разлетелись в клочья. Опасность миновала. Только постарайтесь не обжечься. Пошли.

Арт и Морри двинулись следом. Ракета превратилась в груду металлолома, но испытательный стенд выдержал. Он был рассчитан и не на такие нагрузки. Арт взялся за динамометр, которым измерялась развиваемая ракетой тяга.

— Придется заново калибровать, — объявил он. — Пружина цела, но сильно повреждены циферблат и сцепка.

Товарищи встретили его слова молчанием — они удрученно осматривали останки ракеты. Камера сгорания была разворочена, нескольких деталей явно не хватало.

— Как ты думаешь, Росс, — спросил Морри,

— насос полетел или, может быть, температура была слишком высока?

— Трудно сказать, — рассеянно ответил Росс, — но насос тут ни при чем. Если бы его заклинило, он бы просто не качал топливо. Мне не верится, что он подал слишком много горючего — для этого он должен был взбрыкнуть и совершить чудо. Значит, это камера сгорания. Сопло в полном порядке, даже почти не прогорело, — добавил он, в сгустившихся сумерках рассматривая обломки.

— Возможно. Ну что ж, набросим сверху брезент, а разбираться будем утром. Ни черта не видно. Пошли, Арт.

— Давай. Подожди секунду, я захвачу камеру.

Он снял камеру со штатива и сунул ее в сумку. Затем помог остальным натянуть полотнища брезента — одно поверх стенда, второе — поверх стены, панели управления, приборов и перископов. И все трое двинулись прочь с площадки.

Полигон был окружен забором из колючей проволоки, который они поставили по настоянию родителей Росса — владельцев этой земли, — чтобы любопытствующие люди и животные не очутились во время эксперимента на линии огня. Вход был в пятидесяти футах прямо за стеной. Во время испытания никто даже не смотрел

в эту сторону: внимание ребят было приковано к ракете, так что оторвать их от работы могло только землетрясение.

Росс и Морри шли чуть впереди, Арт шагал следом, едва не наступая им на пятки, — так близко, что, когда товарищи внезапно остановились, он налетел на них сзади и едва не уронил камеру.

— Смотрите под ноги, — закричал он. — Чего вы остановились?

Морри и Росс не ответили. Они стояли как вкопанные, глядя на землю.

— Что такое? — продолжал Арт. — Очумели? Чего ради… *ой!*

И тоже увидел *это*.

«Это» было телом высокого мужчины, скорчившимся на земле у входа. На голове зияла рана, и из нее на землю уже натекла лужица крови. Все трое разом бросились вперед, но Морри оттеснил их, не давая прикоснуться к лежащему телу.

— Спокойно! — приказал он. — Не прикасайтесь к нему. Помните правила оказания первой помощи? У него ранение в голову. Если сдвинуть его с места, он может умереть.

— Но мы должны знать, жив он еще или нет, — возразил Росс.

— Сейчас посмотрим. Эй, дай-ка сюда…

Он протянул руку, выхватил из кармана Росса тетрадь, в которой они вели записи, свернул ее в трубочку диаметром около дюйма и приставил к спине неподвижной фигуры, с левой стороны, над сердцем. Прижав второй конец импровизированного стетоскопа к уху, прислушался. Росс и Арт ждали, затаив дыхание. Вскоре напряженное лицо Мориса расплылось в улыбке.

— Мотор работает, — заявил он, — и вполне прилично. По крайней мере, мы его не убили.

— Мы?

— А кто же еще? Как ты думаешь, что тут произошло? Посмотри, сколько вокруг обломков нашей ракеты — один из них и кокнул его по голове. — Морис поднялся на ноги. — Ну ладно, об этом после. А сейчас ты, Росс, дуй домой, вызови «скорую», и побыстрее! Мы с Артом останемся с… э-э-э… с ним. Он может прийти в себя и начать дергаться.

— Ладно.

Росс исчез. Арт смотрел на бесчувственное тело. Морри взял его за руку.

— Сядь, парень. И перестань трястись. Неприятности начнутся позже. Даже если он ранен не слишком серьезно, то — я надеюсь, ты это понимаешь, — все равно деятельности клуба «Галилей»

пришел конец. Во всяком случае, деятельности его ракетной и громыхательной секций.

Арт вконец расстроился:

— Думаю, ты прав.

— Не «думаю», а точно. Отец Росса и так уже косо смотрел на наши забавы с тех пор, как мы повышибали все стекла в подвале, и я его очень хорошо понимаю. А теперь еще и это. И если у нас только заберут полигон, то можно будет считать, что мы легко отделались. Нам еще повезет, если он не предъявит нам иск за нанесение увечий.

С этим Арт согласился.

— Теперь придется снова собирать марки, — произнес он с отсутствующим видом. Иск за нанесение увечий! Полигон у них отберут, но это не главное. Конечно, старый дом Росса на окраине города был шикарным местом для всех троих, учитывая, что он с матерью жил в задней комнате магазинчика, а родители Морри жили в квартире, но *судебный иск*! Может быть, родители Росса и смогли бы себе это позволить, но Арт с матерью едва сводили концы с концами, несмотря на его приработки в свободное от занятий время, и в случае судебного иска они наверняка потеряли бы свой магазин.

Сочувствие к раненому постепенно уступило

место ощущению несправедливости происходящего. Чего ему здесь понадобилось, этому парню? Здесь не проходной двор — вокруг полигона расставлены предупреждающие знаки.

— Дай-ка я взгляну на него, — сказал Арт.

— Валяй, только не прикасайся, — предупредил Морри.

— Не буду. У тебя есть фонарик?

На площадке уже стало совсем темно.

— Конечно. Вот… держи.

Арт взял маленький фонарик и попытался осмотреть лицо жертвы, что было нелегко, ибо мужчина лежал ничком, уткнувшись лицом в землю, и к тому же оно было в крови. Вдруг Арт произнес каким-то странным голосом:

— Морри, ему ничего не будет, если я вытру кровь?

— Ни в коем случае! Он должен лежать так до приезда врача.

— Ладно, ладно. Уже не нужно. Я и так знаю, кто это.

— Ты знаешь? И кто же он?

— Мой дядя.

— Твой *дядя*?

— Да. Ну, тот самый, о котором я рассказывал. Дядя Дон. Доктор Дональд Каргрейвз, мой «атом-

ный дядя».

2

Вызов, достойный настоящего мужчины

— Теперь я почти совсем уверен, что это мой дядя, — продолжал Арт. — Я бы сказал наверняка, сумей мы увидеть его лицо целиком.

— Не понимаю, как ты мог не узнать его до сих пор. Ведь он как-никак член твоей семьи, так что…

— Что с того? Последний раз я встречался с ним сразу после войны, когда он приезжал навестить маму. Давным-давно. И я тогда был совсем маленьким. Но этот человек очень похож на дядю.

— Но он не такой уж старый, — рассудительно произнес Морри. — Так что я полагаю… О, а вот и «скорая».

Он не ошибся. Рядом с водителем сидел Росс, показывая дорогу, а шофер бранился, утверждая, что дорога существует лишь в его воображении. Несколько минут они хлопотали вокруг пострадавшего, и вопрос о его личности не затрагивался.

— Похоже, ничего страшного, — заявил врач, приехавший на «скорой». — У него глубокая

скользящая рана. Возможно, сотрясение мозга. А теперь переверните его. Осторожно! А я буду поддерживать ему голову.

Когда незнакомца поднимали и укладывали на носилки, он открыл глаза и шевельнул губами, как бы силясь что-то сказать. К нему наклонился врач. Арт поймал взгляд Морри и, сложив вместе большой и указательный пальцы, подал ему утвердительный знак. На сей раз ошибки быть не могло: Арт успел хорошенько разглядеть лицо мужчины. Росс полез в машину, но врач жестом велел ему остаться.

— Потом, ребята. Приходите в больницу. Надо будет составить акт о несчастном случае.

«Скорая» уехала, и Арт рассказал о своем открытии Россу.

— Говоришь, это был твой дядя? — удивленно спросил тот. — Твой родной дядя? Чего ему здесь понадобилось?

— Ума не приложу. Я даже не знал о его приезде.

— Слушай, надеюсь, он не особенно пострадал — дядя все-таки как никак... Постой, это *тот самый дядя*, про которого ты рассказывал? Которого выдвигали на Нобелевскую премию?

— А я о чем говорю? Это мой дядя Дональд Кар-

грейвз.

— Доктор Дональд Каргрейвз! — Росс присвистнул. — Ну, ребята, мы чертовски удачно выбрали жертву!

— Не вижу ничего смешного. А если он умрет? Что я скажу маме?

— Я вовсе не смеюсь. Прежде чем ты расскажешь матери, мы сходим в больницу и разузнаем, насколько он плох. — Росс вздохнул. — Думаю, сначала поговорим с моими родителями, а потом я отвезу вас в госпиталь.

— Разве ты ничего не сказал им, когда ходил звонить? — спросил Морри.

— Нет, их не было дома. Они копались в саду, а я позвонил и побежал встречать машину. Может, они и заметили ее…

— Уж это как пить дать!

— Но у меня не было времени это выяснять.

Отец Росса сидел дома, поджидая их. Ответив на приветствие, он произнес:

— Росс…

— Да, сэр?

— Я слышал взрыв на полигоне и видел проехавшую туда карету «скорой помощи». Что стряслось?

— Понимаешь, пап… мы запустили новую мо-

дель на всю катушку, и…

Росс подробно описал все, что случилось. Мистер Дженкинс кивнул:

— Ясно. Идемте, ребята.

По пути к конюшне, переоборудованной в гараж, он попросил:

— Росс, сбегай к матери и скажи, куда мы едем. Пусть она не тревожится.

И двинулся дальше, слегка опираясь на трость.

Мистер Дженкинс, в прошлом инженер-электрик, был человеком спокойным и молчаливым. Своего отца Арт не помнил, отец же Морри был жив, но имел совершенно иной характер. Мистер Абрамс управлял своим большим, шумным, многодетным семейством, сочетая громкий голос и щедрую, любящую натуру, которой хватало на всех.

Запыхавшийся Росс вернулся и полез было за руль, но отец прогнал его на пассажирское сиденье.

— Нет уж, благодарю покорно. Я хотел бы в целости и сохранности добраться до места.

Всю дорогу они молчали. Потом мистер Дженкинс оставил мальчиков в вестибюле больницы и велел ждать.

— Что он задумал? — спросил Морри. Он сильно

нервничал.

— Понятия не имею. Но уверен, что он поступит справедливо.

— Вот этого я и боялся, — ответил Морри. — Но сейчас нам нужна не справедливость, а сочувствие.

— Главное, чтобы дядя Дон оказался в порядке, — подал голос Арт.

— Чего? О, прости, Арт. Ты прав. Мы совсем позабыли о тебе. Самое важное, чтобы твой дядя поправился.

— Честно говоря, пока я не узнал его, я больше думал о том, что матери придется выплачивать возмещение за увечья.

— Поменьше вспоминай об этом, — посоветовал Росс. — Человеку свойственно думать в первую очередь о собственных передрягах. Мой отец говорит, что главное — то, как ты поступаешь, а не то, что ты при этом думаешь. Для твоего дяди мы сделали все, что было в наших силах.

— Это «все» состояло в основном из того, что его не трогали до прибытия врача, — напомнил Морри.

— Как раз это и было нужно.

— Да, — согласился Арт, — только я не согласен с тобой, Росс, насчет того, что можно думать все,

что угодно, если действуешь правильно. Мне кажется, дурные мысли могут быть ничем не лучше дурных поступков.

— Тише, тише. Вот как по-твоему, человек, который совершает отважный поступок, а сам перепуган до смерти, он смелее, чем тот, который делает то же самое, но не боится?

— Он менее… нет, он более… Тьфу, ты все запутал. Это же совсем разные вещи.

— Может, оно и так. Ладно, давай не будем об этом.

Они помолчали, потом Морри сказал:

— Дай Бог дяде Дону здоровья.

Мистер Дженкинс принес добрые вести:

— Ну, парни, считайте, что вам повезло. Сделали рентген, и оказалось, что череп не поврежден. Когда зашивали рану, пациент очнулся. Я поговорил с ним, и он сказал, что не намерен сдирать с вас скальпы в счет возмещения убытков. — Он улыбнулся.

— Можно мне к нему? — спросил Арт.

— Пока нельзя. Ему сделали укол, и он уснул. Я уже позвонил твоей матери, Арт.

— Правда? Спасибо, сэр!

— Она ждет. Мы подбросим тебя до дома.

Звонок мистера Дженкинса облегчил Арту объяснения с матерью. В сущности, миссис Мюллер и мысли не допускала, что ее ребенок способен на что-либо дурное. Отец Росса успокоил ее, рассказал, что случилось с ее сыном, и объяснил, в каком состоянии пребывает ее брат. У Морри все прошло еще спокойнее. Узнав, что прохожий отделался пустяковыми ранениями, мистер Абрамс лишь пожал плечами:

— Ну и что? Для таких дел у нас имеются адвокаты. При жалованье полдоллара в неделю тебе понадобится лет пятьсот, чтобы расплатиться за ущерб. А теперь марш в постель.

— Да, папа.

Наутро юноши позвонили в госпиталь и, узнав, что ночью доктор Каргрейвз спал спокойно, отправились на полигон. Было решено навестить раненого после обеда, а сейчас заняться осмотром злополучного «Звездного штурма-5».

Первым делом следовало найти все обломки, а затем, собрав их вместе, постараться понять, что же произошло. В этом могла бы очень помочь отснятая Артом пленка, но она еще не была проявлена. Сборка обломков была в самом разгаре, когда они услышали от ворот чей-то свист и крик:

— Эй! Кто-нибудь дома?

— Идем! — откликнулся Росс.

Они обошли стену и увидели в воротах высокого плечистого мужчину, столь моложавого и подвижного, что повязка на его голове выглядела неуместно. Это впечатление подчеркивалось дружелюбным выражением его лица.

— Дядя Дон! — воскликнул Арт и бросился ему навстречу.

— Привет, — сказал мужчина. — Так, я полагаю, что ты Арт. Ты повзрослел, но не очень изменился. — Они обменялись рукопожатием.

— Зачем вы поднялись с постели? Вам нужно лежать!

— Только не мне, — заявил дядя. — Я здоров и в доказательство тому удрал из больницы. Познакомь меня с остальными террористами.

— О, простите! Дядя Дон, это Морис Абрамс, а это Росс Дженкинс. Ребята, это доктор Каргрейвз.

— Как поживаете, сэр?

— Рады с вами познакомиться, доктор.

— Взаимно. — Каргрейвз шагнул было в ворота, но потом остановился. — Вы точно знаете, что здесь не заминировано?

— Мы все очень сожалеем, доктор. — Росс помрачнел. — Я и сейчас не пойму, как это могло

случиться: ведь ворота защищены стенкой.

— Стукнуло рикошетом. Забудьте об этом. Ничего страшного не произошло. Лишился клочка кожи да капли крови, и все. Обрати я внимание на предупреждающий знак, и все это осталось бы при мне.

— А как вы попали сюда?

— Резонный вопрос. Меня ведь не приглашали, верно?

— Я не то имел в виду…

— Но я должен объясниться. В общем, вчера, когда я приехал в город, мне уже было известно о клубе «Галилей»: мать Арта обмолвилась о нем в письме. И когда сестра сказала мне, куда ушел Арт и что он собирается делать, я двинул следом в надежде понаблюдать за испытанием. Ваша служанка указала мне дорогу.

— Вы хотите сказать, что пришли сюда посмотреть на наши детские забавы?

— Да, конечно. Меня очень интересуют ракеты.

— Понятно. Но нам, в сущности, нечего вам показать. Ведь мы работали с маленькими моделями.

— Новая модель — это всегда любопытно, а какого она размера и кто ее сделал — совсем

неважно, — серьезно произнес Каргрейвз. — И я хочу взглянуть на вашу работу. Можно?

— Конечно, сэр. Это для нас большая честь.

Росс повел гостя осматривать полигон. Морри помогал объяснять, и Арт изредка вставлял слово. Его лицо раскраснелось от радости: ведь это был *его* дядя, один из великих мира сего, пионер Атомной эры. Они показали гостю испытательный стенд и пульт управления. Каргрейвз выглядел впечатленным увиденным и огорченным потерей «Звездного штурма-5».

На самом деле он действительно был впечатлен. Американские мальчишки любят возиться со всевозможными механизмами, начиная с будильников и кончая раздолбанными тачками. Но привычка планировать исследования и вести записи, без которых невозможна серьезная научная работа, не столь распространена. У троих друзей было самое примитивное оборудование, они располагали весьма ограниченными средствами, но сам подход к делу был безупречен, и ученый понял это с первого взгляда.

Стальные зеркала, призванные отбрасывать лучи прожекторов поверх стены, удивили его.

— К чему так уж беречь лампы прожекторов? — спросил он. — Ведь лампы дешевле нержавейки.

— Зеркала достались нам даром, — объяснил Росс, — а за лампы пришлось бы выкладывать наличные.

Каргрейвз хмыкнул:

— Веская причина. Что ж, ребята, я вижу, что у вас получилась самая настоящая экспериментальная установка. Жалею, что не успел осмотреть ракету до того, как она взорвалась.

— То, что мы мастерим, — робко сказал Росс, — не идет ни в какое сравнение с беспилотными транспортными ракетами, хотя бы почтовыми. Но мы хотели бы сконструировать что-нибудь стоящее и получить приз на конкурсе для школьников.

— А вы уже участвовали в нем?

— Пока нет. Правда, весь наш класс участвовал в прошлом году в конкурсе для новичков. Ничего особенного, обычная пороховая ракета. Но это нас здорово подстегнуло, ведь мы все просто помешаны на ракетах с тех пор, как себя помним.

— Между прочим, многие органы управления выполнены на высоком уровне. Вы их сами сделали или достали готовые?

— О, нет! Мы их сделали сами в школьной мастерской. В ней можно работать после уроков с разрешения мастера.

— Хорошая у вас школа, — позавидовал доктор. — А я вот учился в школе, где не было мастерской.

— Да, у нас неплохое заведение, — признал Росс. — Его называют политехнической школой, и на математику, точные науки и практические занятия у нас отведено гораздо больше времени, чем в большинстве других школ. Но главное — то, что в мастерской можно поработать для себя. Там мы смастерили свой телескоп.

— Так вы еще и астрономы?

— Ну… астроном у нас Морри.

— Правда? — спросил Каргрейвз, повернувшись к Морису.

Тот пожал плечами:

— Не совсем так. У каждого из нас есть свой конек. Росс увлекается химией и готовит горючее. Арт дока по части радиотехники, а еще он свихнулся на кино и фото. На мою долю досталась самая спокойная наука — астрономия.

— Понятно, — серьезно ответил доктор. — У каждого своя ниша. Я уже знал об увлечении Арта. Кстати, Арт, я хочу извиниться: вчера я не утерпел и сунулся в твою лабораторию. Но не пугайся, я там ничего не трогал.

— Ради бога, дядя, я ничуть не беспокоюсь.

— Арт залился краской. — Но у меня там жуткий кавардак.

— У тебя нормальная рабочая лаборатория, а не какая-нибудь гостиная. Я видел у тебя лабораторные журналы… нет-нет, я к ним даже не притрагивался.

— Мы все ведем записи, — сообщил Морри. — Это влияние Дженкинса-старшего.

— Вот как?

— Папа сказал мне, — объяснил Росс, — что ему все равно, чем я буду заниматься, лишь бы это было не на уровне заводных игрушек. Он научил меня вести записи и просматривал их, требуя полноты и ясности. Со временем я уразумел, что это весьма полезно, и отец перестал меня проверять.

— А он вам помогал?

— Нет. Он говорил, что наши конструкции — это как бы наши дети и мы должны вырастить их самостоятельно.

Когда ошметки «Звездного штурма» были собраны, Росс осмотрел детали:

— Похоже, мы ничего не упустили.

Они собрались было устроить заседание клуба в сарае, оставшемся на площадке с тех пор, когда здесь стояла ферма, но тут Морри предложил:

— Погодите-ка. Может, стоит поискать осколок, оглушивший доктора Каргрейвза?

— Это правильно, — согласился ученый. — Будет интересно взглянуть на этот самый тяжелый тупой предмет — осколок, шрапнель, бомбу или что там свалилось мне на голову. Хотелось бы знать, насколько я был близок к тому, чтобы отдать концы.

На лице Росса появилось озадаченное выражение.

— Арт, поди сюда, — произнес он, понизив голос.

— Я здесь. Что случилось?

— Никак не пойму, какой детали недостает.

— Какая разница? — ответил Арт, но тем не менее склонился над ящиком, в который были уложены обломки, и внимательно изучил его содержимое; подняв голову, он удивленно сказал: — Росс…

— Мм?

— По-моему, здесь все.

— Мне тоже так кажется. И все-таки чего-то должно не хватать.

— А не лучше ли поискать на месте, где меня шарахнуло? — предложил Каргрейвз.

— Точно!

Они вместе облазили все вокруг, но ничего не нашли. Тогда было решено начать тщательный систематический поиск — такой, чтобы наверняка обнаружить даже муравья. Они нашли центовую монетку и наконечник индейской стрелы, но ничего похожего на обломок взорвавшейся ракеты тут не было.

— Так мы зайдем в тупик, — заявил доктор. — Скажите лучше, где я лежал, когда вы нашли меня.

— Вы лежали в воротах, — ответил Морри. — Лицом вниз и…

— Погоди-ка. *Лицом вниз*, говоришь?

— Да. Вы…

— Но каким образом это могло получиться? Когда меня вырубило, я стоял лицом к стенду. Я точно это помню. И должен был упасть навзничь.

— Э-э… но я уверен, что вы лежали не на спине. Вы же сами говорили, что могло отлететь рикошетом.

— Хм… возможно.

Доктор огляделся по сторонам. Вблизи ворот не было ни одного предмета, от которого мог бы срикошетить осколок. Устремив взгляд на место, где лежал, доктор что-то пробормотал про себя.

— Что вы говорите?

— А? Ничего, пустяки. Довольно об этом. Мне пришла в голову одна бредовая мысль… Но этого быть не могло! — Он тряхнул головой, как бы отгоняя наваждение. — Ладно, не будем терять время на этот мой «тупой предмет». Мне просто было любопытно. Пошли обратно.

Сарай-клуб представлял собой одноэтажное каркасное здание площадью около двадцати квадратных футов. Вдоль одной его стены располагался лабораторный стол Росса, заставленный обычным оборудованием: бунзеновскими горелками, штативами для пробирок и какими-то неуклюжими конструкциями из изогнутых стеклянных трубок. Рядом была укреплена сдвоенная раковина, такая древняя и грязная, будто ее купили у старьевщика. Один конец стола был занят самодельным вытяжным шкафом со стеклянной дверцей. У соседней стены на отдельном бетонном основании покоились старые, но очень хорошие прецизионные весы, покрытые колпаком.

— Если бы у нас был еще и кондиционер, — сказал Росс доктору, — здесь стало бы совсем хорошо.

— Да, неплохо вы тут устроились, — заметил

Каргрейвз.

Мальчики заделали трещины в грубой кладке, обшили стены досками и покрасили водостойкой эмалью. Линолеум на полу, как и раковина, был старый, но выглядел сносно, двери и окна были старательно пригнаны и плотно закрывались. Повсюду царили порядок и чистота.

— На результатах ваших опытов могут отразиться колебания влажности воздуха. Вы действительно планируете поставить кондиционер?

— Теперь уже все равно. Похоже, клуб «Галилей» сворачивает свою деятельность.

— Почему? Очень жаль!

— И да и нет. Осенью мы все собираемся поступать в колледж.

— Понятно. А как же остальные члены клуба?

— Все остальные уже разъехались: кто учиться, кто служить в армии. Наверное, можно было найти еще ребят, но мы даже не пытались. Нам… очень хорошо работать втроем, и мы… ну, вы знаете, как это бывает.

Каргрейвз кивнул. Он понимал, «как это бывает», пожалуй, даже лучше самих мальчиков. Они втроем занимались серьезной работой. Большинству их сверстников хватило бы пороху лишь

на починку какого-нибудь старого автомобиля, чтобы потом гонять на нем со скоростью сто миль в час. Заниматься научными исследованиями и вести записи им было бы скучно.

— Что ж, это хорошее место. Жаль, его с собой не заберешь.

Напротив стола вдоль стены стоял низкий и широкий мягкий диван. Арт и Морри прислушивались к разговору, уютно устроившись на подушках. К стене над их головой были привинчены книжные полки, где с Жюлем Верном соседствовал «Справочник инженера» Мерка. Каргрейвз приметил и других своих старых знакомых: «Семь знаменитых романов» Уэллса, «Справочник по физике и химии», «Атомную энергию в военных целях» Смита. Бок о бок с пухлыми томами «Ракет» Лея и «Природы физического мира» Эддингтона пристроились дюжины дешевых журнальчиков с роботами и звездолетами на обложках. Сняв с полки зачи-

танный том «Когда земля вздрогнула» Хаггарда[1], доктор втиснулся на диван между мальчиками. Он чувствовал себя как дома. Глядя на ребят, он все больше узнавал в них самого себя.

— Простите меня, — сказал Росс, — но мне нужно заскочить домой.

— Да-да, конечно, — пробормотал Каргрейвз, не отрываясь от книги.

Росс вернулся очень быстро.

— Мама хочет, чтобы вы все остались на обед, — объявил он.

Морри улыбнулся. На лице Арта появилось страдальческое выражение.

— Моя мама считает, что я слишком часто завтракаю у вас, — робко возразил он, глядя на дядю.

---

[1] Примечания: 1

«Справочник инженера» Мерка — выдержавшая многие издания популярная настольная книга любого инженера в 30-40-х гг. XX в. *«Семь знаменитых романов»* (или «Семь научно-фантастических романов Г. Дж. Уэллса») — выпущенный в США в 1934 г. однотомник, в который вошли романы «Машина времени», «Остров доктора Моро», «Война миров», «Когда спящий проснется», «Пища богов», «Первые люди на Луне» и «Освобожденный мир». *«Атомная энергия в военных целях»* Генри Де Вольфа Смита — официальный доклад по разработке атомной бомбы под покровительством правительства Соединенных Штатов, опубликован в 1945 г. Принстонским университетом. *«Ракеты»* — книга об истории, технике и перспективах космических исследований немецкого ученого и писателя-популяризатора Вилли Лея (1906–1969), эмигрировавшего в США в 1935 г. *«Природа физического мира»* — книга сэра Артура Стэнли Эддингтона (1882–1944), английского астронома, физика и писателя, опубликованная в 1929 г. *«Когда земля вздрогнула»*

(1919) — роман о гибели Атлантиды английского писателя сэра Генри Райдера Хаггарда (1856–1925).

Каргрейвз потянул его за руку.

— Беру ответственность на себя, — уверил он племянника и повернулся к Россу: — Передай матери, что мы с благодарностью принимаем ее приглашение.

За обедом взрослые разговаривали, а мальчики прислушивались к беседе. Ученый, чей марлевый тюрбан выглядел еще более нелепо, чем раньше, хорошо поладил со старшими Дженкинсами. Завоевать расположение миссис Дженкинс было нетрудно, она выглядела бы весело и дружелюбно даже на пиру каннибалов. Но мистер Дженкинс удивил мальчиков — до с их пор им не доводилось видеть его таким общительным.

Ребят поразили его обширные познания в области атомной физики. Юноши были заражены обычным скепсисом в отношении умственных способностей взрослых. Разумеется, они уважали мистера Дженкинса, но все же подсознательно воспринимали его как некий пережиток прошлого, ведь слишком многие из его ровесников так и не сумели понять, что после Аламогордо, Нью-Мексико, 16 июля 1945 года, мир полностью

и необратимо преобразился[2].

Оказалось, что мистер Дженкинс знает, кто такой доктор Каргрейвз, знает, что тот вплоть до самого последнего времени работал в Североамериканской атомной корпорации. Юноши внимательно слушали, стараясь разузнать о дальнейших планах доктора, но мистер Дженкинс не расспрашивал его, а Каргрейвз предпочел не распространяться на эту тему.

После обеда трое мальчиков и их гость вернулись в клуб.

Растянувшись на диване, Каргрейвз рассказывал о своей жизни и работе в Окридже, где чавкающая липучая грязь на улицах казалась ему куда более мерзкой, чем постоянная опасность радиоактивного заражения. Рассказывал он и старую, но все еще свежую и волнующую историю о том, как хмурым дождливым утром в пустыне Нью-Мексико огромный пурпурно-золотистый гриб поднялся в стратосферу, возвещая о том, что человечество овладело энергией звезд.

Потом доктор заявил, что хочет дочитать най-

---

[2] Примечания: 2

Имеется в виду испытание первой из трех созданных в 1945 г. американских атомных бомб. Операция имела кодовое обозначение «Тринити» («Троица»). Взрыв был произведен в 5 часов 30 минут 16 июля. Именно этот взрыв обозначил начало Атомной эры.

денную им книгу Хаггарда. Росс и Морри занялись делами, а Арт взялся за журнал. Он то и дело поглядывал на своего обожаемого дядю и заметил, что Каргрейвз очень редко переворачивает страницы.

Наконец доктор отложил книгу.

— Вы, ребята, разбираетесь в ядерной физике?

— Так себе, — ответил Морри, переглянувшись с товарищами. — Учитель физики кое-что нам рассказывал, но в домашней лаборатории этим не займешься.

— Верно. Но она вас интересует?

— Еще бы, конечно! Мы прочли все, что смогли достать, — и Полларда, и Дэвидсона, и новую книгу Гамова[3]. Но мы еще недостаточно подкованы в математике.

— До каких разделов вы уже дошли?

— Мы умеем решать дифференциальные уравнения.

— Неужели? — удивленно спросил Каргрейвз. — Погодите-ка, ребята, но ведь вы еще школьники.

---

[3] Примечания: 3

Дж. Поллард и У. Дэвидсон — американские ученые-физики, авторы университетских курсов элементарной и ядерной физики. *Георгий (Джордж) Гамов* (1904–1968) — русский по рождению американский ядерный физик и космолог, защитник теории Большого взрыва, автор гипотезы о генетическом коде.

— Окончили школу в этом году.

— Так в программу средней школы входят дифференциальные уравнения? Черт, похоже, я безнадежно отстал от жизни.

— Это эксперимент, — объяснял Морри, как будто оправдываясь. — Если вы сдадите экзамен, вам читают смешанный курс: алгебра, до квадратичных форм включительно, планиметрия и стереометрия, плоская и сферическая тригонометрия, аналитическая геометрия на плоскости и в пространстве — все скопом. Закончив этот цикл — а его можно усваивать быстро или медленно, смотря по способностям, — ты приступаешь к…

— Пока я возился с нейтронами, мир не стоял на месте, — произнес доктор Каргрейвз, качая головой. — Ну что ж, юные дарования, такими темпами вы уже очень скоро приступите к квантовой теории и волновой механике. И как это преподаватели решились так вас загружать? Вы понимаете аксиоматический подход к математике?

— В общем-то, да.

— Ну-ка?

Морри набрал полную грудь воздуха.

— Ни один из разделов математики, даже арифметика, не описывает существующую ре-

альность. Вся математика умозрительна и не связана напрямую с окружающим миром, за исключением тех случаев, когда оказывается удобно выражать явления природы через понятия математики.

— Хорошо. Дальше.

— Но даже и в этом случае результаты математики не бывают реальными, хотя они «верны» в том смысле, как их понимали древние. Каждая математическая система основана на произвольных допущениях, называемых постулатами. В древности их именовали аксиомами.

— Прекрасно, парень! Ну а теперь об операционном подходе к научной теории. Нет, пусть Арт расскажет.

Тот смутился. Морри, явно довольный собой, с облегчением передал слово ему.

— Ну… операционный подход — это… э-э… построение теории в терминах выполняемых операций, например измерений, отсчета времени и тому подобного, чтобы не извлекать из эксперимента факты, которых в нем нет.

Каргрейвз кивнул:

— Прекрасно. Я вижу, ты понимаешь, о чем говоришь. — Он помолчал и добавил: — А вы всерьез интересуетесь ракетами?

На сей раз ответил Росс:

— Ну… конечно интересуемся. Мы и впрямь хотим выиграть этот конкурс.

— И только?

— По правде сказать, нет. Мы все надеемся, что, может быть, однажды…

Его голос прервался.

— Мне кажется, я понял. — Каргрейвз выпрямился. — Но при чем здесь конкурс? Ведь вы сами сказали, что модель всегда будет проигрывать настоящим ракетам. Премии дают только для того, чтобы поддерживать интерес к ракетостроению. Когда я был мальчишкой, то же самое происходило с авиамоделированием. Но вы, ребята, способны на большее, так почему бы вам не задуматься о вещах посерьезнее и не побороться за *главный приз*?

Три пары глаз уставились на него.

— Что вы имеете в виду?

Каргрейвз пожал плечами:

— Почему бы вам не полететь со мной на Луну?

3

Колумб по сниженным ценам

В помещении клуба воцарилась тишина, такая осязаемая, что ее можно было нарезать на куски и наделать бутербродов. Росс первым обрел дар речи.

— Вы это серьезно говорите? — сдавленным голосом произнес он.

— Отчего же нет? — спокойно отвечал доктор Каргрейвз. — Я не шучу. Предлагаю вам совершить путешествие на Луну. Я хочу полететь туда с вами. Арт, — добавил он, — закрой рот, не то челюсть отвалится.

Племянник судорожно сглотнул, пошевелил губами, словно хотел что-то сказать, и снова разинул рот.

— Но послушайте… — Слова потоком хлынули из него. — Дядя Дон, если вы возьмете нас собой… я хочу сказать, как мы сможем… а если сможем, что мы будем использовать в качестве… Каким образом вы предлагаете…

— Спокойно, спокойно! — возразил Каргрейвз. — Помолчите минутку, и я все объясню. А после вы обмозгуете и решите, стоит ли вам связываться со мной.

Морис хлопнул ладонью по стоявшему рядом

лабораторному столу:

— Мне все равно, на чем вы собираетесь лететь, хоть на метле! Я с вами.

— И я, — быстро добавил Росс, облизывая губы.

Арт негодующе посмотрел на товарищей:

— А я что, отказывался? Я только спросил… Черт возьми! Я тоже с вами, вы же знаете.

Молодой ученый слегка поклонился, не вставая с места:

— Джентльмены, я благодарен вам за доверие, но будем считать, что никаких обязательств на себя вы еще не брали.

— Ну и что…

— Тише, — попросил доктор. — Раскрою вам свои карты, а уж потом мы обсудим дело. Вы, ребята, когда-нибудь давали клятву?

— Было дело. Мы принимали скаутскую присягу.

— А мне однажды пришлось свидетельствовать в суде.

— Отлично. Вы должны дать слово, что без моего согласия не станете никому рассказывать о том, что я вам сейчас сообщу, независимо от того, выгорит у нас дело или нет. Конечно, вы не обязаны молчать дольше, чем вам позволит совесть. Разумеется, вы можете нарушить обеща-

ние в том случае, если у вас появятся моральные или правовые основания, но до тех пор вы будете хранить тайну. Полагаюсь на вашу честь. Ну как, согласны?

— Да, сэр!

— Конечно!

— Еще бы!

— Ну что ж, — произнес Каргрейвз, откидываясь на спину, — это просто формальность, чтобы убедить вас в необходимости держать рот на замке. Зачем это нужно — поймете позже. А теперь о деле: я всю жизнь мечтал дожить до того дня, когда человечество покорит космос и начнет осваивать другие миры. И я хотел принять участие в этом деле. Думаю, вы понимаете меня. — Он обвел рукой книжные полки. — Эти мысли мне внушили те самые книги, которые читаете и вы. К тому же вы в достаточной степени безрассудны, чтобы разделить мои чувства. Все, что я видел на ракетном полигоне, здесь и вчера в лаборатории Арта, свидетельствует о том, что вам мало мечтать и читать книги. Вы хотите что-то сделать. Верно я понимаю?

— Конечно! — воскликнули все в один голос.

Каргрейвз кивнул:

— В ваши годы я мыслил точно так же. Первый

диплом я получил как инженер-механик, считая, что ракеты — это только механика и ничего другого мне не потребуется. Получив диплом, я поработал инженером, пока не накопил денег, чтобы вновь пойти учиться. Я понял — господи, да разве я один? — что без атомной энергии нечего и думать о создании звездолетов, и получил докторскую степень по ядерной физике. Затем были война и Манхэттенский проект[4].

Наступила Атомная эра, и многие люди считали, что космические перелеты начнутся едва ли не завтра. Они заблуждались. Никто не знал способа обуздать атом и заставить его двигать ракету. Известно ли вам почему?

— Э-э… думаю, да, — нерешительно произнес Росс.

— Поделись догадками.

— Для ракеты нужна масса, умноженная на скорость, очень немного массы, отбрасываемой струей, и очень большая скорость. Но при ядерной реакции массы освобождается очень мало, а энергия практически целиком уходит в излучение, которое беспорядочно рассеивается и не

[4] Примечания: 4

Проект «Манхэттен» — кодовое обозначение секретного института, который был создан в 1942 г. в США для разработки и создания ядерной бомбы под руководством генерала Лесли Гровса.

образует направленной струи. Но…

— Так, так, и что же?

— И все-таки *должен быть* способ использовать эту силу. Уж больно много энергии содержится в такой мизерной массе — тут должен быть *хоть какой-то* способ.

— Именно об этом я и думал, — с улыбкой сказал Каргрейвз. — Мы построили атомные станции, дающие больше энергии, чем гидростанция Боулдер. Мы создали атомные бомбы, по сравнению с которыми те две, которые были использованы во время войны, не более чем петарды. Мы умеем добывать энергию и умеем ее разбрасывать. И все же нам не удалось запрячь эту энергию в ракету. Помимо этой существуют и другие сложности. Вы знаете, что на атомных электростанциях имеется мощная защита, ограждающая персонал от смертоносных лучей. А это означает огромный вес. Для ракеты же вес — это все. За каждую сотню фунтов мертвого веса мы расплачиваемся горючим. Представьте себе, что защитная оболочка весит всего лишь тонну. Сколько горючего придется израсходовать, а, Росс?

Росс поскреб в затылке:

— Это зависит от используемого топлива, от устройства ракеты… от того, какие задачи ей

придется решать.

— Верно, — заметил ученый. — Я задал тебе вопрос, на который нельзя ответить однозначно. Ну, ладно, допустим, у нас ракета на химическом топливе, предназначенная для полетов на Луну. Массовое отношение примем равным двадцати к одному. Тогда, имея защитную оболочку весом в одну тонну, мы теряем двадцать тонн топлива.

— Погодите, дядя Дон, — вмешался Арт.

— Слушаю тебя.

— Если речь идет о *химическом* топливе, скажем о спирте с жидким кислородом, то защитная оболочка не требуется.

— Верно, тут ты меня поймал. Но я привел этот пример только для иллюстрации. В случае атомной энергии и при разумном подходе к делу массовое отношение можно снизить, скажем, до одного к одному. Тогда на одну тонну материала защиты придется потратить лишь одну тонну топлива. Устраивает это вас?

Арт заерзал от возбуждения:

— Еще бы! Да ведь это будет *настоящий* космический корабль, мы сможем отправиться на нем куда угодно!

— Но пока мы на Земле, — суховато произнес его дядя. — Я лишь высказал *предположение*. Не

следует запускать двигатель, пока ты не готов отправиться в полет. Есть и третья сложность: атомной энергией трудно управлять. Атомный двигатель не так-то просто включить, а заглушить — и того труднее. Впрочем, об этом рано думать. И все же я уверен: мы сможем отправиться на Луну.

Он помолчал. Юноши напряженно ждали продолжения.

— Мне кажется, я нашел способ использовать атомную энергию в ракетном двигателе.

В ответ — ни бурных восторгов, ни рукоплесканий, ни проникновенных речей вроде «в этот исторический момент я хотел бы сказать...». Наоборот, мальчики ждали затаив дыхание.

— Я не собираюсь сейчас вдаваться в подробности. Если мы начнем работать вместе, вы и так все узнаете.

— Начнем! Мы готовы!

— Конечно же!

— Надеюсь. Я пытался заинтересовать фирму, в которой работал, но они не загорелись идеей.

— Боже праведный! Они отказались?

— Основная задача всякой корпорации — получение прибыли. Они в ответе перед своими акционерами. Может быть, вам известен легкий

способ извлечения прибыли из полета на Луну?

— Вздор! — подал голос Арт. — Ради такого дела они должны были рискнуть всем своим капиталом!

— Ну, что ты! Дела так не делаются. Не забывай, что они распоряжаются деньгами других людей. Ты, вообще-то, представляешь, во сколько может обойтись коммерческая научно-техническая разработка проекта столь обширного, как полет на Луну?

— Нет, — признался Арт. — Думаю, очень много тысяч.

— Скорее около сотни тысяч, — предположил Морри.

— Уже близко. Технический директор нашей компании вычислил предварительную сумму: миллион с четвертью.

— Вот это да!

— Он хотел лишь продемонстрировать, что коммерческой выгоды моя затея не принесет, и пытался уговорить меня разработать двигатель для судов и железнодорожного транспорта. Я подал в отставку.

— И слава богу!

— Мне кажется, я понял, — задумчиво произнес Морри, — почему вы хотите сохранить это дело в

тайне. Ваша разработка — собственность фирмы, в которой вы работали.

Каргрейвз энергично помотал головой:

— Вовсе нет. Вы, конечно же, имели бы право протестовать, попытайся я втянуть вас в махинацию, связанную с использованием чужих патентных прав, даже если эти права кто-то присвоил с помощью кабального контракта. — В его голосе звучала почти что ненависть. — Мой контракт не был таким. Компания приобрела права на мои идеи лишь в тех аспектах, которые касаются конечной цели разработки — получения энергии. А все остальное принадлежит мне. Я расстался с фирмой по-хорошему. И не стану их ни в чем упрекать. Когда королева отправляла Колумба в дальнюю дорогу, никто не ждал, что он вернется с Эмпайр-стейт-билдинг в кармане.

— Тьфу! — сказал Росс. — Эти большие призы не так велики, как может показаться. Поэтому никто ради них особенно и не старается. Никакой приз не покроет расходов, если речь идет о таком грандиозном проекте, как ваш. Короче, все это попахивает большим надувательством, верно?

— Ну, не совсем так, но ты в изрядной степени прав, — согласился Каргрейвз. — Максимальная премия составляет около двухсот пятидесяти ты-

сяч, но такая сумма не соблазнит ни «Дженерал электрик», ни «Дюпон», ни Североамериканскую атомную корпорацию. Для крупных исследовательских центров такие деньги также не представляют особого интереса. Они не станут мелочиться, если им не будут светить никакие дополнительные источники доходов. В сущности, большинство премий выплачивают те же самые корпорации. — Каргрейвз выпрямился. — Но мы можем побороться за этот приз!

— Как это?

— Плевать на деньги! Я хочу отправиться в космос! — воскликнул Росс.

— И я тоже! — подхватил Арт.

— Значит, мы с вами заодно. Как это сделать — расскажу, когда мы с вами обо всем договоримся. Конечно, я не смогу вложить в проект миллион, но думаю, что можно будет обойтись и более скромными средствами. Нам нужен корабль. Нам потребуется топливо. Нам надо обеспечить конструкторские разработки и заказать кучу деталей в мастерских. Еще предстоят расходы на снаряжение. Из всего этого у меня есть только корабль.

— Правда? Настоящий *космический корабль*? — Арт вытаращил глаза.

— Я могу купить трансатлантическую грузовую ракету по цене лома. Ракета в хорошем состоянии, но компания решила заменить свои корабли на более экономичные беспилотные аппараты. Они предложили мне ракету марки «V-17», которая не подходит для переоборудования в пассажирскую. Если я ее не куплю, она пойдет в переплавку. А если куплю, то останусь без гроша в кармане. Комиссия ООН по атомной энергетике может выделить старому члену Всемирной ассоциации ученых-ядерщиков вроде меня, — тут Каргрейвз невесело усмехнулся, — расщепляющийся материал для экспериментальных целей. Для этого, правда, нужно согласие директората ассоциации, но я сумею его получить. Я хочу приобрести торий, а не плутоний или уран-235. Сейчас неважно почему. Но на воплощение замысла не хватит даже моих вполне приличных средств. Я пытался решить эту проблему и заключил ряд контрактов на лекционные выступления и научные исследования. И тут я встретил вас, ребята.

Доктор встал, вглядываясь в лица юношей.

— Переоборудовать «V-17» в космический корабль несложно. Но для этого потребуются умелые руки, светлые головы и воображение, чтобы понимать, что и как делать. Вам придется

стать механиками, инженерами, станочниками, специалистами по приборам и в будущем — моим экипажем. Вам придется напряженно трудиться, не чураясь черной работы, а при этом еще и готовить себе обед. Лично я могу обещать только кофе с булочками и великолепную возможность свернуть себе шею. Быть может, корабль так и не оторвется от земли. А если такое случится, вам, вполне возможно, не удастся даже поделиться с кем-нибудь своими впечатлениями. Короче, все выглядит не слишком-то романтично. Я загоняю вас так, что вам станет тошно от одного лишь моего вида, а в конечном итоге, может, ничего и не выйдет. Вот такое у меня предложение. Обдумайте и сообщите решение.

Воцарилась нервозная тишина, словно перед землетрясением. Затем ребята вскочили на ноги и загалдели все разом. Было трудно разобрать, что они кричали, но решение было единогласным: клуб «Галилей» желает лететь на Луну. Шум утих. Каргрейвз заметил, что лицо Росса вдруг омрачилось.

— Что такое? Уже струхнул?

— Да нет. — Росс покачал головой. — Я просто подумал, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Возможно, возможно. Думается, твое волнение можно понять. Родители?

— Черт! Ну конечно! Мне кажется, наши предки нипочем нас не отпустят!

4

Кровь пионеров

Каргрейвз молча смотрел на расстроенных ребят. Он прекрасно понимал, с чем им придется столкнуться. Не может же молодой человек эдак небрежно заявить отцу: «Да, кстати, старик, давай-ка забудем о наших планах, связанных с моим поступлением в колледж. Мне нынче недосуг, я договорился с Дедом Морозом о встрече на Северном полюсе». Именно поэтому доктор долго колебался, прежде чем выложить свою идею. Наконец он произнес:

— Боюсь, каждому из вас придется решать за себя. Обещание, которое вы мне дали, не распространяется на ваших родителей. Но все же попросите их не злоупотреблять вашим доверием. Мне бы не хотелось, чтобы наши планы попали в новости.

— Но послушайте, доктор, — заговорил Морри. — Излишняя таинственность может повредить,

если наши родители решат, что все это не более чем детская игра. Почему бы вам не поговорить с ними, рассказав только то, что вы считаете необходимым?

— Нет, — ответил Каргрейвз. — Ведь это *ваши* родители. Если они пожелают встретиться со мной, я, конечно, отвечу на все их вопросы. Но убедить их, что вы всерьез беретесь за этот проект, придется вам самим. А что касается таинственности, то вот ее причина: сейчас патентоспособен только один аспект моего изобретения, и по правилам конвенции ООН по атомной энергии любой желающий может приобрести лицензию. Патентом распоряжается компания, но ракетный двигатель в патенте не значится. Сама же идея использовать изобретение в качестве удобного и недорогого средства передвижения в космосе принадлежит мне, и только мне. Я не хотел бы, чтобы кто-нибудь побогаче деньгами и ресурсами меня обошел. Незадолго до старта мы известим репортеров, быть может, только для того, чтобы они сообщили о нашей гибели при запуске.

Но ваши возражения обоснованны, — добавил он, — нам ни к чему изображать из себя сверхсекретную лабораторию сумасшедшего ученого из комиксов. Я постараюсь убедить ваших ро-

дителей.

Доктор Каргрейвз сделал исключение только для матери Арта. В конце концов, она была его родной сестрой. После ужина он прогнал Арта в лабораторию и, помогая сестре вытирать посуду, рассказал о своих планах. Она слушала его молча.

— Ну, что скажешь?

Женщина сидела неподвижно, не глядя на брата, и комкала в руках носовой платок.

— Дон, ты не можешь так со мной поступить.

Каргрейвз молча ждал.

— Я не в силах отпустить его, Дон. Мой сын — все, что у меня осталось. С тех пор, как не стало Ганса…

— Я знаю, — мягко заговорил доктор. — Но Ганс умер, когда Арт был еще малышом. Нельзя подрезать крылья сыну из-за гибели мужа.

— Думаешь, от этого легче? — Она чуть не плакала.

— Нет, не думаю. Но именно ради памяти Ганса ты не должна закутывать сына в вату. Ганс был мужественным человеком. Будь он слабаком, он остался бы в Институте Кайзера Вильгельма. Но он был истинным ученым и не пожелал жертвовать своими принципами в угоду политическим

бандитам. Он…

— И это стоило ему жизни!

— Знаю. Но не забывай, Грейс, что, если бы ты не была американкой, ты не сумела бы вытащить его из концлагеря.

— Не понимаю, при чем тут это. О! Тебе надо было бы посмотреть на него, когда они его выпустили. — По лицу женщины текли слезы.

— Я помню, каким он появился в Америке, — мягко сказал доктор Каргрейвз. — Зрелище было не из веселых. А то, что ты американка, действительно очень важно. В нашей стране достаточно прочны традиции свободы, личной свободы, научной свободы. Чрезмерная осторожность и слабоволие — злейшие враги свободы. Будь Ганс жив, он и сам бы отправился со мной, ты знаешь это. Ради его памяти ты не имеешь права держать мальчишку в клетке. И ты не сможешь удержать мальчика у своего подола навсегда. Пройдет пара лет, и тебе все равно придется отпустить его шагать своей дорогой.

Сестра молчала, склонив голову. Каргрейвз тронул ее за плечо:

— Обдумай все это, сестренка. А я уж постараюсь вернуть твое чадо целым и невредимым.

Когда спустя некоторое время Арт поднялся

по лестнице, мать все еще сидела в комнате и ждала его.

— Артур?

— Да, мам?

— Ты хочешь полететь на Луну?

— Да, мама.

Она глубоко вздохнула и твердым голосом произнесла:

— Веди там себя хорошо. Слушайся дядю, Артур.

— Обещаю тебе, мама.

После обеда Морису удалось на минутку отозвать отца в сторону:

— Папа, я хочу поговорить с тобой как мужчина с мужчиной.

— А как же еще?

— Да нет, на сей раз все серьезно. Я знаю, что ты хотел бы сделать из меня предпринимателя, но все же согласился отпустить меня в тех.

Отец кивнул:

— Бизнес не пострадает. Мы гордимся учеными, которые есть в нашей семье. Твой дядя Бернард хороший хирург. И разве кто-нибудь требует, чтобы он занимался еще и бизнесом?

— Все так, папа, но дело в том, что я не хочу в тех.

— И что же? Пойдешь в какой-нибудь другой институт?

— Нет, я совсем не пойду учиться.

И Морри на одном дыхании, стараясь выложить все как можно быстрей, рассказал ему про план Каргрейвза. Он хотел объяснить отцу положение прежде, чем тот примет опрометчивое решение. Отец слушал, покачиваясь с пяток на носки.

— Значит, теперь это Луна? А на следующей неделе это будет Солнце. Человек должен остепениться, если он хочет чего-то добиться в жизни, Морис.

— Верно, папа, но ведь *как раз это* я и хочу сделать.

— И когда же вы начинаете?

— Так ты отпускаешь меня? Разрешаешь?

— Спокойно, Морис, я не сказал «да», но не сказал и «нет». Прошло уже порядочно времени с того дня, как ты встал перед общиной и произнес: «Сегодня я уже мужчина...»[5] И это означало, что

---

[5] Примечания: 5

То есть семья Мориса принадлежит к общине квакеров, секте протестантов, которая возникла в Англии в XVII в. Основал ее религиозный деятель и писатель Джон Фокс (1642–1691). Сами себя они называют «обществом друзей», а квакерами («трясущимися») их прозвали за пацифизм, одну из базовых черт общины. В шестнадцать лет каждый вступающий в общину — из детей общины — произносит вышеприведенную фразу и клянется быть верным принципам безусловной честности, обязательного труда, уважения к старшим и т. д.

в тот момент ты действительно стал мужчиной. Прошли времена, когда я разрешал и запрещал, теперь я могу только советовать. И я советую тебе забыть об этой затее. Я думаю, что это просто глупость.

Морри застыл в почтительном, но упрямом молчании.

— Подожди неделю, а потом приходи ко мне, и мы поговорим о твоих планах. Шансы свернуть себе шею в этом предприятии весьма велики, не так ли?

— Ну… да, думаю, да.

— Неделя — не такой уж большой срок, если речь идет о решении покончить жизнь самоубийством. До той поры ничего не говори матери.

— Еще бы!

— Если ты все же решишь лететь, я сам сообщу ей об этом. Но, Морри, нашей маме эта затея явно не понравится.

Наутро Дженкинс-старший позвонил Каргрейвзу и попросил его приехать, если позволяют обстоятельства. Доктор согласился с таким чувством, будто его вызывают «на ковер». В гостиной он застал и мистера, и миссис Дженкинс. Росса не было. Дженкинс обменялся с гостем рукопожатием и усадил его в кресло.

— Сигарету, доктор? Сигару?

— Нет, спасибо.

— Если вы курите трубку, — добавила миссис Дженкинс, — то, пожалуйста, не стесняйтесь.

Доктор поблагодарил ее и с удовольствием принялся набивать трубку табаком.

— Росс недавно рассказал мне странную историю, — приступил к делу мистер Дженкинс. — Если бы я не относился к нему с доверием, я решил бы, что у него разыгралось воображение на почве переутомления. Может быть, вы сумеете нам все объяснить?

— Постараюсь, сэр.

— Буду вам очень признателен. Итак, правда ли, что вы намерены отправиться в путешествие на Луну?

— Чистая правда.

— Понятно. Но верно ли, что вы пригласили участвовать в этой фантастической авантюре Росса и его приятелей?

— Да. — Каргрейвз с удивлением поймал себя на том, что едва не прокусил мундштук трубки.

Мистер Дженкинс пристально посмотрел на него:

— Честно говоря, я удивлен. Даже если проект безопасен и выверен, ваш выбор партнеров

кажется мне опрометчивым. Ведь они еще мальчишки.

Каргрейвз объяснил, почему молодые люди кажутся ему вполне подходящими помощниками.

— Во всяком случае, — заключил он, — молодость не помеха. Подавляющее большинство ученых, занятых в проекте «Манхэттен», были очень молоды.

— Но они не были мальчишками, Дон.

— Это верно. Но Исаак Ньютон изобрел интегральное исчисление в юном возрасте. Профессор Эйнштейн опубликовал свой труд по теории относительности в двадцать шесть лет, а сама работа была выполнена еще раньше. В технических науках и физике возраст особой роли не играет. Главное здесь — навыки и способности.

— Даже если и так, доктор, им нужно многому учиться. И потратить немало сил, чтобы подготовиться к работе, которую вы предлагаете. Требуются годы, чтобы обучить инженера, еще больше времени, чтобы натаскать инженера-конструктора или специалиста по приборам. Черт побери, я сам инженер и знаю, о чем говорю.

— При обычных обстоятельствах я бы с вами согласился. Но эти ребята обладают именно тем, что мне нужно. Вы знакомы с их работой?

— Немного.

— И что вы о ней думаете?

— Они проделали хорошую работу — для их уровня знаний.

— И они знают именно то, что нужно для моего предприятия. Они помешаны на ракетах. Отдаваясь своему увлечению, они приобрели те специальности, которые мне нужны.

Мистер Дженкинс немного поразмыслил над этим, потом покачал головой:

— Готов согласиться, что в ваших словах есть доля истины. Но сама затея представляется слишком уж фантастичной. Я не хочу сказать, что космические полеты невозможны. Я уверен, что технические трудности, которые тут возникают, в скором времени будут преодолены. Но космический полет не относится к числу задач, которые решаются в домашней мастерской. Конечно, его осуществят — военные или одна из крупных корпораций. Но не вчерашние школьники.

Каргрейвз покачал головой:

— Правительство не желает с этим связываться. Конгресс встретит такое предложение взрывом смеха. Что же до корпораций, то у меня есть основание утверждать, что ни одна из них не станет заниматься такого рода проектом.

Мистер Дженкинс устремил на него испытующий взгляд:

— В таком случае нам с вами, похоже, не дожить до начала космической эры.

— Я бы этого не сказал, — возразил ученый. — Кроме США на Земле есть и другие государства. И я не удивился бы, услышав одним прекрасным утром, что русские вышли в космос. Они располагают высокоразвитыми технологиями и, по-видимому, не скупятся финансировать науку. Вполне возможно, что они первыми создадут космический корабль.

— А если они и впрямь сделают это, что тогда?

Доктор глубоко вздохнул.

— Я ничего не имею против русских: если они обгонят меня и первыми высадятся на Луне, я готов снять перед ними шляпу. Но я предпочитаю нашу систему и полагаю, что это будет черный день для нас. Очень жаль, если они сделают что-то великое и чудесное, в то время как мы при всех наших возможностях окажемся не готовы даже взяться за это. Во всяком случае, — заключил он, — я патриот и хочу, чтобы это сделали *мы*, а не какая-то другая страна.

Мистер Дженкинс кивнул и сменил тактику:

— Даже если трое ребят обладают нужными

знаниями и навыками, я все равно не понимаю, почему вы выбрали подростков. Честно говоря, ваш проект больше всего смущает меня именно этим. Вам гораздо больше подошли бы квалифицированные инженеры и рабочие, а экипаж было бы логичнее составить из опытных пилотов-ракетчиков.

Каргрейвзу пришлось подробно объяснять, каким образом он надеется воплотить замысел при ограниченных средствах. Когда он умолк, мистер Дженкинс сказал:

— Итак, вы берете мальчиков потому, что испытываете финансовые трудности?

— Если вам так угодно, да.

— Не я, а вы сами изложили дело таким образом. Скажу откровенно, я не совсем одобряю ваш образ действий. Я не подозреваю вас в дурных намерениях, но считаю, что вам следовало бы остановиться и еще раз хорошенько все обмозговать. Я ни в коем случае не благодарен вам за то, что вы замутили голову Россу и его друзьям и втянули их в дела, до которых они еще не доросли, причем не посоветовавшись заранее с их родителями.

Дональд Каргрейвз плотно сжал губы, но ничего не ответил. Не рассказывать же, что он всю

ночь пролежал без сна, мучимый сомнениями именно такого рода.

— Тем не менее, — продолжал мистер Дженкинс, — я понимаю ваше разочарование и одобряю воодушевление. — Его губы тронула слабая улыбка. — Предлагаю вам сделку: я найму для вас трех механиков — людей вы сможете подобрать сами — и одного инженера или физика, которые помогут перестроить ракету. Затем я помогу вам укомплектовать экипаж. Я уверен, что найдется много добровольцев, так что мы сможем выбирать, и даже платить не придется. Минутку, — попросил он, видя, что Каргрейвз хочет что-то сказать. — Вы ничем не будете мне обязаны. Мы составим договор, согласно которому, если ваше предприятие удастся, вы отчисляете мне известный процент от премиальных сумм и от гонораров за интервью, лекции, книги и все прочее. Мне кажется, это разумный путь.

Доктор Каргрейвз глубоко вздохнул.

— Мистер Дженкинс, — медленно произнес он, — если бы я получил подобное предложение всего неделю назад, я бы прыгал от радости. Но сейчас я не могу его принять.

— Что же вам мешает?

— Я не могу бросить мальчиков. Теперь я в

ответе перед ними.

— Ну а если я скажу, что у Росса нет ни единого шанса получить мое разрешение?

— Это ничего не изменит, но мне придется найти кого-нибудь другого, кто предложил бы мне такие заманчивые условия. От вас я ничего не могу принять. Вы не обессудьте, мистер Дженкинс, но это было бы похоже на подкуп: вы помогаете мне средствами, а я вывожу Росса из игры.

Мистер Дженкинс кивнул:

— Я опасался, что вы посмотрите на дело именно таким образом. Я уважаю вашу щепетильность, доктор. Давайте-ка я позову Росса и сам объявлю ему свое решение.

Он пошел к двери.

— Минутку, мистер Дженкинс.

— Слушаю вас.

— Я хочу сказать, что тоже уважаю вашу щепетильность, и я уже говорил вам, что воплощение замысла сопряжено с немалой опасностью. Я готов рискнуть, но за вами остается право запретить сыну ставить на карту свою жизнь.

— Мне кажется, вы неправильно меня понимаете, доктор Каргрейвз. Конечно, это опасно, и мы с миссис Дженкинс обеспокоены. Но я отказываю не поэтому. Я никогда не пытался удержать Росса

от чего бы то ни было только из-за опасности. Я разрешил ему учиться водить самолет и даже устроил так, чтобы школа пригласила двух военных инструкторов. Я никогда не удерживал его от экспериментов со взрывчатыми веществами. Я отказываю совершенно по другой причине.

— Тогда позвольте узнать, в чем же она состоит.

— Осенью Росс поступает в технический институт. Считаю, что получить образование гораздо важнее, чем быть первым человеком, высадившимся на Луне.

Он снова отвернулся.

— Подождите минутку! Если вы боитесь пробелов в его образовании… то, быть может, вы сочтете меня компетентным преподавателем?

— Что? Ну… разумеется.

— Я берусь поднатаскать мальчиков в технических и физических науках. Я позабочусь о том, чтобы они не остались без профессионального образования.

Мистер Дженкинс на мгновение заколебался.

— Нет, доктор, не будем возвращаться к этому. Инженер без диплома ущербен. И Росс получит диплом. — Он быстрым шагом подошел к двери и позвал сына.

— Иду, пап!

Объект их разговора поднялся по лестнице и вошел в комнату. Сначала он посмотрел на Каргрейвза, потом, с тревогой, на отца и только затем на мать, которая на миг оторвалась от вязания и молча ему улыбнулась.

— Итак, какой мне вынесен приговор? — спросил он.

Его отец ответил без обиняков:

— Росс, этой осенью ты поступаешь учиться. Я не одобряю вашей затеи.

Росс сжал губы, но промолчал. Помедлив секунду, он обратился к Каргрейвзу:

— А как Арт и Морри?

— Арт летит со мной. Морри позвонил и сказал, что его отец неодобрительно отозвался о самой идее, но мешать не станет.

— Это что-нибудь меняет, пап?

— Боюсь, что нет. Мне не хотелось бы ничего тебе запрещать, сынок, но если речь идет о серьезных решениях, то я несу за тебя ответственность до тех пор, пока тебе не исполнится двадцать один год. Ты должен получить диплом.

— Но… но папа! Посуди сам, ведь диплом — это лишь бумажка! Если полет удастся, я буду достаточно знаменит, чтобы получить любую работу,

какую только захочу. А если мы погибнем, никакой диплом мне не понадобится.

Мистер Дженкинс покачал головой:

— Росс, я принял решение.

Каргрейвз заметил, что юноша едва сдерживает слезы. Почему-то от этого он стал выглядеть старше, а не моложе. Когда Росс снова заговорил, голос его дрожал.

— Папа…

— Да, Росс?

— Если я не могу лететь, то нельзя ли мне хотя бы помочь им с переоборудованием ракеты? Им не помешают лишние руки.

Каргрейвз посмотрел на него с новым интересом. Он понимал, чего стоило мальчику это предложение.

Мистер Дженкинс удивился, но тем не менее сразу ответил:

— Разумеется, можно. Но лишь до тех пор, пока не начнутся занятия в институте.

— Ну а если к этому времени не все будет готово? Мне не хочется бросать дело на полпути.

— Хорошо. В таком случае можешь работать над проектом до второго семестра. Это моя последняя уступка. — Он повернулся к Каргрейвзу. — Я рассчитываю на то, что вы уделите некоторое

время образованию.

И опять обратился к сыну:

— На этом закончим, Росс. Когда тебе исполнится двадцать один год, можешь, если будет угодно, рисковать своей головой и лететь на космическом корабле. Откровенно говоря, мне кажется, что ты и тогда не опоздаешь стать первым человеком на Луне.

Он поднялся.

— Альберт…

— Да, Марта? — Мистер Дженкинс предупредительно обернулся к супруге.

Она отложила вязание и сказала:

— Отпусти его, Альберт!

— Что? Что ты хочешь сказать?

— Позволь мальчику лететь на Луну, если у них получится. Да, сначала я была против, но доктор Каргрейвз меня убедил. Он прав, а я ошибалась. Нельзя удержать птицу в гнезде. Я понимаю, что сама себе противоречу, но матери ведь нужно немного поплакать? Нашу страну открыли люди, которые не боялись пуститься в дорогу. Прапрадедушка Росса пересек горы в фургоне и освоил те места, где мы теперь живем. Ему тогда было девятнадцать лет, а его жене семнадцать. В нашей семейной хронике записано, что их родители

были против. — Она вздрогнула и сломала одну из своих спиц. — Мне непереносима сама мысль о том, что наша кровь охладела.

Миссис Дженкинс поднялась и быстрым шагом вышла из комнаты. Плечи ее супруга поникли.

— Я даю тебе свое согласие, Росс, — тихо сказал он. — Я желаю вам удачи, доктор. А сейчас извините меня…

И он покинул комнату вслед за женой.

5

Болезни роста

— Далеко еще? — Арт пытался перекричать шум мотора и свист пустынного ветра.

— Посмотри по карте! — ответил Росс и крутанул баранку, чтобы объехать кролика. — Пятьдесят три мили от шестьдесят шестого шоссе до поворота и еще семь миль по проселку.

— От шоссе мы проехали около сорока миль, так что поворот уже совсем скоро. — Он окинул взглядом пустынный ландшафт Нью-Мексико. — Скажи на милость! Сколько свободной земли! Одни кактусы да койоты — и куда столько?

— А мне нравится, — ответил Росс. — Смотри, чтобы шляпа не слетела.

Прямая ровная дорога была пуста на много миль вперед, и Росс дал газу. Семьдесят миль… восемьдесят… девяносто… девяносто пять. Колеблющаяся стрелка спидометра приближалась к трехзначной цифре.

— Эй! Росс!

— В чем дело?

— Твоя машина того и гляди развалится. Хочешь нас угробить?

— Маменькин сынок. — Росс улыбнулся, но все же сбавил обороты.

— И вовсе нет, — возразил Арт. — Если мы свернем себе шеи по пути к Луне, тогда мы герои. Но погибнуть еще до старта — чистая глупость.

— Хорошо, хорошо… Это тот самый поворот?

Проселок свернул вправо, углубляясь в пустыню. Проехав по нему около четверти мили, автомобиль затормозил у стальных ворот, перегораживающих дорогу. По обе стороны тянулся внушительных размеров забор, увитый колючей проволокой. Табличка на воротах сообщала:

ОПАСНО!

Неразорвавшиеся снаряды.

Дальше вы идете на свой страх и риск. Ничего не касайтесь — обо всех подозрительных предметах сообщите властям.

— То, что надо, — сказал Росс. — Ключи у тебя?

За забором располагался заброшенный военный полигон — малая часть из ставших непригодными более чем восьми миллионов акров американской земли, которую можно очистить лишь опасным трудом саперов. Но этот кусок пустыни не стоил затрат и риска, чтобы его расчищать, зато он был идеальным местом для воплощения замыслов Каргрейвза: площади здесь было достаточно и далеко от посторонних глаз. К тому же за полигон не пришлось платить: аренду по просьбе Каргрейвза взяла Ассоциация ученых-ядерщиков.

Арт протянул Россу связку. Тот перепробовал все, но ни один не подошел.

— Ты дал мне не те ключи, Арт… хотя нет. Это те самые, которые прислал нам док.

— И что же теперь делать?

— Попробуем сбить замок.

— Подожди. Такой замок не собьешь. Может быть, перелезем?

— И перетащим на себе оборудование? Не говори глупостей.

К ним приближался автомобиль: скорость его скрадывалась в огромном пространстве пустыни, и казалось, что он еле-еле ползет. Машина

остановилась, и из окошка показалась голова мужчины в армейском «стетсоне».

— Эй, там!

— Сам ты «эй», — пробормотал Арт, а потом добавил: — Доброе утро!

— Что вы здесь делаете, ребята?

— Пытаемся попасть внутрь.

— Вы что, не видите табличку? Впрочем, минутку… Нет ли среди вас некоего Дженкинса?

— Росс Дженкинс — это он. А я Арт Мюллер.

— Рад познакомиться. Я здешний рейнджер, мое имя О'Бьюкэнен. Так уж и быть, я впущу вас, хотя не уверен, что это стоит делать.

— А что такое? — Росс заговорил резким тоном, почувствовав, что его принимают за мальчишку.

— Ну… тут на днях произошел небольшой несчастный случай. Поэтому мы сменили замок.

— Несчастный случай?

— Кто-то проник за забор. И в четверти мили от убежища напоролся на мину.

— И… погиб?

— Да. Теперь он мертвее дверной колотушки. Я заметил его из-за слетевшихся стервятников. Ладно, впущу вас: у меня копия выданного вам разрешения. Только давайте без глупостей. Держитесь возле укрытия или на дороге, идущей

вдоль линии электропередачи.

— Постараемся быть осторожными. — Росс кивнул.

— Надеюсь. Слушайте, парни, а чего это вам туда приспичило? Кроликов собираетесь разводить?

— Точно. Больших таких кроликов, в восемь футов ростом.

— Да? Ну что ж, не выпускайте их за пределы зоны безопасности, иначе у вас получится гамбургер с крольчатиной.

— Мы будем осторожны, — повторил Росс. — А кто был тот человек, с которым произошло несчастье? И что он делал на полигоне?

— Ни то ни другое неизвестно. Стервятники оставили от него только скелет. Личность установить невозможно. Полная ерунда: внутри даже красть-то нечего. Он взлетел на воздух еще до прибытия вашего груза.

— О! Наши ящики уже прибыли?

— Да. Контейнеры составили у ворот. Тот человек был не из местных, — продолжал рейнджер. — По обуви видно. Может быть, приехал на машине… Но мы не нашли поблизости никакой машины. Странная история.

— Странная, — согласился Росс. — Но как бы

там ни было, он погиб, и на этом, может быть, все и кончится.

— Верно. А вот и ваши ключи. Да, кстати. — Он сунул руку в карман. — Чуть не забыл. Вам телеграмма.

— Нам? Спасибо!

— Вы бы поставили почтовый ящик у дороги, — предложил Бьюкэнен. — Это же чистая случайность, что я ее захватил.

— Так и сделаем, — рассеянно ответил Росс, вскрывая конверт.

— Пока, ребята! — Бьюкэнен завел мотор.

— До свиданья. Спасибо вам.

— И что там? — нетерпеливо спросил Арт.

— Читай сам.

СЕГОДНЯ СДАЛИ ЭКЗАМЕНЫ ТЧК ОТБЫВАЕМ СУББОТУ ТЧК ПОЗАБОТЬТЕСЬ ДУХОВОМ ОРКЕСТРЕ ТАНЦОВЩИЦАХ ДВУХ УПИТАННЫХ ТЕЛЬЦАХ ОДНОГО ПОДЖАРЬТЕ ЧУТЬ-ЧУТЬ ДРУГОГО ПОБОЛЬШЕ НО НЕ ОЧЕНЬ ТЧК (подпись) ДОК И МОРРИ.

Росс улыбнулся.

— Подумать только! Наш старина Морри — дипломированный ракетный пилот! Спорим, ему столько вдолбили в башку, что шляпа жмет.

— Это верно. Черт! Нам всем следовало бы за-

кончить эти курсы!

— Успокойся. Не мелочись. Нам пришлось бы потратить на них половину лета.

Впрочем, Арт и сам толком не понимал своей зависти. Скорее всего, он завидовал не цели поездки, а тому, что Морри отправился в Спатц-Филд в обществе его боготворимого дяди. Все трое ребят занимались на самолетах-спарках, но Морри пошел дальше и получил настоящие пилотские права. Согласно правилам — сильно устаревшим, по мнению Арта, — дипломированный пилот самолета мог проходить сокращенный курс обучения на пилота-ракетчика. У Каргрейвза были слегка запылившиеся права летчика, полученные пятнадцать лет назад, и он собирался получить права на управление ракетой. Когда он обнаружил, что у Морри тоже есть права, доктору показалось естественным взять парня с собой. Поэтому Арту и Россу пришлось взвалить на себя всю подготовительную работу, а после вдвоем отправиться в пустыню готовить лагерь.

Предупреждение держаться линии электропередачи оказалось весьма уместным: юноши увидели, что полигон изрыт воронками от взрывов и исчерчен следами гусениц транспортеров, танков и тягачей. Укрытие располагалось на

огороженной площадке около четверти мили шириной и около мили длиной. В нескольких сотнях ярдов от укрытия начиналось уходящее на многие мили к горизонту пустынное пространство, похожее на покрытое барашками зеленоватое озеро — остекленевший кратер, оставшийся после испытания в 1951 году атомной бомбы — бомбы ООН Судного дня. Друзья глазели на открывшуюся картину, позабыв об укрытии и уложенных неподалеку контейнерах.

Подогнав машину поближе, Росс застыл в удивлении. Арт с уважением присвистнул.

— Представляешь, что там творилось? — произнес Росс сдавленным голосом.

— Не хотел бы я оказаться в этом самом месте… да и поблизости тоже. Представь себе город, на который свалилась такая штука.

Росс покачал головой:

— Арт, не приведи Господь, чтобы им еще когда-нибудь пришлось взрывать такую вот штуку — разве что для проверки, как эту. Если такие бомбы станут разбрасывать налево и направо, это будет конец, гибель нашей цивилизации.

— Они не будут, — заверил его Арт. — Для чего, ты думаешь, создана полиция ООН? Войнам конец. Это любой знает.

— Это знаешь ты, и это знаю я. Но иногда я спрашиваю себя: а другие-то это знают?

— Очень плохо, если не знают.

— Да, плохо — для *нас*.

Арт вылез из машины:

— Как ты думаешь, мы сможем туда спуститься?

— Не сейчас. Потом попробуем.

— Думаю, что ни в кратере, ни вокруг него неразорвавшихся бомб не осталось. Ведь был такой взрыв!

— Не спеши. Вспомни нашего приятеля, которого сожрали стервятники. Вполне могли уцелеть заряды, которых не задела ударная волна, ведь взрыв был произведен на высоте пять миль.

— Правда? А я думал…

— Ты думал об испытаниях в Чихуахуа. Вот там был наземный взрыв. Поехали. Нам нужно приниматься за работу. — Он нажал стартер.

Убежище представляло собой сборную конструкцию, установленную на полигоне после ядерных испытаний. Некоторое время здесь обитали дозиметристы, а потом помещение пустовало.

— Ну и грязища! — негодовал Арт. — Нужно было захватить палатку.

— Ничего особенного. Наведем порядок, и все станет хорошо. У нас есть керосин?

— Целых две бочки.

— Прекрасно. Я попытаюсь разжечь плитку. Неплохо бы поесть.

Убежище выглядело достаточно удобным, хотя изрядно захламленным. Тут имелась даже артезианская скважина: вода оказалась хорошей, хоть и имела необычный привкус. У стен стояли грубо сколоченные нары, не хватало лишь постельных принадлежностей. Кухней служил отгороженный закуток, столовой — сосновый стол, на стенах были укреплены полки и крюки, имелись окна, но самое главное — была надежная крыша над головой. Хотя от плитки воняло керосином, работала она хорошо. Росс приготовил яичницу-болтунью, сварил кофе и поджарил картошку, отделавшись совсем незначительными ожогами. Дополняли завтрак хлеб с маслом и покупной яблочный пирог.

Весь день юноши наводили порядок, разгружали машину и распаковывали самое необходимое. К тому времени как они проглотили ужин — на этот раз его приготовил Арт, — им хотелось лишь одного: расползтись по спальным мешкам. Росс тихонько захрапел, но Арту не спалось. Он

прислушивался к отдаленному вою койотов и раздумывал, как бы половчее заткнуть уши. Потом он уснул, а когда проснулся, было уже утро.

— Росс! Подъем!

— А? Что такое?

— Подъем, салага! Уже рассвело.

— Я не выспался, — простонал Росс и рухнул обратно. — Пожалуй, я позавтракаю в постели.

— Ага, ты и твои шесть братьев в придачу! Да вставай ты! Сегодня нам надо заливать фундамент для мастерской.

— Ладно, ладно… — Росс безо всякой охоты расстался с мешком. — Прекрасная нынче погодка! Я тут немного позагораю…

— Приготовь лучше завтрак, а я пока сделаю план работ.

— Слушаюсь, Саймон Легри[6].

Мастерскую предстояло собрать из металлических листов и стоек. Ребята замесили цемент с песком и получили достаточно прочный для временного сооружения бетон. Прежде чем заливать раствором крепежные болты, пришлось распаковать инструменты и сделать разметку. Росс наблюдал за Артом, заглублявшим болты в

---

[6] Примечания: 6

Саймон Легри — персонаж романа американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу (1811–1896) «Хижина дяди Тома», рабовладелец.

жидкий бетон.

— Ты уверен, что мы ничего не забыли?

— Конечно. Шлифовальный станок… фрезерный… токарный… — Арт расставлял в списке галочки. — Сверлильный, две пилы…

У них были станки, необходимые для проведения всех работ. Вскоре ребята установили крепления стен мастерской. Они долго выверяли их соответствие крепежным отверстиям листов. До наступления темноты детали конструкции были разложены вблизи соответствующих болтов, и оставалось только собрать коробку.

— Как ты думаешь, проводка выдержит такую нагрузку? — озабоченно спросил Арт, когда они закончили работу.

Росс пожал плечами:

— Мы же не собираемся запускать все станки одновременно. Давай не будем об этом думать, иначе мы никогда не попадем на Луну. Нужно еще вымыть посуду для ужина.

К субботе они установили и испытали станки, и Арту пришлось перемотать обмотку одного из электродвигателей. Все оборудование было разложено по полкам, в убежище воцарилась чистота и относительный порядок. Открывая ящики, они обнаружили, что некоторые уже были вскрыты.

К счастью, груз, по-видимому, не пострадал. Росс не особо по этому поводу переживал, зато Арт встревожился. В поврежденных ящиках было уложено хрупкое электро- и радиооборудование.

— Не волнуйся, — посоветовал Росс. — Не забудь только сказать доку, когда он приедет. Ящики были застрахованы.

— Застрахованы *на время перевозки*, — ответил Арт. — Кстати, как ты думаешь, когда док и Морри будут здесь?

— Трудно сказать… Если поедут поездом, то во вторник или в среду. Если самолетом до Альбукерке, а потом автобусом, то, может, и завтра. Что там такое?

Росс посмотрел в небо.

— Где? — спросил Арт.

— Вон там. Правее — видишь? Ракета!

— Действительно. Наверное, военная — мы находимся вдали от коммерческих трасс. Смотри-ка, они включили носовые дюзы!

— Неужели приземляются? Хотят сесть *здесь*?

— Ты так думаешь?

— Не знаю. Я думаю… да, они летят сюда! Не может же это…

Его слова потонули в громе тормозящей ракеты, напоминающем грохот поезда-экспресса. Перед

тем как включить тормозные двигатели, ракета шла на сверхзвуковой скорости, так что им казалось, что ее движение происходит бесшумно. Пилот совершил мягкую посадку и последними вспышками носовых и боковых дюз опустил ракету не более чем в пятистах ярдах от ребят[7].

Они побежали к ракете. Когда они, задыхаясь, добрались до гладкого серого корпуса корабля, люк над плоскостями стабилизаторов распахнулся и оттуда выпрыгнул высокий человек, а сразу за ним еще один, пониже.

— Док! Док! Морри!

— Эгей! — крикнул Каргрейвз. — Вот и мы! Завтрак готов?

Морри расправил плечи, едва не лопаясь от возбуждения.

— Это *я* совершил посадку, — заявил он.

— Ты?! — недоверчиво переспросил Арт.

— Конечно. Почему бы и нет? У меня теперь есть права. Хочешь взглянуть?

— «Выдано пилоту Абрамсу», — прочитал Росс. — Но почему ты не спланировал? Ведь ты поса-

---

[7] Примечания: 7

Возможно, стоит уточнить, что этот тип ракет, по идее автора, садится горизонтально, для этого имеется венчик тормозных / маневровых двигателей на носу корабля и целый пояс из дюз по центру корабля. — *Примеч. С. В. Голд.*

дил ее практически на одних двигателях.

— Я тренировался перед посадкой на Луну.

— Тренировался, говоришь? Нет уж, пусть док пообещает, что посадку совершит он, иначе я не полечу.

Вмешался Каргрейвз:

— Тише, тише. Ни я, ни Морри не будем пытаться сажать ракету в безвоздушном пространстве.

Морри смутился. Росс спросил:

— Так кто же…

— Сажать ракету будет Арт.

Арт проглотил застрявший в горле комок.

— Кто? Я?

— Некоторым образом — да. Садиться будем по радару. Мы не можем рисковать, сажая ракету на двигателях, это слишком трудная вещь; ведь если случится авария, пешком домой не доберешься. Арту нужно будет переделать систему управления так, чтобы посадку делал автопилот. Но и Морри должен быть наготове, — и, бросив взгляд на лицо юного пилота, доктор продолжал: — У Морри реакция гораздо быстрее моей. У меня уже годы не те. Так что же с завтраком? Я хочу побыстрее переодеться и заняться делом.

На Морри был летный комбинезон, а на Каргрейвзе — его лучший дорожный костюм.

— Что это за одежда? — спросил Арт, разглядывая дядю. — Непохоже, что вы готовились к ракетному перелету. Кстати, мне казалось, что ракету сюда перегонят без вас.

— Планы изменились. Из Вашингтона я отправился прямо на ракетодром, и Морри уже ждал меня там. Корабль был готов, так что мы решили перегнать его сами и сэкономили на этом около пятисот долларов.

— А как дела в Вашингтоне? — озабоченно спросил Росс.

— Все в порядке. Нам очень помогла юридическая служба ассоциации. Вам осталось подписать только несколько бумаг. Кстати, чего это мы тут стоим и чешем языком? Давайте завтракать, и после этого мы с Россом займемся защитой.

Росс и доктор провели три дня, выполняя грязную и тяжелую работу: они разбирали топливную систему кормовых дюз. Носовые и боковые двигатели, которые использовались только при маневрах и посадке, было решено оставить на месте. Они работали на анилине и азотной кислоте; Каргрейвз пожелал сохранить их, чтобы избежать трудностей, связанных со сложностью включения и выключения тяги атомных двигателей. Попутно они делились друг с другом

новостями. Росс рассказал доктору о неизвестном, подорвавшемся на мине. Каргрейвз не проявил особого интереса, но когда речь зашла о вскрытых ящиках, он отложил в сторону инструменты и вытер со лба пот.

— Ну-ка, расскажи подробнее, — попросил он.

— Ничего особенного не произошло. Содержимое ящиков не пострадало.

— Ты упоминал о погибшем. Думаешь, это он рылся в наших вещах?

— Ну… мне тоже сначала так казалось, но потом я вспомнил, что здешний рейнджер говорил, будто бы к моменту прибытия груза стервятники объели того парня до костей.

Каргрейвз с озабоченным видом поднялся на ноги.

— Куда вы, док?

— Продолжай работу, — рассеянно ответил ученый. — А я пойду поговорю с Артом.

Росс хотел что-то сказать, но передумал и взялся за инструменты.

— Арт, — сказал Каргрейвз. — Что вы собираетесь сейчас делать, ты и Морри?

— Мы готовим астронавигационные приборы. Лично я проверяю схему интегратора ускорений. Похоже, гироскоп потерял центровку.

— Если ты внимательно прочтешь инструкцию, то поймешь, что так и должно быть. Впрочем, об этом потом. Ты не мог бы установить на площадке электронную сигнализацию?

— Конечно, была бы только аппаратура.

— Меня не интересует, что бы ты сделал «если бы», — меня интересует, что ты можешь сделать с тем, что у тебя есть.

— Минутку, дядя Дон, — возразил юный конструктор. — Скажите мне, чего вы хотите, и я отвечу, смогу ли я это устроить.

— Извини. Я хотел бы окружить сигнализацией ракету и убежище. Это возможно?

Арт почесал затылок:

— Надо подумать. Для этого потребуются фотоэлементы и ультрафиолетовая лампа. Все остальное есть. Еще у меня есть два экспонометра. Из них получатся хорошие фотоэлементы, вот только как быть с ультрафиолетом? Если бы у нас была кварцевая лампа, можно было бы поставить фильтр. А если свет электрической дуги? Я могу попробовать соорудить дугу.

Каргрейвз покачал головой:

— Нет, это ненадежно. За дугой нужно непрерывно следить, так что кому-то придется всю ночь дежурить возле установки. Больше ты ни-

чего не можешь предложить?

— Гм… Ну, можно взять термопары и выделить инфракрасное излучение из света обычного прожектора.

— Сколько времени это займет? Необходимо подготовить все до наступления ночи. На худой конец, можно натянуть поверх забора проволоку и пустить по ней ток.

— Ну что ж, так и сделаем, — ответил Арт. — О! У меня идея!

— Что такое?

— Вместо того чтобы подводить к проволоке высокое напряжение и надеяться на то, что злоумышленника шарахнет током, я лучше приложу один-два вольта, а концы провода подключу к мощной акустической системе. Можно сделать так, что при прикосновении к забору из динамика раздастся что-то вроде собачьего лая. Годится?

— Это уже лучше. Сигнализация нужна немедленно. Бери Морри и тут же приступай к работе. — Каргрейвз вернулся к своему занятию, но не мог сосредоточиться. Его вновь одолели сомнения, которые зародились еще во время поиска ранившего его осколка. Теперь загадок добавилось. Его ясный ум, привыкший к порядку, противился всему загадочному и непонятному.

Через час он пошел посмотреть, как движутся дела у Арта. Чтобы выйти наружу, ему пришлось пройти через рубку управления, в которой он застал Морри. Каргрейвз нахмурил брови.

— Слушай, парень, — сказал он, — а я думал, что ты помогаешь Арту.

— Ах, это? — произнес Морри с отрешенным выражением на лице. — Да, он что-то такое говорил, но я же занят.

Он указал на вскрытый бортовой компьютер.

— А разве Арт не сказал тебе, что это я попросил тебя ему помочь?

— Да, но Арту совсем не нужно, чтобы я ему помогал. С этим делом он и один легко справится.

Каргрейвз присел.

— Слушай, Морри, — медленно сказал он, — думаю, нам стоит всегда говорить откровенно. Ты когда-нибудь задумывался над тем, кто будет заместителем начальника экспедиции?

Морри промолчал. Каргрейвз продолжил:

— Ты, конечно. Ты наш второй пилот. Если со мной что-нибудь случится, оставшиеся члены экипажа должны будут подчиняться тебе. Ты это понимаешь?

— Арту это не понравится, — тихо проговорил Морри.

— Если все будет делаться, как сейчас, то да. Арт очень обижен, но его нельзя судить слишком строго. Он разочарован тем, что права пилота достались не ему.

— Но я же не виноват?

— Нет, но исправить положение должен ты. Ты обязан вести себя так, чтобы те двое при необходимости подчинялись тебе *с охотой*. Нам предстоит тяжелое испытание, и наше путешествие не пикник. Быть может, наши жизни будут зависеть от того, насколько быстро и беспрекословно будут выполняться распоряжения командира. Скажу тебе прямо, Морри: если бы у меня был выбор, я предпочел бы видеть своим заместителем Росса — он гораздо серьезнее тебя. Но в силу обстоятельств этот пост достался тебе, и ты должен научиться ему соответствовать. Иначе наш замысел обречен на провал.

— Да нет же, у нас все получится! Мы не можем отказаться от нашего дела.

— Верно. Трудность заключается в том, — продолжал Каргрейвз, — что молодым американцам позволяют жить свободной и беззаботной жизнью. И это прекрасно. Мне нравится, что мы можем себе это позволить. Но настает время, когда о свободе и легкомыслии надо забыть.

Человеку приходится учиться подчиняться приказам и выполнять их точно и беспрекословно. Ты понимаешь, к чему я клоню?

— Вы хотите, чтобы я вернулся в мастерскую и помог Арту.

— Точно. — Каргрейвз подтолкнул Морри к выходу и хлопнул его по спине. — А теперь иди!

Морри остановился в дверях и, обернувшись через плечо, отчеканил:

— Не беспокойтесь, док. Я смогу выправить курс и лететь куда надо.

— Вас понял!

Каргрейвз решил, что переговорит с Артом позже.

6

Тревога в пустыне

Скафандры прибыли на следующий день, и работу, к неудовольствию Каргрейвза, пришлось приостановить. Но юноши были вне себя от радости, увидев зримое доказательство того, что они готовятся прогуляться по Луне. Доктор скрепя сердце позволил ребятам опробовать костюмы и привыкнуть к ним. Скафандры представляли собой усовершенствованные стратосферные ко-

стюмы, разработанные для BBC. Они напоминали водолазные, но не были такими неуклюжими. Шлемы имели форму шара и были изготовлены из плексигласа, а для прочности покрыты слоем поливинилбутирала. Обогрева у скафандров не было.

Вопреки распространенному заблуждению, вакуум открытого космоса ни горяч, ни холоден — у него вообще нет температуры. Находясь на поверхности лишенной атмосферы Луны, человек принимает и отдает тепло либо посредством излучения, либо через прямой контакт с лунной почвой.

Поскольку температура Луны колеблется от абсолютного нуля до невероятной жары, Каргрейвз снабдил подошвы толстыми асбестовыми прокладками. Куски асбеста были также закреплены на скафандрах сзади, и теперь путешественники могли сидеть, не боясь замерзнуть или поджариться. Экипировку дополняли перчатки из того же материала. Скафандры были так хорошо теплоизолированы и герметичны, что тепло, выделяемое телом, с лихвой перекрывало потери на излучение. Каргрейвз жалел о том, что нельзя установить термостатический контроль, но подобные усовершенствования пришлось оставить

разведчикам и колонистам, которые высадятся на Луне в будущем.

К шлемам вели трубки, присоединенные к баллонам с кислородом. Баллоны были гораздо крупнее и тяжелее, чем аналогичное оборудование у летчиков. На Земле баллоны можно было поднять лишь с большим трудом, но на Луне, где сила тяжести вшестеро меньше, они покажутся совсем легкими.

Прежние стратосферные скафандры норовили раздуться, превращаясь в морскую звезду, были очень жесткими, и каждое движение в них давалось с трудом. Примерив свой костюм, Каргрейвз отметил, что тот совсем его не стесняет, даже когда Росс по его просьбе накачал в скафандр воздух до трех атмосфер. Похоже, сочленения де Кампа действительно обеспечивали постоянство объема.

Доктор позволил мальчикам поэкспериментировать и дополнить тем самым лабораторные испытания, проведенные фирмой-изготовителем. Затем скафандры передали Арту, который должен был установить в них приборы для радиосвязи.

На следующий день все четверо занялись переоборудованием двигательной установки. По

расчетам доктора, в ближайшее время должно было прибыть ядерное топливо — торий, и к этому моменту нужно было собрать противорадиационный щит. Он состоял из слоев свинца, стали и органического пластика. По его расчетам, щит должен был эффективно экранировать носовую часть ракеты от альфа-, бета-, гамма-излучений и нейтронных потоков.

Из всех этих излучений наибольшей проникающей способностью обладают гамма-лучи, более всего похожие на обычный рентген. Альфа-частицы представляют собой ядра гелия, бета-излучение состоит из обычных электронов, движущихся с чрезвычайно большой скоростью. Нейтроны — это электрически нейтральные частицы, их масса составляет основную часть веса атомных ядер. Именно нейтроны инициируют взрыв ядерной бомбы.

Все перечисленные излучения опасны для жизни и здоровья.

Было решено изолировать реактор только со стороны внутренних помещений ракеты, поскольку излучение в открытый космос не могло повредить экипажу. Морри посадил ракету за забором так, что соплами она была нацелена на убежище. Теперь корабль нужно было повернуть

таким образом, чтобы сопла смотрели в противоположную от убежища сторону и смертоносное излучение ториевого реактора было направлено к кратеру, оставшемуся после испытания бомбы Судного дня. Туда же при испытательных запусках должен был отводиться выхлоп работающих двигателей.

Ракету разворачивали при помощи гидравлических домкратов и своих собственных мышц, и всем пришлось изрядно попотеть. Это тебе не на ракетодроме, где для подобных целей имеются тележки, подвески и подвижные лебедки. Ракету удалось развернуть только к вечеру. По окончании работы Каргрейвз объявил, что завтра будет выходной день, а сейчас они совершат долгожданную экскурсию в кратер, оставшийся после взрыва бомбы.

Это место так часто снимали и показывали в кино, что мальчики не ожидали от посещения каких-либо острых ощущений, тем более что они успели насмотреться на кратер издалека. Но от зрелища опустошения, безжизненности протянувшейся на мили корки остекленевшей земли у них по телу побежали мурашки.

Каргрейвз шагал впереди со счетчиком Гейгера в руках. При помощи таких приборов в Канаде во

время войны искали урановую руду. Профессор взял его главным образом для того, чтобы мальчики зарубили себе на носу, как осторожно следует обращаться с радиоактивными материалами. Каргрейвз, разумеется, не ожидал услышать в наушниках треск, который свидетельствовал бы об угрозе. Испытания проводились давно, так что мрачного вида воронка была не более опасна, чем мертвые улицы Хиросимы.

Но вид прибора подготовил мальчиков к той лекции, которую доктор им собирался прочесть.

— А теперь послушайте, парни, — сказал он им по возвращении. — Послезавтра привезут торий. С этого момента все шуточки в сторону. Торий опаснее любого яда. Вы должны помнить об этом постоянно.

— Еще бы! — сказал Арт. — Об этом мы знаем.

— Вы знаете об этом чисто теоретически. А мне хотелось бы, чтобы это знание крепко-накрепко засело в ваших мозгах. Мы отметим незащищенную местность между дюзами и забором. Если ветер сдует с вас шляпу и она попадет в эту зону, то пусть она остается там и гниет, но вы ни в коем случае не должны забирать ее оттуда.

На лице Росса появилось недоверчивое выражение.

— Минутку, док. Неужели кратковременное облучение может нанести такой вред?

— Вероятно, нет, — согласился Каргрейвз. — Но при условии, чтобы больше ты не облучался. Но все мы будем постоянно получать определенную дозу, даже сквозь экран. Радиоактивное заражение имеет аккумулирующий эффект, то есть доза постепенно накапливается. Поэтому, если есть возможность избежать облучения, вы *должны* его избегать. Это повысит шансы, если вы схватите действительно большую дозу. Арт!

— Слушаю вас, сэр!

— С этой минуты ты наш санитарный врач. Ты должен следить за тем, чтобы каждый из нас постоянно носил в кармане пленочный индикатор и — я повторяю, *постоянно*! — индивидуальный электроскоп. Я требую, чтобы ты проявлял пленки и проверял исправность электроскопов согласно инструкции по пользованию. Ты должен вести записи и по утрам в пятницу докладывать мне. А если произойдет что-нибудь особенное, то и чаще. Понял меня?

— Все ясно, док!

— Помимо этого, ты должен регулярно раз в неделю отсылать в город пробы крови каждого из нас.

— Может, мне самому научиться делать анализы? — предложил Арт.

— Оставь это профессионалам. У тебя достаточно забот с электронным оборудованием, ты должен постоянно поддерживать его в рабочем состоянии. И вот еще что… — Каргрейвз оглядел всех троих, желая убедиться, что его слушают внимательно. — Если пленки или анализы покажут, что кто-то из вас схватил лишнюю дозу, я буду вынужден отправить его домой для лечения. И не надейтесь, что вам удастся упросить меня не делать этого. Вы здесь поставлены в жесткие рамки — не мной, а законами природы. Если кто-то из вас проявит легкомыслие, он моментально выбывает из игры и нам придется найти ему замену.

Юноши внимательно слушали.

— Док? — сказал Арт.

— Что?

— А если лишнюю дозу получите вы?

— Я? Вряд ли. Но ежели так случится — смело гони меня пинками за ворота, я боюсь этой гадости. И тем не менее, — продолжил он, но уже серьезно, — ты будешь проверять меня так же, как и всякого другого. А теперь давайте ужинать. Арт и Морри будут дежурить ночью, а Росс — сра-

зу после еды. Завтра нам с ним вставать в пять утра, так что придется лечь спать пораньше.

— Хорошо. А что вы будете делать завтра?

— Поедем в Альбукерке. Нужно кое-что купить, — ответил доктор, но подробнее объяснять не стал. Он уже жалел, что на полигоне не было оружия. Поначалу оно показалось ему никчемной дорогой игрушкой. Очень многие люди, прожившие в пустыне многие годы, так и не нашли, во что бы такое выстрелить, кроме собственного виска, говорил мальчикам Каргрейвз. Что же до путешествия, о котором они мечтали, то кого можно было надеяться подстрелить на Луне?

Но следы непрошеных гостей, которые умудрялись пролезать даже в запретную, огражденную зону, начинали действовать доктору на нервы. Электронное устройство, установленное Артом, подвергалось еженощной проверке, и юноша даже спал в наушниках, подключенных к системе сигнализации; до сих пор она не срабатывала, но обманчивая тишина успокоить Каргрейвза не могла. В три часа ночи Арт потряс доктора за плечо:

— Док! Док! Проснитесь!

Каргрейвз зажмурился от яркого света, ударившего ему в глаза.

— Что? Что случилось?

— Я слышал, как один из динамиков рявкнул!

Профессор моментально вскочил с кровати. Они с Артом склонились над громкоговорителем.

— Ничего не слышу.

— У меня поставлена малая громкость, но послушайте — вот, опять! — слышите? — На сей раз из динамика послышался отчетливый звук. — Будить остальных?

— Мм… да нет, пожалуй. Зачем ты включил свет?

— Честно говоря, я испугался, — признался Арт.

— Понятно. — Каргрейвз натянул брюки и обулся. — А теперь выключи-ка на десяток секунд свет — я полезу в окно. Если через двадцать минут я не вернусь или ты услышишь что-нибудь подозрительное, то буди остальных и бегом мне на выручку. Но только держитесь вместе, ни в коем случае не разделяйтесь. — Он сунул в карман фонарик. — Ну, я пошел.

— Вам не следует идти одному.

— Мне кажется, мы уже договорились на этот случай.

— Да, но… ну ладно. — Арт встал возле выклю-

чателя.

Каргрейвз вылез в окно и, прежде чем свет зажегся опять, успел, неслышно ступая, обойти вокруг мастерской. Он затаился в тени и дождался, пока глаза не привыкли к темноте. Стояла безлунная, по-пустынному черная ночь. На востоке сияло созвездие Ориона. Через некоторое время доктор начал различать очертания кустов полыни, столбы ограды и контуры ракеты, лежавшей в сотне ярдов от него.

Замок на дверях мастерской был не тронут, а окна плотно закрыты. Доктор направился к ракете, стараясь как можно меньше шуметь. Люк был полуоткрыт. Каргрейвз никак не мог припомнить, кто последним покидал ракету — он или Росс. Даже если это и был Росс, все равно маловероятно, что он забыл закрыть люк.

Приблизившись к ракете вплотную, доктор ощутил, как его тело покрылось мурашками. Он еще раз пожалел, что так долго тянул с покупкой оружия. Револьвер сорок пятого калибра, несомненно, прибавил бы ему уверенности в себе.

Каргрейвз распахнул люк, быстро пробрался внутрь и шагнул в сторону от проема, в котором его силуэт мог бы стать отличной мишенью. Он всматривался в темноту, прислушиваясь и пы-

таясь унять бешеный стук сердца. Убедившись в том, что вокруг царит тишина, достал фонарик и включил его, держа в вытянутой руке.

В рубке никого не было. Доктор облегченно вздохнул и пошел через трюм к двигательному отсеку. Никого. И кажется, все цело.

Он покинул корабль, продолжая двигаться осторожно. Плотно прикрыл люк. Затем зашагал вокруг убежища и мастерской, пытаясь убедить себя в том, что на территории нет посторонних. Но в слабом свете звезд на площадке могли укрыться человек пятьдесят — им стоило лишь припасть к земле и не шуметь.

Каргрейвз вернулся в убежище и свистнул Арта.

— Двадцать минут уже почти вышли, — с упреком сказал тот. — Я уже собирался будить остальных и идти за вами. Что-нибудь обнаружили?

— Ничего. Сигнализация молчала?

— Ни звука.

— Может быть, койот пробрался сквозь внешнее ограждение и задел проволоку?

— А как он мог это сделать?

— Прокопал дыру под забором. Ведь здесь есть койоты. Мы же слышали, как они воют.

— По вою не определишь, далеко они или нет.

— Нет, вы только послушайте эту старую пустынную крысу! Ладно, оставь свет и иди спать. Я подежурю. Все равно через час мне вставать. Лезь в мешок. — Док закурил трубку и задумался.

По дороге в Альбукерке у доктора не было времени вспоминать о событиях прошедшей ночи. Росс, как всегда, гнал машину на полной скорости, так что Каргрейвз думал лишь о бренности своего существования и о том, как бы не потерять шляпу. Но Росс ехал так быстро, что у них оказалось достаточно времени на покупки.

Каргрейвз приобрел по дешевке две списанные армейские винтовки Гаранда[8] и полицейский револьвер тридцать восьмого калибра. У него слюнки потекли, когда он рассматривал новенькое охотничье ружье с оптическим прицелом, но денег оставалось мало — еще пара таких непредусмотренных трат или задержка старта, и их компания могла бы остаться на мели.

Он заказал для путешествия комплекты армейских пайков с рационами «Си» и «Кей». Пока

---

[8] Примечания: 8

Винтовка Гаранда — полуавтоматическая самовзводная магазинная винтовка, состоявшая на вооружении армии США во время Второй мировой и Корейской войн, у нас более известна как «М-1». Получила название по имени изобретателя Джона К. Гаранда (1888–1963).

клерк оформлял заказ, Росс потихоньку спросил:

— В большинстве фантастических романов пишут, что космические путешественники лишь глотают пилюли с питательными концентратами. Неужели и вправду когда-нибудь дойдет до такого? Как вы думаете?

— Нет уж, меня увольте, — ответил Каргрейвз. — Сами глотайте таблетки, если хотите. Лично я предпочитаю пищу, в которую можно вонзить зубы.

— Это точно, — сказал Росс.

Они зашли в питомник, где доктор купил три дюжины молодых корней ревеня. Он планировал поддерживать кислородно-углекислотный баланс воздуха при помощи особой системы регенерации и надеялся обеспечить ее работу за счет жизненного цикла растений. Можно было взять с собой достаточное для полета количество жидкого кислорода, но, располагая возможностью регенерировать воздух, они смогли бы оставаться на Луне, пока не кончится вся провизия.

Доктор приобрел также химические удобрения, необходимые для выращивания растений на гидропонике. Покончив с делами, они купили себе по молочному коктейлю с шоколадом и, закусив гамбургерами, поспешили вернуться в

лагерь. Из мастерской им навстречу выбежали Морри и Арт.

— Привет, док! Здорово, Росс! Какие новости?

Росс показал им оружие. Арт пожелал немедля опробовать винтовки, Каргрейвз не возражал. Морри пошел было следом, но потом вернулся и сказал:

— Да, кстати, док! Сегодня к нам приезжал инспектор из ГА.

— Кто?

— Инспектор гражданской аэронавтики. У него было от вас письмо.

— От меня? И что же было в этом письме?

— Там было требование прислать инспектора, который проверил бы перестроенные агрегаты и признал бы ракету годной для полета. Я сказал ему, что она еще не готова.

— А что еще ты ему сказал? Говорил ли ты ему, что наша ракета на ядерной тяге?

— Нет, но он, похоже, сам знал об этом. И о том, что мы собираемся отправиться в космос, он тоже знал. Кстати, почему, док? Мне казалось, что вы это держите в тайне.

— Мне тоже так казалось, — с досадой в голосе произнес Каргрейвз. — Так о чем ты ему рассказывал?

— А ни о чем. Я решил, что эти переговоры лучше оставить вам, так что попросту прикинулся дурачком. И Арт тоже. А что? — озабоченно спросил он. — Может быть, мы поступили неправильно? Я знал, что он прибыл из Бюро, но решил, что ему лучше потолковать с вами. Может быть, мы его чем-то обидели?

— Жаль, что вы не довели его до припадка, — с яростью ответил Каргрейвз. — Никакой это не инспектор. Все это была липа.

— Как? Но почему… у него же было ваше письмо.

— Фальшивка. Готов поспорить, что он прятался где-нибудь за забором и дожидался, пока я уеду. Вы оставляли его одного?

— Нет. Хотя… да, один-единственный раз, примерно на пять минут. Мы вошли в корабль, и он послал меня за фонариком. Мне очень жаль. — Морри выглядел очень виноватым.

— Забудь об этом. Ты всего лишь проявил нормальную вежливость. Откуда тебе было знать, что он не настоящий. Интересно, как он преодолел забор? Он приехал на машине?

— Да. Я… А ворота были закрыты?

— Закрыты, но он, должно быть, задурил голову рейнджеру и тот впустил его.

Беседуя, они шли к кораблю. Каргрейвз быстро осмотрел ракету, но не обнаружил ничего подозрительного. Похоже, непрошеный гость не нашел того, что искал, — возможно, потому, что двигатели еще не были установлены. Доктор все еще думал о замке на воротах.

— Я хочу поехать проверить ворота, — заявил он. — Скажи об этом ребятам.

— Я сам отвезу вас.

Ни один из юношей не доверял Каргрейвзу водить машину. Это было единственное, в чем они могли ему дать фору. Стиль вождения доктора казался им очень уж старомодным.

— Ну ладно. Только побыстрее.

Морри побежал к Россу и Арту, которые все продолжали палить из винтовок по ни в чем не повинным консервным банкам, и что-то им прокричал. Через несколько секунд он запустил мотор и уже был готов ехать, когда рядом с ним на сиденье опустился Каргрейвз. Замок оказался цел, но одно из звеньев цепи было перепилено, и теперь вместо него красовался кусок проволоки.

— Все ясно, — сказал Каргрейвз.

— Может быть, заменим цепь? — предложил Морри.

— А что толку? Он и ее перепилит.

Назад они возвращались подавленные. Каргрейвз хмурился, а Морри был раздосадован тем, что не разоблачил самозванца и не задержал его. Теперь, когда он вспоминал об этом, ему рисовалась куча драматических сюжетов схватки. Каргрейвз велел ему молчать до конца обеда. И лишь когда миски были помыты, он сам рассказал о том, что произошло. Арт и Росс восприняли его рассказ серьезно, но без видимого возбуждения.

— Так вот как все это выглядит, — сказал Росс. — Похоже, кому-то мы встали поперек горла.

— Вот гад, — тихо проговорил Арт. — Он мне еще тогда не понравился. Эх, попадись он на мушку моей винтовки!

— Может быть, тебе еще представится такая возможность, — ответил доктор. — В общем, ребята, я уже давно чуял здесь что-то неладное…

— Еще бы! Нам это стало понятно с того момента, когда вы велели устроить сигнализацию.

— Верно. Одного не могу понять: *зачем* это кому-то понадобилось. Я могу понять простое любопытство, коль скоро прошел слух — а слух был, я уверен, — что мы собираемся лететь в космос. Но этот кто-то уж очень настырен, и я не думаю, что причина такой настырности — праздное

любопытство.

— Готов поспорить, что он хочет выкрасть ваш атомный двигатель, дядя Дон.

— Это отличный авантюрный сюжет, Арт, но я думаю, дело в другом. Если кто-то узнал о моем двигателе, ему гораздо проще подать в комиссию заявку на лицензию и использовать патент по своему усмотрению.

— Может быть, он считает, что вы утаили от комиссии какие-либо секреты?

— В таком случае он может оставить залог и потребовать экспертизы, вместо того чтобы подделывать письма и взламывать замки. Если бы ему удалось доказать, что я мошенничаю, меня посадили бы в тюрьму.

— Нужно думать не о том, зачем он шпионит, — заявил Морри, — а о том, что мы можем сделать, чтобы его остановить. Мне кажется, стоит учредить ночные дежурства. — Он посмотрел на винтовки.

— Нет, — возразил Каргрейвз. — Сигнализация, разработанная Артом, лучше всякой охраны. Ночью здесь ничего не видно, я сам в этом убедился.

— Скажите, — вмешался Арт, — а что, если я установлю на крыше убежища навигационный

радар? Сканируя поверхность площадки, мы могли бы видеть все, что на ней происходит.

— Нет, — ответил Каргрейвз. — Мне бы не хотелось рисковать оборудованием. Радар гораздо больше пригодится нам при посадке на Луну, чем при выслеживании шпионов.

— Но это совершенно не повредит радару!

— И все же я уверен, — настаивал Морри, — что лучшим средством был бы хороший заряд свинца!

— А еще лучше, — подхватил Арт, — надеть наушники со шнуром длиной метров в триста, и я берусь при помощи радара навести вас на шпиона даже в кромешной тьме.

— Звучит здраво, — согласился Морри.

— Не увлекайтесь, ребята, — успокоил их доктор. — Мы не на Диком Западе. Если вы думаете, что можно пристрелить человека лишь за то, что он перелез через забор, то очень скоро увидите, что у суда на эти вещи совершенно другая точка зрения. Вы, похоже, начитались комиксов.

— Да я их и в руки-то никогда не беру, — сердито возразил Арт. А потом добавил: — По крайней мере, не часто.

— Если нам нельзя стрелять, то тогда зачем мы купили оружие? — допытывался Росс.

— Хороший вопрос. Стрелять *можно*, но только в целях самообороны; и вообще, я запру все оружие в мастерской, а то вскоре вы тут превратитесь в шайку дикарей с налитыми кровью глазами, у которых пальцы дрожат на спусковых крючках. Оружие здесь для того, чтобы пугать непрошеных гостей. Вы можете стрелять, но до тех пор, пока они не откроют по вам огонь, стреляйте только в воздух.

— Хорошо.

— Согласен.

— Пусть только попробуют стрелять!

— Есть еще какие-нибудь предложения?

— Только одно, — ответил Арт. — А вдруг наш приятель обрежет электропроводку? Мы целиком зависим от нее — свет, радио, даже система сигнализации. Стоит нам лечь спать, и он сможет отключить энергию и спокойно разгуливать здесь, а мы даже знать об этом не будем.

Каргрейвз кивнул:

— Да, я должен был это предусмотреть. — Он немного подумал. — Давайте-ка займемся резервной линией и подключим сигнализацию к ракетным аккумуляторам. А завтра проведем запасную линию освещения. — Он поднялся на ноги. — Пошли, Арт. Остальные пусть садятся за

учебники. Уже пора заниматься.

— Заниматься? — запротестовал Росс. — Сегодня мне никакая наука не полезет в голову!

— А ты запихивай через силу. — Доктор был неумолим. — Были люди, которые умудрялись писать книги в ожидании виселицы.

Ночь прошла спокойно. Рано утром Росс и доктор отправились к ракете, оставив Морри и Арта подсоединять к автомобильной батарее линию освещения. Каргрейвз хотел закончить все приготовления до прибытия тория. Забравшись в корабль, они с жадностью принялись за работу. Доктор начал раскладывать инструменты, а Росс, фальшиво насвистывая какую-то мелодию, протиснулся к щиту.

Каргрейвз поднял взгляд и увидел ослепительно-яркую вспышку, а потом ударившая в лицо взрывная волна швырнула его о борт корабля.

7 «Мы будем там, даже если придется идти пешком»

Арт тряс его за плечо.

— Дядя! — умолял он. — Очнитесь! Вы ранены?

— Росс… — невнятно прошептал Каргрейвз.

— Это я, Арт!

— А Росс — что с ним? Он погиб?

— Не знаю. С ним Морри.

— Пойди и узнай.

— Но вы…

— Я же говорю, пойди и посмотри…

Каргрейвз вновь впал в забытье. Когда он опять пришел в себя, то снова увидел склонившегося над ним Арта.

— Дядя, — сказал мальчик, — торий уже привезли. Что нам делать?

Торий… Торий? Голова его раскалывалась на части, и он никак не мог связать с этим словом ничего определенного.

— Сейчас… я приду… А что с Россом? Он мертв?

— Жив.

— Сильно ранен?

— Кажется, больше всего пострадали глаза. Внешних повреждений он не получил, но ничего не видит. Так что делать с торием, дядя?

— К черту торий! Пусть его увозят обратно.

– *Что?*

Каргрейвз пытался подняться на ноги, но он был слишком слаб, голова кружилась. Он вновь уронил голову и попытался привести в порядок вихрь мыслей, проносившихся у него в мозгу.

— Не валяй дурака, Арт, — раздраженно пробормотал он. — Торий нам больше не понадобится.

Путешествие закончено, и мой замысел был сплошным недоразумением. Отошли эту отраву назад.

Все плыло перед его глазами, и он зажмурился.

— Росс…

Он вновь пришел в сознание от прикосновения чьих-то рук. Арт и Морри осторожно, но настойчиво ощупывали его.

— Спокойно, док, — послышался голос Морри. — Ну, — юноша нахмурил брови, — с Россом, кажется, все в порядке, за исключением глаз. Но он *говорит*, что чувствует себя нормально.

— Он… ослеп?

— Ну, в общем, он ничего не видит.

— Его нужно срочно отвезти в больницу. — Каргрейвз уселся и попытался встать на ноги. — *Ох!* — простонал он и вновь опустился на пол.

— Нога, — догадался Арт.

— Давай-ка посмотрим. Сидите спокойно, док.

Мальчики осторожно сняли ботинок с его левой ноги и стянули со ступни носок. Морри внимательно осмотрел ногу.

— Что думаешь, Арт?

— Или растяжение, или перелом, — ответил Арт, изучив ступню. — Хорошо бы сделать рентген.

— Где Росс? Надо отвезти его в больницу, — настаивал Каргрейвз.

— Конечно, конечно, — согласился Морри, — и вас вместе с ним. Мы уже перенесли Росса в укрытие.

— Я хочу на него посмотреть.

— Сейчас. Подождите секунду, я только подгоню машину.

Доктор проковылял к люку, опираясь на здоровую ногу и плечо Арта. Спускаться на землю было очень больно, и, добравшись до машины, доктор с большим облегчением опустился на сиденье.

— Кто там? — спросил Росс, когда доктор входил в комнату, опираясь на своих юных товарищей.

— Это мы, — ответил Арт.

Каргрейвз увидел Росса, лежащего на койке с носовым платком на глазах, и проковылял к мальчику.

— Как ты, парень? — спросил он внезапно осипшим голосом.

— А, это вы, док. Все в порядке. Я могу выдержать и не такое. А вы как себя чувствуете?

— Нормально. Что у тебя с глазами?

— Ну… Честно говоря, сейчас они работают неважно. Я вижу только пурпурные и зеленые вспышки.

Он старался говорить спокойно и даже весело, но на его шее часто пульсировала жилка. Каргрейвз потянулся к платку на его глазах. Морри взял его за руку.

— Оставьте платок в покое, док, — жестко сказал он. — Там нечего смотреть. Подождите, пока мы не доставим его в больницу.

— Но… хорошо, хорошо. Только давайте займемся этим поскорее.

— Мы только дожидались, пока вы придете в себя. Арт отвезет вас в город.

— А что будешь делать ты?

— Лично я, — заявил Морри, — собираюсь засесть на крыше с запасом бутербродов и патронов. Когда вы вернетесь, найдете меня там.

— Но… — начал было Каргрейвз, но, пожав плечами, махнул рукой.

Когда они вернулись, Морри спустился и помог Каргрейвзу войти в помещение; вслед за ним Арт ввел в убежище Росса. Глаза юноши были забинтованы, а из кармана куртки торчали темные очки.

— Как дела? — спросил Морри, пристально разглядывая товарища.

— Слишком рано говорить что-либо определенное, — устало произнес Каргрейвз, опускаясь в

кресло. — Видимых повреждений нет, но, кажется, парализован зрительный нерв.

Морри прищелкнул языком, но ничего не сказал. Росс нащупал стул и уселся.

— Успокойся, — сказал он Морри. — Все будет в порядке. Это что-то вроде шока от яркой вспышки. Доктор мне все рассказал. Порой такое длится до трех месяцев, но потом все проходит.

Каргрейвз закусил губу. Врач рассказал ему гораздо больше, чем Россу. «Это» проходило не всегда, порой слепота оставалась на всю жизнь.

— А вы как, доктор?

— Небольшое растяжение и ушиб спины. Но меня уже подлатали.

— И все?

— Еще нам обоим сделали противостолбнячный укол, но это так, на всякий случай.

— Ну и славно, — сказал Морри бодрым голосом. — Думаю, очень скоро наша фирма возобновит работу.

— Нет, — отрезал Каргрейвз. — На этом все кончено. Я пытался объяснить этим балбесам, пока мы ехали из больницы, но они не слушали. Так вот. Наша деятельность прекращается, фирма лопнула.

Ни один из мальчиков не проронил ни звука.

Доктор продолжал, повысив голос:

— Полет на Луну отменяется, разве вам не ясно?

Морри посмотрел на него и невозмутимо спросил:

— Вы сказали, «фирма лопнула». Хотите сказать, что у вас больше нет денег?

— Ну, не то чтобы совсем, дело в другом. Я хотел сказать, что…

— У меня есть несколько облигаций серии «Е», — произнес Росс, поворачивая забинтованную голову.

— Не в этом дело, — мягко ответил Каргрейвз. — Я очень благодарен тебе за предложение, не думай, что я его не оценил. И не думайте, что я с легким сердцем отказываюсь от своих замыслов. Но мне открыли глаза. Я делал все неправильно — неправильно с самого начала. Все это было чистым безумием. Я позволил своим чувствам взять верх над разумом. Как я мог втянуть в эту авантюру вас, детей? Твой отец был прав. Теперь я должен подумать о том, как мне все это исправить.

Росс протестующе замотал головой. Морри взглянул на Арта и спросил:

— Как тебе это нравится, наш экспедиционный

врач?

Арт хотел что-то сказать, но передумал. Он подошел к аптечке и вытащил оттуда градусник. Вернувшись назад, попросил:

— Откройте-ка рот, дядя!

Каргрейвз открыл рот, чтобы ему ответить, но Арт сунул туда термометр.

— Сидите на месте, пока измеряется температура.

И засек время по наручным часам.

— Что? Да какого…

— Закройте рот, больной!

Рассерженный Каргрейвз тем не менее подчинился. Пока измерялась температура, все хранили молчание.

— Что он показывает? — спросил Морри.

— Тридцать семь и восемь.

— Дай-ка я сам посмотрю, — потребовал Каргрейвз, но Арт отнял у него градусник.

Каргрейвз встал, забывшись оперся на поврежденную ногу, охнул и вновь опустился в кресло. Арт встряхнул градусник, протер его и спрятал в футляр.

— Все ясно, — заявил Морри. — Вы больше не начальник. Теперь я командую.

— Что это на тебя нашло?

— Ты согласен со мной? — спросил Морри у Арта.

Тот некоторое время колебался, затем нерешительно произнес:

— Да, дядя. Морри прав.

— Росс?

— Я не совсем еще понимаю ситуацию, — ответил тот, — но я понимаю Арта и Морри и целиком на их стороне.

У Каргрейвза опять разболелась голова.

— Похоже, вы все с ума посходили. Но теперь это не имеет никакого значения. Наше предприятие провалилось.

— Нет, — ответил Морри. — Мы не сумасшедшие, и мы еще посмотрим, провалилось предприятие или нет. Сейчас вы больны. И согласно вашему решению, командование автоматически переходит ко мне; вы не можете отдавать приказы и принимать решения до тех пор, пока не выздоровеете.

— Но… — Каргрейвз запнулся и рассмеялся впервые за несколько последних часов. — Это чушь! Ты сместил меня по формальным основаниям. Вы не можете объявить меня больным из-за лишнего градуса температуры.

— Вас объявили больным не из-за этого. Из-за

этого вы лишь продолжаете считаться больным. Когда вы были без сознания, Арт занес вас в список раненых. И пока он не примет соответствующего решения, вы считаетесь больным. Вы же сами назначили Арта врачом!

— Это верно, но послушай, Арт! Правда ли, что ты объявил меня больным еще тогда? Или это уловка, с помощью которой вы надеетесь держать меня в стороне?

— Нет, дядя, — заверил его Арт. — Когда я рассказывал Морри о том, что вы отказываетесь принять торий, он захотел спросить вас, действительно ли это так. Но вы были в обмороке, и мы не знали, что делать. А потом Морри вспомнил, что я врач и должен решить, можете ли вы исполнять свои обязанности дальше. Так что…

— Не можете же вы… Ну ладно, это несущественно. Я отослал торий обратно, так что путешествие не состоится; теперь у нас нет ни экспедиционного врача, ни первого помощника. Наша фирма приказала долго жить.

— Именно это я и пытался вам втолковать, дядя. Мы не отправили торий обратно.

— Что?

— Я расписался за него, как ваш представитель, — ответил Морри.

Каргрейвз потер ладонью лоб.

— Вы вгоните меня в могилу, ребята. Впрочем, даже и это не имеет значения. Я убедился в том, что вся моя затея — чистое безумие. Во всяком случае, я не лечу на Луну, так что лавочку придется прикрыть. Минутку, Морри! Никто не спорит, ты сейчас главный и будешь им до тех пор, пока у меня не упадет температура. Но я ведь имею право участвовать в дискуссии?

— Конечно. Никто не лишал вас слова. Тем не менее вы сможете принимать решения лишь после того, как спадет температура и вы спокойно проспите хотя бы одну ночь.

— Прекрасно. Но, как вы видите, решение напрашивается само собой. Вам нужен я, чтобы построить атомный двигатель, верно?

— Мм… да.

— Никаких сомнений! Вы, ребята, уже хорошо изучили ядерную физику, и очень быстро. Но ваше знание недостаточно. Я даже не рассказывал вам об основных принципах работы двигателя!

— Мы сможем приобрести лицензию на ваш патент. Нам для этого не потребуется даже ваше согласие, — вмешался Росс. — На это уйдет некоторое время, но мы все же отправимся на Луну!

— Может быть… если вы найдете физика-ядер-

щика, который согласится рискнуть. Но это будет уже совсем другое предприятие. Послушайте меня, ребята. Неважно, высокая у меня температура или нет. Сейчас я способен мыслить здраво — впервые с тех пор, как получил по голове на вашем полигоне. И я хотел бы разъяснить кое-что. Мы должны кончить на этом, но я не хочу, чтобы вы обижались на меня.

— Что вы хотите сказать этим «получил по голове»?

Каргрейвз заговорил сухо и деловито:

— В тот момент, когда мы осмотрели все вокруг и ничего не нашли, я понял, что «несчастный случай» вовсе не был случаен. Кто-то приложился к моей голове, возможно, дубинкой; я ни тогда, ни сейчас не понимаю, с какой целью это было сделано. Я должен был догадаться, когда мы впервые обнаружили следы непрошеных гостей. Но мне было трудно поверить, что все это так серьезно. А вчера я осознал это. Изображать федерального инспектора смог бы лишь человек, ведущий крупную игру и готовый на все. Я уже давно думаю об этом, но все еще не понимаю, кому это могло понадобиться. И мне даже в голову не приходило, что кто-то захочет убить нас.

— Так вы считаете, что он хотел нас убить?

— спросил Росс.

— Очевидно! Ведь именно фальшивый инспектор подложил бомбу!

— Может, он хотел взорвать ракету, а не убивать нас.

— Зачем ему это?

— Ну, — сказал Арт, — может быть, его организация претендует на главную премию?

— Уничтожив наш корабль, они не получили бы никакой премии.

— Но это помешало бы нам обойти их.

— Возможно. Притянуто за уши, но в качестве версии годится. Но… нас не должны волновать их мотивы. Кто-то хочет нас прикончить, и он желает сделать это во что бы то ни стало. Мы здесь живем в полном уединении. Если бы я мог позволить себе взвод охраны по периметру полигона, мы бы с этим справились. Но я не могу себе этого позволить. И я не могу позволить, чтобы вас, ребята, подстрелили или взорвали. Я отвечаю за вас перед вашими родными.

Арт набычился; лицо Морри, наоборот, сохраняло бесстрастное выражение. Помолчав, он произнес:

— Если это все, что вы хотели сказать, док, то я предлагаю поужинать и ложиться спать. Завтра

поговорим.

— Прекрасно.

— Подождите. — Росс поднялся на ноги. Ухватившись за спинку стула, он пытался сохранить равновесие. — Где вы, док?

— Я здесь, слева от тебя.

— Отлично. Я тоже хотел бы кое-что сказать. Я лечу на Луну. Я лечу в любом случае — с вами или без вас. Я полечу туда, даже если мои глаза отказали навсегда. Я полечу туда, даже если Морри и Арту придется водить меня за руку. А вы поступайте, как вам угодно. Но я удивляюсь вам, док, — продолжал он. — Вы боитесь взять ответственность за нас, верно? Не в этом ли дело?

— Да, Росс, ты прав.

— Но вы же готовы были взять на себя ответственность, когда мы задумывали полет. Между тем это предприятие намного опаснее, чем что бы то ни было. Верно?

Каргрейвз закусил губу.

— Это совершенно другое дело.

— Другое? Ну так я объясню вам разницу. Если при старте произойдет взрыв, то девять шансов из десяти, что мы погибнем все вместе. В таком случае вам не пришлось бы объясняться с нашими родителями. Вот в чем разница!

— Росс, послушай…

— И не надо мне никаких «Росс, послушай»! А если все это произошло бы на Луне? Как бы вы тогда тешили свои моральные принципы? Док, я удивляюсь вам. Если у вас случается нервный срыв при малейшем намеке на трудности, тогда я голосую за Морри в качестве основного капитана.

— Хватит, Росс, — спокойно сказал Морри.

— Хорошо, я все сказал, — ответил тот и уселся на место.

Повисло неловкое молчание. Морри прервал его, объявив:

— Арт, давай-ка готовить обед. А потом примемся за работу. Нам нужно заниматься.

Каргрейвз удивился. Заметив это, Морри добавил:

— А что? Мы можем читать материал вслух.

Ночью доктор долго не мог заснуть и лишь притворялся спящим. Он заметил, что Арт и Морри, вооруженные винтовками, всю ночь сменяли друг друга на посту. И Каргрейвз не стал давать им советов.

На рассвете оба часовых легли спать. Каргрейвз, превозмогая боль, потихоньку встал и оделся. Опираясь на палку, доктор захромал к кораблю.

Он хотел оценить ущерб, нанесенный взрывом. Но первое, что попалось ему на глаза, был контейнер с торием. Из-за транспортировочного противорадиационного кожуха он казался громоздким. Доктор с облегчением отметил, что пломба Комиссии по атомной энергии не повреждена. Он втиснулся в корабль и медленно пробрался в двигательный отсек.

Повреждения были на удивление незначительны. Немного кузнечных и сварочных работ — и все будет исправлено, подумал Каргрейвз. Удивленный, он с опаской продолжал осмотр. Под щитом он обнаружил шесть кусочков пластичного материала, похожего на замазку. Хотя к этим безобидным с виду кускам не вело никаких проводов, и в них не было детонаторов, доктор сразу понял, что они из себя представляют. Очевидно, диверсанту не хватило тех пяти минут, в течение которых он был здесь один, и он не успел соединить проводом все свои смертоносные игрушки. Его намерения были совершенно ясны: разрушить двигатель и убить тех, кому не повезло угодить в ловушку.

Очень осторожно, вытирая струившийся со лба пот, доктор собрал комочки взрывчатки и снова все обыскал. Удовлетворенный, он опустил

взрывчатку в карман рубашки и вышел наружу. Больная нога мешала ему вылезать из люка, и Каргрейвз чувствовал себя человеком-бомбой, в любой момент готовой взорваться. Проковыляв к забору, он зашвырнул пластик подальше в поле, и без того истерзанное взрывами. Из предосторожности Каргрейвз отложил другие куски подальше, прежде чем швырнуть первый, — в случае взрыва он готов был броситься плашмя на землю. Ничего не случилось: по-видимому, вещество было не слишком чувствительно к ударам. Сделав это, доктор предоставил дождю и солнцу самим разлагать взрывчатку.

У входа в убежище сидел Росс, повернув к небу забинтованное лицо.

— Это вы, док? — спросил юноша.

— Я. Доброе утро, Росс.

— Доброе утро, док. — Росс двинулся к профессору, ощупывая дорогу ногами. — Слушайте, док! Я вчера наговорил бог знает чего. Извините меня, я был сильно расстроен.

— Оставим это. Вчера мы все были расстроены. — Он сжал протянутую ему руку. — Скажи лучше, как у тебя глаза?

Лицо Росса просветлело.

— Уже лучше. Когда проснулся, я снял повязку.

Я могу видеть…

— Отлично!

— Только окружающие предметы выглядят не совсем четко — двоятся, даже троятся. Но глазам стало больно от яркого света, так что я снова надел повязку.

— Похоже, ты скоро совсем поправишься, — сказал Каргрейвз. — Но будь осторожен.

— Я постараюсь. Док, скажите…

— Слушаю тебя, Росс.

— Впрочем, нет. Не обращайте внимания.

— Мне кажется, я понял. Да, я переменил решение, пока ворочался этой ночью без сна. Мы продолжаем дело.

— Великолепно!

— Может быть, это не так уж и хорошо… не знаю. Но если вы так твердо нацелились лететь, то и я с вами. Мы будем там, даже если придется идти пешком.

8

В небо!

— Вот это уже в вашем духе, док!

— Спасибо. Остальные уже поднялись?

— Пока нет. Они недавно легли.

— Знаю. Пусть спят. А мы посидим в машине. Берись за мою руку.

Когда они устроились на сиденьях, Росс спросил:

— Док, сколько еще времени потребуется на подготовку?

— Не очень много. А что?

— Ну, мне кажется, что нам надо бы поспешить и стартовать как можно скорее. Если эти попытки остановить нас будут продолжаться, то одна из них, вероятно, закончится успехом. Я хотел бы стартовать прямо сегодня.

— Сегодня мы стартовать не сможем, — ответил Каргрейвз, — но долго тянуть не станем. Во-первых, установим двигатель. В сущности, его нужно только собрать. Я практически все подготовил заранее, еще до того, как вы, парни, попались мне на глаза.

— Эх, мог бы я нормально видеть!

— Понимаешь, эту работу должен сделать я сам. Только не думай, будто я что-то от вас скрываю, — поспешно добавил он, заметив выражение лица юноши. — Я не объяснял вам принципов работы двигателя потому, что собирался сделать это, имея перед глазами все детали. Так было бы нагляднее.

— И как же работает двигатель?

— Когда вы проходили элементарную физику, вам должны были рассказывать о турбине Герона[9]. Помнишь, она состоит из котла и небольшой вертушки, похожей на разбрызгиватель воды для газонов. Котел нагревается, пар проходит через вертушку и заставляет ее вращаться. Мой двигатель устроен подобным образом. Вместо огня я применил ториевый реактор, а воду заменил цинком. Мы нагреваем цинк, доводим его до кипения. Получается струя цинкового пара, который устремляется через дюзы. Вот и все.

Росс присвистнул:

— Просто и изящно. А он будет работать?

— Он уже работал. Эта идея пришла мне в голову, когда я пытался сконструировать цинковую турбину для электростанции. Мне удалось получить сильную, устойчивую струю цинкового пара, но никакая турбина не выдерживала его напора — ломались лопасти. И тут меня осенило: ведь это же готовый ракетный двигатель!

— Прекрасно, док! Но скажите, почему бы не

---

[9] Примечания: 9

Герон Александрийский — греческий ученый и изобретатель, который дал систематическое изложение основных достижений античного мира по математике и прикладной механике (в частности, вывел формулу, выражающую площадь треугольника через длину трех его сторон). Также изобрел ряд автоматов, в том числе паровую турбину.

взять свинец? Ведь это означало бы большую массу при меньшем объеме.

— Ты прав. Большая плотность топлива действительно позволила бы сократить размеры двигателя, баков, да и самой ракеты; в итоге уменьшился бы мертвый вес. Но масса не так уж важна, главной задачей является получение скоростного реактивного потока. Я взял цинк, потому что он имеет более низкую температуру кипения, чем свинец. Я хочу перегревать пар до такой степени, чтобы он истекал в виде быстрой струи. Но я не могу повышать температуру выше предела устойчивости используемого в реакторе замедлителя.

— Углерод?

— Да, углерод. Графит. Он замедляет поток нейтронов, а кадмиевые стержни управляют скоростью процесса. Излучение поглощается емкостью с жидким цинком. Он закипает и весело, со свистом устремляется наружу.

— Ясно. Ну а почему бы не взять ртуть? Она плотнее свинца и плавится при еще более низкой температуре, чем цинк.

— Идея хорошая, но это слишком дорого. Ртуть нам не по карману.

Из дверей убежища высунулась голова Морри,

и доктор умолк.

— Эй! Идите завтракать, иначе останетесь голодными!

— Идем, — ответил Каргрейвз.

Вылезая из машины, он оперся на поврежденную ногу и вскрикнул от боли.

— Минутку, док. Обопритесь на меня, — предложил Росс.

Помогая друг другу, они поплелись в дом.

— Помимо сборки реактора, — продолжал Каргрейвз, — работ осталось совсем немного. Торий уже помещен в графите в соответствии с моими вычислениями, так что нам нужно лишь смонтировать воздушный шлюз и провести стендовые испытания.

Их ракета, хотя и использовалась ранее на трансатлантических стратосферных линиях, шлюза не имела: конструкторы не предусмотрели возможности открывания люка иначе как на земле.

Но, если уж нашим путешественникам было суждено высадиться на Луне, им было необходимо иметь воздушный шлюз — небольшую камеру, снабженную двумя дверьми. Каргрейвз намеревался приварить к имеющейся дверной раме стальную коробку со второй герметичной

дверью, открывающейся внутрь корабля.

— Я могу сварить шлюз, — предложил Росс, — пока вы устанавливаете реактор. Разумеется, если мои глаза снова будут в порядке.

— Даже если ты снова начнешь видеть, я не думаю, что было бы разумно сразу же глядеть на сварочную дугу. А что, Арт и Морри не умеют варить?

— Конечно умеют, но, между нами, я веду шов лучше.

— Ладно, посмотрим.

За завтраком Каргрейвз сообщил ребятам о своем решении лететь. Арт покрылся румянцем и пробормотал нечто нечленораздельное. Морри серьезным голосом произнес:

— Я знал, что за ночь температура у вас спадет. Так какие же у нас планы?

— Все те же самые, но мы решили ускорить подготовку. Как твои успехи, Морри?

— Черт побери, я готов отправиться хоть сегодня. Гироскопы мурлычут как котята. Я рассчитывал гомановские орбиты[10] и S-образные

---

[10] Примечания: 10

Гомановские орбиты, иначе «эллипс Гомана», — траектория перелета с минимальной характеристической скоростью (т. е. скоростью, которую приобрела бы ракета под действием тяги своего двигателя в идеальном случае — при отсутствии иных сил, как, например, тяготения, сопротивления атмосферы и т. д.) между двумя планетами.

траектории, пока меня не стало от них тошнить. В общем, я и мои компьютеры готовы к полету на все сто. — Морри изобразил пальцами «викторию».

— Отлично. Значит, теперь ты можешь заняться подготовкой снаряжения. А ты, Арт?

— Я? Ну, в общем-то, и у меня все готово. Оба радара в рабочем состоянии. Но я хотел бы кое-что улучшить в цепях частотной модуляции.

— А так, как есть, они хорошо работают?

— Думаю, что вполне прилично.

— Ну и нечего в них влезать. Я могу занять тебя другим делом.

— Уж не сомневаюсь.

— Как насчет радарного экрана, который должен был установить Арт? — вмешался Морри.

— Радар? А, ты имеешь в виду сигнализацию для наших неизвестных друзей? — ответил Каргрейвз. — Росс считает, и я с ним полностью согласен, что лучшим способом утереть им нос было бы стартовать как можно быстрее. Я не хочу вытаскивать радар из корабля, это будет пустая трата времени, а еще хорошая возможность лишиться оборудования, которое мы не сможем заменить и без которого не сможем обойтись.

— Верно, — согласился Морри. — Я по-преж-

нему считаю, что человек с оружием в руках гораздо надежнее всякого прибора. Судите сами: нас четверо. На каждого приходится лишь два ночных часа. Не стоит ли выставить часового?

Каргрейвз согласился. Были предложены различные планы — нанять охранника, подвести ток к заграждению, — но все они были отвергнуты как слишком трудоемкие, слишком дорогие или просто непрактичные. Наконец решили оставить все как есть, но на ночь зажигать свет и провести линию освещения вокруг корабля. Все эти линии должны были в случае чего автоматически переключаться на питание от корабельных аккумуляторов.

На следующей неделе, в среду, Каргрейвз сел за ланч со спокойным чувством. Наконец-то ториевый реактор был установлен на своем месте, за отремонтированным щитом. Это было хорошо: он не любил эту заковыристую, всегда опасную работу с радиоактивными веществами — опасную, несмотря на использование предохранительных щитов и длинных щипцов.

Но как бы то ни было, реактор смонтировали, воздушный шлюз приварили и испытали на герметичность. Почти все снаряжение разместили на борту. Для Арта и Росса были изготовлены

противоперегрузочные устройства. Каргрейвзу и Морри предстояло выдерживать ускорение, сидя в пилотских креслах. Реактор работал в дежурном режиме; доктор чувствовал, что все хорошо, да и на приборной панели горели одни зеленые лампочки.

Самозваный инспектор больше не появлялся, и ночные дежурства проходили спокойно. Больше всего радовало то, что зрение Росса продолжало улучшаться, и окулист, которого он посетил в понедельник, посоветовал лишь еще пару недель не снимать темных очков.

Каргрейвз пока хромал, но уже ходил без палки, и травма совершенно не беспокоила его. Он с воодушевлением работал над статьей «Двигательный агрегат „Галилей“ (адаптация для простых смертных) и обдумывал заметку, которую собирался послать в «Физикл ревью». Неплохим названием, думал он, было бы «Экспериментальное исследование некоторых аспектов космических перелетов», автор — доктор Дональд Каргрейвз, бакалавр естественных наук, доктор наук, доктор права, лауреат Нобелевской премии, действительный член Национальной и Французской академий и прочее. В действительности он был удостоен лишь некоторых из упомянутых

званий и в своих мечтах лишь примерял к себе эти громкие титулы.

За окнами заныли тормоза автомобиля, и в помещение вбежал Арт, неся в руках почтовые конверты.

— Санта-Клаус приехал! — весело крикнул он. — Одно письмо от твоих родителей, Росс, одно от той крашеной блондинки, за которой ты увивался…

— Я ни за кем не увивался, и она натуральная блондинка, — ответил Росс, с живостью выхватывая конверт.

— Пусть будет по-твоему, но ты еще сам убедишься… Так… Три письма Морри, и все деловые. Остальные вам, док, — заявил Арт, пряча в карман письмо от матери. — Опять рагу, — добавил он, заглядывая в кастрюлю.

— Это должно подготовить тебя к тому, что мы будем есть на Луне, — ответил Морри. — Слушайте, док…

— Да, Морри?

— Тут в письме сказано, что консервы уже прибыли на почту. Пожалуй, я съезжу вечером в город и привезу их сюда. И еще нам прислали счета. Похоже, у нас есть всё по списку.

— Отлично, — рассеянно ответил доктор, над-

рывая конверт. — В таком случае можешь помочь нам с Россом при стендовом испытании. Это единственное, что нам осталось сделать. — Он развернул письмо и углубился в чтение.

Затем он начал его перечитывать. Заметив, что он перестал есть, Росс спросил:

— Что-нибудь случилось, док?

— Ничего страшного, но все же неприятно. Фирма в Денвере не сможет предоставить нам динамометры для испытания. — Каргрейвз перебросил письмо Россу.

— Это сильно нам помешает? — спросил Морри.

— Не знаю. Придется мне поехать в город вместе с тобой. Давай сделаем это сразу после обеда. Надо позвонить на Восточное побережье, и как можно быстрее. У нас большая разница во времени, и если не успею, придется все отложить на завтра.

— Надо — значит, надо.

Росс вернул письмо доктору.

— По-моему, такие динамометры можно приобрести где угодно.

— Не скажи. Динамометр на полмиллиона фунтов не так-то легко достать. Попробуем обратиться в «Локомотивы Болдуина».

— А почему не сделать приборы самим? — вме-

шался Арт. — Мы же сделали один такой для испытаний «Звездного штурма».

Каргрейвз покачал головой:

— Я очень высоко ценю ваше мастерство, если речь идет о точной механике. Но для некоторых работ требуется специальное оборудование. Кстати, если уж речь зашла о «Звездном штурме», — заговорил он, намеренно уходя от темы, — вы, парни, не забыли, что мы еще не дали нашему кораблю имя? Как насчет «Звездного штурма-6»?

Арту название понравилось. Морри сказал, что корабль логичнее было бы назвать «Лунный штурм». У Росса была другая идея:

— «Звездный штурм» — хорошее название для наших моделей. Для лунного корабля нужно придумать что-нибудь посолиднее, что-нибудь гордое, как вы считаете?

— «Пионер».

— Слишком затасканно.

— «Тор» — от названия топлива.

— Лучше, но все же не то.

— Назовем его «Эйнштейн».

— Я понимаю, почему вы хотели бы назвать его в честь доктора Эйнштейна, — вмешался Каргрейвз. — Но я вам могу предложить другое имя, символизирующее примерно то же. Как насчет

«Галилея»?

Возражений не последовало. Члены клуба «Галилей» были единодушны. Имя человека, впервые увидевшего и описавшего лунные горы, имя, ставшее синонимом упорства и свободы пытливого ума, звучало в их сердцах как сладчайшая музыка.

Доктор Каргрейвз подумал о том, вспомнят ли их собственные имена лет через триста. Если повезет, если очень повезет — то да, ведь не забыли же потомки Колумба. А если вдруг от них отвернется удача и ракета взорвется — что ж, на их долю достанется лишь легкая мгновенная смерть.

Похоже было, что удача уже отвернулась от них, причем самым прозаическим образом: не предвиделось даже эффектной гибели в объятой пламенем ракете. Каргрейвз потел в телефонной будке до пяти часов по тихоокеанскому времени, а потом еще час, пока не пробило пять часов в Чикаго, после чего вынужден был признать, что динамометров нужного им диапазона срочно арендовать просто невозможно.

Он упрекал себя в том, что, решив сэкономить, связался с денверской фирмой, у которой надеялся приобрести подержанные приборы, а не

побеспокоился заключить контракты с другими поставщиками. Изругав себя в пух и прах, он ощутил какое-то странное удовлетворение. Когда он забрался в машину, Морри увидел его вытянувшееся лицо и спросил:

— Неудача, док?

— Да. Поехали в лагерь.

Около получаса они мчались по пустыне в напряженном молчании. Наконец Морри предложил:

— Слушайте, док. Может быть, закрепить ракету фермами и провести наземное испытание без динамометра?

— А что толку? Мне нужно знать величину развиваемой тяги.

— Я уже подумал об этом. Кто-нибудь из нас залезет в ракету с акселерометром — я имею в виду маятниковый акселерометр, а не интегратор перемещения. Прибор покажет ускорение в единицах *g*. Зная ускорение и массу корабля, мы могли бы получить силу тяги.

Каргрейвз на мгновение заколебался. Ошибка Морри была столь очевидна, и ее было так легко совершить, что доктор не сразу сообразил, как обратить внимание юноши на явный просчет и не уязвить при этом его гордость.

— Идея неплохая, но я хотел бы считывать показания дистанционно, поскольку есть шанс, что атомный реактор новой конструкции может взорваться. Но главное препятствие не в этом. До тех пор пока корабль прикован к земле, никакого ускорения не будет, какую бы тягу ни развивал двигатель.

— Черт! — воскликнул Морри. — Мм… похоже, я дал маху, док!

— Вполне естественная ошибка.

Когда они проехали пять миль, Морри заговорил снова:

— Я придумал. Чтобы измерить тягу по акселерометру, «Галилей» должен свободно двигаться, верно, док? Ну что ж, в таком случае я сам совершу испытательный полет. Стойте, стойте, — быстро заговорил он, — я отлично знаю, что вы не захотите подвергать меня риску. Ракета может взорваться или упасть. Такое, конечно, возможно, но ведь это моя работа. Для самого путешествия я не нужен, а без вас нам не обойтись. И без Росса нельзя никак — он бортинженер. Без Арта не будут работать радиоустановка и радар. Второй же пилот нужен только для подстраховки, так что испытывать корабль должен я.

— Морри, твое решение продиктовано чувства-

ми, а не разумом, — ответил Каргрейвз, стараясь говорить как можно непринужденнее. — Даже если ты и прав в главном, ты ошибаешься в выборе пилота-испытателя. Я буду необходим только в том случае, *если* полет состоится. Но если испытание пройдет неудачно, скажем, взорвется реактор или корабль потеряет управление и упадет, то путешествие будет сорвано и во мне никакой надобности не будет.

— Да, вас на кривой не объедешь, — ухмыльнулся Морри.

— Хотел надуть меня, а? Может, я старый и хилый, но в полный маразм покамест еще не впал. Но ты подал хорошую идею. Мы не станем измерять тягу динамометром, а испытаем ракету в полете. И поведу ее я.

Морри нетерпеливо заерзал:

— И когда же?

— Как только вернемся в лагерь.

Морри тут же вдавил в пол педаль газа. Доктор с раскаянием подумал, что ему следовало молчать до прибытия на полигон. Сорок минут спустя он уже отдавал последние указания.

— Сядете в машину и отъедете от полигона не меньше чем на десять миль. Найдете удобное место, откуда будет виден лагерь и где вы сможете

укрыться — скажем, в придорожной канаве. Если увидите гриб, как в Хиросиме, *ни в коем случае не возвращайтесь*. Езжайте в город и сообщите властям. — Он протянул Россу чемоданчик. — Здесь мои записи. Если я сыграю в ящик, передашь их своему отцу. Он сообразит, что с ними делать. А теперь мотайте отсюда. Даю вам двадцать минут. На моих часах семь минут шестого.

— Подождите, док.

— Что такое, Морри? — спросил Каргрейвз нервным и слегка раздраженным голосом.

— Я говорил с ребятами, и они со мной согласны: «Галилей» можно построить заново, а вас заменить некем. Мы хотим, чтобы вы остались и попытались снова.

— Хватит об этом, Морри.

— Я тоже думаю — хватит.

— Ты перешел все границы, Морри!

— Слушаюсь, сэр, — ответил Морри, влезая в машину. Вслед за ним втиснулись Росс и Арт.

— Желаем удачи!

— Счастливого полета!

Каргрейвз посмотрел вслед удалявшейся машине и повернулся к открытому люку «Галилея». Внезапно он ощутил страшное одиночество.

Выбрав подходящее место, мальчики укрылись

за откосом, словно солдаты в окопе. У Морри был маленький телескоп; Росс и Арт вооружились теми же самыми театральными биноклями, которыми они пользовались во время испытаний своих моделей.

— Он закрыл люк, — сообщил Морри.

— Который час?

— На моих пять двадцать пять.

— Он может начать в любую минуту. Глядите внимательно.

В бинокль ракета казалась совсем крошечной; Морри со своей трубой был в более выгодном положении.

— Вот оно! Господи! — закричал он внезапно.

Из кормовой дюзы вырвалась реактивная струя, ярко отливающая серебром даже в лучах солнца. Корабль пока оставался неподвижным.

— Запустил носовой двигатель!

Из носовой части ракеты ударило яростное красное пламя химического двигателя. Оснащенный передними и боковыми дюзами, «Галилей» мог обходиться без стартовой площадки и катапульты. Тут же запустились боковые двигатели. Нос «Галилея» резко задрался вверх, но действующие в противоположных направлениях кормовой и носовой двигатели удержали его

на месте.

— Взлет!

Красные языки пламени из носовых двигателей внезапно погасли, и корабль оторвался от земли. Прежде чем юноши успели перевести дыхание, он уже пролетел над их головой и устремился к горизонту. Вскоре он поравнялся с горными вершинами и исчез из виду.

Все трое одновременно выдохнули.

— Господи! — тихо произнес Арт.

Росс сорвался с места и побежал.

— Ты куда?

— В лагерь! Мы должны быть там раньше, чем он!

— Давай!

Морри и Арт бросились следом.

На пути в лагерь Росс побил все рекорды скорости, но, как они ни спешили, доктор их опередил. «Галилей» вынырнул из-за горизонта, и когда машина достигла лагеря, корабль уже тормозил при помощи носовых дюз.

Ракета круто нырнула вниз; маршевый двигатель уже был выключен. Струя носового двигателя взрыла почву на том самом месте, откуда корабль стартовал. Ударом боковых двигателей Каргрейвз погасил скорость ракеты и ровно

положил ее на землю. Морри только головой покачал.

— Классная посадка! — уважительно крякнул он.

Каргрейвз выпрыгнул из люка, ребята тут же окружили его и, восторгаясь наперебой, принялись лупить по спине.

— Как она себя вела? А управлять легко?

— Работает как часы! Правда, управление главным двигателем несколько запаздывает, но этого и следовало ожидать. Разогревшись, она не очень-то охотно сбавляет мощность. Нужно будет научиться «травить пары». Прежде чем скорость упала настолько, что я смог повернуть назад, ракета была уже на полпути к Оклахоме.

— Да, славный у нас корабль!

— Когда стартуем?

Лицо Каргрейвза стало серьезным.

— Как вы насчет того, чтобы не поспать эту ночь и полностью загрузить корабль? Согласны?

— Еще бы! О чем разговор!

— Ну и отлично. Арт, марш в ракету. Займешься радиоустановкой. Поручаю тебе связаться с «Ассошиэйтед пресс» в Солт-Лейк-Сити. И с «Юнайтед пресс» тоже. Обращайся прямо в отдел новостей. Пусть приедут с телекамерами. Теперь

нет смысла хранить тайну. Дай им понять, что здесь произойдет нечто особенное.

— Уже бегу! — Арт кинулся к люку и, задержавшись у входа, спросил: — А что, если они не поверят?

— Заставь их поверить. Скажи им, что они могут запросить подтверждение у доктора Ларксби из Комиссии. Скажи, что если они не приедут, то пропустят величайшую сенсацию со времен войны. И свяжись с мистером Бьюкэненом на его служебной частоте. Он честно сохранил наш секрет, так что я хочу, чтобы он тоже присутствовал при старте.

К полуночи погрузка была практически завершена, и Каргрейвз настоял, чтобы мальчики по очереди легли отдохнуть.

Спать было некогда, но и пускаться в путь измотанными было нельзя. Баки носовых и боковых двигателей были полны, и специально установленные запасные емкости уже заправлены. Несколько тонн цинка, рабочее вещество главного двигателя, было погружено на борт еще раньше, равно как и такой же по весу резервный запас цинковой пыли. Продовольствие и тщательно рассчитанный запас воды уже были на борту. (Правда, проблем с водой не предви-

делось — воздушный кондиционер должен был осаждать пар, образующийся при дыхании.) Емкости с жидким кислородом были полны. Наконец Каргрейвз собственноручно отнес в ракету две винтовки. Ради этого, экономя вес и место в корабле, пришлось содрать переплеты с немногих взятых в дорогу книг, но доктор решил, что оружие может потребоваться, если, вернувшись на Землю, они опустятся в какой-нибудь дикой местности.

Каргрейвз устал. Только тщательно составленные списки давали уверенность в том, что корабль готов к старту или, во всяком случае, будет готов очень скоро.

Мальчики тоже сильно вымотались, но были возбуждены. Морри трижды рассчитывал стартовую траекторию, но все еще нервничал, хотя результат каждый раз совпадал с точностью до самых последних цифр. Его не оставлял страх совершить какую-нибудь нелепую роковую ошибку, и мальчик успокоился лишь после того, как доктор Каргрейвз воспроизвел расчеты с самого начала и получил тот же результат.

Около часа ночи на полигон прибыл мистер Бьюкэнен.

— Это здесь центральный дурдом штата Нью-

Мексико? — с улыбкой осведомился он.

Каргрейвз, смеясь, подтвердил его предположение.

— А я-то все гадал, чем вы тут занимаетесь, — продолжал рейнджер. — Я, разумеется, видел вашу ракету, но сообщение, честно говоря, меня удивило. Надеюсь, вы простите меня за то, что я считаю вас сумасшедшими. Но все равно — удачи вам.

— Благодарю вас, — ответил Каргрейвз и принялся показывать гостю корабль, попутно объясняя ему свои планы.

В небе сияла полная луна; час тому назад она прошла высшую точку. Стартовать было намечено на рассвете, прежде чем луна скроется за горизонтом. Из-за этого путешественники теряли возможность воспользоваться вращением Земли, но после испытательного полета Каргрейвз счел это несущественным: энергии хватало с избытком. Ждать еще двенадцать часов ради того, чтобы выиграть тысячу шестьсот миль в час, было бы слишком тяжелым испытанием для нервов.

После пробного полета Каргрейвз посадил ракету так, что она оказалась нацеленной на запад, и теперь ее не нужно было разворачивать.

Бьюкэнен осмотрел стартовую площадку и спросил, куда ударит реактивная струя. Каргрейвз показал, после чего Бьюкэнен спросил:

— А вы позаботились об оцеплении?

Честно говоря, доктор совершенно забыл об этом.

— Не беспокойтесь, — уверил его Бьюкэнен. — Я сам позвоню капитану Тейлору и попрошу прислать сюда отряд полиции.

— Звонить не нужно. У нас есть рация. Арт!

К четырем часам прибыли представители прессы. Вслед за ними подъехали полицейские машины, и Каргрейвз с облегчением подумал, что ему удалось избежать возможных неприятностей. На полигоне уже собралась порядочная толпа, и без помощи полиции обойтись было бы трудно. Необходимо было немедленно установить оцепление от ворот до стартовой площадки, чтобы никто из гостей не попал в опасную зону, усеянную неразорвавшимися боеприпасами. Внутри площадки требовалась твердая рука полиции, чтобы присутствующие не подходили слишком близко и не осаждали корабль.

Около пяти утра путешественники в последний раз позавтракали в лагере под защитой полицейского, который стоял на посту у двери. Каргрейвз

отказался давать интервью; он лишь заготовил письменное заявление и передал Бьюкэнену пачку копий для корреспондентов. Но мальчиков останавливали на каждом шагу, и в конце концов Тейлор приставил к каждому из них по телохранителю.

Окруженные со всех сторон охраной, они направились к кораблю. Со всех сторон засверкали фотовспышки; телекамеры следили за каждым движением путешественников. Невозможно было поверить, что это все тот же заброшенный уголок посреди пустыни, где всего-то пару часов назад они опасались чужаков, крадущихся во тьме.

Каргрейвз впустил ребят в корабль и повернулся к Бьюкэнену и Тейлору.

— Десять минут, джентльмены. Вы уверены, что успеете за это время очистить площадку? Как только я сяду в кресло, я уже не смогу видеть землю вокруг корабля.

— Не беспокойтесь, капитан Каргрейвз, — уверил его Тейлор. — Десяти минут хватит.

Бьюкэнен поднял руку:

— Удачи вам, доктор. Привезите побольше зе-

леного сыра[11].

Внезапно из толпы вынырнул какой-то мужчина и, протиснувшись сквозь оцепление, сунул Каргрейвзу сложенный вдвое листок бумаги.

— Это еще что такое? — нахмурился Тейлор. — Немедленно убирайтесь отсюда!

Мужчина пожал плечами:

— Это судебное постановление.

— Что? Какое еще постановление?

— Старт временно запрещен. Каргрейвзу надлежит явиться в суд для дачи объяснений, почему он подвергает опасности жизнь несовершеннолетних. Иначе запрет будет продлен.

Каргрейвз, оторопев, уставился на незнакомца. Ему казалось, что мир вокруг него рушится. В проеме люка показались Росс и Арт.

— Док! Что случилось?

— Эй, вы там! Ребята, спускайтесь вниз! — крикнул чужак и повернулся к капитану Тейлору. — У меня есть другая бумага, приказывающая мне взять их под свою опеку от имени и по поручению суда.

— Возвращайтесь в корабль, — строго приказал Каргрейвз и развернул бумагу.

---

[11] Примечания: 11

Некогда в Европе была распространена поговорка, что луна сделана из зеленого сыра.

Повестка была составлена правильно. «Штат Нью-Мексико…» и так далее. Незнакомец начал что-то возбужденно объяснять. Тейлор взял его за руку.

— Спокойнее, спокойнее, — сказал он.

— Спасибо, — сказал Каргрейвз. — Мистер Бьюкэнен, можно вас на пару слов? А вас, капитан, я попрошу присмотреть за этим типом.

— Эй-эй, не надо устраивать скандал, — запротестовал незнакомец. — Я всего лишь исполняю свои обязанности.

— Так ли? — Каргрейвз посмотрел на него в упор.

Затем отозвал Бьюкэнена в сторону и показал ему бумагу.

— Кажется, все в порядке, — признал тот, ознакомившись с документом.

— Возможно. Эта повестка направлена от имени суда *штата*. А ведь мы находимся на федеральной территории, не так ли? В сущности, капитан Тейлор и его люди находятся здесь лишь по нашей просьбе и нашему согласию. Верно?

— Мм… да. Вы правы. — Бьюкэнен сунул повестку в карман. — Я с этим разберусь!

— Секундочку… — Каргрейвз в двух словах рассказал ему о фальшивом инспекторе, зло-

умышленниках и о том, о чем он никому не сообщал, если не считать письма в вашингтонское Бюро гражданской аэронавтики.

— Этот парень, вероятно, мошенник или человек, подосланный мошенниками. Прошу вас не спускать с него глаз и задержать его до тех пор, пока суд не подтвердит, что эта повестка была действительно послана оттуда.

— Я все сделаю.

Затем они вернулись, и Бьюкэнен вполголоса отдал Тейлору какое-то распоряжение. Каргрейвз схватил незнакомца за руку. Тот начал вырываться.

— Эй! Полегче! А в глаз ты не хочешь получить?

Доктор был на шесть дюймов выше его да и сложением покрепче. Мужчина быстро притих. Секунду спустя подоспели Бьюкэнен и Тейлор. Полицейский заявил:

— Вам надлежит стартовать в течение трех минут. А я позабочусь о том, чтобы убрать отсюда посторонних. — Он обернулся и крикнул: — Сержант Свенсон!

— Слушаю, сэр!

— Возьми-ка этого парня. — Тейлор указал на незнакомца.

Каргрейвз забрался в корабль. Когда он повернулся, чтобы закрыть за собой люк, он услышал крики толпы, сначала разрозненные, а затем слившиеся в громкий одобрительный гул. Захлопнув люк, он задраил его и скомандовал экипажу:

— Все по местам!

Арт и Росс влезли в противоперегрузочные устройства, установленные позади пилотских кресел; их места были расположены вертикально и напоминали по конструкции гамаки или санитарные носилки, поставленные стоймя. Ребята застегнули ремни, опоясывавшие их на уровне груди и коленей. Морри уже сидел в кресле, крепко упершись ногами в подставку, пристегнувшись ремнями и плотно прижавшись затылком к подушке подголовника. Каргрейвз расположился в соседнем кресле, придерживая больную ногу.

— Все готово, Морри!

Его взгляд скользнул по приборному щитку. Больше всего доктора интересовали температура цинка и положение кадмиевых поглотителей.

— Все готово, капитан, — отозвался Морри. — Вдарьте по газам — и вперед, когда будете готовы.

Каргрейвз пристегнулся и выглянул наружу через кварцевый иллюминатор. Насколько он мог видеть, поле было свободно. Цель их путешествия, круглая и прекрасная, висела в небе перед глазами. Под его правой рукой к ручке кресла был прикреплен большой рычаг. Ладонь капитана удобно легла на его рукоять.

— Арт?

— Готов, сэр!

— Росс?

— Готов.

— Второй пилот?

— Готов, сэр. Время шесть ноль одна!

Доктор медленно повернул рычаг вправо. За его спиной, повинуясь дистанционной команде, кадмиевые поглотители выдвинулись из графито-ториевой решетки; бессчетным нейтронам был освобожден путь к ядрам горючего. Истерзанные ядра, испустив дух, отдавали энергию кипящему цинку.

Корпус корабля задрожал. Левой рукой Каргрейвз включил носовые двигатели, компенсируя ими нарастающее давление сзади. Затем включил боковые двигатели, и ракета взметнула нос к небу. После этого доктор погасил носовые дюзы. «Галилей» устремился вперед, пилотов вмяло в

подушки кресел.

Они направлялись в небо, ввысь, в бесконечность.

9

В безднах космоса

Для Арта и Росса мир головокружительно перевернулся на девяносто градусов. Поначалу, пристегнутые к своим гамакам, они стояли вертикально и смотрели мимо Каргрейвза и Морри на Луну и западный горизонт, видневшиеся в иллюминаторе. Во время старта у них возникло ощущение, будто неведомая сила отбросила их назад, завалила на спину и вдавила в подушки противоперегрузочного устройства. В сущности, так оно и было. Мощным давлением, развиваемым двигателем, они были прижаты к подушкам и не могли шевельнуться. Сила ракетного привода определила для них направление, в котором они летели вверх.

Но заходящая Луна все еще была видна в иллюминатор, так что «вверх» означало, в сущности, «на запад». С того места, где лежали, распластавшись на спинах, Росс и Арт, казалось, что доктор и Морри сидят прямо над ними и лишь толстая

стальная конструкция, на которой были закреплены их кресла, удерживает пилотов от падения.

Изображение Луны мерцало и колебалось в потоках воздуха. Визг атмосферных молекул, бьющихся о борт корабля, звучал громче и неистовей ровного гула реактивного двигателя за спиной. Горизонт медленно удалялся от диска Луны, по мере того как корабль продвигался на запад и набирал высоту. Во время старта небо было свинцово-серым, но теперь, когда корабль поднимался к Солнцу, оно постепенно светлело и наливалось полуденной голубизной.

Потом небо стало фиолетовым, и на нем проявились первые звезды. Визг трущегося об обшивку воздуха постепенно затихал. Каргрейвз подключил гироскопы и позволил роботу Джо скорректировать курс. Луна мягко качнулась вправо на половину своего диска и замерла.

— Все в порядке? — крикнул Каргрейвз, на секунду отвлекаясь от пульта управления.

— Превосходно! — крикнул в ответ Арт.

— Кто-то уселся мне на грудь, — добавил Росс.

— Что ты говоришь?

— Я говорю, кто-то уселся мне на грудь! — крикнул Росс.

— Потерпи немножко, его брат сейчас тоже

подойдет.

— Не слышу!

— Прекратили! — прикрикнул на них Каргрейвз. — Это неважно. Второй пилот!

— Слушаю, капитан!

— Перевожу управление на автоматику. Приготовься к проверке курса!

— Есть, сэр!

Морри поднес октант к своему лицу и немного повернул голову, чтобы было удобнее смотреть на экран нижнего радара. Потом прижал затылок к подголовнику и напряг руки и ноги: он знал, что должно произойти.

— Астронавигатор готов!

Небо стало совершенно черным, звезды сияли ярко и больше не мерцали. Изображение Луны перестало дрожать, и адский визг воздуха совсем утих, слышался лишь неустанный грохот двигателя. Корабль вышел за пределы атмосферы и вырвался в открытый космос.

— Держитесь за шляпы, ребята! — крикнул Каргрейвз. — *Погнали!*

Движение рычага — и власть над ракетой целиком перешла к робопилоту Джо. Это безмозглое электронно-механическое устройство покачало головой и решило, что курс ему не нравится.

Изображение Луны скользнуло «вниз» и в направлении носа (если придерживаться принятых на кораблях терминов), и ракета разворачивалась, пока ее нос не нацелился в точку около сорока градусов к востоку от диска земного спутника.

Теперь корабль мчался к точке, в которой ему было суждено встретиться с Луной, и Джо занялся двигателем. Кадмиевые поглотители выдвинулись еще немного, и пришпоренная ракета увеличила скорость. Теперь Россу и впрямь казалось, что ему на грудь уселась целая семья. Стало тяжело дышать, и перед глазами поплыл туман.

Если бы Джо был способен чувствовать, он не стал бы гордиться тем, что сделал; все решения были приняты за него загодя, когда корабль еще не оторвался от земли. Морри, посоветовавшись с Каргрейвзом, поставил во внутренности автопилота один из заранее изготовленных трехмерных эксцентриков. Эксцентрик «сообщил» автопилоту, каким путем надо лететь к Луне, куда направиться вначале, какую тягу должны давать двигатели и как долго.

Джо не мог видеть Луну — он даже о ней никогда не слыхал, — но его электронные органы чувств указывали ему расхождение курса с неизменным направлением осей гироскопов и разворачивали

ракету в направлении, заданном эксцентриком, заложенным в его внутренности. Эксцентрик был рассчитан дальним родственником Джо, большим компьютером ЭНИАК Пенсильванского университета. Разумеется, пользуясь бортовым вычислителем, Морри и Каргрейвз вполне могли решить любую задачу и управлять кораблем вручную, но Джо при помощи «старшего брата» проделывал это лучше, быстрее и куда более точно и не нуждался в отдыхе. Единственное, что требовалось от человека, — это знать, чего он хочет от робота, и вовремя давать ему задания.

Джо не был детищем Каргрейвза; своим появлением на свет он был обязан тысячам ученых, инженеров и математиков. В последние ужасные дни Второй мировой войны «дедушка» Джо управлял нацистскими ракетами «Фау-2». Его «отца» устанавливали на межконтинентальных ракетах международных сил ООН. В нынешнее время его «брата» или «сестру» можно было найти в любой ракете, будь она частной или коммерческой, пассажирской или беспилотным транспортником, рассекавшим небо Земли. Роботу все одно — отправиться ли через Атлантику или махнуть на Луну. Он делал то, что велел ему делать эксцентрик; он даже не знал, что он

делает.

— Как там у вас внизу? — крикнул Каргрейвз.

— Кажется, все в порядке, — ответил Росс, еле ворочая языком.

— Меня тошнит, — простонал Арт.

— Дыши через рот, и поглубже.

— Не могу.

— Тогда терпи. Осталось недолго.

На самом деле Джо удерживал максимальную тягу всего лишь пятьдесят пять секунд. Потом, по совету все того же эксцентрика, была отдана команда на снижение ускорения. Кадмиевые поглотители углубились в реактор, захватывая нейтроны; рев ракетного двигателя стал тише.

Скорость корабля не уменьшилась, он лишь перестал так быстро ускоряться. Достигнутая скорость сохранялась, и в космическом пространстве, где невозможно трение о воздух, уже ничто не могло замедлить движение корабля. Тем не менее ускорение было уменьшено до одного *g* — величины, достаточной для преодоления тяготения огромной массы Земли и обеспечивавшего кораблю движение вперед. На самом деле ускорение было уже меньше, поскольку притяжение планеты снизилось и продолжало падать; вскоре оно должно было и вовсе исчезнуть — в

точке, расположенной в двухстах тысячах миль от планеты, там, где сравниваются притяжения Земли и Луны.

Двигатель корабля развивал такую тягу, что члены экипажа весили несколько меньше, чем на Земле. Искусственное тяготение имеет совершенно иную природу, чем земной вес, который ощущается, только когда человек связан с Землей, стоит на ней, плывет в океане или летит в атмосфере. Притяжение Земли существует и в открытом космосе, но у человека нет органов чувств, которые могли бы его воспринимать. Если кто-то падает с огромной высоты, скажем, пятнадцать тысяч миль, то он не чувствует, что падает; ему кажется, что Земля мчится навстречу, грозя обрушиться на него.

После того как уменьшилось колоссальное стартовое ускорение, доктор окликнул Арта:

— Парень, тебе уже лучше?

— Да, теперь все в порядке, — ответил тот.

— Вот и отлично. Может быть, поднимешься сюда? Отсюда лучше видно.

— Еще бы! — в один голос воскликнули Росс и Арт.

— Давайте, но только осторожнее.

— Ага! — Оба отстегнули ремни и полезли на-

верх, к пульту управления, цепляясь руками за скобы, приваренные к стенкам кабины.

Добравшись до пилотских кресел, они уселись на балках, поддерживающих сидения пилотов, и выглянули наружу.

После того как Джо изменил курс, Луну из своих гамаков они не видели. Отсюда же мальчики могли видеть ее в нижней части штурманского иллюминатора. Она была круглой, серебристо-белой и такой яркой, что глазам было больно; но заметного увеличения размеров диска пока не наблюдалось. В угольно-черном небе яркими бриллиантами сияли звезды.

— Вы только посмотрите! — выдохнул Росс. — Кратер Тихо светит, словно прожектор!

— Эх, взглянуть бы на Землю, — сказал Арт. — Этой консервной банке побольше б иллюминаторов, а то одного мало.

— А чего ты хочешь иметь за такие деньги? — осведомился Росс. — Часы с фонтаном? Это же бывший грузовик.

— Я могу показать ее на экране, — предложил Морри, включая радар.

Спустя несколько секунд экран засветился, но картинка их разочаровала. Арт с легкостью разобрался в ней, — в конце концов, радар был его

головной болью, — но с точки зрения эстетики изображение никуда не годилось: всего лишь полярная диаграмма, рассчитанная по азимутам и расстоянию, а в итоге какое-то расплывчатое пятно, одноцветное и невыразительное, на периферии круга, который представлял на экране кормовое направление корабля.

— Что ты мне показываешь? — сказал Арт. — Я хочу *увидеть* планету целиком, в виде глобуса с континентами и океанами.

— Подожди до завтра. Мы выключим двигатели и развернем корабль. Тогда ты увидишь Землю, Солнце — что хочешь.

— Ладно. А с какой скоростью мы идем? Хотя постой, я и сам вижу, — сказал Арт, вглядевшись в приборную панель. — Три тысячи триста миль в час.

— Неправильно, — сказал Росс. — Прибор показывает четырнадцать тысяч четыреста миль в час.

— Ты что, спятил?

— Сам ты спятил. Протри очки!

— Спокойно, ребята, спокойно! — вмешался Каргрейвз. — Вы смотрите на разные приборы. Какую скорость вы хотите знать?

— Скорость, с которой мы движемся, — наста-

ивал Арт.

— Ну, Арт, ты меня удивляешь. Ты же сам настраивал приборы. Подумай хорошенько, что ты сказал.

Арт уставился на приборную панель и смутился:

— Ах да, я совсем забыл. Так, мы набрали четырнадцать… нет, уже почти пятнадцать тысяч миль в час в свободном падении… но мы же не падаем!

— Мы все время падаем, — авторитетно заявил Морри, гордый своим статусом пилота. — С той самой секунды, как мы стартовали, мы постоянно падаем, но наши двигатели преодолевают падение.

— Да, да, я понял, — прервал его Арт. — Я забыл, но теперь вспомнил. Значит, три тысячи триста миль в час — это та скорость, о которой я говорил. Точнее, три тысячи триста десять.

«Скорость» в космосе — это очень тонкое и неоднозначное понятие, поскольку ее величина зависит от того, какую точку пространства выбрать в качестве «неподвижной», но такую точку в космосе не к чему привязать. Скорость, которой интересовался Арт, представляла собой скорость «Галилея» вдоль линии, соединяю-

щей Землю с точкой, в которой корабль должен был встретиться с Луной. Данная величина вычислялась автопилотом Джо путем векторного сложения трех громоздких выражений: во-первых, ускорения, приданного кораблю за счет работы двигателей; во-вторых, движения корабля, обусловленного его близостью к Земле, — «свободного падения», о котором говорил Арт. Третьей составляющей суммы являлось вращение самой Земли вокруг собственной оси: сюда входили скорость и направление, зависящие от времени старта и географической широты полигона в Нью-Мексико. Строго говоря, последний член не прибавлялся, а вычитался, если уж применять арифметику к такого рода вычислениям.

Эту задачу можно еще больше усложнить, если учесть, что «Галилей» двигался вместе с Землей и Луной в их беге вокруг Солнца со скоростью девятнадцать миль в секунду, или семьдесят тысяч миль в час, если смотреть на все это из космоса. Да и сама линия, связывающая Луну с Землей, вращалась вокруг Земли в соответствии с ежемесячными оборотами Луны, но робот Джо учитывал все это, следуя курсом, нацеленным к тому месту, где Луна *должна была* оказаться, а не туда, где она *была* в данный момент.

Можно было принять во внимание сложные движения Солнца и его планет по отношению к головокружительно вращающимся «неподвижным» звездам, а уж скорость этих свободных и легкомысленных движений могла бы оказаться всем, чем угодно, в зависимости от того, какие именно звезды выбирать в качестве точки отсчета. И уж во всяком случае, порядок этих скоростей составлял десятки и сотни миль в секунду.

Но все это нимало не беспокоило Джо. Его эксцентрик и многочисленные электронные схемы совершенно точно указывали ему, как довести ракету от Земли до Луны. Он был совершенно уверен в себе, и даже теория относительности доктора Эйнштейна ничуть его не смущала. Механические устройства и электронные схемы, из которых он состоял, не умели смущаться. Зато он был в состоянии обрабатывать поступающие данные, свидетельствующие о том, что «Галилей» мчится со скоростью, превышающей три тысячи триста миль в час, по воображаемой линии, соединяющей Землю с точкой, в которой он должен был встретиться с Луной. Морри мог проверить эти числа при помощи радара и несложной арифметики. Если найденная позиция не соответствовала вычислениям Джо, Морри мог скормить

ему необходимые поправки, и Джо принимал их и включал в последующие расчеты так же легко и непринужденно, как натренированный желудок преобразует крахмал в сахар.

— Три тысячи триста миль в час, — сказал Арт. — Не так уж много. Во время войны ракеты «Фау-2» двигались быстрее. Давайте поддадим газу и посмотрим, на что способен наш корабль. Как вы на это смотрите, док?

— Я за, — заявил Росс. — Дорога свободна, и есть где разогнаться. Давайте рванем побыстрее.

Каргрейвз вздохнул.

— Послушайте, — сказал он. — Когда вы гоняли с головоломной скоростью на той куче металлолома, которую вы называли автомобилем, и рисковали своей шеей, я даже не пытался вас придержать, я молчал, хотя это ставило под угрозу мою жизнь. Но ракетой управляю я. И мне спешить некуда.

— Ну ладно, ладно, мы только предложили, — успокоил его Росс. На мгновение воцарилась тишина, потом он добавил: — Но одна вещь не дает мне покоя…

— Что именно?

— Мне не раз доводилось читать, что для отрыва от Земли необходима скорость не менее семи

миль в секунду. А мы развиваем всего лишь три тысячи триста миль в час.

— Но ведь мы движемся, не так ли?

— Да но…

— Если уж на то пошло, мы наберем гораздо большую скорость до того, как начнем тормозить. Первую половину пути мы преодолеем быстрее, чем вторую. Сколько времени потребуется для того, чтобы достигнуть Луны, если мы сохраним нынешнюю скорость?

Росс быстренько подсчитал в уме, приняв во внимание расстояние от Земли до Луны и округлив его до двухсот сорока тысяч миль.

— Приблизительно трое суток.

— Ну и что ты видишь в этом плохого? Ладно, можешь не отвечать. Я совсем не пытаюсь показать, какой я умный. Это одно из самых старых заблуждений; оно проявляется всякий раз, когда человек, не сведущий в небесной механике, пытается написать рассказ о будущих космических перелетах. А все потому, что люди путают *стрельбу* с *полетом ракеты*. Если вы хотите запустить на Луну снаряд, как это предлагал Жюль Верн, то корабль должен покинуть жерло пушки со скоростью семь миль в секунду, иначе он упадет на Землю. Но на ракете вы можете дви-

гаться со скоростью пешехода, если у вас имеется достаточный запас мощности и топлива, чтобы продолжать движение, а не упасть на Землю. Конечно, при этом возрастает отношение массы ракеты к полезной нагрузке. И тем не менее мы сейчас делаем что-то в этом духе. Энергии нам хватит на что угодно с избытком. Я не вижу причин страдать от избыточных перегрузок ради того, чтобы достичь цели чуть быстрее. Луна ждала долго, подождет еще.

— Так что вот, — добавил он вдруг, — сколько бы ни говорили, сколько бы ни писали в учебниках физики, а люди до сих пор путают снаряд и ракету. Между прочим, это напомнило мне еще об одном древнем заблуждении — что ракета не может двигаться в безвоздушном пространстве, так как ей не от чего *отталкиваться*. Ну вот, вы уже смеетесь, — сказал доктор, глядя в лица мальчиков. — Вам это кажется чем-то смешным, вроде теории плоской Земли. А я слышал подобное утверждение из уст одного авиационного инженера в тысяча девятьсот сорок третьем году.

— Не может быть!

— И тем не менее… У него было двадцать пять лет стажа работы по специальности, и он работал на Райт-Филд в военно-морских силах. А сказал

он это в *сорок третьем* году, за год до того, как наци обстреляли Лондон ракетами «Фау-2». По его мнению, это было ну никак невозможно!

— Мне кажется, принцип работы ракеты должен понимать всякий, кому доводилось получать удар прикладом при выстреле из винтовки, — заметил Росс.

— К сожалению, не всегда так. Обычно это никак не воздействует на клетки мозга и все ограничивается синяком на плече. — Каргрейвз принялся выбираться из полуоткинутого пилотского кресла. — Ну ладно, пора подкрепиться. Ух! Нога совсем затекла. Я бы не прочь закусить и завалиться спать. Завтрак явно не пошел мне на пользу: слишком много людей стояло в дверях, глядя как я орудую ложкой.

— Спать? — воскликнул Арт. — Вы сказали спать? Нет уж, после такого я даже глаз не сомкну. Мне кажется, я не смогу заснуть, пока мы не прилетим!

— Это уж как хочешь. Что до меня, я намерен всхрапнуть сразу после еды. Смотреть еще не на что, и так будет до тех пор, пока мы не окажемся в свободном полете. А что до Луны, то, уверяю тебя, ее гораздо лучше рассматривать с Земли в телескоп.

— Это совсем разные вещи, — возразил Арт.

— Разные, — согласился Каргрейвз. — Но все равно я намерен достичь Луны свежим и бодрым. Морри, где у нас были консервные ножи?

— Э-э… — Морри запнулся, на его лице проступило выражение крайней тревоги. — Слушайте, я их, кажется, забыл. Я положил их на полочку около раковины, но тут какая-то корреспондентка задала мне дурацкий вопрос, и я…

— Да, да, я видел, — вмешался Росс. — Ты перед ней чуть не на задних лапках ходил. Это было так мило.

Каргрейвз тихонько присвистнул:

— Надеюсь, что мы не забыли чего-нибудь действительно необходимого. Ладно, Морри, обойдемся без консервного ножа. Я так голоден, что смогу открыть банку зубами.

— Не стоит, док, — поспешно сказал Морри. — У меня есть нож со специальным таким лезвием для… — произнес он, лихорадочно ощупывая карман; выражение его лица резко переменилось. — Вот! Вот же консервные ножи, док!

— Морри, ты хоть телефончик у той корреспондентки не забыл взять? — спросил Росс, невинно поглядывая на смущенного товарища.

Обед или поздний завтрак — сказать точно

было бы трудно — состоял исключительно из армейских пайков. Затем Каргрейвз достал сверток с постельным бельем и расстелил его на переборке, которая теперь стала палубой, отделявшей рубку от грузового отсека. Морри решил устроиться на ночь в пилотском кресле. С подлокотниками, подголовником и подставкой для ног оно было похоже на парикмахерское кресло и могло откидываться назад. Каргрейвз не стал отговаривать мальчика, лишь напомнив ему о необходимости заблокировать пульт управления, перед тем как заснуть.

Но уже через час Морри вылез из кресла и расстелил постель подле доктора. Арт и Росс улеглись в противоперегрузочных гамаках, представлявших собой удобные спальные места — если, конечно, не пристегиваться.

Несмотря на приглушенный рокот двигателя, несмотря на возбуждение — ведь они были в настоящем космосе! — уже через несколько минут мальчики крепко заснули. Они смертельно устали и нуждались в отдыхе.

В течение ночи по мере уменьшения притяжения Земли робот Джо плавно снижал тягу двигателя.

Арт проснулся первым. Не сообразив, где нахо-

дится, он едва не вывалился из гамака на спящих под ним товарищей, но все же успел сориентироваться. И наконец-то совсем проснулся.

Космос! Он летел в космосе! На Луну!

Затем мальчик на цыпочках перебрался в пилотское кресло. Он старался не шуметь, хотя его вряд ли можно было услышать сквозь рев двигателя и не уступающий ему по силе храп доктора. Усевшись на место пилота, Арт с любопытством и удовольствием ощутил необычайную легкость своего тела, вызванную снижением ускорения.

Луна висела практически там же, где и была, но значительно выросла в размерах и казалась такой красивой, что Арт даже зажмурил глаза. Потом он снова с осторожностью их открыл. На секунду его пронзила тревога: как же они собираются достичь Луны, если та не движется к точке, на которую они нацелились?

Для Морри здесь не было бы проблемы: на курсах пилотов он хорошо познакомился с траекториями столкновения, перехвата и прочими премудростями такого рода. Но поскольку ситуация казалась противоречащей здравому смыслу, Арт долго мучился, прежде чем ему удалось до некоторой степени уяснить положение: если автомобиль мчится наперерез железнодорожному

полотну, а поезд приближается к перекрестку так, что они непременно должны столкнуться, то направление на поезд, с точки зрения шофера, не меняется вплоть до момента удара.

Это была простейшая задача на подобные треугольники, которую легко решить, если есть чертеж; но представить все это мысленно было не так-то просто. Луна движется к точке встречи со скоростью две тысячи миль в час, и все же направление на нее не будет меняться; она будет просто расти в размерах до тех пор, пока не заполнит собой весь небосвод.

Взгляд Арта скользнул по лику Луны, и в памяти всплыли красиво звучащие названия: море Спокойствия, океан Бурь, Лунные Апеннины, Лагранж, Птолемей, море Дождей, Катарина — они так и лились с языка. Он не смог бы с уверенностью назвать столицы пятидесяти одного штата и даже страны, входящие в ООН, но географию Луны — или, может быть, селенографию? — Арт знал не хуже улиц родного города. Как же выглядит обратная сторона, второе лицо Луны, невидимое с Земли? Ослепительный лунный свет начал резать глаза, и Арт посмотрел выше, устремив взгляд в глубокую черноту космоса, оттеняемую сиянием звезд.

В направлении полета «Галилея» было лишь несколько по-настоящему ярких звезд. Прямо по курсу, ближе к верхнему краю иллюминатора, мерцал Альдебаран. Справа закругление иллюминатора пересекало Млечный Путь, так что хотя бы небольшая часть этой величественной звездной реки открывалась глазам пилота. Арт разглядел несколько звезд Овна, а рядом с Альдебараном висели призрачные Плеяды. Но впереди, сколько бы он ни вглядывался, был виден лишь свет слабых звезд, мерцавших в глубокой бесконечности космической пустыни.

Откинувшись назад, Арт уставился в чудовищную даль, бездонность которой превосходила всякое человеческое воображение, и оцепенел, словно потеряв самого себя. Ему показалось, что он покинул уютный и безопасный корабль и погрузился в черное безмолвие.

Он поежился и заморгал глазами, впервые ощутив желание никогда больше не покидать спокойный, привычный родной дом. Ему нестерпимо захотелось вернуться в свою подвальную лабораторию, в магазинчик, принадлежащий матери, к обычным разговорам простых людей, оставшихся на Земле и не думавших о беспредельных просторах космоса.

И все же черная бездна околдовала его. Он почувствовал под правой рукой рычаг управления. Сними он сейчас рычаг со стопора и переведи вправо, как они стремительно рванутся вперед и, развивая немыслимое ускорение, пронесутся мимо Луны — слишком рано для их встречи в космосе. Прочь от Луны, от Солнца, от Земли, что осталась за спиной, — все дальше и дальше, пока не погаснет огонь в ториевой топке или не испарится весь цинк; но и тогда они не остановятся и будут вечно мчаться сквозь годы в бесконечные глубины Пространства.

Арт моргнул, зажмурил глаза и вцепился в подлокотники кресла.

10

Научный метод

— Ты что, спишь?

Голос заставил Арта вскочить; до сих пор он сидел, закрыв глаза, и оклик его испугал. Но это был всего лишь Каргрейвз, карабкавшийся наверх.

— Доброе утро, док. Боже, как я рад вас видеть! От этого места у меня уже мурашки по коже.

— Доброе утро, если только это утро. Во всяком случае, где-то сейчас должно быть утро. — Док-

тор посмотрел на часы. — Я не удивлен, что ты чувствуешь себя неуютно. Интересно, понравилось бы тебе совершить подобное путешествие в одиночку?

— Только не мне!

— И не мне. На Луне будет не менее одиноко, но твердая почва под ногами придает хоть какую-то уверенность. Я думаю, путешествия на Луну не станут популярными до тех пор, пока там не появится несколько миленьких шумных ночных баров и пара боулингов. — Каргрейвз уселся в кресло.

— Неужели такое будет?

— Почему бы и нет? Когда-нибудь Луну станут посещать туристы. Кстати, ты замечал, что туристы, прибывшие в незнакомое место, первым делом ищут те развлечения, которые могли с тем же успехом получить у себя дома?

Арт глубокомысленно кивнул, мотая это замечание себе на ус. Его собственный опыт путешественника был весьма скуден до сих пор!

— Как вы думаете, дядя, я смогу сфотографировать Луну через иллюминатор?

Каргрейвз покосился на него:

— Конечно. Но зачем тратить пленку? Лучшие снимки Луны были сделаны с Земли. Подожди,

пока мы не перейдем в свободный полет и не развернемся. И уж тогда ты сделаешь действительно уникальные фотографии — Земля из космоса! Или, еще лучше, сфотографируй Луну, когда мы будем облетать вокруг нее.

— Именно об этом я и мечтаю! Снимки обратной стороны Луны!

— Я так и подумал. — Каргрейвз на мгновение замолчал, а потом добавил: — Ты думаешь, там будет что снимать?

— Э-э… ага, я вас понял. Возможно, там будет слишком темно?

— Это не совсем то, что я хотел сказать, хотя и это тоже имеет значение: во время облета Луна будет еще совсем молодая всего три дня после новолуния — я имею в виду новолуние на обратной стороне. Мы постараемся устроить так, чтобы ты смог сделать нужные снимки на обратном пути. Я про другое: откуда ты знаешь, что у Луны вообще есть обратная сторона? Ведь ты никогда ее не видел. И кстати, ее вообще никто никогда не видел, если уж на то пошло.

— Но она должна… я хочу сказать, что… видна эта…

— Если я правильно расслышал, док, вы сказали, что у Луны нет обратной стороны? — Это

был Росс, его голова внезапно появилась подле Каргрейвза.

— Привет, Росс. Нет, я этого не утверждал. Я лишь спрашивал Арта, что дает ему основание полагать, что она там есть.

— Не поддавайся ему, Арт, — улыбнулся Росс. — Разве ты не видишь, что он подначивает тебя?

Каргрейвз лукаво улыбнулся:

— Ну что ж, мистер Аристотель, вы схватили косточку. Постарайтесь доказать мне, что обратная сторона Луны существует.

— Это следует из общих соображений.

— Каких именно соображений? Ты там был? Видел ту сторону?

— Нет, но…

— Может быть, ты хотя бы знаком с кем-нибудь, кто видел? Читал книги, статьи, авторы которых заявляли бы, что они ее видели?

— Нет. Но я уверен, что у Луны есть обратная сторона.

— Почему?

— Потому, что я вижу эту сторону.

— И что это доказывает? Разве твой опыт, приобретенный до нынешнего момента, не ограничивался лишь теми вещами, которые ты видел на Земле? Кстати, я могу назвать одну вещь, кото-

рую ты видел на Земле и у которой нет обратной стороны.

— А? И что же это такое? О чем это вы, ребята, толкуете? — раздался голос Морри, взбиравшегося наверх с другой стороны.

— Привет, Морри, — сказал Арт. — Хочешь сесть в свое кресло?

— Нет, спасибо. Я присяду рядом. — Морри устроился на балке, болтая ногами. — О чем спор?

— Доктор пытается, — ответил Росс, — доказать нам, что у Луны нет обратной стороны.

— Нет, нет, — поспешил возразить Каргрейвз, — и еще раз нет! Это я пытаюсь добиться от вас доказательств, что она существует. Я уже говорил, что даже на Земле встречается вещь, не имеющая обратной стороны, и хотел таким образом отвести возражение Росса, основанное на его опыте, — даже если считать, что земной опыт обязательно применим на Луне, с чем я, в общем-то, не согласен.

— Та-а-ак. Секундочку! Рассмотрим сначала последнее утверждение. Разве законы природы не действуют везде, во всей Вселенной?

— Голословное утверждение, ничем не подкрепленное.

— Но, основываясь на нем, астрономы предсказывают затмения и прочие вещи, и весьма успешно.

— Ты смотришь на проблему не с той стороны. Китайцы предсказывали затмения задолго до того, как была принята теория неизменности законов природы. На самом же деле в лучшем случае мы видим некоторое ограниченное сходство явлений, происходящих в космосе и на Земле. Это не имеет никакого отношения к обратной стороне Луны, которую вы никогда не видели и которой, быть может, вовсе не существует.

— Но некоторая часть той стороны иногда видна, — возразил Морри.

— Верно, — согласился Каргрейвз. — Из-за либрации и всего прочего вроде эксцентричности лунной орбиты и наклонности ее оси мы порой можем заглянуть за угол и увидеть примерно шестьдесят процентов ее поверхности, *если*, конечно, она имеет форму шара. Но я говорю о тех сорока процентах, которые мы никогда не видим.

— Ага, — сказал Росс, — вы имеете в виду, что невидимая часть может оказаться как бы срезанной, словно половинка яблока. Ну что ж, вы можете оказаться правы, что же до меня, то я

готов поставить шесть молочных коктейлей с шоколадом, что вы заблуждаетесь. Расплатиться мы можем после возвращения на Землю. Идет?

— В научной дискуссии нет места для пари, — ответил Каргрейвз. — К тому же я могу и проиграть. Но я не имел в виду отрезанного куска яблока или чего-нибудь подобного. Я говорил лишь о том, что обратной стороны может не быть вовсе. Возможно, обогнув Луну, мы вообще ничего не увидим — ничего, кроме пустого пространства, — и, глядя на Луну с той стороны, мы вовсе не увидим самой Луны. Я не утверждаю, что так и будет; я лишь прошу *доказать*, что мы что-то увидим.

— Минутку, — прервал его Морри, в то время как Арт с беспокойством взглянул в иллюминатор, словно опасаясь, что Луны там и вправду нет, а она светила как ни в чем не бывало! — Док, вы упомянули о каком-то предмете, существующем на Земле и не имеющем обратной стороны. Разъясните подробнее глупому парнишке из Миссури!

— Радуга. Она видна только с одной стороны: со стороны, обращенной к Солнцу. Обратной стороны не существует.

— Но мы не можем пройти на ту сторону!

— Попробуй поэкспериментировать с садовым шлангом в солнечный день. Обойди вокруг радуги. И ты ее не увидишь.

— Но, док, — возразил Росс. — Это же совсем из другой оперы. Параллели здесь неуместны. Радуга — это лишь световые волны, а Луна — нечто вполне материальное.

— Именно это вы и должны доказать, и до сих пор вам это не удавалось. Откуда вам известно, что Луна материальна? Все, что вы видите, суть световые волны, как и в случае с радугой.

Росс задумался.

— Ну хорошо, я понял, к чему вы клоните. Но известно, что Луна действительно материальна. Еще в сорок шестом году она отразила луч радара.

— Но это были все те же лучи: инфракрасный ли свет, ультракороткие ли радиоволны — все это одно и то же. Давай снова.

— Но они *отразились*!

— И вновь ты ищешь аналогию на Земле. Повторяю: нам ничего не известно о законах природы на Луне, кроме того, что мы получили, изучая нематериальные волны электромагнитного спектра.

— А как же приливы и отливы?

— Они, конечно же, существуют. Мы их наблюдаем, можем даже намочить в них ноги. Но в отношении Луны это ничего не доказывает. То, что приливы вызывает Луна, — лишь общепринятое мнение, голая теория. Человечество меняет теории так же легко, как нижнее белье. Быть может, уже в следующем году астрономы решат, что приливы порождают Луну. У тебя есть другие идеи?

Росс глубоко вздохнул:

— Вы пытаетесь запутать меня в словах. Верно, я никогда не видел обратной стороны Луны. Я не щупал ее и не пытался отломить от нее кусок. Кстати, используя вашу аргументацию, можно было бы предположить, что Луна состоит из зеленого сыра.

— Не совсем, — возразил Каргрейвз. — Насчет этого у нас есть более или менее достоверные сведения. Один астроном снял спектр зеленого сыра и сравнил его со спектром Луны. Ничего общего.

— Неужели и вправду? — хихикнул Арт.

— Точно. Можешь посмотреть статью.

Росс пожал плечами.

— Ничем не лучше данных экспериментов с радаром, — резонно возразил он. — Но вернемся к моему доказательству. Мы точно знаем, что

существует видимая сторона Луны, неважно, какова ее природа, лишь бы она была достаточно материальна, чтобы отражать лучи радара. Тогда мы должны согласиться, что у нее есть обратная сторона — плоская, круглая, квадратная или бесформенная. Это лишь результат математической дедукции.

Морри хмыкнул.

Каргрейвз лишь еле заметно усмехнулся.

— Ну, Росс… подумай над своими словами. Что является предметом, изучаемым математикой?

— Математика изучает… — Росс внезапно осекся. — М-да, я наконец-то понял. Математика не изучает ничего реального. Если мы обнаружим, что у Луны нет обратной стороны, то нам просто придется изобрести новую математику.

— Вот об этом я и говорю! Все дело в том, что мы *не можем утверждать*, что другая сторона Луны имеется, пока мы не попадем туда. Я лишь пытался продемонстрировать вам, — продолжал доктор, — насколько несостоятельны умозаключения, сделанные при помощи «здравого смысла», если разобраться по-настоящему. Ни «здравый смысл», ни «логика» не способны ничего доказать. Доказательства добываются при помощи эксперимента или, что то же самое, из

опыта, и ниоткуда более. Вот вам короткая лекция по научной методологии, можете зачесть ее за тридцать минут, отведенных на сегодняшние занятия. Кто-нибудь, кроме меня, хочет позавтракать? Или уменьшенный вес ухудшил ваш аппетит? — Доктор полез вниз.

Во время приготовления завтрака Росс выглядел очень сосредоточенным. Завтрак должен был быть настоящим: его решили приготовить из весьма ограниченного запаса неконсервированных продуктов. «Галилей» располагал чем-то вроде камбуза, состоявшего в основном из плитки и маленького холодильника. Была предусмотрена возможность мыть тарелки, ножи и вилки. Они ополаскивались (очень экономно) водой, которая скапливалась в емкости кондиционера, а затем стерилизовались на плитке. На корабле было все, что нужно, даже очень тесная, но совершенно незаменимая уборная. Все вспомогательные предметы, даже такие, как тарелки, были изготовлены из цинка, резервного вещества для ненасытного реактора.

Они сели — точнее, опустились на корточки — за завтрак, состоявший из цельного молока, овсяных хлопьев, вареных яиц, булочек, джема и кофе. Когда все было съедено, Каргрейвз удовле-

творенно вздохнул.

— Жаль, что такой пир нельзя будет устраивать каждый день, — сказал он, набивая трубку. — Космические путешествия еще нескоро станут комфортабельными.

— Осторожнее с трубкой, капитан, — предостерег его Морри.

— О черт, я совсем забыл, — виновато пробормотал Каргрейвз и с сожалением посмотрел на трубку. — Слушай, Росс, — спросил он. — Как ты думаешь, сможет ли кондиционер достаточно быстро освежить воздух?

— Давайте проверим, — ответил тот. — Я думаю, одна трубка не убьет нас. Но, док…

— Да?

— Э-э… а вы-то сами *верите*, что у Луны есть обратная сторона?

— Опять ты об этом?.. Конечно верю.

— Но…

— Это лишь мое личное мнение. Я верю в это, основываясь на предположениях, допущениях, теориях, суевериях и тому подобном. Это часть иллюзий, с которыми я живу, но они не являются строгим доказательством. Если на деле все окажется не так, то, надеюсь, я обуздаю эмоции и мне не снесет крышу. Кстати, подоспело время

ежедневных занятий, — продолжал он. — Тридцать минут мы уже отработали, так что остается лишь полтора часа. Беритесь-ка за книжки.

Арт был поражен.

— Я подумал, что вы шутите, дядя. Неужели вы будете настаивать на выполнении такого расписания даже *на Луне*?!

— Если не помешают обстоятельства. Кстати, сейчас особенно удобно заняться пополнением запаса знаний, поскольку ничего не видно и совершенно нечего делать.

Удивленное лицо Арта прояснилось.

— Боюсь, мы не сможем сесть за уроки, дядя. Мы так далеко засунули книги, что достать их сможем только после посадки.

— Вот как? Ну что ж, это нас не остановит. Что такое школа? — процитировал он. — Это скамья, на одном конце которой сидит учитель, а на другом — ученики. У нас будут лекции и контрольные. Начнем с опроса на повторение. Ну-ка, садитесь поближе, несчастные!

Они уселись в кружок, скрестив ноги, на переборке машинного отделения. Из своего бездонного кармана Каргрейвз извлек карандаш и сравнительно чистый лист бумаги.

— Ты первый, Арт. Изобрази и опиши устрой-

ство циклотрона. Повторим основы. Посмотрим, много ли ты забыл.

Арт, наморщив лоб, начал вычерчивать важнейшие части циклотрона. Он нарисовал два пустотелых полуцилиндра, расположенных рядом и обращенных друг к другу разрезами.

— Полуцилиндры изготовлены из меди, — сказал он, — и к ним подводится высокое напряжение очень высокой частоты. В сущности, источник этого напряжения представляет собой нечто вроде коротковолнового передатчика — я его не стал рисовать. Помимо них имеется сильный электромагнит, поле которого проходит в щель между полуцилиндрами и направлено вертикально. Весь аппарат помещен в вакуумную камеру. Берется источник ионов…

— Каких именно?

— Ну… можно ввести в камеру немного водорода и хорошенько разогреть его в центре между полуцилиндрами и получить ядра водорода — протоны.

— Так, продолжай.

— Протоны, разумеется, заряжены положительно. Переменный ток заставляет их совершать колебания между электродами. Но магнитное поле вынуждает их двигаться по окружностям,

ведь протоны — заряженные частицы. В итоге они движутся по спирали между полуцилиндрами и при каждом обороте набирают скорость до тех пор, пока пучок их не вылетает наружу через тонкое металлическое окошко в безвоздушное пространство.

— Ну и зачем все это нужно?

— Если направить такой пучок быстрых протонов на образец, например на кусочек металла, то начнутся интересные вещи. Пучок выбивает электроны из атомов и даже может проникнуть вглубь ядер, вызывая трансмутацию элементов или делая вещество радиоактивным и всякое такое.

— Неплохо, — признал Каргрейвз и начал задавать вопросы, касающиеся деталей. — И вот еще что, — добавил он напоследок. — Ты отвечал удовлетворительно, но, между нами, схема нарисована небрежно.

— У меня никогда не получались рисунки, — защищался Арт. — Я всегда предпочитал делать фотографии.

— Ты, вероятно, сделал очень много снимков. Что же касается художественных способностей, то я их также лишен, но чертить я научился. Подумай, Арт, и вы двое тоже подумайте. Если вы не

умеете чертить, это значит, что и увидеть толком не можете. Если вы четко представляете себе предмет, вы сможете перенести его на бумагу. И если вы что-то увидели и запомнили, вы должны суметь начертить по памяти.

— Как бы я ни старался, линии идут не туда, куда надо.

— Карандаш направляет твоя рука. У него нет собственной воли. Я посоветую тебе практиковаться, тренироваться и думать о том, что ты видишь. Все вы, оболтусы, собираетесь быть учеными, а умение чертить для ученого не менее важно, чем искусство владеть логарифмической линейкой. Даже более важно, ведь без логарифмической линейки можно и обойтись. Ну ладно, Арт. Следующим будет Росс. Расскажи-ка мне в двух словах о радиоактивной последовательности протактиния.

Росс набрал полную грудь воздуха.

— Существует три семейства радиоактивных изотопов: семейство урана, тория и протактиния. Последнюю открывает изотоп уран-235, и… — Обстоятельный разговор продолжался около полутора часов; Каргрейвз хотел, чтобы они были как можно более свободными в будущем, и в то же самое время старался придерживаться духа и

буквы соглашения, заключенного с отцом Росса.

Наконец он сказал:

— Ну что ж, теперь мы можем подкрепиться. Скоро тяга двигателя упадет до нуля. Ускорение постоянно уменьшается — чувствуете, как ваше тело становится легче?

— Возьмемся за консервы? — спросил Морри, который был не только вторым пилотом, но и интендантом.

— Не стоит, — медленно произнес Каргрейвз. — Давайте-ка ограничимся концентратом аминокислот и желе. — Он вопросительно приподнял брови.

— Мм... ясно, — согласился Морри, глядя на своих товарищей. — Наверное, вы правы.

Обучаясь на пилотских курсах, Морри и Каргрейвз побывали в невесомости, но желудки Росса и Арта еще предстояло испытать.

— А в чем, собственно, дело? — спросил Арт.

На лице Росса отразилось недовольство.

— Они думают, что нас стошнит. Мы же почти ничего не весим. Послушайте, док, вы нас за детей считаете?

— Нет, — ответил Каргрейвз. — Тем не менее вы можете плохо переносить невесомость. Со мной это уже было. И я считаю, что продукты,

подвергнутые химической обработке, будут очень кстати.

— Какого черта! У меня крепкий желудок. Меня никогда не тошнило в самолете.

— А в море?

— Никогда не плавал на кораблях.

— Поступай как знаешь, — уступил Каргрейвз. — Но на одном я буду настаивать: держи мешок перед собой. Мне не хотелось бы, чтобы то, что из тебя полезет, попало в кондиционер.

Доктор отвернулся и принялся готовить себе желе, насыпая в воду порошок. Размешав жидкость, он выпил ее. Продолжая хмуриться, Росс тем не менее отставил в сторону консервы и направился к плите, намереваясь приготовить аминокислотный концентрат на горячем молоке. Вскоре очнулся робот Джо и выключил двигатель.

Четверо путешественников отнюдь не взлетели к потолку, и ракета не стала бешено вращаться. Не произошло ни одной из тех вещей, которые обычно изображают в комиксах. Тяга постепенно исчезла, и все предметы в корабле попросту потеряли вес. Невесомость поразила их не больше, чем наступившая тишина. Каргрейвз заранее осмотрел корабль и удостоверился, все ли при-

вязано и закреплено, чтобы воздух не заполнили свободно парящие предметы.

Доктор, оттолкнувшись одной рукой, приподнялся в кресле и, двигаясь словно пловец, плавно перевернулся в воздухе и медленно поплыл вниз — или, может быть, вверх, теперь эти понятия утратили смысл, — туда, где болтались Арт и Росс, пристегнутые ради безопасности ремнями к своим гамакам. Ухватившись одной рукой за гамак Арта, доктор замедлил движение.

— Эй! Как вы там?

— Кажется, все в порядке, — сглотнув, пробормотал Арт. — Похоже на падение в лифте. — Его лицо заметно позеленело.

— А ты, Росс?

— Ничего, терплю, — сказал Росс и внезапно подавился. Его лицо стало серым, а не зеленым, как у Арта.

Космическая болезнь — не шутка, и об этом знает каждый курсант-ракетчик. Она похожа на морскую болезнь — тошноту, возникающую у пассажиров, когда судно проваливается между волнами, — с той лишь разницей, что в космосе это падение не прекращается.

Во время коммерческого рейса из одного пункта Земли в другой невесомость длится не более

нескольких минут, в основном полет проходит либо с включенным двигателем, либо в планировании. Рассчитанный Каргрейвзом курс предусматривал многочасовой период свободного падения. С их запасами топлива можно было проделать на тяге весь путь, но тогда было бы невозможно развернуть корабль — что он собирался сделать сейчас — до того, как придет время предпосадочного торможения.

Только повернув корабль, можно было посмотреть из космоса на Землю; Каргрейвз намеревался сделать это, пока Земля не оказалась слишком далеко.

— Некоторое время вам придется провести на своих местах, — предупредил он. — Я собираюсь развернуть ракету.

— Я хочу посмотреть! — решительно заявил Росс. — Я так долго ждал этого момента! — Он отстегнул ремни и его тут же едва не вырвало. Из его рта показалась слюна, которая не потекла по подбородку, а разделилась на крупные капли, которые нерешительно разлетелись в разные стороны.

— Возьми носовой платок, — посоветовал Каргрейвз, который чувствовал себя лишь немногим лучше. — И спускайся, если сможешь. — Он по-

вернулся к Арту.

Тот уже вовсю пользовался своим платком. Каргрейвз вернулся в пилотское кресло. Он знал, что не в силах помочь мальчикам, к тому же его собственный желудок также выписывал кренделя и, казалось, медленно кувыркался. У доктора появилось желание закрепить его на месте, хорошенько прижав ремнем. Усевшись в кресле, он заметил, что Морри согнулся пополам, держась за живот. Каргрейвз не стал ничего говорить и внимательно присмотрелся к приборам, готовясь к развороту. Ничего, Морри оправится.

Развернуть корабль было очень простым делом. В центре тяжести корабля располагался небольшой массивный металлический маховик. На пульте управления имелась рукоятка, при помощи которой его можно было поворачивать на произвольный угол. Маховик был установлен на свободном карданном подвесе, и после поворота кардан можно было зафиксировать. Маховик раскручивался и останавливался при помощи электромотора.

Маховик мог развернуть находящийся в свободном падении корабль и затем удерживать его в новом положении. (Следует пояснить, что поворот никоим образом не влиял на курс и скорость

«Галилея», а лишь на его ориентацию, направление, в котором он был нацелен. Так, прыгая в воду с вышки, ныряльщик может крутить во время падения сальто, нисколько не меняя траектории своего полета.)

Сравнительно небольшой маховик способен развернуть огромную махину корабля в силу простого физического закона, но этот способ не часто применяется на Земле. Основным принципом является сохранение момента движения, в данном случае — углового момента. С ним очень хорошо знакомы любители фигурного катания на льду, многие из сложнейших трюков основаны на применении этого закона.

Пока маленький маховик быстро вращался в одном направлении, корабль медленно разворачивался в противоположном. Когда маховик останавливался, корабль тут же прекращал разворот.

— Наденьте темные очки! — запоздало крикнул Каргрейвз, когда корабль начал разворот и звезды поплыли мимо иллюминатора.

Мальчики, хоть и имели плачевный вид, все же нашли в себе силы нащупать очки, которые на этот случай лежали у каждого в кармане, и нацепить их на нос.

Очки понадобились очень скоро. Луна плавно скрылась из виду. В иллюминаторе показались Земля и Солнце. Земля выглядела огромным ярко светящимся серпом, похожим на Луну спустя два дня после новолуния. На этом расстоянии в одну четверть пути до Луны Земля казалась раз в шестнадцать больше, чем Луна с Земли, и намного величественнее. Рога полумесяца были бело-голубыми из-за полярных снежных шапок. По всей его длине виднелись зеленовато-голубые моря и темно-зеленые и песчано-коричневые просторы океанов, лесов, полей… Линия тени пролегла через сердце Азии и рассекала Индийский океан. Все это было видно совершенно отчетливо, будто на школьном глобусе. Индийский океан был частично скрыт огромной грядой облаков, — возможно, снизу они выглядели штормовыми тучами, но отсюда они были ослепительно-белыми, похожими на полярные снега, какими их видно из космоса.

А в объятиях полумесяца пряталась ночная сторона Земли; она была слабо, но достаточно ясно освещена почти полной Луной, оказавшейся за кормой корабля. Там и тут в темноте вспыхивали сверкающими бриллиантами огоньки — земные города, такие родные, такие знакомые

и манящие. На Луне такого не увидишь, даже когда «молодой месяц держит в объятиях старую Луну».

На полпути от экватора к северному рогу виднелись три очень ярких огня, расположенные близко друг от друга, — Лондон, Париж и возрожденный Берлин. На другом берегу темного Атлантического океана, на самом краю диска, сияла особенно яркая точка — огни Бродвея и всего Большого Нью-Йорка.

Трое юношей видели Нью-Йорк впервые, не говоря уже об остальной части планеты!

Хотя это и был их дом, который они могли сейчас наблюдать из точки, откуда до сих пор никто никогда не видел Землю, внимание мальчиков довольно скоро привлекло еще более захватывающее зрелище — Солнце. Его видимые размеры составляли лишь одну шестнадцатую огромного серпа Земли, но Солнце было вне конкуренции. Солнце висело ниже Земли — разумеется, по отношению к ориентации «Галилея», а не в смысле «выше» или «ниже», — на расстоянии примерно в четыре видимых диаметра последней. Размеры самого светила были точно такими же, как и при взгляде с Земли, а яркость примерно такой же, какую можно видеть в полдень в прозрачном небе

пустыни. Но небо вокруг него в безвоздушном пространстве было черным, и Солнце опоясывала сияющая корона. Видны были протуберанцы, и по лику Солнца проносились испепеляющие бури.

— Не смотрите прямо на Солнце, — предупредил Каргрейвз, — даже если вы настроили поляризатор на максимальное поглощение. — Доктор имел в виду двойные линзы очков, сделанные из поляризующего стекла. Внешние стекла могли поворачиваться.

— Я должен сфотографировать это! — воскликнул Арт и выскочил из гамака, совершенно забыв про космическую болезнь.

Вскоре он вернулся к иллюминатору, захватив «Контакс», и начал прилаживать к нему самый длиннофокусный объектив.

Камера была старой, но она была одной из немногих вещей, которые мать Арта умудрилась вывезти из Германии, и мальчик ею очень гордился. Привинтив объектив, он извлек из футляра «Уэстон», но Каргрейвз остановил его.

— Хочешь спалить экспонометр? — спросил он.

Рука Арта замерла.

— Да, верно, — признал он. — Но как я получу

снимок?

— Может, ты его вообще не получишь. Лучшее, что ты можешь сделать, — взять пленку наименьшей чувствительности, самый темный фильтр, установить самую малую диафрагму и самую короткую экспозицию. Потом помолиться Богу.

Глядя на расстроенного мальчика, доктор продолжал:

— На твоем месте я бы не стал расстраиваться из-за снимков Солнца. Пусть этим занимаются астрономы, которые выйдут в космос по нашим стопам. Лучше займись фотографированием Земли. Сначала пощелкай Солнце, а потом мы займемся Землей. Я заслоню объектив от Солнца рукой.

Арт сделал несколько снимков Солнца и приступил к фотографированию Земли.

— Никак не могу замерить экспонометром, какую поставить выдержку, — пожаловался он. — Солнце слишком мешает.

— Ты же *знаешь*, сколько света получает Земля. Давай предположим, что освещенность примерно соответствует условиям пустыни, а потом сделаем несколько снимков с чуть большей и чуть меньшей экспозицией.

Когда Арт закончил, Каргрейвз сказал:

— Смотрите, ребята, как бы нам не обгореть. — И, потрогав пластиковую оболочку кварцевого иллюминатора, добавил: — Фильтр, конечно, отсеивает наиболее губительные лучи, но осторожность не повредит.

— Ерунда, мы все загорели дочерна, — возразили мальчики, на коже которых оставило свои следы жаркое солнце пустыни Нью-Мексико.

— Верно. Но это самый яркий солнечный свет, который когда-либо видели люди. Так что будьте осторожны.

— Интересно, — заговорил Морри, — насколько опасны эти лучи, раз они не задерживаются атмосферой? Я имею в виду, помимо солнечных ожогов.

— Ты читал те же самые статьи, что и я. Здесь мы получаем больше космического излучения, чем на Земле. Может быть, оно убьет нас. А может быть, у ваших детей будут длинные зеленые щупальца. Это риск, который мы должны принять на себя.

— Ну, Колумб тоже рисковал!

— И подумайте, как далеко его это завело! — вставил Арт.

— Ага, класс, за все труды его упекли в каталажку!

— Как бы там ни было, — заметил Каргрейвз, — сейчас я снова разверну корабль так, чтобы Солнце не светило прямо на нас. В этом аквариуме становится жарковато.

Заботиться об обогреве корабля не было необходимости, зато отвод избыточного тепла представлял собой серьезную проблему. Полированный корпус отражал большую часть падающих на него лучей, но солнечный свет, попадающий в иллюминатор, создавал нежелательный парниковый эффект. Охлаждение в обычном смысле этого слова было невозможно: корабль представлял собой замкнутую систему, так что избавиться от избытка тепла можно было, лишь излучая энергию в открытый космос. В данный момент ракета поглощала тепло гораздо эффективнее, чем излучала его.

— Я хотел бы сделать еще несколько снимков, — возразил Арт.

— Земля останется в поле зрения, — пообещал Каргрейвз и установил рукоятку управления маховиком в соответствующее положение. Потом он поднялся наверх и присоединился к мальчикам, которые плавали напротив иллюминатора, словно рыбки в аквариуме.

Росс прижал кончик пальца к прозрачному

стеклу; даже такого легкого усилия оказалось достаточно, чтобы отбросить его прочь.

— Слушайте, док, а что будет, если в стекло угодит метеорит?

— Даже и думать об этом не хочу. Впрочем, беспокоиться тут нечего. По расчетам Лея, шанс нарваться на метеорит за время путешествия к Луне и обратно составляет один к пятистам тысячам. Я вычислил, что рискую гораздо больше, когда сажусь в так называемый автомобиль, на котором вы, ребята, гоняете.

— Это хорошая машина.

— Должен признать, работает она отлично. — Сказав это, Каргрейвз отодвинулся в сторону движением, которым пловец-спринтер отталкивается от стенки бассейна. — Арт, когда кончишь щелкать Землю, я предложу тебе кое-что получше. Как насчет того, чтобы Землю послушать?

— Кое-что получше… Что? Что вы сказали?

— Как насчет того, чтобы разогреть свои лампы и пошарить, есть ли кто в эфире? Если тут вообще есть этот самый эфир?

Со времени старта они еще ни разу не включали радио. Дело было не только в помехах от двигателя: на время прохода атмосферы все антенны, даже штыревые, пришлось втянуть в

корпус. И лишь теперь, когда дюзы замолчали, наступил удобный момент попытаться установить связь. Разумеется, включенный сразу после старта радар посылал сигналы примерно так же, как и радиопередатчик, но теперь они находились далеко за радиусом действия приборов, используемых для пилотирования.

Их радар мало походил на гигантские радиотелескопы, применяемые для зондирования Луны. Размер кварцевого окна, через которое работал радар, был слишком мал для установки большой антенны, способной излучать энергию, достаточную для того, чтобы пройти расстояние от Земли до Луны.

Арт тотчас же занялся рацией, заявив, что, по его мнению, шансы поймать что-либо совсем невелики.

— Для этого нужен пучок, достаточно узкий, ну как… словом, остронаправленный. И чего ради кто-то будет посылать сюда такой пучок?

— Чтобы связаться с нами, — предположил Росс.

— Они не смогут нас найти. На таком расстоянии что-то такое же маленькое, как наш корабль, нельзя обнаружить даже радаром — слишком мала отражающая поверхность, — авторитетно

объявил Арт. — Нет, современный радар на это не способен. Быть может, в будущем… Ой!

— Поймал что-нибудь?

— Тише! — Арт уставился прямо перед собой с выражением предельного, почти болезненного сосредоточения, которое можно видеть на лицах операторов, надевших наушники. Он осторожно прикоснулся к ручкам настройки и схватился за бумагу и карандаш. Писать в невесомости оказалось не так-то просто, когда ничто не поддерживает ни тебя самого, ни твою руку, но в итоге ему удалось что-то нацарапать.

— Есть кое-что, — прошептал он спустя пару минут. — Слушайте:

РАДИО ПАРИЖА ВЫЗЫВАЕТ РАКЕТНЫЙ КОРАБЛЬ «ГАЛИЛЕЙ» РАДИО ПАРИЖА ВЫЗЫВАЕТ РАКЕТНЫЙ КОРАБЛЬ «ГАЛИЛЕЙ» РАДИО ПАРИЖА ВЫЗЫВАЕТ РАКЕТНЫЙ КОРАБЛЬ «ГАЛИЛЕЙ» ДОКТОР ДОНАЛЬД КАРГРЕЙВЗ АРТУР МЮЛЛЕР МОРИС АБРАМС РОСС ДЖЕНКИНС ПРИВЕТСТВУЕМ ВАС СЛЕДИЛИ ЗА ВАМИ ПОКА НЕ ПОТЕРЯЛИ КОНТАКТ В НОЛЬ ОДИН ТРИНАДЦАТЬ ПО ГРИНВИЧУ ДВАДЦАТЬ ПЯТОГО СЕНТЯБРЯ ПРОДОЛЖАЕМ ВЫЗЫВАТЬ ВАС НА ЭТОЙ ЧАСТОТЕ НАПРАВЛЯЕМ ЛУЧ ПО ВЕРОЯТНОЙ ТРАЕКТОРИИ ЖЕЛАЕМ УДАЧИ РАДИО ПАРИЖА ВЫЗЫВАЕТ

РАКЕТНЫЙ КОРАБЛЬ «ГАЛИЛЕЙ» РАДИО ПАРИЖА ВЫЗЫВАЕТ…

— И затем все повторяется. Видимо, это запись, — сказал Арт дрожащим голосом.

— Черт побери! — только и смог вымолвить Росс.

— Ну, ребята, похоже, мы стали знаменитостями. — Каргрейвз старался говорить как можно спокойнее. Впрочем, он тут же ообнаружил, что сжимает в каждой руке по обломку трубки — он разломил ее, даже не заметив как. Пожав плечами, он выпустил обломки из пальцев.

— Но как им удалось нащупать нас? — настаивал Арт.

— В радиограмме об этом сказано достаточно ясно, — указал Морри. — Обратили внимание на время? Именно тогда мы легли в свободный полет. А до тех пор они следили за пламенем дюз.

— Как? В телескоп?

— Скорее всего, — вмешался Каргрейвз, — при помощи противоракетного пеленгатора.

— Что вы? Ведь такое оборудование имеется только у патрулей ООН!

Каргрейвз выдавил улыбку:

— А почему бы ООН не интересоваться нами? А теперь, парень, постарайся сообщить им что-

нибудь в ответ!

— Уж точно постараюсь!

11

На одну атомную войну больше, чем можно

Арт с головой ушел в работу, но так и не смог выудить из эфира ни одного сигнала, который свидетельствовал бы о том, что его попытки увенчались успехом. Передачи с Земли слышны были еще в течение трех с половиной часов — он их слушал в промежутках между собственными попытками послать радиограмму. Затем и они умолкли — корабль вышел из зоны направленного луча.

Как бы то ни было, им удалось установить самую дальнюю связь в истории человечества.

«Галилей» продолжал упорно продвигаться к той невидимой границе, где кончается власть Земли и вступает в свои права меньшая масса Луны. Выше и выше, дальше и дальше — корабль несся в свободном полете, замедляясь из-за все еще заметного притяжения Земли, но все еще используя запас скорости, набранной за счет работы двигателя, до тех пор, пока «Галилей»

наконец не преодолел невидимую границу и не оказался во власти Луны. С этого момента ракета начала понемногу ускоряться, падая на поверхность серебристого спутника Земли.

Путешественники поели, поспали, потом поели опять, глядя на удаляющуюся Землю, потом снова улеглись спать.

Пока они спали, робот Джо встрепенулся, сверился с эксцентриком в своем чреве, решил, что невесомости с него хватит, и опять запустил двигатель. Но сначала он развернул корабль так, чтобы его дюзы смотрели в сторону Луны: теперь корабль гасил скорость, а иллюминатор был направлен к Земле.

Рев двигателя разбудил экипаж. Предугадав появление тяжести, Каргрейвз заранее велел всем пристегнуться. Отвязав ремни, они спустились к пульту управления.

— Где же Луна? — спросил Арт.

— Прямо под нами, а где же еще, — объяснил ему Морри.

— Поищи-ка ее радаром, — попросил Каргрейвз.

— Сейчас! — Морри щелкнул переключателем, подождал, пока прибор прогреется, и принялся его настраивать. На краю экрана появилось рас-

плывчатое большое пятно — Луна. — Примерно пятнадцать тысяч миль, — сказал он. — Пора проверить курс, капитан.

Больше часа они наблюдали, снимали показания приборов и вычисляли. Направление на Луну и расстояние до нее можно было определить с помощью радара. Направление корабля определялось по положению звезд, видимых в иллюминаторе. Несколько радарных наблюдений, проводимых через определенные промежутки времени, давали курс и скорость, которые можно было сравнить с курсом и скоростью, выдаваемыми на приборную панель автоматикой. Все эти данные надо было принять во внимание при проверке правильности работы робота Джо.

Было выявлено несколько мелких ошибок, и в автопилот ввели соответствующие поправки. Джо принял изменения инструкций без комментариев.

Покуда Морри и доктор занимались этим, Арт и Росс приготовили лучший завтрак, который только смогли собрать. Ощутить тяжесть и опору под ногами оказалось для них приятным облегчением — для них и их желудков, которые с великим трудом приспособились к невесомости. Приспособились, но едва ли примирились.

Обретя твердую опору, они тут же потребовали твердой пищи.

С едой было покончено, и Каргрейвз с сожалением вспоминал о сломанной трубке, когда раздался звонок. Робот Джо выполнил все указания, его эксцентрик отработал свое, и автопилот теперь желал отдохнуть.

Все четверо вскарабкались к пульту управления. Огромная ослепительно-белая Луна закрывала собой большую часть иллюминатора. Она была настолько близко, что можно было воочию видеть перемещение ракеты, стоило лишь обратить внимание на неподвижные предметы — кратеры или горные цепи.

— Вот это да! — закричал Арт.

— Ну и как вам это? — проговорил Росс, глядя во все глаза.

— Впечатляет, — сказал Каргрейвз. — Но пора за работу. Вернитесь на места, пристегнитесь ремнями и приготовьтесь к маневру.

Подождав, пока они выполнят приказ, он пристегнулся в своем кресле и щелкнул выключателем, который отправил Джо спать. Теперь ручное управление было переключено на самого доктора. Направляемый Морри, который следил за экраном радара, Каргрейвз выполнил серию

маневров, очень коротких, способных по отдельности вызвать лишь небольшие изменения курса корабля, но в целом направленных на то, чтобы вывести корабль с параболической траектории, которой тот следовал до сих пор, на круговую окололунную орбиту.

— Ну как? — спросил он после продолжительного молчания.

— Отлично! В самую точку! — заверил его Морри после недолгой заминки.

— Ты уверен, что достаточно точно, чтобы перейти на автоматику и повернуть корабль?

— Дайте я еще чуть проверю. Несколько минут.

Вскоре Морри подтвердил, что с маневром полный порядок. Еще до того, как Каргрейвз попросил о проверке, они перешли в свободный полет. Морри крикнул Россу и Арту, что они могут отстегнуться. Повернув корабль так, чтобы иллюминатор вновь был направлен к Луне, доктор набрал код, приказывая Джо вновь взять управление на себя. Теперь задачей автопилота было подключиться к радару и следить, чтобы высота и скорость оставались неизменными.

Освободившись от ремней, Арт схватился за фотоаппарат и тут же приник к иллюминатору.

— Боже мой! — воскликнул он. — Вот это да! — Он навел камеру и лихорадочно щелкал до тех пор, пока Росс не обратил его внимание на то, что с объектива не снята крышка. Лишь после этого незадачливый фотограф несколько успокоился.

Росс парил лицом вниз, глядя на развертывающуюся под ними безжизненную картину. В безмолвной тишине ракета скользила в двух сотнях миль от поверхности планеты, приближаясь к линии, разделяющей свет и тьму. Внизу на бесплодных пустошах лежали длинные тени; горные вершины и огромные зияющие кратеры казались от этого еще более зловещими.

— Да, страшненькая картинка, — признал Росс. — По правде сказать, мне здесь не слишком нравится.

— Хочешь сойти на следующей остановке? — осведомился Каргрейвз.

— Нет… но я не уверен, что рад, оказавшись здесь.

Морри взял его за руку, будто хотел удержать на месте. Но на самом деле он просто хотел, чтобы Росс успокоился, ощутив человеческое присутствие.

— Знаешь, что я думаю, Росс? — начал он, разглядывая бесконечные цепи кратеров. — Мне

кажется, я знаю, как это все получилось. Эти кратеры, конечно же, не вулканического происхождения. И не метеоритного. *Они сделали все это сами!*

— Кто «они»?

— Жители Луны. Это их рук дело: они сами себя уничтожили. И все здесь изуродовали. *У них было на одну атомную войну больше, чем можно.*

— Ну и как же… — Росс уставился на Морри, затем перевел взгляд на поверхность Луны, словно силясь отыскать там разгадку зловещей тайны.

Арт отложил в сторону камеру.

— А что вы об этом думаете, док?

Каргрейвз наморщил лоб.

— Вполне возможно, — согласился он. — Любая другая теория, объясняющая все естественными причинами, похоже, не проходит. Например, как объяснить наличие протяженных гладких участков, называемых «морями»? На самом деле там действительно были моря, поэтому они гораздо меньше пострадали.

— И вот теперь эти моря исчезли, — вмешался Морри. — Взрывы сорвали с Луны атмосферу, так что их моря испарились. Гляньте на кратер Тихо. Там был самый большой склад боеприпасов на планете. Его взрыв едва не расколол Луну надвое.

Готов поспорить, у них нашелся умник, который придумал самое эффективное контроружие, которое сработало слишком уж хорошо. Это оружие разом взорвало на Луне все атомные бомбы. Это их и доконало! Я в этом уверен.

— Ну что ж, — сказал Каргрейвз. — Я не разделяю твоей уверенности, но должен признать, что эта теория выглядит убедительнее других. Возможно, нам что-нибудь удастся обнаружить после посадки. Что же касается одновременного взрыва всех бомб, то могу привести достаточно веские теоретические возражения. Никто не имеет ни малейшего представления, как это сделать.

— Несколько лет назад никто не знал, как сделать атомную бомбу, — возразил Морри.

— Это верно. — Каргрейвз хотел сменить предмет обсуждения. Ему было неприятно вспоминать о кошмарах, мучивших его во сне с самого начала Второй мировой войны. — Росс, что ты теперь думаешь об обратной стороне Луны?

— Скоро увидим, — усмехнулся Росс. — А вообще-то, ведь это она и есть.

Так оно в действительности и было. Двигаясь по круговой орбите, ракета обогнула Луну слева (если смотреть с Земли) и теперь летела над загадочной обратной стороной. Росс внимательно

присмотрелся.

— Выглядит точно так же.

— А ты ожидал чего-то особенного?

— Ожидал? Нет. Но надеялся.

Только он это сказал, как корабль пересек границу света и тени и поверхность Луны стала темной, но по-прежнему видимой — ее все еще освещал призрачный свет звезд… одних только звезд, ибо сияние Земли никогда не достигало этой стороны. Освещенные солнцем вершины быстро исчезли позади. При скорости, с которой они двигались, — а для поддержания низкой круговой орбиты требовалась скорость четыре тысячи миль в час — корабль совершал полный оборот вокруг планеты за полтора часа.

— Боюсь, фотографировать здесь не придется, — огорчился Арт. — Нужно было прилететь в другое время.

— Да уж, — согласился Росс, все еще вглядываясь вниз. — Это просто позорище — быть так близко и ничего не увидеть!

— Какие вы нетерпеливые, — сказал Каргрейвз. — Через восемь-девять дней мы стартуем обратно и опять облетим вокруг. И тогда вы сможете фотографировать и смотреть, пока глаза не устанут.

— А почему только девять дней? Продоволь-

ствия у нас хватило бы и на большее.

— По двум причинам. Во-первых, если мы стартуем во время новолуния, нам не придется всю обратную дорогу лететь против Солнца. Во-вторых, я соскучился по родным краям, а мы ведь еще даже на нее и не сели, — усмехнулся Каргрейвз. На самом деле он не хотел лишний раз испытывать судьбу, надолго задерживаясь в космосе.

Полет над знакомой, освещенной стороной Луны был великолепен, но краток, словно взгляд на витрины магазинов из окна мчащегося автомобиля. Кратеры и моря были хорошо знакомы по картам, но сейчас представлялись новыми и неизведанными. Их появление напомнило четырем путешественникам встречу со знаменитой телезвездой «в натуре» — ощущение узнавания, граничащее со странным чувством нереальности происходящего.

Арт взялся за кинокамеру, которой пользовался прежде для съемки моделей серии «Звездный штурм», и заснял движение корабля от моря Плодородия до кратера Кеплера, после чего Каргрейвз решительно остановил его и велел пристегнуться.

«Галилей» выходил на посадочную траекто-

рию. Каргрейвз и Морри выбрали для посадки плоскую безымянную равнину в районе океана Бурь, располагавшуюся на границе видимой и обратной сторон Луны. Выбор пал на нее по двум причинам: во-первых, надо было попытаться установить связь с Землей, для чего нужна была прямая видимость, а во-вторых, путешественникам хотелось исследовать хотя бы часть обратной стороны Луны.

Вновь был разбужен Джо. Ему велели следовать указаниям второго эксцентрика, спрятанного в его чреве, который должен был обеспечить необходимую тормозную тягу и главное — последний деликатный момент посадки на двигателях и по указаниям радара. Каргрейвз осторожно выводил корабль на высоту и скорость, необходимые для начала работы автопилота, и когда Морри подал знак, что они находятся на нужной, заранее рассчитанной дистанции от места посадки, он переключил управление на робота.

Джо «взялся за рычаги». Действуя маневровыми двигателями, он развернул корабль и начал посадку, используя кормовые дюзы, чтобы погасить огромную скорость. Теперь Луна была внизу, и доктор видел лишь звезды и серп Земли, находившейся в четверти миллиона миль от ракеты

и ничем ему сейчас не способной помочь.

«Удастся ли вернуться домой?» — думал Каргрейвз.

Морри следил за сближением по радару.

— Все тик-в-тик, до девятого знака, капитан, — сообщил он с гордостью и, как всегда, сильно преувеличивая. — Дело, считайте, сделано.

Было видно, как стремительно приближается поверхность. Когда до нее осталось совсем немного, корабль на мгновение завис, и тогда Джо выключил маршевый двигатель и повернул ракету. Придя в себя после бешеного кувырка, доктор увидел, что носовые дюзы извергают струи огня, и понял, что нижние двигатели тоже включены — их тяга и втиснула его в кресло. Ему уже почти казалось, что он и сам смог бы посадить корабль, настолько это напоминало ему ту удачную посадку в пустыне Нью-Мексико.

Затем в одно страшное мгновение он понял, что ровная плоская поверхность под метлами носовых струй превращается в хаос скальных ребер, змеистых расщелин и опасных россыпей космических обломков… Даже если корабль сумеет благополучно сесть здесь, взлететь ему уже не удастся. Их обманула Солнце. Оно стояло в зените, и ничто на поверхности не отбрасывало

теней. Казалось, плоская равнина тянется до самых гор. Они не были слишком высоки, но их вполне хватило бы, чтобы превратить «Галилея» в груду металла.

На оценку положения ушла всего-то одна секунда — но какая это была секунда! — а потом Каргрейвз лихорадочно взялся за дело.

Выключая одной рукой автопилот, другой он взялся за рычаг управления кормовым двигателем, рванул его до упора и тут же включил на полную мощность боковые двигатели. Нос ракеты задрался кверху. Корабль завис, готовый рухнуть в любой момент, и его удерживали только двигатели и гироскопы. Потом медленно, словно нехотя, заработал маршевый двигатель, и только теперь Каргрейвз понял, что медлительность ядерного реактора никогда не позволит ему сделать то, что он собирался сделать: посадить ракету вручную.

«Галилей» двинулся прочь от Луны.

— Еще чуть-чуть — и конец, — тихо промолвил Морри.

Каргрейвз вытер со лба пот и поежился. Теперь он понимал, что ему предстоит. Он видел только одну возможность: направить ракету к Земле и рассчитать курс в пути — курс к планете, чья

атмосфера помогла бы пилоту посадить взбесившийся корабль. Лишь в этот миг он понял, что до героя ему далеко. Он состарился и узнал об этом только сейчас. Его мутило от мысли, что он должен сказать об этом Морри.

— Собираетесь сажать вручную? — спросил юноша.

— Что?

— Это единственная возможность посадить корабль на незнакомой площадке. Теперь я это понял. Необходимо в последнюю половину минуты видеть место посадки — работать носовыми двигателями и не пользоваться радаром.

— Я не смогу этого сделать, Морри.

Мальчик промолчал. Он уселся в кресло и смотрел прямо перед собой. Его лицо оставалось бесстрастным.

— Я хочу увести корабль к Земле.

Морри даже не подал виду, что расслышал хотя бы слово. Его лицо не выражало ни одобрения, ни недовольства — вообще ничего. Каргрейвз вспомнил, как его отчитывал Росс — ослепший, весь в бинтах. Вспомнил о том, как Арт преодолел космическую болезнь ради того, чтобы сфотографировать Землю. О тех горячих деньках, когда они с Морри овладевали пилотским искусством.

Но теперь парень молчал и даже не смотрел на доктора.

Эти детки, эти чертовы детки! Как он вообще оказался здесь с непослушной ракетой и грузом несовершеннолетних мальчишек на руках? Он был лабораторным ученым, а вовсе не суперменом. Если бы Росс управлял кораблем… но даже в этой критической ситуации Каргрейвз вздрогнул, вспомнив о манере Росса водить автомобиль. Арт был немногим лучше. Морри же был самым отчаянным сорвиголовой из всей троицы.

Он знал, что лихого пилота из него не получится — даже лет через двадцать. А вот эти мальчишки, с их безбашенной смелостью, с их ободранными автомобилями, на которых они гоняют как бешеные, — это как раз для них… Пилотирование — их призвание. Они были слишком молоды и неопытны, чтобы чересчур осторожничать, их рефлексы не скованы сомнениями. Доктор припомнил слова Росса: «Я попаду на Луну, даже если придется идти пешком».

— Морри, сажай ракету.

— Есть, сэр!

Мальчик так и не посмотрел на Каргрейвза. Он поставил корабль на хвост и медленно опускал его, потихоньку уменьшая тягу кормового

двигателя. В момент, подсказанный интуицией, каким-то внутренним расчетом — Каргрейвз не видел в иллюминаторе ничего, кроме звезд, и мальчику было видно не больше, — он вновь развернул ракету, одновременно выключив маршевый двигатель.

Поверхность Луны была совсем рядом и быстро приближалась. Морри дал вспышку из боковых дюз, оказавшись в результате над гладкой поверхностью, а затем начал опускаться, придерживая корабль короткими ударами носового двигателя и поминутно выглядывая наружу. Он опустился так низко, что доктору показалось: вот-вот корабль ткнется в почву носом, иллюминатор разобьется — и они все погибнут. Но Морри дал еще одну вспышку, которая чуть приподняла ракету, затем развернул ее и опустил вниз почти горизонтально и так близко к лунной поверхности, что доктор видел ее сквозь стекло.

Бросив короткий взгляд в иллюминатор, Морри в последний раз включил боковые дюзы и мягко посадил ракету. «Галилей» опустился на Луну.

— Есть посадка, сэр! Время ноль восемь тридцать четыре.

Каргрейвз глубоко вздохнул:

— Великолепная посадка, Морри! Просто чу-

десно!

— Благодарю вас, сэр!

12

Голые кости

Росс и Арт уже отстегнули ремни и, возбужденно переговариваясь, собирались надевать скафандры, когда Каргрейвз, неуверенно вылез из своего кресла. Его обманула слабая сила тяжести в одну шестую земной. К невесомости и ускорениям, сдавливающим грудь, он привык; искусственная сила тяжести в один *g*, возникавшая при работе двигателя, ему не мешала. Пристегнувшись, он переносил развороты ничуть не тяжелее, чем маневры самолета. Тут же было нечто иное, и к этому нужно привыкнуть, решил он. Ощущения немного напоминали хождение по батуту или необычную легкость в ногах, которая появляется после того, как снимаешь горнолыжные ботинки или тяжелые сапоги.

Морри еще некоторое время оставался в кресле, заполняя и подписывая бортжурнал. Его смутила графа «позиция». В школе пилотов его учили записывать здесь широту и долготу пункта прибытия. А какие же были координаты у этого

места?

Луна, как и Земля, имеет северный и южный полюсы, что вполне определяет широту любой ее точки. Что же касается долготы, она остается неопределенной до тех пор, пока не будет выбран нулевой меридиан. Это тоже не было проблемой; Тихо был для Луны тем же, чем для Земли — Гринвич.

Но навигационные таблицы составлялись *для Земли*.

Проблема была разрешима, и Морри об этом знал. Пользуясь сферической тригонометрией, можно было перенести на Луну решения небесного треугольника, на которых основывалась вся навигация. Но это потребовало бы сложных расчетов, совсем не похожих на выкладки, производимые пилотами в век самолетов и ракет по заранее составленным таблицам. Морису пришлось бы обратиться к методу Марка Сент-Илари[12], о которой никто не вспоминал уже более двадцати лет, и пересчитать по условиям Луны решения, определенные для Земли.

Этим можно заняться потом, к тому же Каргрейвз должен будет все перепроверить, решил

---

[12] Примечания: 12

Метод расчета и прокладки высотных линий, разработанный капитаном Марком де Блондом де Сент-Илером в 1875 г. — *Примеч. С. В. Голд.*

он. Луна звала Морри.

Он поспешил присоединиться к остальным членам экипажа, собравшимся подле иллюминатора. Перед ними простиралась тусклая безжизненная равнина, в нескольких милях она упиралась в зубчатые холмы. Было жарко, ослепительно светило Солнце; ракету окутывало абсолютное безмолвие. Земли не было видно — в последние секунды совершенной без подготовки посадки они пересекли грань и сели на обратной стороне Луны.

Вместо медного неба, которое нависало бы над безрадостной каменистой пустыней на Земле, над ними простирался черный свод, усыпанный сияющими звездами.

«Ну что ж, — подумал Морри, все еще занятый проблемами навигации, — во всяком случае, заблудиться тут будет сложно. Курс можно без труда проложить по звездам».

— Когда же мы выйдем наружу? — спросил Арт.

— Не суетись. — Росс повернулся к Каргрейвзу. — Да, доктор, посадка была отличная, но скажите, первый подход — это был осмотр местности на ручном управлении, или вы и его загнали в программу автопилота?

— Честно говоря, ни то ни другое. — Доктор секунду колебался; первые же слова Росса и Арта показали, что они даже не догадывались ни о грозившей им аварии, ни о его опасной нерешительности.

Стоило ли рассказывать об этом теперь? Доктор понимал, что, промолчи он, и Морри не проронит ни звука. Поэтому Каргрейвз решил быть откровенным. Мужчина — именно мужчина, а не мальчик — должен получить заслуженное им признание.

— Нам пришлось отключить робота, и посадку Морри произвел сам, — сказал он.

Росс тихонько присвистнул.

— Что вы сказали? — воскликнул Арт. — Только не говорите, что радар вышел из строя! Я его проверял шесть раз!

— Твои приборы работали безупречно, — заверил его Каргрейвз. — Тем не менее человек может сделать кое-что недоступное технике. Это был именно такой случай.

И он стал рассказывать, что же произошло. Росс широко открытыми глазами рассматривал Морри до тех пор, пока тот не покраснел.

— Говорил же я, что ты отличный пилот, — заявил Росс. — Но я рад, что не знал, что там у вас

происходит.

Он прошел на корму, фальшиво насвистывая «Пляску смерти»[13], и взялся за скафандр.

— Так когда же мы выйдем наружу? — настаивал Арт.

— Думаю, прямо сейчас.

— Ура!

— Не спеши, не спеши. Быть может, именно на твою долю выпадет жребий остаться на корабле.

— Э-э… послушайте, дядя, а зачем кому-то оставаться? Ведь ракету никто не украдет!

Каргрейвз заколебался. Осторожный по натуре, он намеревался каждый раз оставлять на корабле хотя бы одного человека. С другой стороны, для этого не было никаких оснований. Человек, остающийся на корабле, ничем не сможет помочь тем, кто снаружи, до тех пор, пока не натянет скафандр и не выйдет из ракеты.

— Мы пойдем на компромисс, — сказал он. — Морри и я… — Тут ему пришло в голову, что не стоит рисковать сразу двумя пилотами. — Нет, мы с Артом выйдем первыми. Если все будет в порядке, Росс и Морри выйдут следом за нами. Ну что, гвардейцы, — добавил он, поворачиваясь,

---

[13] Примечания: 13

«Пляска смерти» — распространенный карнавальный танец в костюмах, изображающих скелеты.

— надеть скафандры!

Они помогли друг другу влезть в космические костюмы, предварительно намазав солнцезащитным кремом лицо там, где оно не было прикрыто темными очками. После этого они приобрели соответствующий ситуации «внеземной» вид. Потом Каргрейвз распорядился накачать в скафандры воздух под удвоенным давлением, а сам тем временем тщательно проверил кислородные баллоны. Проверили и средства связи. Пока вокруг был воздух корабля, можно было переговариваться и так, но звук был приглушен шлемами. Радиосвязь обеспечивала гораздо лучшую слышимость.

— Ну, ребята, — сказал наконец Каргрейвз, — мы с Артом вместе войдем в шлюз, потом обойдем корабль и встанем так, чтобы вы могли нас видеть. Вы сможете выйти, когда я махну рукой. И последнее: все время держитесь вместе. Не отходите от меня дальше, чем на десять ярдов. Да, кстати, выйдя наружу, вы все обязательно захотите проверить, как высоко вы сможете подпрыгнуть. Я слышал, как вы об этом говорили. Так вот, могу сказать заранее: вы сможете подпрыгнуть на двадцать пять — тридцать футов или около того. Но не делайте этого!

— Почему бы и нет? — спросил Росс, его голос в наушниках звучал непривычно.

— Потому что если кто-то упадет головой вниз и разобьет шлем, то нам придется там же его и похоронить! Пошли, Морри! Прошу прощения, я имел в виду — Арт!

Они втиснулись в крохотный шлюз, заполнив его собой почти до отказа. Мотор насоса, откачивающего воздух, коротко взревел — так мало осталось не занятого их телами пространства, — затем захлебнулся и умолк. Щелкнул клапан, сбросив остаточное давление во внешний вакуум, и Каргрейвз открыл люк. Оттолкнувшись ногой от ракеты, доктор почувствовал, как плавно он падает — скорее, плывет — к поверхности Луны. Следом прыгнул Арт и, приземлившись на четвереньки, легко вскочил на ноги.

— Ну как, парень?

— Великолепно!

Они двинулись в обход корабля, бесшумно ступая башмаками по мягкой почве. Посмотрев под ноги, доктор взял рукой горсть пыли и принялся рассматривать ее, пытаясь понять, не похожа ли она на почву, опаленную атомным взрывом. Доктор думал о теории, выдвинутой Морисом.

Они находились внутри лунного кратера — это

было ясно, так как их со всех сторон окружала стена холмов. Не воронка ли это, оставшаяся от атомной бомбы?

Сказать наверняка было трудно. Лунный грунт действительно был похож на оплавленную, всю в пузырях землю, подвергнутую воздействию атомного взрыва. Но это могло быть и результатом вулканической деятельности или взрыва, вызванного падением гигантского метеорита. Ну что ж, решение этой проблемы придется отложить на потом.

Внезапно Арт остановился:

— Дядя! Мне нужно вернуться назад!

— Что такое?

— Я забыл фотоаппарат!

Каргрейвз рассмеялся:

— В следующий раз. Твоя натурщица никуда не денется.

Страсть Арта все разгорается, подумал он. Если так пойдет дальше, он даже в ванну не залезет без своей камеры. «Хорошо бы сейчас искупаться», — вздохнул мысленно Каргрейвз, вспомнив о ванне. Путешествия в космосе имеют свои отрицательные стороны. Запах собственного тела был неприятен доктору, особенно в герметичном скафандре.

Росс и Морри с видимым нетерпением ждали у иллюминатора. Их радиоголоса, до сих пор экранированные стальным корпусом корабля, свободно проникали сквозь кварцевое стекло.

— Как там у вас? — закричал Росс, прижав к иллюминатору нос.

— Кажется, все в порядке, — послышался голос Каргрейвза.

— Нам можно выходить?

— Подождите минутку, я еще не уверен.

— Ну ладно, — разочарованно протянул Росс.

Ему на месте не сиделось от нетерпения, но дисциплина на корабле соблюдалась свято. Арт скорчил ему рожу и изобразил что-то вроде танца, при каждом прыжке взлетая футов на пять в воздух, точнее, в вакуум. Он медленно и даже грациозно парил. Его движения напоминали замедленные съемки или, скорее, балет под водой. Но когда он начал подпрыгивать все выше, постукивая при этом башмаками один о другой, Каргрейвз жестом велел ему прекратить.

— Перестань топорщить перышки, — сказал он, — и опустись на поверхность. Нижинский из

тебя не получится[14].

— Нижинский? Кто это?

— Неважно. Просто оставайся на месте. Во всяком случае, пусть ноги будут на грунте. Морри! — позвал он. — Давайте выходите, ты и Росс.

В одно мгновение лица мальчиков исчезли из иллюминатора.

Ступив на поверхность Луны, Морри взглянул на окружающую его безжизненную равнину и изрезанные вершины скал вдалеке. Его внезапно захлестнуло ощущение случившейся здесь трагедии и предчувствие беды.

— Голые кости, — пробормотал он. — Голые кости мертвого мира.

— Ну, — сказал Росс. — Ты идешь?

— Только после вас, сэр.

К ним присоединились Каргрейвз и Арт.

— Куда теперь? — спросил Росс.

— На первый раз я не хотел бы слишком отдаляться от корабля, — заявил Каргрейвз. — Здесь могут оказаться какие угодно ловушки, которых сразу и не заметишь. Какое у вас давление в ска-

---

[14] Примечания: 14

Вацлав Нижинский (1889–1950) — знаменитый русский артист балета и балетмейстер, в 1907–1911 гг. — солист труппы императорского Мариинского театра, в 1909-1913-м — участник гремевших на весь мир Русских сезонов, в 1916-1917-м — солист труппы Дягилева.

фандрах?

— Как на корабле.

— Можете уменьшить его вдвое. Этого будет достаточно. Мы дышим чистым кислородом, не забывайте об этом.

— Давайте прогуляемся вон до тех холмов, — предложил Морри, показывая на край кратера менее чем в полумиле от корабля.

Там была солнечная сторона, и тени от холмов протянулись к кораблю, обрываясь в сотне ярдов от него.

— Давайте проделаем хотя бы часть пути. В тени нам будет лучше. Я уже начинаю потеть.

— Если я не ошибаюсь, — сказал Морри, — то с вершины тех холмов мы сможем увидеть Землю. Когда мы садились, я заметил там ее светящийся краешек. Мы не очень далеко залетели на обратную сторону.

— И где же мы сейчас?

— Чтобы ответить на этот вопрос, мне нужно осмотреться. Так… мы находимся в районе к западу от океана Бурь, невдалеке от экватора.

— Это я и без тебя знаю.

— Если вы так спешите, капитан, то лучше

позвоните в Автомобильный клуб[15].

— Я не спешу. Индеец не потерялся, потерялся его вигвам. Но я надеюсь, что оттуда Земля будет видна. Тогда это будет хорошее место для установки антенны, причем недалеко от корабля. Честно говоря, мне не хотелось бы трогать корабль с места до тех пор, пока мы не отправимся назад, — даже если мы потеряем возможность связаться с Землей.

К облегчению Каргрейвза, вскоре они укрылись в тени. Вопреки распространенному мнению, тени на Луне не были черными, хотя здесь не было воздуха, который рассеивал бы солнечный свет. Сверкающий песок под ногами и окружающие холмы отражали в тень достаточно света.

Они уже прошли приличный кусок пути, когда Каргрейвз заметил, что группа разбрелась по сторонам. Остановившись у найденного Россом обнажения скального грунта и пытаясь рассмотреть его в слабом сумеречном свете, он вдруг обнаружил, что рядом нет Морри. Сначала доктор рассердился, но потом сообразил, что Морри,

---

[15] Примечания: 15

Американский автомобильный клуб (ААА) — разветвленная активная и многосторонняя организация, имеющая на территории США густую сеть авторемонтных мастерских, выпускающая карты и дорожные атласы, занимающаяся страхованием автомобилей и т. д.

шедший впереди, вполне мог не заметить их задержки. Каргрейвз взволнованно осмотрелся.

Морри был уже в сотне ярдов впереди, там, где начиналось возвышение.

— Морри!

Было видно, что тот остановился; но в наушниках его не было слышно. Доктор заметил, что юноша не идет прямо, а как-то странно блуждает из стороны в сторону и покачивается.

— Морри! Назад! У тебя все в порядке?

— В порядке? Конечно, у меня все нормально, — хихикнул тот.

— Тогда возвращайся.

— Не могу. Я занят. Я нашел тут… — Морри сделал неосторожный шаг, подпрыгнул, потом опустился на песок и покачнулся.

— Морри! Стой на месте! — Каргрейвз поспешил к нему.

Но Морри его не слушал. Наоборот, он начал прыгать из стороны в сторону, каждый раз все выше и выше.

— Нашел! — кричал он. — Нашел! — Он прыгнул в последний раз и, опускаясь на песок, продолжал кричать: — Я нашел… голые кости…

Он внезапно смолк. Он встал на ноги, снова подпрыгнул, сделал сальто, упал и больше уже не

вставал. Тут же огромными прыжками подоспел Каргрейвз. Шлем юноши был не поврежден. Но глаза мальчика незряче уставились в пустоту. Голова его поникла, лицо посерело.

Каргрейвз подхватил его на руки и помчался к «Галилею». Он сразу узнал симптомы, хотя до сих пор видел подобное лишь в барокамере на пилотских курсах. Аноксия![16]

Что-то произошло, у Морри началось кислородное голодание, и он мог умереть еще до того, как ему окажут помощь; либо, что еще хуже, мог остаться в живых с необратимыми повреждениями мозга и утратой интеллекта. Такое не раз случалось с храбрецами, достигавшими больших высот на заре воздухоплавания.

Двойной груз не мешал доктору бежать. Даже вдвоем, одетые в скафандры, они весили меньше семидесяти фунтов. Лишний вес только помогал, придавая устойчивость. Каргрейвз втиснулся в шлюз, прижимая Морри к груди и с нетерпением ждал, когда камера наполнится воздухом. До тех пор пока давление не сравняется, всей его силы не хватит, чтобы открыть люк.

Наконец он вошел в корабль и положил Морри

---

[16] Примечания: 16

Аноксия — отсутствие кислорода в отдельных тканях, органах или организме в целом.

на пол. Тот все еще был без сознания. Трясущимися руками доктор попытался сорвать с Морри скафандр: на руках были перчатки, и оттого пальцы не слушались. Тогда Каргрейвз стащил с себя скафандр и отстегнул шлем юноши. Свежий воздух коснулся лица Морри, но мальчик все еще не подавал признаков жизни.

Чертыхнувшись, доктор попытался дать ему кислород прямо из баллона, но обнаружил, что клапан скафандра Морри почему-то не работает. Тогда Каргрейвз схватился за свой аппарат, отсоединил кислородный шланг, направил струю в лицо мальчика и начал ритмично массировать ему грудь.

Веки Морри дрогнули, и он сделал глубокий вдох.

— Что случилось? С ним все в порядке?

Пока Каргрейвз занимался спасением, Арт и Росс успели вернуться на корабль.

— Может быть, и обойдется. Пока не знаю.

Внезапно Морри пришел в себя и уселся на полу, недоуменно моргая.

— Что такое? — спросил он.

— Ложись, — велел Каргрейвз, кладя руку ему на плечо.

— Хорошо… Эй, как я попал в корабль?

Каргрейвз объяснил, что произошло. Морри опять заморгал.

— Вот так история! У меня было все нормально… за исключением того, что в какой-то момент я почувствовал себя особенно хорошо!

— Это и был первый симптом.

— Да, я понимаю. Но тогда я просто не сообразил. Я нашел кусок металла с отверстием и держал его в руке, когда…

– *Что?* Обработанный металл? Металл, который кто-то…

— Да, потому-то я так и за… — Морри озадаченно умолк. — Но этого не могло быть!

— Почему же? Луна вполне могла быть населена… А может быть, кто-то уже сюда прилетал.

— Я не об этом говорю, — отмахнулся Морри, словно это было совсем неважно. — Я рассматривал тот кусок и пытался сообразить, что же это все значит, и тут ко мне подошел маленький лысый человечек и… но этого не могло быть!

— Да, — подтвердил Каргрейвз после короткой паузы. — Этого не могло быть. Боюсь, в тот момент у тебя начались галлюцинации из-за недостатка кислорода. Ну и что же кусок металла?

Морри потряс головой.

— Не знаю, — признался он. — Помню, как я

держал его, смотрел на него. Помню так же отчетливо, как все остальное. И лысого коротышку помню. Он стоял прямо передо мной, и у него за спиной было еще несколько существ, и я понимал, что это жители Луны. И еще там были здания и деревья.

Он запнулся.

— Ну конечно, все это галлюцинации.

Каргрейвз кивнул и занялся кислородным баллоном в скафандре Морри. Вентиль вновь работал нормально, и теперь уже нельзя было сказать, замерз ли он, когда мальчик оказался в глубокой тени, или в него попала крохотная песчинка, или же Морри слишком туго закрутил его, когда Каргрейвз велел снизить давление, и тем самым едва не удушил сам себя. Этого нельзя было допустить снова. Доктор повернулся к Арту:

— Слушай, Арт. Надо что-то придумать, чтобы клапаны можно было заворачивать только до определенного предела. Мм... Нет, этого недостаточно. Нужен сигнал, предупреждающий владельца скафандра о том, что запас кислорода на исходе. Подумай, как это можно сделать.

На лице Арта появилось выражение озабоченности, обычное в те минуты, когда его техническое мышление начинало работать в

полную силу.

— Среди инструментов у меня есть несколько неонок, — ответил он. — Может быть, вмонтировать их в шейное кольцо и включить так, что, если поток кислорода уменьшится, то…

Каргрейвз его больше не слушал: он знал, что Арт непременно изобретет что-нибудь подходящее, это было только вопросом времени.

13 «Рехнуться можно»

Как Морри и ожидал, с вершин холмов оказалась видна Земля. Каргрейвз, Росс и Арт отправились на разведку, оставив пострадавшего в ракете, чтобы он мог немного прийти в себя и поработать над задачей определения их местоположения по звездам. Доктор отказался отпустить мальчиков одних, опасаясь, что они станут изображать горных козлов на крутых скалах. При пониженной силе тяжести у них вполне мог возникнуть подобный соблазн. К тому же ему не терпелось осмотреть место, где с Морри произошел несчастный случай. Его не интересовали маленькие лысые человечки, но кусок металла с дыркой вполне мог там оказаться. Если так, то, возможно, именно это станет величайшим открытием с тех пор, как человечество вылезло

из пещеры и осознало себя.

Но ему не повезло. Отыскать нужное место было нетрудно: отпечатки ног были для поверхности Луны вновь. Они тщательно обследовали все вокруг и не нашли ничего. Но делать окончательные выводы было рано — тени холмов все еще накрывали это место. Лишь через несколько дней сюда проникнет свет; тогда, решил Каргрейвз, они возобновят поиски. Во всяком случае, обуреваемый галлюцинациями Морри вполне мог зашвырнуть кусок металла весьма далеко — если, конечно, этот кусок вообще существовал. Он мог пролететь ярдов двести, прежде чем упасть, а потом еще и зарыться в мягкий грунт.

Посещение вершины холмов оказалось делом более полезным. Каргрейвз сказал Арту, что теперь можно попробовать связаться с Землей… и с трудом удержал его на месте: тот пожелал немедленно вернуться в корабль, чтобы заняться связью. Вместо этого все трое принялись искать удобное место для установки «конуры».

«Конура» — заранее изготовленный маленький домик, изогнутые секции которого находились сейчас на «Галилее», аккуратно прилегая к его таким же изогнутым стенам. Идея была Росса, и это был один из проектов, над которыми он

с Артом работал еще летом, пока Каргрейвз и Морри занимались на пилотских курсах. Она была похожа на сборный металлический ангар с выгнутой крышей и имела одно несомненное достоинство: все ее детали и панели можно было вынести наружу через шлюз корабля.

В их планы не входило просто установить «конуру» на поверхности Луны — в ней было бы то слишком жарко, то слишком холодно. Она должна была служить основой для чего-то наподобие самодельной пещеры.

Около гребня между двух каменных столбов они нашли подходящую по размерам ровную площадку. Вершина одного из столбов была легкодоступна и с нее открывался прямой вид на Землю, а для установления связи лучшей возможности и не придумаешь. Поскольку здесь не было атмосферы, можно было не беспокоиться об эффекте горизонта; радиоволны пойдут туда, куда их направят. Выбрав место, трое путешественников вернулись в корабль за инструментами и припасами.

Большую часть монтажных работ взяли на себя Каргрейвз и Росс; было просто невозможно требовать помощи от Арта — он прямо-таки разрывался между желанием фотографировать

все подряд и устанавливать оборудование, при помощи которого надеялся связаться с Землей. По распоряжению Каргрейвза Морри несколько дней занимался только легкими работами: готовил пищу, проводил навигационные расчеты. Во всяком случае, ему было рекомендовано держаться подальше от скафандра.

При пониженном тяготении переноска материалов, панелей и инструментов к месту строительства казалась детской игрой. Каждый мог переносить около пятисот фунтов за раз — по земным меркам, конечно. И только на самых крутых участках пути большая масса и громоздкость некоторых секций заставляли браться за них вдвоем.

Первым делом они разровняли песчаную почву между скалами, чтобы уложить металлический пол, а потом собрали всю конструкцию прямо на месте. Работа шла быстро; из инструментов понадобились только гаечные ключи, а металл казался не тяжелее картона. Собрав коробку, они поставили «дверь» — стальной барабан с герметическими крышками на торцах.

Испытав дверь, они набросали несколько тонн (опять же в земном пересчете) лунного грунта на крышу будки, чтобы заполнить свободное

пространство между каменными столбами, и еще на три фута песка поверх крыши. Когда это было сделано, на виду осталась лишь дверь, напоминающая вход в эскимосское иглу. Лунный грунт сам по себе плохо проводит тепло, между песчинками находится вакуум — все это обеспечивало надежную теплоизоляцию.

Но помещение пока не было герметичным. Установив временные переносные светильники, астронавты принесли запечатанные баки и тюки. Из баков достали клейкие пластины резиноподобного герметика и быстро, чтобы не испарился клей, приклеили их, словно обои, к потолку, стенам и полу, затем извлекли из тюков тонкую алюминиевую фольгу, сверкавшую словно зеркало, и наклеили поверх пластика. На пол вместо фольги были уложены более прочные дюралюминиевые листы. Теперь «конура» была готова к испытанию давлением. Обнаружив несколько мест, где происходила утечка, они быстро заделали щели. Можно было устраивать новоселье. Вся работа заняла меньше двух «дней».

«Конура» должна была служить Арту радиорубкой, но не только. Нужен был склад для вещей, без которых можно было обойтись на обратном пути и которые можно было вынести из корабля.

Освободившееся в трюмах место предназначалось для сбора образцов грунта и лунных камней, которые они намеревались доставить на Землю, даже если это будут обычные булыжники лунного происхождения.

Но для доктора Каргрейвза и троих юношей это был не просто склад, не просто радиорубка, но нечто большее. Они перенесли сюда личные вещи и установили гидропонный резервуар, в котором посадили ревень. Теперь появилась возможность очищать воздух, так что «конура» вполне годилась для постоянного проживания. Она стала для путешественников чем-то вроде символа покорения человечеством новой планеты, его стремления утвердиться здесь навсегда, приспособить планету к своим нуждам и жить за счет местных ресурсов.

Хотя «конуру» предстояло покинуть уже через несколько дней, они объявили ее своим новым домом: образно говоря, они вбили в стену гвоздь и повесили на него шляпу.

Когда все было готово, состоялась церемония, которую Каргрейвз намеренно откладывал до окончания строительства «конуры». Мальчики встали у двери полукругом, и доктор произнес небольшую речь:

— Как руководитель экспедиции, одобренной комиссией Объединенных Наций и прибывшей сюда на корабле, зарегистрированном в Соединенных Штатах Америки, я вступаю во владение этой планетой как колонией от имени Объединенных Наций Земли в соответствии с законами этой организации и законами Соединенных Штатов. Росс, поднимай флаги!

На невысокой мачте взвились знамя Объединенных Наций и флаг Соединенных Штатов Америки. Здесь не было воздуха, который мог бы расправить их дуновением ветра, но Росс предусмотрительно вставил в верхние швы полотнищ отрезки упругой проволоки, и флаги явили присутствующим свои цвета.

Наблюдая за их подъемом, Каргрейвз вдруг почувствовал комок в горле. Он не стал никому признаваться, но про себя доктор считал эту маленькую нору первым зданием будущего Луна-Сити. Он представлял себе, что уже через год здесь, вокруг этого исторического места, появится множество подобных строений, гораздо больших размерами и оборудованных много лучше. Здесь будут жить разведчики, ученые и строители — те рабочие, которые станут возводить в глубине, под дном кратера, не какое-нибудь временное

пристанище, а Луна-Сити — город, воздвигнутый на века, в то время как на поверхности другие рабочие будут оборудовать большой ракетный порт. И возможно, здесь будут устроены Научный каргрейвзовский центр и лунная обсерватория «Галилей».

Он почувствовал, что по его щекам текут слезы; он пытался вытереть их, но безуспешно — рука натыкалась на шлем. Встретив взгляд Росса, доктор смутился.

— Ну, мальчики, — сказал он с деланной бодростью, — пора браться за дело. Интересно, — добавил он, глядя на Росса, — как все-таки действуют на разумного человека такие простые символы.

Росс отвел взгляд от лица доктора и посмотрел на куски разноцветной материи.

— Что ж, — медленно произнес он. — Человек — не совокупность химических реакций, он — совокупность идей.

Каргрейвз внимательно присмотрелся к нему. Да, его мальчики взрослели не по дням, а по часам.

— Когда мы начнем разведку? — спросил Морри. — Чего мы ждем, «конура» ведь построена?

— Я полагаю, скоро, — уклончиво ответил Кар-

грейвз.

В течение последних двух дней ему пришлось обуздывать нетерпение Морри, который был явно разочарован тем, что они не могут пункт за пунктом облетать Луну на ракете, как планировали первоначально. Морри был убежден, что легко сумеет повторить успех первой посадки.

Каргрейвз же, в свою очередь, был уверен, что одна из таких посадок непременно кончится аварией, и им, даже если они не погибнут при крушении, будет суждено умереть от голода или удушья. Поэтому он не отступал от своего решения ограничить исследование пешими прогулками, длительность которых была не больше нескольких часов.

— Посмотрим, как идет дело у Арта, — предложил он. — Я не хотел бы держать его взаперти, ему ведь обязательно захочется поснимать. С другой стороны, он должен закончить монтаж радиостанции. Вполне возможно, что для ускорения работы ему потребуются дополнительные рабочие руки.

— Ладно, капитан.

Они прошли через шлюз и втиснулись в «конуру». Росс и Арт уже сидели внутри.

— Арт, — спросил Каргрейвз, сняв свой неуклю-

жий скафандр, — через какое время ты сможешь испытать передатчик?

— Точно сказать не могу, дядя. Честно говоря, я даже не думал о том, что мы сумеем связаться с Землей на нашем оборудовании. Если бы мы смогли привезти все, что я хотел…

— Ты хочешь сказать, если бы это было нам по карману? — вмешался Росс.

— Ну… во всяком случае у меня есть одна мысль. Здесь идеальное место для экспериментов с электроникой: чистый вакуум!

Я хочу попробовать сделать большие — *очень большие* — генераторные лампы… точнее, это будут скорее даже не лампы. Я смонтирую электроды в открытом пространстве и не стану заключать их в стекло. Это самый лучший способ разрабатывать вакуумные приборы, о лучшем и мечтать нечего.

— Даже если и так, наши перспективы все равно остаются неопределенными, — заметил Морри. — Док, вы решили отправиться в обратный путь где-то через десять земных дней. Вы не хотели бы немножечко задержаться? — добавил он с надеждой в голосе.

— Нет, не хотел бы, — заявил Каргрейвз. — Хм… Арт, отвлекись-ка от передатчика. В конце кон-

цов, нас никто не принуждает устанавливать связь с Землей. Ну а сколько времени потребуется на то, чтобы поймать радиопередачу оттуда?

— Всего-то? — ответил Арт. — У меня есть все необходимое, чтобы организовать это за пару часов. А уж о передаче пусть заботятся на Земле.

— Прекрасно! А мы по-быстрому займемся ланчем.

Прошло около трех часов, и Арт объявил, что он готов к испытаниям.

— Начинаю, — сказал он. — Готовсь!

Они обступили передатчик, и Росс нетерпеливо спросил:

— Ну и что же ты собираешься поймать?

Арт лишь пожал плечами:

— Может быть, Эн-эй-эй или Берлин, если они, конечно, вещают на нас. Мне кажется, лучше всего попробовать радио Парижа, если они все еще пытаются нас достать… — И он взялся за ручки с отсутствующим, как всегда, видом.

В хижине воцарилась мертвая тишина. Если радио заработает, это будет великий момент в истории, и все они очень хорошо это понимали. Внезапно Арт насторожился.

— Что? Что-нибудь слышно?

Арт пару секунд молчал, потом снял наушники

и укоризненно произнес:

— Кто-то из вас, ребята, забыл выключить питание рации в скафандре.

Каргрейвз проверил костюмы:

— Нет, Арт. Они молчат как убитые.

Арт оглядел маленькую комнату.

— Но… но тут больше нет ничего, что могло бы… Рехнуться можно.

— Что случилось?

— Что случилось, спрашиваешь? А то, что я поймал сильный шум передатчика, и этот передатчик неподалеку от нас… совсем близко!

14

«Ни малейшего шанса!»

— Ты уверен? — спросил Каргрейвз.

— Еще бы!

— Вероятно, радио Парижа, — предположил Росс. — Ты же не знаешь, как далеко расположен передатчик.

Арт посмотрел на него с презрением:

— Быть может, вы сами сядете к приемнику,

мистер де Форрест?[17] Передатчик находится *близко*. Это не земная станция.

— Обратная связь?

— Не говори глупостей! — Арт вновь взялся за ручку настройки. — Вот, сигнал пропал.

— Секундочку, — заговорил Каргрейвз. — Мы должны знать все точно. Арт, ты не мог бы собрать хоть какой-нибудь передатчик?

— Не совсем то, что надо… Но могу. Приводная станция уже готова.

Приводной станцией они называли маломощный аппарат, предназначенный лишь для связи из «конуры» с любым членом экипажа, находящимся снаружи в скафандре.

— Дайте мне пару секунд.

Конечно, двумя секундами дело не обошлось, но уже скоро Арт приник к микрофону, крича:

— Алло! Алло! Вы меня слышите? Алло!

— По-моему, Арту просто приснилось, — шепнул Морри Каргрейвзу. — Здесь никого не может быть.

— Тихо! — рявкнул Арт, обернувшись через

---

[17] Примечания: 17

Ли де Форрест (1873–1961) — американский инженер, автор множества изобретений в области радиотехники и звукового кино, в частности создатель триода (1906), лампового детектора и разработанного на его базе усилителя, так называемого аудиона де Форреста.

плечо, и вновь закричал в микрофон: — Алло! Алло! Алло! — Внезапно его лицо застыло, и он отрывисто произнес: — Говорите по-английски! Повторите!

— Что там? — в один голос спросили Каргрейвз, Морри и Росс.

— Я же просил — тихо! — И опять в микрофон: — Да, я вас слышу. Кто это? Что? Повторить еще раз? Ракетный корабль «Галилей», у передатчика Артур Мюллер. Подождите минутку... — Арт щелкнул переключателем. — Слушаю вас. Повторите еще раз, с кем я говорю?

Из динамика послышался низкий, тяжелый голос:

— Лунная экспедиция номер один. Не выключайтесь, я позову нашего руководителя.

— Постойте! — закричал Арт. — Не прерывайте связь!

Но голос уже умолк. Росс начал насвистывать что-то себе под нос.

— Перестань свистеть, — оборвал его Арт.

— Извини. — Росс помолчал и добавил: — Надеюсь, ты понимаешь, что все это значит?

— Что? Я вообще ничего не понимаю!

— Это значит, что мы опоздали к раздаче главных призов. Кто-то нас опередил.

— Да? А ты откуда знаешь?

— Точно не знаю, но очень на то похоже.

— Я готов поспорить, что мы совершили посадку первыми!

— Увидим. Слушайте!

Динамик ожил вновь. Теперь послышался другой голос, более высокого тона, с заметным оксфордским акцентом.

— Вы слушаете? Говорит Джеймс Браун, командир первой лунной экспедиции. Это ракетный корабль «Галилей»?

К микрофону склонился Каргрейвз:

— Корабль «Галилей», капитан Каргрейвз у микрофона. Где вы находитесь?

— Не очень далеко, старина. Но не беспокойтесь. Вас мы уже засекли. Продолжайте передачу.

— Скажите хотя бы, с какой от нас стороны вы сели?

— Не волнуйтесь. Мы уже приближаемся. Только не прекращайте передачу.

— Сообщите свои лунные координаты!

Казалось, человек некоторое время колебался, затем произнес:

— Мы определили ваше местоположение. Подробности обсудим позже. До свидания.

Арт продолжал кричать «Алло», пока не охрип,

но все впустую.

— Тебе лучше остаться у приемника, Арт, — решил Каргрейвз. — Мы с Россом вернемся на корабль. Его-то они заметят сразу. Хотя… не знаю. Может быть, они заявятся сюда через неделю.

Он задумался.

— Теперь у нас будет масса новых проблем.

— Кто-то из нас должен пойти к кораблю, — сказал Морри, — и немедленно. Может быть, они уже совершают посадку. Они могут показаться с минуты на минуту.

— Мне кажется, это была передача не из корабля, — заявил Арт и вновь повернулся к микрофону.

Как бы то ни было, они решили, что доктор и Росс вернутся на корабль. Надев скафандры и пройдя через шлюз, они стали спускаться по каменистому откосу, и в этот миг Росс увидел ракету. Разумеется, он не слышал ее приближения. Он лишь повернулся назад, чтобы удостовериться, что Каргрейвз идет следом, и закричал в микрофон, указывая рукой:

— Смотрите!

С запада к ним приближался чужой корабль. Он летел относительно медленно и на малой высоте. Пилот поддерживал его над поверхностью

Луны при помощи дюз: реактивные струи были направлены больше вниз, чем назад.

— Быстрее! — крикнул Росс и рванул вперед.

Но ракета, судя по всему, не собиралась садиться. Она резко нырнула носом, и из передних дюз вырвалось пламя, удерживавшее ее от падения. Корабль летел прямо к «Галилею». На высоте менее пятисот футов пилот нижними двигателями развернул ракету носом вверх и резко пошел на подъем, включив маршевый двигатель. Место, где лежал «Галилей», скрыла вспышка беззвучного взрыва. Взметнулось облако пыли, которое быстро рассеялось в вакууме. Звук пришел к ним снизу, через почву, спустя долгое время — так им показалось.

«Галилей» лежал на боку, и в его фюзеляже зияла огромная рваная дыра, тянувшаяся от разбитого иллюминатора почти до середины корабля. Каргрейвз замер на месте, отказываясь верить своим глазам.

Росс первым обрел дар речи:

— Они не оставили нам ни малейшего шанса! — закричал он, потрясая кулаками. — Ни единого!

15

Зачем они это сделали?

Он повернулся и, спотыкаясь, побрел к откосу, где стоял Каргрейвз, растерянный и онемевший.

— Вы видели, док? — спросил он. — Видели? Эти грязные крысы сбросили на нас бомбу. Они нас бомбили! Зачем? Почему? Зачем им это понадобилось?

По его лицу текли слезы. Каргрейвз неуклюже погладил мальчика по спине.

— Не знаю, — медленно произнес он. — Не знаю, — повторил он, пытаясь преодолеть шок.

— Я убить их готов!

— Я тоже. — Каргрейвз внезапно повернулся. — Как знать, может быть, мы так и сделаем. А теперь пойдем расскажем все остальным. — И двинулся вверх по откосу.

Арт и Морри уже вылезали из шлюза, когда Росс и доктор подошли к хижине.

— Что случилось? — спросил Морри. — Мы почувствовали какое-то сотрясение.

Каргрейвз не стал прямо отвечать на вопрос.

— Арт, ты отключил передатчик?

— Да, а что произошло?

— Больше не включай. Иначе они найдут нас. — Он протянул руку, указывая на дно кратера. — Смотрите сами!

Прошла пара минут, прежде чем мальчики осознали случившееся. Арт беспомощно повернулся к доктору:

— Дядя, но как же так? Почему корабль взорвался?

— Они напали на нас! — в ярости воскликнул Каргрейвз. — Они нас разбомбили! Будь мы на борту, мы бы погибли! Очевидно, они именно этого и добивались.

— Зачем?

— Если б я знал. Должно быть, они не хотят, чтобы мы были здесь.

Он не стал открывать им правду: враг допустил промашку, но это лишь вопрос времени. Быстрая смерть от взрыва была бы милосерднее той смерти, которую им предстояло принять… потерпевшим крушение… на этой мертвой, лишенной воздуха планете. Сколько они еще протянут? Месяц? Два? Уж лучше было попасть под бомбу.

Морри вдруг бросился к шлюзу.

— Куда ты?

— Возьму оружие.

— Оно нам не поможет.

Но мальчик его не слышал. Антенна Морри уже была экранирована металлической стенкой.

— А я считаю, что оружие нам пригодится, док! — заявил Росс.

— Каким образом?

— А что они теперь будут делать? Наверняка захотят посмотреть на результат. Они даже не видели взрыва — сбросили бомбу и дали деру.

— И что же?

– *Если они приземлятся, мы захватим их корабль!*

Арт подошел поближе:

— Точно! Росс дело говорит! Мы их достанем! Мы им покажем! Чертовы убийцы!

Он кричал, захлебываясь словами, и его крик превращался в пронзительный визг и скрежет в наушниках.

— Да, мы попытаемся, — решился наконец Каргрейвз. — Мы попробуем. Если они сядут здесь, без боя мы не сдадимся! Хуже, чем есть, все равно не будет. — Он внезапно успокоился, перестрелка — нечто новое в его опыте — больше его не страшила. Напротив, он ощутил прилив бодрости. — Как ты думаешь, Росс, где нам лучше спрятаться? В «Галилее»?

— Если у нас есть… *вот! Они летят!*

Над дальним краем кратера появилась ракета.

— Где Морри?

— Я здесь. — Он вынырнул из-за их спин, держа в руках две винтовки и револьвер. — Так, Росс, держи… Ага! — Он тоже заметил ракету чужаков. — Что ж, надо поторапливаться!

Но ракета садиться не стала. Она медленно опустилась, замерла ниже кромки кратера, лизнула реактивной струей обломки «Галилея», поднялась ввысь и улетела.

— А мы даже ни разу не выстрелили, — с горечью произнес Морри.

— Пока нет, — ответил Росс. — Но они вернутся. Наверняка это был лишь второй заход для бомбометания на случай, если они промазали в первый раз. Но они вернутся посмотреть, что у них вышло. Верно, док?

— Полагаю, да, — ответил Каргрейвз. — Им нужно осмотреть корабль и добить уцелевших. Но на «Галилей» мы не пойдем.

— Почему?

— Не успеем. Они, наверное, вернутся очень быстро и постараются сесть. Они обнаружат нас на ровной местности.

— Придется рискнуть.

Решение пришло само собой. Ракета появилась

снова — оттуда, куда улетала. На сей раз она явно пошла на посадку.

— Вперед! — закричал Каргрейвз и сломя голову ринулся вниз по склону.

Ракета села на полпути между «Галилеем» и тенью, сместившейся к подножию холмов, поскольку уже четыре «дня» Солнце поднималось над горизонтом все выше и выше. Даже на таком расстоянии ракета чужаков выглядела гораздо меньше, чем «Галилей». Но Каргрейвзу было не до сравнений. Его ближайшей целью было достигнуть люка прежде, чем его откроют, чтобы напасть на врагов сразу же, как только те выберутся наружу. Но здравый смысл пришел ему на помощь до того, как он выскочил на освещенный участок: он вспомнил, что у него нет оружия. Одна винтовка была у Морри, другая — у Росса, а Арт размахивал револьвером. Доктор остановился у самой границы ослепительного света и тени.

— Стойте! — велел он. — Думаю, они нас не заметили. И похоже, не увидят пока.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Морри.

— Подождем, пока они не выйдут из корабля. А потом ворвемся внутрь, когда они отойдут достаточно далеко. Ждите моего сигнала.

— Они нас не слышат?

— Надеюсь, что нет. Если они настроились на нашу частоту, то мы покойники. Так, всем отключить передатчики. — И тут же щелкнул выключателем.

Наступила зловещая тишина.

Ракета села почти точно кормой в их сторону. Доктор увидел, как из откинувшегося бокового люка показались три фигуры в скафандрах. Первый человек быстро осмотрелся, но не заметил ничего подозрительного. Так как он почти наверняка был в темных очках, было сомнительно, чтобы он мог увидеть что-нибудь в тени. Он махнул рукой, давая знак остальным, и двинулся к «Галилею» тем размашистым шагом, который, как уже выяснила для себя команда «Галилея», был самым подходящим способом передвижения на Луне. Этого оказалось достаточно, чтобы понять: эти люди, их враги, отнюдь не впервые ступали по поверхности Луны.

Доктор подождал, пока они добрались до «Галилея» и скрылись за его корпусом, после чего поднялся на ноги и встал во весь рост. «Вперед!» — крикнул он в отключенный микрофон и рванулся к вражескому кораблю, делая гигантские прыжки в пятьдесят футов длиной. Внешний

люк был открыт. Каргрейвз нырнул внутрь и прикрыл за собой крышку. Люк задраивался установленным в его центре штурвалом — это было очевидно. Задраив люк, доктор оглянулся. Крошечный шлюз был слабо освещен через стеклянный иллюминатор во внутреннем люке. В этом слабом свете Каргрейвз почти ощупью отыскал воздушный клапан.

Открыв его, он услышал шипение воздуха, наполнявшего камеру. Доктор всем телом навалился на внутренний люк и стал ждать.

Неожиданно люк поддался; Каргрейвз оказался в ракете и зажмурился от яркого света.

В пилотском кресле сидел мужчина. Он повернул голову и, похоже, что-то сказал. Сквозь шлем Каргрейвз не слышал его слов, да он особенно и не прислушивался. Воспользовавшись маленькой гравитацией, он одним прыжком подскочил к пилоту и схватил его за плечи. Тот был слишком изумлен, чтобы сопротивляться, да это и не имело значения: сейчас Каргрейвз был готов сразиться хоть с тигром.

Внезапно он понял, что бьет противника головой о мягкий подголовник кресла, и сообразил, что это ни к чему не приведет. Он отвел назад затянутый в перчатку кулак и двинул мужчине

под дых. Противник коротко застонал и, казалось, потерял сознание. Доктор еще раз ударил его в незащищенный подбородок. Больше бить не потребовалось. Доктор опустил пилота на пол, заметив на его поясе кобуру, в которой лежал пистолет, по виду — маузер крупного калибра, затем встал на бесчувственное тело и посмотрел в иллюминатор.

У разбитого борта «Галилея» на песке лежало скорчившееся тело — друга или врага, точно было сказать нельзя. Еще один стоял рядом, и это был наверняка враг. Это можно было понять по незнакомому покрою скафандра и пистолету в его руке. Он целился в сторону ракеты, в которой сейчас находился доктор.

Каргрейвз увидел вспышку выстрела, но звука не услышал. Еще выстрел! На этот раз пуля угодила в корпус ракеты, и она загудела, словно гигантский колокол, почти оглушив доктора.

Каргрейвзу нужно было срочно решить, что теперь делать. С одной стороны, ему не терпелось вступить в схватку, воспользовавшись оружием поверженного врага. С другой стороны, нельзя было оставить пленника одного, а у доктора не хватило бы духу даже в горячке битвы прикончить человека, потерявшего сознание.

Он уже решил было оглушить пленного мощным ударом и выйти наружу, но события, за которыми он наблюдал в иллюминатор, лишили его выбора. Одетый в скафандр чужак, стоявший у борта «Галилея», внезапно остался без шлема. Вокруг его шеи остался лишь зубчатый стеклянный воротник. Он уронил пистолет и схватился руками за лицо. Постояв так несколько секунд, словно удивляясь случившемуся, он сделал два неуверенных шага и медленно упал лицом вниз. Еще некоторое время человек дергался, но так и не встал. Его тело еще сотрясалось в конвульсиях, когда из-за корабля показался третий. С ним было покончено очень быстро. Он был явно растерян и не понимал, что происходит: ведь вся перестрелка происходила совершенно беззвучно. Возможно, он встретил смерть, так и не поняв, что с ними произошло и почему. Человек медленно потянулся за пистолетом, и в этот миг его настигли сразу две пули: одна попала в грудь, другая чуть ниже.

Он согнулся пополам и начал заваливаться вперед, все ниже и ниже, пока его шлем не коснулся грунта, после чего замер.

Каргрейвз услышал шум за спиной. Вскинув трофейное оружие, он повернулся и стал ждать,

когда откроется люк. Это был Арт. Взгляд у него был дикий, лицо раскраснелось.

— Есть здесь кто-нибудь еще? — крикнул он доктору, описывая револьвером широкую дугу.

Его голос, приглушенный двумя шлемами, был едва слышен Каргрейвзу.

— Нет. Включи радио, — крикнул Каргрейвз в ответ и тут же заметил, что его собственный передатчик выключен.

Он повернул рычажок и повторил приказ.

– *Мой* работает, — сказал Арт. — Я включил его, пока шлюз заполнялся воздухом. Как дела снаружи?

— Кажется, все в порядке. Постереги-ка этого парня, — доктор показал на лежащее тело. — Я выйду наружу.

Но нужды в этом не было. Люк опять открылся, и из него вывалились Морри и Росс. Каргрейвз отметил с рассеянным удивлением: как же им удалось втиснуться вдвоем в такой маленький шлюз?

— Нужна помощь? — спросил Морри.

— Нет. Похоже, вам она тоже не нужна.

— Мы устроили им засаду, — торжествующе заявил Росс. — Спрятались в тени корабля и положили их одного за другим, когда они выходили

оттуда. Правда, тот, второй, едва не уложил нас, прежде чем мы его. Знаете, — небрежно произнес он, словно опытный вояка, — с этими аквариумами на голове не так-то легко прицеливаться.

— Хм… во всяком случае, у вас это получилось неплохо.

— Просто повезло. Морри стрелял с бедра.

— Да нет, — ответил тот. — Я тщательно целился и готовил каждый выстрел.

Каргрейвз велел им следить за пленником и собрался выйти на разведку.

— Чего зря беспокоиться? — спросил Арт. — Пристрелить его и вышвырнуть наружу. Как вы думаете?

— Остынь, — урезонил его доктор. — Расстреливать пленных — это нецивилизованно.

— А сами-то они цивилизованны? — фыркнул Арт.

— Заткнись, Арт. Морри, останешься за старшего, — сказал Каргрейвз, закрывая за собой крышку люка.

Осмотр длился недолго. Двое чужаков получили ранения, которые в любом случае были бы смертельны, даже если бы их скафандры не были пробиты. Третьему, у которого был разбит шлем, тоже ничем нельзя было помочь. Его без-

жизненные глаза смотрели в черное небо, возле носа все еще пенилась кровь. Он был мертв, его убил вакуум. Каргрейвз вернулся к маленькому кораблю, даже не взглянув на жалкие обломки, в которые превратился их изящный некогда «Галилей». Войдя внутрь, доктор опустился в одно из противоперегрузочных кресел и вздохнул.

— Ну что ж, — сказал он. — Все не так уж и плохо. По крайней мере, у нас есть ракета.

— Вы так думаете? — мрачно спросил Арт. — Поглядите-ка на панель управления!

16

Что скрывает Луна

— Что? — спросил доктор и посмотрел туда, куда указывал мальчик.

— Никакой это не космический корабль, — с горечью произнес Арт. — Это лунный джип. Посмотрите-ка сюда. — Он указал на два индикатора. На одном было написано «SAUERSTOFF», на другом «ALKOHOL»[18]. — Спирт и кислород. Это просто детский автомобильчик.

— Может быть, это для маневровых двигате-

---

[18] Примечания: 18

Sauerstoff и *Alkohol* — кислород и спирт *(нем.). — Примеч. С. В. Голд.*

лей? — спросил Каргрейвз без особой надежды.

— Ничего подобного, — сказал Росс. — Не надо себя обманывать, док. Мы все осмотрели. Арт перевел нам эту немецкую тарабарщину. Потом, вы же видели, у этой штуки нет ничего похожего на крылья. Она предназначена исключительно для перемещения по Луне. А вот и наш приятель очнулся.

Пленник открыл глаза и попытался усесться. Каргрейвз схватил его за плечо, рывком поставил на ноги и швырнул в кресло, в котором тот только что сидел.

— Эй, ты! — рявкнул он. — Говори!

Мужчина растерянно посмотрел на него и не ответил.

— Лучше попробуйте говорить по-немецки, дядя, — посоветовал Арт. — Все надписи здесь на немецком.

Каргрейвз напрягся и, порывшись в памяти, припомнил несколько немецких фраз.

— Назовите свое имя! — потребовал он.

— Фридрих Ленц, техник-сержант второго класса. С кем я говорю?

— Отвечайте на вопросы, которые вам задают. Зачем вы разбомбили наш корабль?

— Таков был приказ. Я выполнял свой долг.

— Это не основание. Зачем вы бомбили мирный корабль?

Пленник угрюмо молчал.

— Превосходно, — сказал Каргрейвз, по-прежнему по-немецки. — Арт, открой шлюз. Мы выбросим эту падаль наружу.

Техник-сержант внезапно заговорил очень быстро. Каргрейвз наморщил лоб.

— Арт, — сказал он, переходя на английский. — Тебе придется помогать мне. Он болтает слишком быстро.

— И переводи! — потребовал Росс. — Что он говорит?

— Попытаюсь, — ответил Арт и заговорил по-немецки: — Повторите свои слова. Говорите медленнее.

— Ja, — пленник повернулся к Каргрейвзу.

— Вы должны говорить «Herr Kapitan»! — прикрикнул на него Арт.

— Ja, Herr Kapitan[19], - вежливо произнес пленник. — Я как раз пытался объяснить вам…

Рассказывал он долго. Время от времени он делал паузы, и Арт переводил его слова.

— Он говорит, что является членом экипажа

---

[19] Примечания: 19
Да, господин капитан *(нем.)*.

этой ракеты. Ими командовал лейтенант… я не разобрал его имени… один из тех, кого мы подстрелили… а их руководитель приказал отыскать и разбомбить наш корабль. Он говорит, что это не было… э-э… *неспровоцированным* нападением, это было частью военных действий.

— Война? — переспросил Росс. — Что он имеет в виду? Какая еще, к дьяволу, война? Тут нет никакой войны. Это было откровенное покушение на убийство.

Арт снова заговорил с пленником.

— Он говорит, что война идет, она никогда не прекращалась и будет продолжаться вплоть до победы национал-социалистического рейха. — Арт выслушал пленника и перевел дальше: — Он утверждает, что рейх будет существовать тысячу лет.

Морри в ответ на это произнес несколько слов, каких Каргрейвз от него прежде никогда не слышал.

— Спроси его, как ему это в голову взбрело?

— Неважно, — прервал его Каргрейвз. — Мне кажется, я начинаю понимать. — И обратился прямо к нацисту: — Сколько вас здесь, когда вы прибыли на Луну и где находится ваша база?

Арт тут же перевел:

— Он заявляет, что в соответствии с международной конвенцией о военнопленных он имеет право не отвечать на такие вопросы.

— Вот как? Скажи-ка ему, что законы войны были отменены, когда запретили саму войну. Впрочем, не так. Скажи лучше вот что: если он настаивает на правах пленного, то мы можем немедленно освободить его! — Доктор показал в сторону шлюза.

Хотя он говорил по-английски, пленный отлично понял его жест. Теперь он с готовностью выложил подробности.

Он и его товарищи прожили здесь уже около трех месяцев. У них была скрытая под лунной поверхностью база в тринадцати милях к западу от кратера, в котором совершил посадку «Галилей». У них также была ракета, гораздо большая, чем «Галилей», и тоже оснащенная атомными двигателями. Себя пленник считал военнослужащим армии нацистского рейха. Он не знал, зачем был отдан приказ бомбить «Галилей», но полагал, что это было сделано из соображений секретности. Нужно было сохранить в тайне их планы.

— Какие планы?

Пленный опять замолчал. На сей раз Каргрейвз действительно открыл внутренний люк шлюза,

сам не зная, как далеко он готов зайти, чтобы получить нужную информацию, но нацист сдался.

План был прост: покорить Землю. Нацистов было немного, но в их распоряжении имелись лучшие военные, научные и технические специалисты, скрывшиеся после падения империи Гитлера. Бежав из Германии, они построили в глухих горах базу и продолжали там работать ради возрождения рейха. Похоже было, что сержанту неизвестно точное местоположение базы. Доктор начал задавать наводящие вопросы: Африка? Южная Америка? Какой-нибудь остров? Но пленник знал лишь, что на подводной лодке из Германии туда плыть очень долго.

Но именно цель нацистов, их der Tag заставил путешественников забыть о грозившей им опасности. У нацистов были атомные бомбы, но пока они сами находились на Земле, спрятавшись на своей тайной базе, они не решались пускать их в ход потому, что у ООН бомбы тоже были, и в большем количестве.

Но построив космический корабль, они обрели новые возможности. Теперь они могли укрыться на Луне и, обеспечив себе безопасность, обрушить на земные города ракеты, запущенные с Луны, которыми управляли бы дистанционно.

Бомбежка должна была продолжаться до тех пор, пока отчаявшиеся народы Земли не сдались бы на милость победителя.

Рассказывая об этой конечной цели, пленник преисполнился гордости и надменно заявил:

— Вы не сможете это остановить! Вы можете убить меня, но это ничего не изменит! Heil dem Fuhrer![20]

— Можно, я плюну ему в морду? — небрежно осведомился Морри.

— Не трать зря слюну, он того не стоит, — ответил Каргрейвз. — Лучше давайте подумаем, как нам выбраться из этой веселенькой истории. Какие будут предложения?

Он вытащил пленника из кресла и велел лечь на пол лицом вниз, а сам уселся на него сверху.

— Давайте, парни, выкладывайте. Думаю, наш приятель не знает по-английски и двух слов. Что ты думаешь, Росс?

— Ну, — ответил тот, — теперь нам придется спасать не только свои шкуры. Мы *должны* их остановить. Но перебить пятьдесят человек из двух винтовок и пары пистолетов — это задачка скорее для Тарзана или Супермена… Честно гово-

---

[20] Примечания: 20
Да здравствует вождь *(нем.)*.

ря, я не знаю, с чего начать.

— Может быть, для начала отыщем их базу? Пройти тринадцать миль по Луне — это нам ничего не стоит.

— Послушайте, — сказал Арт. — Через пару дней я мог бы закончить монтаж передатчика, который достанет до Земли. Нам необходимо подкрепление.

— Как же они сюда прилетят? — спросил Росс. — У нас был единственный корабль, если не считать ракеты этих нацистов.

— Но ведь сохранились чертежи! Док, ведь вы отдали их отцу Росса, верно? Земля вполне может построить сколько угодно кораблей и выкурить отсюда эту нечисть!

— Это было бы лучше всего, — согласился Каргрейвз. — Мы не имеем права на ошибку, это уж точно. Сначала можно было бы уничтожить нацистскую базу на Земле, а потом приняться за лунную. Ведь теперь на Земле знают, что наш корабль оправдал все надежды.

Морри покачал головой:

— Это все не то. Мы должны ударить *прямо сейчас*. Промедление недопустимо. Мы имеем возможность поступить с ними так же, как они поступили с нами. Предположим, ООН доберется

сюда за шесть недель. Шесть недель — это слишком много. Три недели — тоже слишком много. Даже недели может оказаться слишком много. Атомная война может начаться и закончиться в один день.

— Ну что ж, тогда спросим у нашего приятеля, не знает ли он, когда они собираются нанести удар, — предложил Росс.

Морри вновь покачал головой и помешал Арту задать этот вопрос пленному.

— Бесполезно. Нам не удастся построить передатчик. Они будут шнырять вокруг кратера, как репортеры на процессе об убийстве. Они могут появиться здесь в любую минуту. Ты же не думаешь, что они не станут искать свою ракету?

— О, черт! — воскликнул Арт.

— Сколько сейчас времени, док? — спросил Росс.

К общему удивлению, выяснилось, что со времени бомбардировки «Галилея» прошло всего сорок минут. Им эти минуты показались целым днем. Это обнадеживало, хотя и не слишком. По словам пленного, ракетка, в которой они сейчас находились, была единственным средством для коротких прыжков. Большой корабль нацистов

— «Вотан»[21], как он его назвал, — едва ли будут использовать для поиска. Похоже, у путешественников оставалось несколько часов в запасе.

— Как же нам поступить? — размышлял Каргрейвз. — Две винтовки, два пистолета и нас тоже четверо. Силы слишком неравные. И нам никак нельзя проиграть. Я знаю, что вы, ребята, не боитесь умереть, но мы просто обязаны *победить*!

— Разве можно воевать только винтовками? — спросил Росс.

— Ты можешь предложить что-то еще?

— На нас сбросили бомбу. Я готов поспорить, что здесь она была не одна.

Каргрейвз на мгновение задумался, затем обратился к пленному и быстро заговорил по-немецки. Тот дал короткий ответ. Доктор кивнул:

— Морри, ты сумел бы справиться с этой посудиной?

— Попробовать можно.

— Вот и хорошо. Сейчас я приставлю к ребрам этого парня из расы господ пистолет и заставлю его поднять ракету, а ты присмотришься, как он ею управляет. Имей в виду: второй попытки не

---

[21] Примечания: 21

Вотан — в западногерманских мифах бог войны, хозяин Валгаллы, вождь богов. Олицетворение духовной власти и мудрости. В Скандинавии ему соответствует Один.

будет, и ты даже не успеешь попрактиковаться. А теперь надо разобраться с бомбометанием.

Это оказалось простым делом. Бомбового прицела как такового не было. Пилот просто пикировал на цель, сбрасывал бомбу и, пока она не взорвалась, взмывал вверх. На борту было устройство, отпускавшее бомбу, которая после этого просто продолжала лететь по прежней траектории ракеты. Разобравшись в устройстве, они допросили пленного, который рассказал им то же, что они узнали без его помощи.

В кабине было два пилотских кресла, за ними — два пассажирских. Морри сел в одно из пилотских, второе занял нацист. Росс уселся за спиной Морри, а Каргрейвз посадил к себе на колени Арта, и они пристегнулись одним ремнем. В результате Арт оказался достаточно близко к спинке кресла пленника, чтобы приставить к его боку пистолет.

— Морри, все готово?

— Готово. Я сделаю один заход, чтобы определиться и отыскать вход в их нору. А на втором заходе угощу их бомбой.

— Отлично. Постарайся не задеть их большой корабль, если сможешь. Мне бы хотелось вернуть-

ся домой. Ключ на старт! Achtung! Aufstieg![22]

Мстители приступили к делу.

— Как успехи? — прокричал Каргрейвз несколько секунд спустя.

— Нормально! — ответил Морри громким голосом, перекрывая шум. — Я мог бы посадить ее прямо в печную трубу. Впереди по курсу какой-то холм, я думаю, они там!

Серебристая сигара «Вотана», стоявшая подле холма, к которому они направлялись, положила конец всем сомнениям. Этот холм был естественным скальным выступом, так что от кратера его отличить было легче легкого — он стоял совершенно один в нескольких милях от «берега» одного из «морей».

Они пролетели мимо, и Морри развернул ракету, включив двигатель на полную мощность, чтобы преодолеть инерцию. Всех вдавило в кресла. Арт чуть было не нажал спусковой крючок. Развернув ракету, Морри набрал высоту, чтобы спикировать вниз и сбросить бомбу. Каргрейвз мог только гадать, увидел ли Морри воздушный шлюз подземной базы; сам он ничего не заметил.

---

[22] Примечания: 22
Внимание! Подъем! *(нем.)*

Но времени на размышления не оставалось: Морри уже пикировал. Мгновением позже он снова дернул ракету вверх, выходя из пике, и пассажиров вновь вдавило в спинки кресел. На секунду ракета зависла, и Каргрейвз подумал, что Морри в своем стремлении нанести точный удар явно перестарался. Доктор вцепился в подлокотники кресла, приготовившись к удару.

Потом ракета пошла вверх. Набрав достаточную высоту, Морри вновь развернул корабль и заглушил двигатель. Они падали, штурманский иллюминатор был обращен вниз, и в него заглядывал лунный пейзаж.

Туча пыли и песка все еще продолжала подниматься в небо. Внезапно из ее центра взметнулся столб воздуха, обломков и новых порций песка. В вакууме пыль очень быстро осела, поле зрения очистилось, и они увидели зияющую рану — черный провал, ведущий в недра Луны.

Морри попал точно в шлюз, как стрелок — в десятку.

Согласно плану Каргрейвза, Морри посадил ракету на большом удалении от дыры, оставив «Вотан» между собой и базой нацистов.

— Готово, док!

— Прекрасно. А теперь давайте-ка еще раз по-

думаем. Я не хочу никаких случайностей. Росс идет со мной. Ты и Арт остаетесь в джипе. Мы первым делом осмотрим «Вотан», затем разведаем базу. Если мы задержимся более чем на тридцать минут, значит мы погибли или взяты в плен. Что бы ни произошло, вы не покидаете этой ракеты ни при каких обстоятельствах. Если кто-нибудь двинется в вашу сторону, улетайте. Если мы придем не одни, то не подпускайте нас к ракете, улетайте. У вас осталась еще одна бомба. Вы знаете, что с ней делать.

Морри кивнул:

— Бомбить «Вотан». Но мне не хочется этого делать.

Он задумчиво посмотрел на большой корабль — единственную ниточку, связывавшую их с Землей.

— Что поделаешь! После этого вы с Артом возвращаетесь в «конуру» и прячетесь там. Твоя задача, Арт, любым способом собрать установку, которая смогла бы отправить на Землю послание. Это единственное, что должно вас заботить. Ни в коем случае не возвращайтесь сюда, чтобы отыскать меня и Росса. Если вы хорошо спрячетесь, они, может быть, не найдут вас в течение нескольких недель, и тогда у вас будет шанс. И

будет шанс у *Земли*. Согласны?

Морри все еще колебался.

— Допустим, мы отправили на Землю сообщение. Что потом?

После секундного размышления Каргрейвз ответил:

— У нас нет времени обсасывать это со всех сторон. Пора браться за дело. Если ты получишь с Земли ответ, из которого будет совершенно ясно, что тебе поверили и принимают меры, то поступай по собственному усмотрению. Но я не советовал бы тебе рисковать. Если мы не вернемся через тридцать минут, то вряд ли нам можно будет помочь.

Доктор немного помолчал и добавил: все-таки он сомневался, что Морри пойдет на такое по собственному почину.

— Надеюсь, ты понимаешь, что, если дело дойдет до бомбометания, ты должен сбросить бомбу туда, куда следует, даже если там будем мы с Россом.

— Понимаю.

— Это приказ, Морри.

— Я понял.

— Морри!

— Есть, капитан.

— Вот так-то лучше, сэр. Арт, Морри остается за старшего. Пойдем, Росс!

На ракетодроме царило абсолютное спокойствие. Невдалеке в безмолвии замер могучий блестящий «Вотан». Могучий и никем не охраняемый.

Держа пистолет наготове, Каргрейвз обошел корабль кругом. Вооруженный винтовкой Росс прикрывал его с тыла, следуя на некотором расстоянии.

Как и у «Галилея», у этого корабля был один люк — по левому борту, и располагался он прямо за пилотской рубкой. Доктор жестом велел Россу остановиться, поднялся по узкому металлическому трапу и попытался открыть люк. К его удивлению, корабль оказался не заперт. Потом доктору пришло в голову, что удивляться нечему. Замки нужны в городах, здесь они не имеют смысла.

Когда давление в камере выровнялось, Каргрейвз снял с пояса фонарик, конфискованный в нацистском джипе, и приготовился к встрече с тем, что находилось за дверью шлюза. Дверь с шумом распахнулась. Каргрейвз пригнулся, отскочил в сторону и осветил отсек фонариком. Никого… и ничего.

Корабль был пуст от носа до кормы. Это было почти невероятной удачей. Даже если сейчас было время отдыха, даже если на корабле не велось никаких работ, доктор ожидал встретить здесь хотя бы часового. Правда, часовой — это пара неиспользуемых рабочих рук, а здесь, на Луне, они стоили в сотни, тысячи раз дороже, чем на Земле. Люди здесь наверняка на вес золота; скорее всего, решил доктор, функцию охраны выполнял радар — неусыпный автоматический страж. И наверняка снабженный широкополосным радиопеленгатором, подумал Каргрейвз, вспоминая, как быстро поступил ответ на сигнал, который они в первый раз направили из своего кратера.

Он прошел через пассажирский отсек, оборудованный десятками противоперегрузочных кресел, и через трюм спустился в кормовой отсек. Он искал силовую установку.

Но так ее и не нашел. Путь преградила наглухо заваренная стальная переборка без единого отверстия. Удивленный, доктор вернулся к пульту управления. То, что он увидел там, озадачило его еще больше. Противоперегрузочные кресла были обычными, некоторые из навигационных приборов — стандартными, о назначении прочих

было нетрудно догадаться. Но функции органов управления были абсолютно непонятны.

Хотя все это сбивало с толку, одно было совершенно ясно. Нацистам не удалось бы справиться с такой грандиозной задачей — построить гигантский корабль в секретном убежище — точно так же, как и он сам и его мальчики не смогли бы построить «Галилей» голыми руками. И в том, и в другом случае это были переделки уже готовой конструкции и замена некоторых второстепенных агрегатов.

Потому что «Вотан» был одним из лучших, новейших и самых больших кораблей, какие когда-либо выпускались на верфях Детройта!

Доктор вспомнил о том, что время не стоит на месте. Осмотр корабля занял целых семь минут, и Каргрейвз поспешил наружу к Россу.

— Пусто, — сообщил он, оставляя подробности на потом. — А теперь порыщем в крысиной норе.

И вприпрыжку побежал по равнине. Пробираясь через завалы у входа в туннель, они были вынуждены соблюдать особую осторожность. Поскольку сброшенная ими бомба не была атомной, опасности облучения не было, но путешественники вполне могли поскользнуться и

провалиться в черную бездну.

Вскоре завалы кончились, и они увидели великолепную лестницу, ведущую вглубь Луны. Росс посветил фонариком. Стены, ступени и потолок были покрыты каким-то прочным лаком, который обеспечивал герметичность помещения. Лак был почти прозрачный, и можно было видеть, что он покрывает плотно пригнанные каменные плиты.

— Да уж, пришлось им тут попотеть! — заметил Росс.

— Тихо! — ответил доктор.

Двумястами футами ниже лестница закончилась, и они вошли в другую дверь. Это не был шлюз, но все же и эта дверь была герметична. Тем не менее она не спасла обитателей базы: взрыв и напор воздуха изнутри оказались слишком сильными. Дверь удержалась на петлях, но была так выгнута и искорежена, что они смогли войти внутрь через открывшуюся брешь.

В помещении за дверью было светло. Взрыв разбил большую часть установленных здесь старомодных светильников, но все же то тут, то там горела одинокая лампочка, и разведчики сумели разглядеть, что они находятся в большом зале. Каргрейвз осторожно двинулся вперед.

Справа было помещение, в которое вела обычная, не герметичная дверь, сейчас висевшая на одной петле. Заглянув внутрь, они поняли, почему во время атаки на поверхности никого не оказалось. Здесь располагалась казарма, и смерть настигла нацистов во сне. На Луне понятия «день» и «ночь» весьма произвольны, если употреблять их в смысле «рабочее время» и «время отдыха». Нацисты жили по своему графику, и они имели несчастье спать именно тогда, когда в них попала бомба Морри, разом лишившая их воздуха.

Каргрейвз задержался здесь ровно настолько, чтобы убедиться в том, что в живых не осталось никого. Росса он сюда не впустил. На лежащих людях крови было немного — в основном она вытекала изо ртов и выпученных глаз. Доктору было дурно — не из-за вида крови, а из-за выражения, застывшего на безжизненных лицах. Он поспешил выйти, прежде чем его стошнит.

Росс тоже нашел кое-что интересное.

— Посмотрите сюда! — позвал он.

Каргрейвз подошел поближе. Резкое падение давления выворотило кусок стены, который ввалился внутрь помещения. Он представлял собой металлическую панель, а не каменные плиты, которыми были выложены остальные стены.

Росс потянул панель, отодвинул ее настолько, что можно было заглянуть за нее, и осветил открывшееся отверстие фонариком. Внутри был еще один коридор, уложенный тщательно отшлифованными и пригнанными каменными плитами. Но здесь плиты не были покрыты герметизирующим лаком.

— Интересно, зачем они вырыли этот коридор, а потом замуровали его? — спросил Росс. — Как вы думаете, может быть, они что-нибудь там спрятали? Атомные бомбы, например?

Каргрейвз внимательно осмотрел кладку из аккуратно пригнанных камней, уходящую в непроглядную тьму. После долгого молчания он тихо сказал:

— Нет, Росс, это не нацистский склад. Ты открыл жилище селенитов.

17

«...Пока не сгнием...»

Росс молчал, не в силах произнести ни слова. Когда к нему наконец вернулся дар речи, он воскликнул:

— Вы это вправду? Док, вы уверены?

Каргрейвз кивнул:

— Настолько уверен, насколько это возможно в данный момент. Я долго не мог понять, как нацистам удалось построить такую огромную базу и почему они решили использовать каменную кладку. Это потребовало бы очень больших усилий, особенно если работать в скафандре. Но я решил отнести все на счет любви немцев ко всему монументальному, у них это называется «сработано на совесть». Мне следовало бы лучше пошевелить мозгами.

Он заглянул в темный таинственный коридор.

— Несомненно, все это построено не за последние несколько месяцев.

— Давно?

— Давно? Миллион лет — это, по-твоему, как, давно? А десять миллионов? Не знаю, мне трудно представить себе даже тысячу лет. Возможно, нам этого никогда не узнать.

Россу очень хотелось немедленно все осмотреть. Каргрейвз покачал головой:

— Нам нельзя сейчас отвлекаться, Росс. То, что мы обнаружили, — величайшая находка в истории человечества. Но она может и подождать. — Он посмотрел на часы. — У нас осталось ровно одиннадцать минут, чтобы покончить с делами и вернуться наверх, а то ребята начнут волно-

ваться.

Он быстрым шагом обошел остальные помещения. Росс расположился в центральном зале, прикрывая Каргрейвза с тыла. Доктор обнаружил радиостанцию, подле которой сидел в наушниках мертвый оператор, и отметил, что оборудование, судя по всему, не слишком повреждено волной воздуха, вырвавшегося наружу. Затем он нашел арсенал, в котором хранились винтовки и бомбы для джипа. Далее находился склад управляемых ракет. Их там размещалось что-то около двух сотен, но стеллажи были заполнены только наполовину. Вид их должен был внушать ужас, ведь каждая из ракет могла бы взорвать и уничтожить целый город, но у доктора не было времени думать на эту тему. Он двинулся дальше.

В небольшой, хорошо обставленной комнате, похожей на кают-компанию или офицерскую гостиную, Каргрейвз нашел нациста, отличавшегося своим видом от прочих.

Он лежал в скафандре, лицом вниз. Хоть он и не двигался, Каргрейвз приблизился к нему с большой осторожностью.

Незнакомец был либо мертв, либо без сознания. Но на его лице не было признаков смерти, а в скафандре сохранилось давление. Размышляя,

как ему поступить, доктор опустился подле него на колени. На боку лежавшего висел пистолет. Каргрейвз вытащил его и сунул себе за пояс.

В перчатках и сквозь плотную ткань скафандра было невозможно прощупать пульс, а шлем мешал прослушать у незнакомца сердце. До конца условленного срока оставалось лишь пять минут, и если доктор хотел что-нибудь сделать, ему следовало поспешить. Он схватил обмякшее тело за пояс и потащил его за собой.

— Что это вы нашли? — спросил Росс.

— Сувенир. Пошли отсюда. У нас нет времени.

Он берег дыхание для подъема. Перескакивая через шесть ступенек за раз, он втащил наверх шестьдесят фунтов — себя и свой груз. До условленного времени оставалось еще две минуты.

— Бегом к джипу! — скомандовал Каргрейвз. — Я не могу тащить его с собой, иначе Морри подумает, что это ловушка. Встретимся на «Вотане». Вперед!

С этими словами, взвалив невесомую ношу на плечо, доктор галопом побежал к кораблю.

Оказавшись внутри, он положил тело на пол и снял с мужчины скафандр. Тело было теплым, но мертвенно-неподвижным. Но доктору все же удалось нащупать слабые удары сердца. Когда

из воздушного шлюза высыпали ребята, он уже делал мужчине искусственное дыхание.

— Эй, — спросил он, — кто меня сменит? Я слабо разбираюсь во всех этих вещах.

— А чего силы зря тратить? — спросил Морри.

Каргрейвз на мгновение остановился и с любопытством взглянул на мальчика:

— Ну что ж, помимо банальной причины, что нас так воспитали, есть еще одна: живым этот парень может быть куда полезнее, чем мертвым.

Морри пожал плечами:

— Если вы настаиваете… — Он опустился на колени, занял место Каргрейвза и принялся за дело.

— Ты все им рассказал? — спросил доктор Росса.

— Так, вкратце. Сказал, что это место теперь наше, рассказал о найденных развалинах.

— Ну не такие уж они и развалины, — возразил Каргрейвз.

— Дядя, отпустите меня вниз, — попросил Арт. — Я хочу сделать несколько снимков.

— Фотографии могут подождать, — ответил доктор. — Сначала надо разобраться с управлением этим кораблем. Как только мы сможем его поднять, мы отправимся домой. Это на первом

месте.

— Ну конечно… — согласился Арт. — Но… Значит, никаких фотографий?

— Давай договоримся так. Нам с Россом и Морри, да и тебе тоже, потребуется, вероятно, довольно много времени, чтобы понять, как управляется корабль. Так что кто его знает, может, и найдется двадцать минут, когда ты нам будешь не очень нужен. А пока отложим это дело на будущее. Давай, Росс. Кстати, как там наш пленный?

— А, этот… — ответил Морри. — Мы связали его и оставили в джипе.

— Что? А если он сумеет развязаться? Он же может угнать ракету!

— Не развяжется. Я сам его связывал и, уж поверьте, подошел к этому делу очень серьезно. В любом случае он не убежит, куда ему деваться без скафандра и пищи? Парень знает, что его шанс дожить до старости зависит от нас, так что он не станет делать глупостей.

— Это точно, дядя, — подтвердил Арт. — Вы бы послушали, чего он мне наобещал!

— Могу представить, — отозвался Каргрейвз. — Пойдем, Росс.

Морри продолжал заниматься пленным, Арт готов был его сменить. Через несколько минут

Каргрейвз и Росс вернулись в салон.

— Ну что, этот кусок мяса еще не ожил? — спросил доктор.

— Пока нет. Может, бросить его?

— Я сменю тебя. Иногда приходится делать искусственное дыхание целый час и даже дольше. А вы вдвоем возьмите запасной скафандр, отправляйтесь к джипу и приведите сюда сержанта — как там его зовут? Мы с Россом так и не смогли разобраться в управлении, — признался он. — Тот парень был пилотом, и мы должны вытянуть из него все, что он знает.

Только доктор принялся за работу, как лежащий на полу мужчина застонал. Морри, подошедший было к люку, вернулся назад.

— Давай отправляйся, — велел ему Каргрейвз. — Мы с Россом управимся сами.

Нацист шевельнулся и застонал. Каргрейвз перевернул его. Веки задрожали, открылись ярко-голубые глаза. Он уставился на Каргрейвза.

— Как поживаете, сэр? — спросил он тоном рафинированного англичанина из пьесы. — Можно мне сесть?

Каргрейвз отодвинулся в сторону и позволил ему подняться, но помогать не стал. Мужчина огляделся. Росс стоял молча, направив на него

дуло винтовки.

— О, в этом нет никакой необходимости, — заметил нацист.

Росс посмотрел на доктора, но винтовку не опустил. Мужчина повернулся к Каргрейвзу.

— С кем я имею честь говорить? — спросил он. — Вы капитан Каргрейвз с корабля «Галилей»?

— Точно. А вы кто такой?

— Гельмут фон Хартвик, подполковник особого подразделения.

У него было безупречное английское произношение.

— Ну что ж, Гельмут, надеюсь, вы нам кое-что объясните. Что здесь происходит?

Подполковник рассмеялся:

— Ну, старина, тут нечего особенно объяснять, не так ли? Похоже, вы сумели каким-то образом от нас улизнуть, и теперь преимущество на вашей стороне. Я это прекрасно понимаю.

— Рад, что вы это понимаете. Но это не то, о чем я вас спрашиваю, мне этого недостаточно.

Каргрейвз задумался. Он не мог понять этого нациста: тот вовсе не выглядел человеком, только что очнувшимся от обморока. Может быть, он притворялся, а если так, то как долго?

Ладно, не в этом дело, решил доктор. В конце

концов, он у нас в плену.

— Зачем вы приказали разбомбить мой корабль?

— Я? Слушайте, старина, почему вы решили, что это я приказал?

— Потому что я узнаю ваш фальшивый английский акцент, который мы уже слышали по радио. Тогда вы назвались капитаном Джеймсом Брауном. Сомневаюсь, что в вашей бандитской шайке был хотя бы еще один поддельный англичанин.

Фон Хартвик приподнял брови:

— «Бандитский» — это очень грубое слово, старина. Вряд ли оно свидетельствует о приличных манерах. В одном вы не ошиблись: из всех моих коллег только я имел сомнительное удовольствие посещать хорошую английскую школу. И попрошу вас не называть мой акцент фальшивым. И даже если я и назвался капитаном Джеймсом Брауном, то это еще не доказывает, что именно я распорядился бомбить ваш корабль. Таков был постоянно действующий приказ вышестоящего командира, вызванный военной необходимостью. Персонально я за это не отвечаю.

— Вы солгали дважды. Не думаю, что вы посещали английскую школу, — похоже, вы подхватили акцент, слушая английские пластинки и радио. И

ваш вышестоящий командир не отдавал приказа бомбить нас, ведь он даже не знал, что мы здесь находимся. Это решение было принято вами — сразу же, как только вы обнаружили нас и засекли, где мы находимся.

Нацист развел руками, разыгрывая обиду:

— Вы, американцы, слишком поспешны в выводах. Неужели вы думаете, что можно было за десять минут заправить ракету, снарядить ее бомбами и собрать экипаж? Моей задачей было лишь выяснить, где вы.

— Так вы знали о нас?

— Естественно. Если бы этот дурак-оператор не упустил вас с экрана радара, когда вы переходили на посадочную траекторию, мы бы встретили вас гораздо раньше. Неужели вы думаете, что мы построили военную базу, не позаботившись о защите? Все продумано, мы готовы ко всему. Именно поэтому мы и победим.

Каргрейвз позволил себе сдержанно улыбнуться:

— Едва ли вы запланировали ситуацию, которая сложилась на данный момент.

— На войне случаются неудачи, — небрежно ответил пленный. — Приходится считаться с такой возможностью.

— Вы называете войной вероломную бомбардировку мирного гражданского корабля? Без всякого предупреждения?

На лице пленного появилось оскорбленное выражение.

— Прошу вас, друг мой! Зачем искажать факты? Ведь это *вы* напали на нас без предупреждения. Если бы мне не посчастливилось оказаться в тот момент в скафандре, я был бы уже мертв. И прошу отметить, *меня* никто не предупреждал. Что же до ваших слов, будто «Галилей» — это мирный гражданский корабль, то я нахожу весьма удивительным, что вы смогли разбомбить нашу базу, не имея на борту ничего более разрушительного, чем мухобойка. Вы, американцы, удивляете меня. Вы всегда готовы обвинить других в том, что делаете сами.

Услышав столь наглое заявление, Каргрейвз едва не задохнулся от ярости. На лице Росса появилось выражение крайнего отвращения. Он уже открыл рот, когда доктор знаком велел ему молчать.

— Эти слова, — сказал он, — содержат больше лжи, полуправды и искаженных фактов, чем все то, что вы говорили до сих пор. Так вот, я скажу вам правду: «Галилей» не бомбил вашу базу; от

него остались одни обломки. Но ваши люди оказались слишком беспечны. Мы захватили вашу ракету и сбросили на вас вашу же бомбу…

— Idioten![23]

— Они вели себя глупо, правда? Раса господ вечно оказывается в дураках, когда приходит время открыть карты. Далее: вы утверждаете, что мы напали без предупреждения. Опять ложь: вы были предупреждены в достаточной мере и даже более того. Ведь вы ударили первыми. И лишь ваша собственная самоуверенность не позволила предположить, что мы нанесем ответный удар.

Фон Хартвик открыл рот, чтобы что-то сказать.

— Молчать! — отрывисто произнес Каргрейвз. — Мне надоело выслушивать вашу чушь. Объясните мне, откуда у вас американский корабль. Только без вранья.

— Ах, это! Мы купили его.

— Не валяйте дурака.

— Ничего подобного. Я не хочу сказать, что мы пришли на завод, заказали военный корабль — одну штуку, попросили его упаковать и доставить по нашему адресу. Он был приобретен через третьи руки, но, как бы то ни было, наши друзья

---

[23] Примечания: 23
Идиоты! *(нем.)*

сумели доставить то, что нам было нужно.

Каргрейвз ненадолго задумался. Такое вполне могло быть. Он смутно припоминал, что в газетах мелькали сообщения о заказе на двенадцать кораблей такого же типа, как «Вотан» до переделки. Газеты подавали это событие как доказательство того, что страна полностью оправилась от войны и восстановила свою экономику. Интересно, подумал доктор, все ли двенадцать кораблей служат тем целям, для которых они якобы предназначались?

— В этом ваша главная проблема, бедные тупые американцы, — продолжал фон Хартвик. — Вы полагаете, что весь мир разделяет вашу слепую веру в давно прогнившие идеи вроде демократии. Но это не так. У нас везде есть друзья. В Вашингтоне, Лондоне, да и даже в Москве. Наши друзья повсюду. Еще одна причина, по которой мы победим.

— Может быть, даже в Нью-Мексико?

Фон Хартвик рассмеялся:

— Это была забавная история, мой друг. Я с наслаждением читал ежедневные донесения. Нам не хотелось слишком уж вас пугать, пока не выяснилось, что у вас может что-нибудь получиться. Вам очень повезло, что вы убрались оттуда так

быстро, мой дорогой друг.

— Перестаньте называть меня «дорогой друг», — с раздражением произнес Каргрейвз. — Мне это уже надоело.

— Очень хорошо, мой дорогой капитан.

Каргрейвз пропустил это замечание мимо ушей. Его беспокоило затянувшееся отсутствие Морри и Арта. Неужели еще кто-то из нацистов остался в живых? Он уже начинал подумывать о том, чтобы связать пленника и оставить его на корабле, а самому отправиться на поиски, когда шлюз распахнулся и в ракету вошли мальчики, ведя перед собой первого пленника.

— Он сопротивлялся и не хотел идти, дядя, — объяснил Арт. — Нам пришлось его уговаривать. — Он хихикнул. — Похоже, он не слишком нам доверяет.

— Хорошо. Снимайте скафандры.

Техник-сержант, казалось, вконец растерялся, увидев в кабине фон Хартвика. Он поспешно стянул с головы шлем и, откинув его на спину, сказал по-немецки:

— Herr Oberst[24], я не виноват. Я…

— Молчать! — рявкнул подполковник, тоже

---

[24] Примечания: 24
Господин полковник *(нем.)*.

по-немецки. — Ты рассказал что-нибудь этим собачьим свиньям об управлении кораблем?

— Nein, nein, Herr Oberst[25], клянусь!

— Тогда продолжай прикидываться дурачком, иначе я вырву тебе сердце!

Каргрейвз с непроницаемым лицом выслушал эту короткую перепалку, но Арт не выдержал:

— Дядя, — вскричал он, — вы слышали? Вы слышали, что он приказал сержанту?

Фон Хартвик посмотрел сначала на мальчика, потом на доктора.

— Так вы понимаете по-немецки? — тихо спросил он. — Этого я и опасался.

Когда Морри и Арт вводили в корабль пленника, Росс опустил свою винтовку. Каргрейвз давно уже засунул свой трофейный пистолет за пояс.

Фон Хартвик переводил взгляд с одного на другого. Морри и Арт были вооружены, первый — винтовкой, второй — револьвером, но оба ствола были нацелены на сержанта. Фон Хартвик внезапно рванулся к Каргрейвзу и выхватил у него из-за пояса пистолет. И тут же, не прицеливаясь, нажал на спуск. Секунду спустя Каргрейвз подскочил к нему и попытался схватить немца

---

[25] Примечания: 25

Нет, нет, господин полковник! *(нем.)*

за руки. Фон Хартвик ударил доктора пистолетом по голове и обхватил его поперек туловища.

Сержант схватился руками за грудь, издал булькающий звук и осел на пол. На него никто не посмотрел. Юноши замерли от неожиданности, но уже секунду спустя оправились от испуга и, повернувшись, приготовились стрелять в подполковника, стараясь не задеть при этом доктора. Каргрейвз, получив удар по голове, потерял сознание и повис на руках немца. Тот с легкостью приподнял тридцать фунтов лунного веса одной рукой.

— Стоять! — закричал он.

На его слова вряд ли стали бы обращать внимание, если бы юноши не увидели, что он приставил дуло пистолета к голове доктора.

— Спокойно, джентльмены, — быстро проговорил фон Хартвик, — я не собираюсь причинять вред вашему капитану и не сделаю этого, если вы меня не заставите. Мне очень жаль, что пришлось ударить его, я сделал это только потому, что он напал на меня.

— Осторожно! — скомандовал Морри. — Арт! Росс! Не вздумайте стрелять.

— Это очень разумно, — похвалил его фон Хартвик, — я сам не хочу стрелять ни в вашего

капитана, ни в вас. Я только хотел заткнуть рот *ему*. — Кивком головы он указал на лежащего пилота.

Морри бросил взгляд на бездыханное тело:

— Зачем вам это?

— Он был глупой и безвольной свиньей. Я не мог рисковать, полагаясь на его стойкость. Он бы выложил все, о чем бы вы его ни спросили. — Подполковник на секунду умолк и вдруг заявил: — А теперь... я опять ваш пленник.

Он выпустил из рук пистолет, и тот со стуком упал на пол.

— Уберите дока с линии огня, — прошипел Росс, — я боюсь попасть в него.

— Нет! — рявкнул Морри. — Арт, подними пистолет. Росс, позаботься о доке.

— О чем ты говоришь? — возразил Росс. — Это же убийца. Его надо прикончить.

— Нет!

— Почему?

— Потому что доку это не понравилось бы! Этого вполне достаточно. Не стрелять. Это приказ, Росс! Позаботься о доке. Арт, свяжи этого парня, и покрепче.

— Да уж постараюсь! — пообещал Арт.

Нацист не сопротивлялся, и Морри принялся

помогать Россу.

— Что с ним? — спросил он, склоняясь над Каргрейвзом.

— Похоже, ничего особо страшного. Сейчас посмотрим, я только сотру с него кровь.

— Бинты и все прочее, — сказал Хартвик небрежным тоном, будто его не связывали, — лежат в аптечке под пультом управления в рубке.

— Сходи за бинтами, Росс, — велел Морри. — А я присмотрю за ним. Если он умрет, — заявил он Хартвику, — то вам придется худо. Мы выбросим вас наружу без скафандра. Пуля для таких, как ты, — слишком роскошно.

— Он не умрет. Я ударил его очень осторожно.

— Молите бога, чтобы док остался живой. Вы переживете его не более чем на пару минут.

Фон Хартвик пожал плечами:

— Что толку мне угрожать? Мы все здесь практически мертвецы. Ты ведь и сам это понимаешь.

Морри задумчиво посмотрел на него.

— Ты кончил, Арт? Уверен, что связал его достаточно крепко?

— Он удушит себя, если начнет трепыхаться.

— Отлично. Так вот. — Морри вновь обратился к немцу. — Может быть, вы и мертвец. Этого я не

знаю. Но мы — нет. Мы отправимся на Землю на этом корабле. Если будете хорошо себя вести, то мы и вас прихватим с собой.

Фон Хартвик рассмеялся:

— Мне очень жаль разочаровывать тебя, дорогой мальчик, но никто из нас на Землю не вернется. Именно для этого я убил своего пилота.

Морри отвернулся, внезапно вспомнив, что никто даже не удосужился проверить, насколько серьезно ранен сержант. Короткий осмотр убедил его, что пилот мертв: пуля пронзила сердце.

— Я не вижу, какое это может иметь значение, — ответил он. — У нас все еще есть вы. И вы расскажете нам все, или же я отрежу ваши уши и вас же ими накормлю.

— Какие кровожадные замыслы, — улыбнулся Хартвик. — Но это вам не поможет. Видите ли, я ничего не смогу вам рассказать, я ведь не пилот.

Арт внимательно посмотрел на пленного:

— Он врет, Морри.

— Нет, — возразил фон Хартвик. — Не вру. Попробуйте отрезать мои уши, и вы сами увидите. Нет, мой бедный мальчик, мы останемся здесь надолго — пока не сгниют наши кости. Heil dem Führer!

— Спокойно, Арт. Не трогай его, — предупредил

Морри. — Доку это не понравится.

18

Слишком мало времени

Каргрейвз скоро очнулся и громко ругался, когда Росс обрабатывал его разбитую голову антисептиком.

— Спокойнее, док.

— Я спокоен. Не обращай внимания.

За перевязкой Росс вкратце рассказал о последних событиях.

— Эта вонючка считает, что ему удалось обвести нас вокруг пальца, — закончил Росс. — Он полагает, что без посторонней помощи нам не справиться с этим кораблем.

— Возможно, он прав, — признал Каргрейвз. — Пока что мы в тупике. Ну, мы еще посмотрим. Бросьте его в трюм, и мы попытаемся еще раз. Морри, ты поступил правильно, не дав его застрелить.

— Я подумал, что вы не захотели бы убивать его, пока мы не выжмем его досуха.

Каргрейвз посмотрел на него со странной улыбкой:

— Полагаю, это была не единственная при-

чина?

— Э-э… пустяки! — Казалось, Морри смутился. — Понимаете, как только он бросил оружие, я уже не мог просто взять и выстрелить. Это был подлый нацистский трюк.

Каргрейвз одобрительно кивнул:

— Ты прав. Это и есть одна из причин, по которой они считают нас мягкотелыми слюнтяями. Но мы приготовим ему маленький сюрприз. — Доктор встал, повернулся к Хартвику и пошевелил его ногой. — Слушай, ты! Если я смогу, то возьму тебя на Землю, чтобы тебя там судили. Если же нет, мы будем судить тебя прямо здесь.

Фон Хартвик вздернул брови:

— За то, что я воевал против вас? Это будет истинно по-американски!

— Нет, не за войну. Нет никакой войны и давно не было. Третий рейх прекратил свое существование весной тысяча девятьсот сорок пятого года, и сейчас между Германией и США заключен мир, независимо от того, сколько мелких бандитов избежали возмездия. Ты, супермен липовый, будешь осужден за убийство своего же сообщника, несчастного придурка, который лежит рядом с тобой. — Каргрейвз отвернулся. — Бросьте его в трюм, парни. Пошли, Росс.

Три часа спустя Каргрейвз был вынужден признать, что Хартвик был прав, утверждая, будто посторонние не смогут управлять «Вотаном». На подлокотниках пилотских кресел были укреплены непонятные рукоятки. Было ясно, что это рычаги управления, но, сколько бы их ни поворачивали и не нажимали на них, ничего не происходило. Двигательная установка была скрыта за переборкой толщиной в несколько дюймов, если судить по раздававшемуся при простукивании звуку.

Каргрейвз сомневался, что сумеет разрезать ее даже автогеном. В любом случае это было нежелательно: попытка разгадать тайны корабля хирургическим путем могла вывести его из строя без малейшей надежды на восстановление.

Самым разумным было предположить, что где-нибудь на корабле имеется инструкция. Они долго искали ее, открывая всевозможные дверцы, обшаривая самые укромные уголки и сдвигая с места все предметы, какие только могли. Инструкции на корабле не было.

При осмотре обнаружилось еще одно странное обстоятельство: на корабле отсутствовали съестные припасы. Последнее уже кое-что значило.

— Все, хватит, — объявил доктор, убедившись,

что дальнейшие поиски ни к чему не приведут. — Давайте еще раз осмотрим их базу. В конце концов инструкцию мы найдем. Еду тем более. Морри, ты пойдешь со мной. Мы притащим оттуда ящики с провизией.

— А я? Возьмите меня! — воскликнул Арт. — Фотографии! Жилище селенитов!

Каргрейвз искренне позавидовал его юношеской беззаботности.

— Ну, хорошо, — согласился он. — Где же твой фотоаппарат?

Лицо Арта помрачнело.

— Остался в «конуре».

— Тогда, полагаю, с фотографиями придется подождать. Но ты все равно пойдешь с нами. Там столько электронного оборудования, что ты сможешь на нем хоть плясать, хоть прыгать. Может быть, оттуда удастся связаться Землей.

— Почему бы нам не пойти всем вместе? — спросил Росс. — В конце концов, развалины открыл я; неужели я не имею права еще раз на них посмотреть?

— Прости, Росс, но тебе придется остаться и сторожить мистера Вонючку. Он может знать о корабле гораздо больше, чем говорит. Будет очень неприятно, если мы вернемся и обнаружим, что

корабль исчез. Следи за ним в оба. Скажи ему, что, если он хотя бы дернется, ты разобьешь в кровь его морду. Кстати, при необходимости можешь так и поступить.

— Хорошо. Хотелось бы надеяться, что он дернется. Вы надолго?

— Если мы ничего не найдем, через два часа вернемся.

Сначала Каргрейвз обыскал офицерское помещение: инструкция, скорее всего, могла находиться именно там. Но ее там не оказалось; Каргрейвз обнаружил несколько книг и картин, свидетельствующих о своеобразных и малоприятных вкусах бывших обитателей базы. Затем он вернулся в казарму, которая по-прежнему представляла собой жуткое зрелище, но доктор был к этому готов. Арта он отправил в радиорубку, а Морри поручил проверить остальные помещения. Он решил, что мальчикам ни к чему видеть эти раздувшиеся трупы. В казарме не нашлось ничего интересного. Выйдя оттуда, доктор услышал в наушниках голос Арта:

— Дядя! Посмотрите, что я нашел!

— Что такое? — спросил он, и в наушниках тут же послышался голос Морри:

— Ты нашел инструкцию, Арт?

— Нет, но посмотрите!

Все трое собрались в центральном зале. «Это» было фотоаппаратом «Графлекс» со вспышкой.

— Возле радиорубки у них целая фотолаборатория, там я его и обнаружил. Что скажете, дядя? Как насчет снимков?

— Хорошо, хорошо. Морри, идите вместе: возможно, это ваш последний шанс увидеть развалины. Даю вам тридцать минут. Не заходите слишком далеко и не сверните шеи. Никакого безрассудства, и чтобы вернулись вовремя. Иначе я приду за вами с игрушечным пистолетом.

Он с завистью посмотрел на мальчиков, испытывая немалый соблазн отправиться вместе с ними. Эх, если бы на его плечах не лежала эта чертова ответственность… Но ничего не поделаешь — доктор заставил себя вернуться к наскучившим поискам. Сплошное невезение. Даже если здесь и была инструкция, то — пришлось признать доктору — отыскать ее вряд ли удастся. Тем не менее, когда мальчики вернулись, он еще продолжал поиски.

Он взглянул на часы:

— Сорок минут. Вы пунктуальнее, чем я ожидал. Думал, что мне придется идти за вами. Ну, нашли что-нибудь? Как снимки?

— Снимки? О, вы их еще увидите!

— Мне никогда не доводилось видеть ничего подобного, док! — возбужденно тараторил Морри. — Там целый город! Он уходит в самую глубину. Представляете? Залы со сводчатыми потолками в сотни футов шириной, коридоры, идущие во всех направлениях, комнаты, балконы… нет, я даже не знаю, с чего начать!

— Тогда и не начинай. Когда вернемся на корабль, сядь и запиши все на бумаге.

— Док! Это настоящая фантастика!

— Я думаю! Столько всего… просто в голове не укладывается. Арт, как там с радиорубкой? Можно оттуда связаться с Землей?

— Трудно сказать, дядя, но на первый взгляд аппаратура так себе.

— Ты в этом уверен? Насколько нам известно, они держали связь с Землей, — во всяком случае, наш приятель говорил что-то подобное.

Арт покачал головой:

— По-моему он говорил, что они *принимали* передачи с Земли. Я нашел приемник, но не смог его испытать: для этого нужно засунуть наушники в шлем. Но я так и не понял, как они могли *посылать* радиограммы на Землю.

— Почему? Им нужна была двусторонняя

связь.

— Может быть, и нужна, но они на это не пошли бы. С их секретной земной базы можно было послать направленный пучок — это безопасно, поскольку никто, кроме них, его бы не принял. Но если бы они попытались выйти на связь отсюда, им не удалось бы направить луч точно куда нужно. На таком расстоянии пучок расширяется и покрывает довольно обширный район — это будет как широковещательная передача.

— Ага, — сказал доктор. — Я начинаю понимать. Один — ноль в твою пользу, Арт. Мне следовало подумать об этом заранее. Какой бы код они ни придумали, сигнал, пришедший со стороны Луны, раскрыл бы их карты.

— И я так же думаю.

— Ты совершенно прав. Жаль, у меня оставалась последняя надежда — связаться с Землей. — Доктор пожал плечами. — Ну что ж, всему свое время. Морри, ты нашел провиант, который можно взять с собой?

— Да, я все выложил.

Они отправились вслед за Морри на камбуз, где уже были сложены три груды консервных банок. Консервов было так много, что три человека едва-едва могли их унести. Пока они набирали

охапки груза, Морри спросил:

— Сколько здесь было людей, док?

— Я насчитал сорок семь трупов, не считая того, которого застрелил Хартвик. А что?

— Мне пришла в голову забавная мысль. С тех пор как меня прикрепили к камбузу, у меня появился кое-какой опыт. И я прикинул их потребности в питании. Для такого количества людей тут не хватило бы пищи даже на две недели. И знаете, что я по этому поводу думаю?

— Мм… да, Морри, ты, похоже, заметил очень важную вещь. Вот почему Хартвик держится так уверенно. Это не хорошая мина при плохой игре. Он действительно уверен, что его спасут.

— О чем вы, дядя? — спросил Арт.

— В любой момент сюда может прибыть корабль снабжения.

Арт присвистнул:

— Он надеется застать нас врасплох.

— Его надежды чуть было не оправдались. Но теперь мы готовы, — сказал Каргрейвз и добавил: — Пойдемте-ка.

— Куда?

— Я кое-что вспомнил.

Обыскивая офицерское помещение, доктор переворошил целую кучу инструкций, книг, запи-

сей и прочих бумаг. Он просмотрел их мельком, лишь убеждаясь, что они не содержат сведений о том, как управляется «Вотан». Среди бумаг имелся журнал дежурного офицера. Помимо всего прочего там были указаны координаты земной базы нацистов; Каргрейвз надеялся подробнее ознакомиться с журналом позднее. Теперь он понял, что сделать это нужно немедленно.

Записей в журнале было много. В нем с тевтонской аккуратностью описывался почти трехмесячный период жизни базы. Каргрейвз быстро пробегал взглядом страницы, Арт читал, заглядывая через его плечо. Морри с нетерпением ждал и наконец напомнил, что обещанные Россу два часа на исходе.

— Двигай вперед, — ответил с отсутствующим видом Каргрейвз. — Захвати провизию, и начинайте готовить обед. — Он вновь уткнулся в журнал.

Вскоре он обнаружил список нацистской команды. Фон Хартвик был старшим офицером. Это убедило Каргрейвза в том, что пленник лгал, утверждая, что не умеет управлять кораблем. Разумеется, его звание не служило доказательством этого, но, во всяком случае, говорило о многом. Впрочем, от Хартвика нельзя было ожидать ни-

чего, кроме лжи.

Наконец доктору стали попадаться первые следы того, что он искал. Корабли снабжения прибывали сюда каждый месяц. Если график соблюдался точно — а запасы продовольствия свидетельствовали об этом весьма надежно, — то очередной транспорт должен прибыть в ближайшие шесть-семь дней.

Добравшись до конца записей, доктор обнаружил еще более важную вещь: у заговорщиков имелась по крайней мере еще одна такая же большая ракета. Ясно было, что «Вотан» не собирается отбывать на Землю за припасами: если расписание выполнялось, он взлетел бы с Луны только после посадки другого транспортника. После этого «Вотан» мог бы взлететь, а тот другой корабль стал бы под разгрузку. Таким образом, персонал лунной базы никогда не оставался без средств эвакуации, — во всяком случае, Каргрейвз представлял себе ситуацию именно так.

Доктор установил, что у нацистов всего две ракеты: «Вотан» и «Тор». Второй корабль должен был прибыть на Луну через неделю, следовательно, он стартует с Земли дней через пять. Время перелета составляло сорок шесть часов с небольшим, если верить журналу.

«Очень быстро!» — подумал он.

Если «Тор» стартует, будет поздно что-либо предпринимать, поздно передавать предупреждение. Наци, очевидно, уже знали, что секрет космических перелетов раскрыт; в журнале несколько раз упоминался «Галилей», причем последняя запись о нем гласила, что его местоположение на Луне уже определено. Они обязательно ударят в самое ближайшее время.

Перед мысленным взором Каргрейвза появились длинные ряды атомных боеголовок, лежавших на стеллажах в соседней пещере. Он представил себе, как они обрушиваются на беззащитные земные города. Собирать мощный передатчик уже было некогда. Настало время чрезвычайных мер.

Он боялся лишь одного: что времени осталось слишком мало.

19

Жесткая игра

— Суп готов! — приветствовал Каргрейвза Морри, когда тот поспешно вошел в корабль.

Доктор начал снимать скафандр и тут же заговорил:

— Некогда… Нет, сделай мне пару сэндвичей.

Морри выполнил его просьбу. Росс спросил:

— Из-за чего такая спешка?

— Мне срочно нужно переговорить с пленником. — Доктор повернулся было, но потом остановился. — Нет, подождите. Давайте сюда, парни.

Он жестом собрал их вокруг себя, словно тренер команду.

— Я хочу кое-что попробовать. — Они пошептались, и доктор скомандовал: — А теперь сыграем. Я оставлю дверь открытой.

Он прошел в трюм и ткнул фон Хартвика носком ботинка:

— Подъем!

И откусил от сэндвича.

— Я не сплю. — Пленник с трудом повернул голову, потому что его лодыжки были подтянуты к связанным за спиной рукам. — А, еда! — обрадованно сказал он. — А я уже начал спрашивать себя, вспомните ли вы о правилах обращения с пленными.

— Это не для вас, — сообщил ему доктор. — Оба сэндвича я взял для себя. Вам они не понадобятся.

Фон Хартвик заинтересованно и без всякого

испуга посмотрел ему в лицо:

— Вы так полагаете?

— Еще бы, — ответил Каргрейвз, вытирая рот рукавом. — Я собирался доставить вас для суда на Землю, но теперь я вижу, что нам некогда будет с вами возиться. Я буду судить вас лично и немедленно.

Связанный Хартвик пожал плечами:

— Вы можете делать все, что вам заблагорассудится. Не сомневаюсь, что вы собираетесь убить меня, но только, пожалуйста, не называйте это судом. Давайте назовем это линчеванием. Будьте честны хотя бы перед собой. Во-первых, я вел себя совершенно корректно. Верно, мне пришлось убить одного из своих людей, но это была вынужденная мера, необходимая во время военных действий…

— Это было убийство, — прервал его доктор.

— …при защите безопасности рейха, — не торопясь, продолжал фон Хартвик, — и в любом случае вас это совершенно не касается. Все произошло в моем корабле и не подпадает под юрисдикцию и идиотские законы вашей прогнившей демократии. Что же касается бомбардировки вашего корабля, то я уже объяснял…

— Замолчите! — приказал Каргрейвз. — Я

предоставлю вам возможность высказаться позже. Итак, заседание суда открыто. Специально для вас повторяю: вся эта планета находится под юрисдикцией ООН. Мы официально вступили во владение ею и основали здесь постоянную базу. На основании чего…

— Поздновато, мой дорогой судья Линч. Новый рейх вступил во владение этой планетой три месяца назад.

— Я же сказал: молчать! Я обвиняю вас в неуважении к суду. Еще один звук — и мы сделаем так, что вы не сможете произнести ни слова. Я капитан корабля, зарегистрированного по всем законам ООН, и моей обязанностью является надзор за соблюдением этих законов. Ваши притязания необоснованны. Никакого Нового рейха не существует, так что он не может ничем владеть. Вы и ваши сообщники не представляете никакой нации, вы обычные бандиты. Мы не обязаны и не будем принимать во внимание выдуманные вами фикции. Морри! Принеси мне еще сэндвич!

— Иду, капитан!

— Как капитан «Галилея», — продолжал Каргрейвз, — я представляю правительство своего государства. Поскольку я не имею возможности

доставить вас для суда на Землю, я вершу суд лично. Вам предъявляются два обвинения: предумышленное убийство и пиратство.

— Пиратство? Мой дорогой друг…

— Да, пиратство. Вы напали на судно, зарегистрированное в ООН. По собственному признанию, вы участвовали в этом, неважно, отдавая приказы или нет. Все члены пиратской банды виновны в равной мере, а это преступление, караемое смертной казнью. Равно как и предумышленное убийство. Спасибо за сэндвич, Морри… Откуда у тебя свежий хлеб?

— Он консервированный.

— Умные парни, эти нацисты… Я долго сомневался, квалифицировать ли убийство как предумышленное или непредумышленное. Но вы вырвали у меня оружие прежде, чем смогли застрелить своего приятеля. А это свидетельство преднамеренности. Итак, вы обвиняетесь в пиратстве и предумышленном убийстве. Признаете свою вину?

Поколебавшись, фон Хартвик ответил:

— Так как я не признаю себя подпадающим под юрисдикцию вашего так называемого суда, я отказываюсь от признания вины. Даже если я соглашусь, что нахожусь на территории ООН, а

я не собираюсь этого делать, то все равно вы не обладаете судебными полномочиями.

— Капитан корабля в чрезвычайных обстоятельствах имеет весьма широкие полномочия. Можете сами это проверить. Свяжитесь с того света с каким-нибудь медиумом и проверьте.

Фон Хартвик вздернул брови:

— Из этого замечания, которое вы, по-видимому, считаете очень остроумным, я вижу, что приговор мне вынесен еще до начала разбирательства.

Каргрейвз продолжал задумчиво жевать.

— В некотором смысле — да, — признал он. — Я с удовольствием представил бы вам присяжных, но они нам не потребуются. Видите ли, нам не требуется доказывать какие-либо факты, потому что нет никаких фактов, которые можно было бы подвергнуть сомнению. Мы все присутствовали при этом. Единственный вопрос состоит в следующем: что вам за это полагается по закону? Только по этому вопросу вы имеете право высказаться — если, конечно, хотите.

— Чего ради? Ваши ублюдочные нации много треплются о справедливости и равенстве перед законом, но их у вас нет и в помине. Вы стоите передо мной, и руки ваши обагрены кровью моих

товарищей, которых вы хладнокровно убили, не дав им ни малейшего шанса, и вы при этом еще обвиняете меня в убийстве и пиратстве!

— Мы это уже обсуждали, — осторожно ответил Каргрейвз. — По законам свободных людей между неспровоцированным нападением и ответным действием для самозащиты имеется огромная разница. Если в темной аллее на вас нападет грабитель, вам не требуется решение суда, чтобы прибегнуть к самозащите. Давайте дальше. Выкладывайте свои дутые оправдания.

Нацист молчал.

— Ну, давайте! — настаивал Каргрейвз. — У вас есть возможность оправдаться, сославшись на невменяемость, и, возможно, вы даже сумеете меня в этом убедить. Я всегда считал, что люди с комплексом расы господ — сумасшедшие. Вы можете убедить меня в том, что вы сумасшедший, даже в правовом аспекте.

В первый раз за все время уверенность пленника в собственном превосходстве слегка поколебалась. Он побагровел и был готов взорваться. Но взял себя в руки и произнес:

— Давайте прекратим этот фарс. Делайте что хотите и кончайте свою игру.

— Заверяю вас, я не шучу. Вы желаете сказать

еще что-то в свою защиту?

— Нет!

— Я признаю вас виновным по обоим пунктам обвинения. Вы желаете сказать что-нибудь перед вынесением приговора?

Обвиняемый не потрудился ответить.

— Очень хорошо. Я приговариваю вас к смерти.

Арт с шумом вдохнул воздух и с расширенными от ужаса глазами попятился из дверного проема, в котором они стояли все трое — он, Морри и Росс. Остальные не проронили ни звука.

— Вы желаете сказать что-нибудь, прежде чем приговор будет приведен в исполнение?

Фон Хартвик отвернулся:

— Я ни в чем не раскаиваюсь. По крайней мере, я умру быстрой и безболезненной смертью. Вам же, четырем свиньям, приходится рассчитывать только на долгую мучительную смерть.

— О, — сказал Каргрейвз, — я давно хотел кое-что вам разъяснить. Мы не погибнем.

— Вы так полагаете? — В голосе Хартвика слышалось нескрываемое торжество.

— Я в этом уверен. Видите ли, через шесть-семь дней прибывает «Тор»...

– *Что?* Откуда вы знаете?

Пленника словно обухом по голове ударили. Потом он прошептал:

— Это неважно… вас всего четверо… но теперь я понимаю, почему вы так спешите убить меня. Вы боитесь, что я от вас ускользну.

— Вовсе нет, — возразил Каргрейвз. — Вы не понимаете. Если бы в этом был какой-то смысл, я доставил бы вас на Землю, где вы бы смогли подать апелляцию в вышестоящий суд. Я это сделал бы не ради вас — вы виновны с головы до ног, — а ради себя самого. Но, как бы то ни было, я счел это невозможным. До прибытия «Тора» мы будем очень заняты, а я смогу быть уверенным, что вы не убежите, только если кто-то из нас будет постоянно охранять вас. Этого я себе позволить не могу; но я также не намерен дать вам ни малейшего шанса избежать наказания. Тут нет даже помещения, в котором вас можно запереть. Я собирался слить топливо из баков вашей маленькой ракеты и посадить вас туда без скафандра. Таким образом вы были бы надежно изолированы, пока мы работаем. Но теперь, поскольку мы ожидаем прибытия «Тора», нам потребуется и маленькая ракета.

Фон Хартвик мрачно ухмыльнулся:

— Думаете, вам удастся удрать? Черта с два, на

этом корабле вам не добраться до Земли. Неужели вы этого еще не поняли?

— Это вы ничего не поняли. Успокойтесь и дайте мне объяснить. Мы собираемся загрузить джип бомбами — такими же, какими вы уничтожили «Галилей», — и взорвать склад с вашими атомными ракетами. Очень жаль, ведь это помещение было построено местными жителями. Затем мы взорвем «Вотан».

— «Вотан»? Зачем? — Фон Хартвик внезапно оживился.

— Чтобы быть уверенным, что он больше не сможет вернуться на Землю. Мы им управлять не умеем; я хочу сделать так, чтобы им не воспользовался кто-либо другой. Затем взорвем «Тор».

— «Тор»? Вы не можете взорвать «Тор»!

— Почему же? Конечно можем — точно так же, как вы взорвали «Галилей». Но, даже если кто-то из экипажа уцелеет, у них не останется ни малейшего шанса захватить «Вотан» — он будет взорван первым. И это одна из причин, по которым вы должны умереть как можно скорее. Уничтожив «Вотан», мы укроемся на нашей базе — о ее существовании вы даже не догадывались, верно? — но там, к сожалению, только одна комната. Для пленного там места нет. Как уже было

сказано, я намеревался держать вас в джипе, но он потребуется для того, чтобы взорвать «Тор». Это все меняет. В ожидании прибытия «Тора» там постоянно будет находиться наш пилот. Для вас места не остается. Так что извините, — закончил, улыбаясь, Каргрейвз. — Я ничего не упустил? — добавил он.

Фон Хартвик начал проявлять признаки волнения:

— Может быть, у вас и получится…

— Обязательно получится!

— Даже если и так, вы все равно погибнете. Мне суждена быстрая смерть, вам — долгая и мучительная. Взорвав «Тор», вы теряете последний шанс. Подумайте об этом, — продолжал нацист. — Смерть от голода, удушья, холода. Давайте заключим пакт. Отпустите меня немедленно, и я даю вам честное слово: когда прилетит «Тор», я замолвлю за вас словечко перед капитаном…

Каргрейвз прервал его взмахом руки:

— Слово нациста! Чего оно стоит?! Да вы не заступитесь и за свою бабушку! Вы так и не вбили себе в голову, что все козыри у нас в руках. Покончив с вами, мы возьмемся за ваших приятелей, затем спокойно устроимся в теплой базе с большими запасами воздуха и пищи и будем сидеть

до тех пор, пока не подоспеет помощь. Мы даже не будем одиноки: когда вы запеленговали нас, мы как раз испытывали передатчик для связи с Землей. Мы…

— Врете! — закричал Хартвик. — Никто вам на помощь не придет. Нам известно, что ваш корабль был единственным; у нас была полная информация!

– *Был* единственным, — сладко улыбнулся Каргрейвз. — Но в соответствии с устаревшими дурацкими законами прогнившей демократии, которую вам не понять, все чертежи, расчеты и записи, касающиеся постройки корабля, были переданы ученым для тщательного изучения в ту самую минуту, когда мы стартовали. Уже очень скоро мы сможем выбирать, какой корабль нам больше нравится. Кстати, мне очень жаль разочаровывать вас еще кое в чем. Ваша смерть не будет легкой и приятной, как вы надеялись до сих пор.

— Что вы имеете в виду?

— Я не собираюсь еще раз забрызгивать корабль кровью, расстреливая вас. Я…

— Подождите. Умирающий имеет право на последнее желание. Оставьте меня здесь. Дайте мне умереть с моим кораблем!

Каргрейвз откровенно рассмеялся ему в лицо:

— Прекрасно, фон Смердит! Чудесная попытка. И позволить вам улететь на нем! Черта с два!

— Я не пилот, поверьте мне!

— О, я верю! Я не позволил бы себе усомниться в искренности умирающего человека, но рисковать не хочу. Росс!

— Да, сэр!

— Возьми его и выброс ь за борт!

— С удовольствием!

— На этом все.

До сих пор доктор сидел на корточках, теперь он поднялся на ноги, отряхивая с ладоней крошки.

— Я даже не стану вас развязывать, чтобы вы умирали в удобной позе. А то вы слишком уж здорово умеете хвататься за пистолет. Придется вам откинуть копыта так, как есть. Надеюсь, агония не затянется, — продолжал он непринужденным тоном. — Мне кажется, вы будете чувствовать себя как утопающий. Семь-восемь минут — и конец, если только разрыв сердца и легких не прикончит вас еще раньше.

— Свинья!

— Для вас — *капитан* Свинья.

Росс тщательно застегнул скафандр.

— Так я приступаю?

— Давай. Хотя, впрочем, я передумал. Сделаю

это сам. Меня еще, пожалуй, упрекнут в том, что я позволил молодому человеку дотронуться до этого дерьма. Морри! Принеси мой скафандр!

Когда ему помогали надевать снаряжение, доктор весело насвистывал. Продолжая насвистывать, он, словно кучу тряпья, схватил пленного за веревку, стягивавшую его запястья и лодыжки, и быстрым шагом двинулся к шлюзу. Сначала он забросил в шлюз свою ношу, затем вошел туда сам и помахал ребятам рукой:

— Я скоро вернусь! — И закрыл внутренний люк.

Когда воздух начал со свистом вырываться наружу, фон Хартвик стал задыхаться. Каргрейвз улыбнулся.

— Сквозняк беспокоит? — крикнул он, чтобы было слышно через шлем.

Губы фон Хартвика задвигались.

— Вы что-то сказали?

Нацист снова открыл рот, задохнулся и закашлялся. На его губах пузырилась пена, стекая на подбородок.

— Говорите громче! — крикнул Каргрейвз. — Я вас не слышу!

Воздух со свистом вылетал наружу.

— Я пилот!

— Что-что?

— Я пилот. Могу научить вас…

Каргрейвз потянулся к воздушному клапану и перекрыл его:

— Сквозь этот шум ничего не слышно. Что вы сказали?

— Я пилот! — выдохнул фон Хартвик.

— Да? И что из того?

— Воздух. Дайте мне воздуха.

— Ерунда, — сказал Каргрейвз. — Здесь достаточно воздуха. Я слышу, что вы говорите. Тут его не меньше четырех-пяти фунтов.

— Дайте мне воздуха! Я расскажу вам, как работает корабль.

– *Сначала* расскажите, а уж потом… — Каргрейвз вновь потянулся к клапану.

— Подождите! Там есть маленькая кнопка позади панели… — Немец запнулся, тяжело дыша. — Панели управления… Справа. Предохранительный выключатель. Вы его не могли заметить, он похож на деталь крепления. Нажмите кнопку…

Он вновь умолк, задыхаясь.

— Я думаю, вам лучше показать самому, — строгим голосом произнес доктор. — Если только вы опять не солгали, у меня появится возможность доставить вас для суда на Землю. Хотя вы этого и

не заслуживаете.

Он протянул руку и повернул впускной клапан. Воздух устремился обратно в шлюз.

Десять минут спустя Каргрейвз уселся в левое пилотское кресло и пристегнулся ремнем. Место справа занял фон Хартвик. В левой руке Каргрейвз держал пистолет, ствол которого положил на сгиб правой, чтобы держать нациста под прицелом даже во время движения.

— Морри! Вы готовы? — прокричал он.

— Готовы, капитан! — слабо донеслось с кормы корабля.

Мальчикам пришлось занять противоперегрузочные кресла в пассажирском отсеке. Они согласились с неохотой, особенно Морри, но тут уж ничего нельзя было поделать. В рубке управления во время ускорения могли находиться только двое.

— Ладно! Погнали! — Каргрейвз вновь повернулся к фон Хартвику. — Накрути ей хвост, Свинья! О, простите, *полковник* Свинья!

Фон Хартвик угрюмо покосился на него.

— Я не верю, — медленно произнес он, — что вы на самом деле собирались меня удушить.

Каргрейвз ухмыльнулся и потер рукой подлокотник кресла.

— Хотите вернуться в шлюз и проверить?

Фон Хартвик отвернулся и уставился прямо перед собой.

— Achtung! — прокричал он. — Приготовиться к ускорению! Готов! — И, не дожидаясь ответа, стартовал.

При таком легком грузе мощности у корабля было с избытком. Каргрейвз велел удерживать ускорение в два *g* в течение пяти минут, а затем переходить в свободный полет. К этому моменту, ускоряясь на шестьдесят четыре фута в секунду за каждую секунду этих пяти минут и даже учитывая потерю одной шестой *g* из-за притяжения Луны, они достигли бы скорости примерно двенадцать тысяч миль в час. Если бы не пришлось тормозить при посадке, они пролетели бы мимо Земли уже через двадцать часов. Доктор хотел уложиться в сутки.

Когда они перешли в свободный полет, мальчики поднялись в рубку, и Каргрейвз потребовал от пленного точных и полных инструкций по управлению кораблем. Удовлетворившись, он сказал:

— Прекрасно. Росс и Арт, отведите его на корму, привяжите к креслу и пристегнитесь сами. Мы с Морри немножко поупражняемся.

Хартвик было заспорил, но доктор велел ему

заткнуться:

— Молчите! Вы не получили помилования, мы лишь использовали кое-что из ваших знаний. Вы обычный преступник, которого мы везем на Землю для подачи апелляции.

Несколько часов они осваивали корабль, сделав лишь перерыв на обед. Влияние их упражнений на скорость и курс было нулевым: сверяясь с приборами, каждое включение тяги с какой-либо стороны они компенсировали таким же усилием с противоположной. Потом они решили вздремнуть. Им нужен был отдых, они непрерывно бодрствовали уже больше земных суток.

Проснувшись, Каргрейвз позвал Арта.

— Ты сможешь связаться с Землей при помощи нацистской аппаратуры?

— Я попробую. С кем вы желаете говорить и что хотите сказать?

Каргрейвз задумался. Впереди сиял серп Земли. Нацистская база находилась вне зоны прямой видимости.

— Попробуй вызвать Мельбурн, Австралию, — решил он. — И скажи им вот что…

Арт кивнул. Несколькими минутами позже, освоившись с незнакомым оборудованием, он уже непрерывно повторял:

— Космический корабль «Город Детройт» вызывает штаб-квартиру полицейских сил ООН в Мельбурне… Космический корабль «Город Детройт» вызывает штаб-квартиру полицейских сил ООН в Мельбурне…

Он повторял это минут двадцать, пока ему не ответил еле слышный голос:

— Штаб «Миротворец», Мельбурн, штаб «Миротворец», Мельбурн. Вызываем космический корабль «Город Детройт». Прием.

Арт сдвинул наушники и беспомощно произнес:

— Может быть, вы сами с ними поговорите, дядя Дон?

— Давай-давай. Передай им то, что я тебе сказал. Это твое шоу.

Арт не стал спорить и вновь вышел на связь с Землей.

Морри осторожно снизился и вывел корабль на круговую орбиту вблизи земной атмосферы. Их скорость по-прежнему составляла около пяти миль в секунду, корабль совершал оборот вокруг планеты за девяносто минут. Затем мальчик плавно снизил скорость и направил корабль вниз. Коротенькие крылья «Города Детройта», бывшего «Вотана», врезались в разреженную

стратосферу с тонким, леденящим душу визгом.

Они вновь выходили в открытое пространство и входили в атмосферу, с каждым разом все глубже и с каждым разом все медленнее. Во время второго торможения они поймали радиопередачу о налете патруля ООН на нацистскую базу и захвате «Тора». На следующем витке два информационных агентства, все повышая и повышая предлагаемую цену, соревновались за эксклюзивные права на трансляцию передачи из космоса. На третьем витке уже торговались за право телевизионной съемки на месте приземления. На четвертом витке они получили официальный приказ садиться на ракетодром в округе Колумбия.

— Хотите, я ее посажу? — крикнул Морри сквозь визг трущегося об обшивку воздуха.

— Давай, — приободрил его Каргрейвз. — Я уже пожилой человек, мне нужен личный шофер.

Морри кивнул и начал снижение. Они находились где-то над Канзасом…

Земля посадочной площадки, на которой стоял корабль, показалась им странной и необычайно твердой. Одиннадцать дней — неужели только одиннадцать? — проведенных вдали от земного притяжения, выработали у них новые привыч-

ки. Каргрейвз почувствовал, что при ходьбе его слегка покачивает. Он отдраил внутренний люк шлюза и подождал мальчиков. Откинув внутренний, он шагнул к наружному люку и открыл его.

Плотная волна звуков хлынула в уши, и доктор увидел бесчисленное множество устремленных на него глаз. Засверкали фотовспышки. Каргрейвз повернулся к Россу.

— Боже мой! — сказал он. — Какой кошмар! Ребята, можно я после вас?

Космический кадет

Уильяму Айвору Бахусу

1

База «Терра»

«Мэттью Бруксу Додсону, — было написано в бумаге, которую он держал в руке. — Примите наши поздравления с успешным завершением отборочных тестов и зачислением в кандидаты на поступление в школу Межпланетной патрульной службы. Вам надлежит прибыть к начальнику базы „Терра“, космопорт „Санта-Барбара“, Колорадо, Североамериканский союз, Земля, не позднее первого июля 2075 года. Там Вам предстоит пройти дальнейшие испытания и тесты. Предупреждаем, что большинство кандидатов, приезжающих для прохождения испытаний, не выдерживает их, поэтому Вам следует…»

Мэтт сложил письмо и сунул его в сумку на поясе. Ему не хотелось думать о вероятности неудачи. Сидевший рядом пассажир — юноша примерно такого же возраста — с любопытством

посмотрел на него.

— Знакомая бумажка. Значит, ты тоже кандидат?

— Да.

— Ну тогда здравствуй! И поздравляю! Моя фамилия Джермэн, я из Техаса.

— Рад познакомиться, Текс[26]. Я Мэтт Додсон, из Де-Мойна.

— Привет, Мэтт! Мы уже почти…

Раздался негромкий звук — вагон словно выдохнул и начал замедлять ход; кресла пошли вперед, откликаясь на быстрое торможение. Скоро вагон совсем остановился, и кресла вновь приняли нормальное положение.

— …прибыли! — закончил фразу Джермэн.

На телевизионном экране перед ними, где белокурая красотка только что демонстрировала преимущества суперзвездного мыла Соркина, появилась надпись: «СТАНЦИЯ БАЗЫ „ТЕРРА“». Юноши схватили сумки и поспешили к выходу. Мгновение спустя они уже стояли на эскалаторе и поднимались на поверхность.

В полумиле от станции, отчетливо видное в прозрачном, холодном воздухе, вырисовывалось

---

[26] Примечания: 26

Текс — традиционное прозвище техасцев.

здание Хэйуорт-холла, земной штаб-квартиры знаменитой патрульной службы. Мэтт остановился. Ему не верилось, что он наконец-то видит его.

— Пошли, — подтолкнул его Джермэн.

— Что? Ну конечно.

От станции в направлении Хэйуорт-холла протянулась пара движущихся дорожек; юноши встали на ту, что двигалась в направлении к зданию. На дорожке было многолюдно, а за ними со станции подтягивались другие пассажиры. Мэтт обратил внимание на двух молодых людей со смуглыми лицами в высоких тюрбанах на голове; в остальном они были одеты как все. Позади них он заметил высокого стройного юношу с совершенно черным лицом.

Парень из Техаса засунул большие пальцы рук за пояс и огляделся.

— Бабушка, готовь еще одного цыпленка! — сказал он, улыбаясь. — У нас гости к обеду. Кстати, насчет обеда. — Добавил Джермэн. — Надеюсь, они не будут с ним слишком тянуть. Я чертовски проголодался.

Мэтт достал из сумки шоколадный батончик, переломил его пополам и протянул Джермэну.

— Ну, ты настоящий кореш, Мэтт. Я с самого

завтрака на одном подкожном жиру, а это опасно. Слушай-ка, звонит твой телефон.

— Точно. — Мэтт порылся в сумке на поясе и достал телефон. — Алло?

— Сынок, это ты? — послышался голос отца.

— Да, папа.

— Благополучно добрался?

— Да. Сейчас иду доложиться.

— Нога тебя не беспокоит?

— Нет, папа, с ногой все в порядке. — Мэтт покривил душой: правая нога, на которой ему была сделана операция по устранению дефекта ахиллова сухожилия, болела не переставая.

— Отлично. Слушай, Мэтт, если у тебя возникнут трудности с зачислением, не падай духом. Сразу же позвони мне и…

— Обязательно, папа, — прервал его Мэтт. — А сейчас извини, мне некогда. Тут очень много народу. Спасибо, что позвонил.

— До свидания, сынок. Удачи!

Текс Джермэн понимающе посмотрел на него:

— Родные беспокоятся? А вот я своих обманул — упаковал телефон в багаж.

Движущийся тротуар начал описывать широкую дугу, поворачивая назад к станции; вместе со всеми они сошли перед Хэйуорт-холлом. Текс

остановился, чтобы прочесть надпись над огромными дверями здания.

— «Quis custodi…» Что там написано, Мэтт? — спросил он.

— «Quis custodiet ipsos custodes». Это по-латыни: «Кто будет сторожить сторожей?»[27]

— Ты что, знаешь латынь?

— Нет, просто когда-то прочитал это выражение в книге о патрульной службе.

Ротонда[28] Хэйуорт-холла была огромна и казалась еще больше, чем в действительности, потому что, несмотря на яркое освещение внизу, куполообразный потолок не отражал света, он был совершенно черным, как в зимнюю полночь, — черным и усеянным звездами. На куполе зала виднелись знакомые звезды — блистающий Орион рядом со вскинутой головой Тельца, на северо-северо-востоке ручкой вниз опрокинулся с детства знакомый ковш Большой Медведицы, чуть на север от него сияли семь звезд Плеяд.

Впечатление, что ты находишься под ночным

---

[27] Примечания: 27

Цитата из шестой сатиры ритора и поэта Децима Юния Ювенала (ок. 60 — ок. 127): «Наложи засов, держи ее взаперти; но кто устережет самих сторожей? Твоя жена хитроумна и начинает с них».

[28] Примечания: 28

Ротонда — здесь: круглый зал, закрытый полусферическим куполом в обрамлении колонн. — *Примеч. С. В. Голд.*

звездным небом, было поразительным. На фоне ужасающей глубины космического пространства освещенные стены и пол, по которому ходили, разговаривая и толпясь, люди, казались не более чем узким кольцом света, кругом тепла и уюта, подобно повозкам переселенцев, собравшимся вместе для ночевки под ясным небом пустыни.

У юношей, как и у всех, кто видел это впервые, перехватило дыхание. Но они не успели как следует удивиться, потому что их внимание привлекло нечто иное. Оказалось, что пол ротонды был на много футов ниже ее входа; они стояли на балконе, опоясывающем по кругу зал, в центре которого виднелась огромная неглубокая круглая яма. В ее центре на ложе из камней и песка покоился искореженный космический корабль, будто совершивший вынужденную посадку; казалось, что он рухнул с искусственного неба над их головой.

— Это же «Килрой», — произнес Текс, будто сомневаясь в своих словах.

– *Наверное,* — шепотом сказал Мэтт.

Они подошли к поручням балкона и взглянули вниз, на мемориальную доску, установленную рядом:

Ракетный корабль ВВС США «„КИЛРОЙ“ БЫЛ

ЗДЕСЬ»[29]

ПЕРВЫЙ МЕЖПЛАНЕТНЫЙ КОРАБЛЬ
1955
От Земли до Луны и обратно -
подполковник Роберт де Фрис Симс,
командир корабля; капитан Саул С. Абрамс;
старшина Малькольм Макгрегор.
Погибли при посадке на Землю. Мир их праху

Они стояли рядом с двумя другими юношами и, не отрываясь, смотрели на разбитый корабль.

— Видишь борозду в грунте, которую он пропахал во время посадки? — Текс толкнул Мэтта локтем. — Как ты думаешь, здание построено прямо над местом катастрофы?

Один из двух юношей, стоявших рядом, высокий широкоплечий парень с рыжеватыми волосами, заметил:

— Нет, «Килрой» совершил посадку в Северной Африке.

— Значит, они сделали все точь-в-точь как там. А ты тоже кандидат?

— Да.

— Меня зовут Билл Джермэн, из Техаса. А это

---

[29] Примечания: 29

«Килрой был здесь» или «Здесь был Килрой» — популярное в 40-50-х гг. прошлого века граффити, на котором изображен носатый субъект, выглядывающий из-за забора, и надпись «Kilroy was here».

Мэтт Додсон.

— Я Оскар Йенсен. Мой товарищ Пьер Арман.

— Привет, Оскар. Рад познакомиться, Пьер.

— Зови меня Пит, — улыбнулся Пьер.

Мэтт обратил внимание, что Пьер говорит на бейсик-инглиш[30] с каким-то акцентом, происхождения которого Мэтт определить не мог. Оскар тоже говорил как-то странно, слегка шепелявя. Он повернулся и посмотрел на корабль.

— Да, смелым нужно быть человеком, чтобы отправиться в космос на этой консервной банке, — сказал Мэтт. — Даже страшно подумать!

— Ты прав, — согласился Йенсен. — Прямо мороз по коже.

— Это просто свинство какое-то, — тихо сказал Пьер.

— Ты о чем, Пит? — повернулся к нему Джермэн.

— Что вышло так неудачно, и главное, под самый конец. Посмотрите на корабль — они совершили почти идеальную посадку. Если бы корабль врезался в землю, не осталось бы ничего,

---

[30] Примечания: 30

Бейсик-инглиш — упрощенный вариант английского языка, состоящий из 850 слов и 10 формализованных правил грамматики. Был разработан для международного делового общения в 1920 г. британским лингвистом Чарлзом К. Огденом (1889–1957). — *Примеч. С. В. Голд.*

кроме глубокой ямы.

— Да, ты прав. Смотрите, ребята, вон лестница, по которой можно спуститься вниз. Видишь, Мэтт? Может быть, сойдем вниз и осмотрим корабль поближе?

— Пожалуй, — произнес Мэтт, — но мне кажется, что лучше это сделать потом. Нам нужно доложить о прибытии.

— Да, и нам тоже, — кивнул Йенсен. — Пошли, Пит.

Арман наклонился и взялся за ремни сумки. Оскар отстранил его руку и поднял обе сумки, свою и Армана.

— Это вовсе не обязательно! — запротестовал Арман, но Оскар не обратил на это никакого внимания.

— Пит, ты что, болен? — Джермэн внимательно посмотрел на Пьера. — Вид у тебя какой-то усталый. В чем дело?

— Если ты болен, — вмешался Мэтт, — лучше попросить отсрочку.

На лице Армана появилась смущенная улыбка.

— Да здоров он, здоров, не нужна ему никакая отсрочка, — отрезал Йенсен. — Оставьте его в покое.

— Конечно, конечно, — поспешно ответил

Текс.

Они повернулись и двинулись вместе с толпой кандидатов. У объявления, гласившего, что всем необходимо явиться в комнату 3108 в третьем коридоре, они остановились. Затем нашли третий коридор, встали на движущуюся дорожку и опустили на нее свои сумки.

— Послушай, Мэтт, — спросил Текс, — а Килрой — это кто?

— Дай подумать. Это кто-то из Второй глобальной войны, адмирал, вроде. Ну да, адмирал «Бык» Килрой, кажется, так его звали[31].

— Странно, что космический корабль назвали именем адмирала.

— Килрой по штабам не сидел, он был летающим адмиралом.

— Слушай, да ты прямо ходячая энциклопедия! — воскликнул Текс. — Надо бы мне на экзаменах держаться рядом с тобой.

— Просто случайно запомнил, — ответил Мэтт.

В комнате 3108 красивая молодая девушка отмахнулась от их документов и вместо этого

---

[31] Примечания: 31

Уильям «Бык» Холси (1882–1959) — американский адмирал, во время Второй мировой войны командовал различными соединениями и 3-м флотом на Тихом океане. Адмирал оставил заметный след в массовой культуре (см песню П. Маккартни «Uncle Albert/Admiral Halsey»), но к носатому Килрою никакого отношения не имеет. — *Примеч. С. В. Голд.*

потребовала предъявить отпечатки большого пальца. Затем она вложила пластинки с отпечатками в аппарат, стоявший рядом. Через мгновение оттуда появились листы с напечатанной инструкцией, где были их имена, присвоенные им серийные номера, отпечатки пальцев и фотографии. Там же указывались места их временного размещения и место в столовой. Девушка передала им листы, попросила подождать в соседней комнате и сразу же отвернулась.

— Жаль, что так быстро все кончилось, — сказал Текс, когда за ними закрылась дверь. — Я только собрался попросить у нее телефончик. Посмотри-ка, — заметил он, просматривая инструкцию. — Нам даже не оставили времени отдохнуть после обеда!

— А ты думал оставят? — усмехнулся Мэтт.

— Нет, но можно же помечтать, правда?

В соседней комнате стояли ряды скамеек, на которых тесно сидели кандидаты. Джермэн остановился у скамейки, на которой лежали три больших чемодана, дорожный туалетный набор в богато разукрашенном несессере и банджо в футляре. Рядом с этим добром сидел юноша с розовыми щеками.

— Это твое? — спросил Текс.

Молодой человек неохотно кивнул.

— Ты как, не против, если мы скинем твое барахло и сядем на скамейку? — поинтересовался Текс и, не дожидаясь ответа, принялся снимать чемоданы и ставить их на пол.

Юноша мрачно посмотрел на него, но промолчал.

Освободившегося места хватило лишь для троих. Текс уговорил своих друзей сесть, а сам положил сумку рядом, опустился на нее, опираясь спиной на колени Мэтта, и вытянул ноги перед собой. Это был лучший способ выставить напоказ свою обувь — ковбойские сапоги: новенькие, на высоких каблуках, разукрашенные. Юноша, сидящий на другой стороне прохода, с удивлением посмотрел на сапоги, повернулся к соседям и громко прошептал:

— Гляди-ка, ковбой!

Текс фыркнул и попытался встать, но Мэтт, положив ему руку на плечо, толкнул назад.

— Оно того не стоит, Текс. У нас впереди сложный день.

— Верно, — кивнул Оскар. — Успокойся, парень.

— Ну… Ладно. — Текс снова опустился на сумку. — Но мой дядя Боди, — добавил он, — даже за

меньшее сунул бы мерзавцу в рот его собственную ногу.

Он продолжал сверлить обидчика взглядом. Пьер Арман наклонился вперед и прошептал Тексу на ухо:

— Слушай, извини, а это что, действительно сапоги, в которых ездят на лошадях?

— Да уж на лыжах в них не катаются.

— Извини, ради бога! Просто я ни разу не видел лошадей.

— Что?

— Лично я видел, — сказал Оскар. — В зоопарке.

— Лошадей — в *зоопарке*?

— Да, в зоопарке, в Нью-Окленде.

— А-а, — протянул Текс и улыбнулся. — Теперь понимаю. Ты из венерианских колонистов!

Мэтт тут же вспомнил, где он слышал этот смутно знакомый акцент, с которым говорил Оскар: перед ними однажды выступал лектор, прилетевший с Венеры. Текс повернулся к Пьеру:

— Пит, ты тоже оттуда?

— Нет, я… — начал Пит.

Его прервал громкий голос, донесшийся из громкоговорителей.

— Прошу внимания! Тишина! Прошу внима-

ния! — В углу зала стоял молодой человек, одетый в строгую светло-серую форму кадета школы Космической патрульной службы. — Все, у кого нечетные серийные номера, — произнес он в ручной микрофон, — пройдут со мной. Возьмите с собой личные вещи. Четные номера останутся на местах.

— Нечетные номера? — повторил Текс. — Никак я! — воскликнул он и вскочил.

Мэтт посмотрел на свою инструкцию:

— И у меня нечетный!

Кадет прошел вдоль прохода рядом с ними. Мэтт и Текс не спускали с него глаз. Кадет шел, слегка пригнувшись, чуть-чуть расслабив колени, держа руки наготове. Его ноги мягко ступали по ковровой дорожке. Это чем-то напоминало изящную кошачью походку; Мэтту подумалось, что, если сейчас зал внезапно станет вверх дном, кадет мягко приземлится на ноги и не потеряет равновесия, и, между прочим, все так бы на самом деле и было.

Мэтту очень хотелось походить на него.

Когда кадет проходил мимо, юноша с чемоданами схватил его за рукав.

— Эй, мистер! — произнес он.

Кадет мгновенно повернулся, присел, затем

спохватился и посмотрел на юношу:

— В чем дело?

— У меня нечетный номер, но одному мне не унести весь багаж. Кто мне поможет?

— Никто. — Кадет легонько тронул носком ботинка груду вещей. — И это *все* ваше?

— Да. Но как же мне быть? Не могу же я оставить их здесь. Чемоданы могут украсть.

— Кому они нужны, ваши чемоданы. — Кадет с отвращением оглядел груду. — Отнесите все это добро на станцию и отошлите домой. Или просто выбросьте.

Юноша смотрел на кадета непонимающим взглядом.

— Рано или поздно вам все равно придется избавиться от лишнего веса, — терпеливо пояснил кадет. — При подъеме на учебный корабль вам положено взять с собой не больше двадцати фунтов груза.

— Но… предположим, я соглашусь отправить багаж домой. Кто поможет мне доставить его на станцию?

— Это ваше дело. Если вы хотите служить в космическом патруле, следует научиться самому решать возникающие проблемы.

— Но…

— Молчать!

Кадет отвернулся и пошел дальше. Мэтт и Текс последовали за ним.

Через пять минут Мэтт, голый, как новорожденный ребенок, засовывал сумку и одежду в специальный мешок, помеченный его номером. По команде он открыл дверь и вошел внутрь, прижимая к груди выданные инструкции и пытаясь сохранить остатки достоинства. Он оказался в бане, где механические устройства вымыли его, вытерли, сполоснули, снова высушили — как на конвейере. Его инструкции оказались водонепроницаемыми, и Мэтт лишь стряхнул с них несколько капель воды.

В течение двух часов его осматривали, кололи, простукивали, ощупывали, фотографировали, взвешивали, подвергли рентгеноскопии, сделали прививки, взяли образцы крови, тканей и многое другое, пока у него голова кругом не пошла. Один раз он заметил Текса, двигающегося в другой очереди. Текс тоже увидел его, махнул рукой, похлопал себя по ребрам и поежился. Мэтт попытался заговорить с ним, но в этот момент его собственная очередь двинулась вперед.

Врачи осмотрели ногу Мэтта, которая подверглась операции, попросили его подвигать ступней

в разные стороны, спросили относительно времени операции и поинтересовались, не болит ли нога сейчас. Он честно признался: болит. Сделали дополнительные фотографии, провели новые тесты. Наконец врачи сказали: «Все, отправляйтесь обратно в очередь».

— С ней все в порядке, сэр? — не удержавшись, спросил Мэтт.

— По-видимому. Вам будут предписаны специальные упражнения. Идите.

Прошло немало времени, прежде чем он оказался в комнате, где одевались несколько юношей. При входе ему пришлось встать на платформу автоматических весов, а его тело пересекло сетку световых лучей, измеривших размеры его тела. Щелкнули реле, и где-то начался автоматический процесс, основанный на его весе, росте и размерах. Вскоре по желобу, торчащему из стены, соскользнул сверток и шлепнулся на пол прямо перед Мэттом. В свертке оказалось белье, синий комбинезон, пара мягких ботинок — все точно по размеру.

Синий комбинезон Мэтт принял за временную одежду — уж очень ему хотелось сменить его на такой же, но светло-серый комбинезон кадета. Ботинки привели его в восторг. Он надел их, за-

стегнул, встал, ощущая, как плотно они облегают ступню и насколько они мягкие. Казалось, он может встать ногой на монету и сказать, орел или решка. Это ж надо, «кошачьи лапы» — его первые космические ботинки! Мэтт сделал шаг, второй, третий, стараясь двигаться подобно кадету, которого видел утром.

— Додсон!

— Иду! — Он поспешил к выходу и скоро оказался в комнате со столом, за которым сидел средних лет мужчина в штатском.

— Садитесь. Меня зовут Джозеф Келли. — Мужчина взял из рук новичка документы. — Мэттью Додсон… рад познакомиться с тобой, Мэтт.

— Как поживаете, мистер Келли?

— Вроде неплохо. Итак, Мэтт, почему ты хочешь стать офицером патрульной службы?

— Потому что… — Мэтт заколебался. — Говоря по правде, сэр, сейчас я так растерян, что не могу ответить на этот вопрос.

Келли усмехнулся:

— Это лучший ответ из всех, которые мне пришлось сегодня услышать. У тебя есть братья или сестры, Мэтт?

Беседа продолжалась, Келли подбодрял Мэтта и тот разговорился. Вопросы были достаточно

личными, но у Мэтта хватило ума сообразить, что «мистер Келли», скорее всего, психиатр. Он пару раз начинал заикаться, но все же старался отвечать честно.

— Ну а теперь ты можешь сказать мне, почему хочешь служить в патруле?

Мэтт задумался.

— Сколько я себя помню, мне всегда хотелось полететь в космос.

— Путешествовать, посещать незнакомые планеты, встречаться с разными людьми — все это понятно, Мэтт. Но почему не поступить в торговый космический флот? Учеба в Космической академии — дело долгое и тяжелое, и вероятность того, что ты закончишь учебу, всего один к трем. И то только в том случае, если ты пройдешь все испытания и примешь кадетскую присягу, а этого добивается не больше четверти кандидатов, прошедших отборочные тесты. Но ты можешь поступить в школу космического торгового флота — я могу перевести тебя прямо сегодня, и при твоих данных ты получишь пилотские права еще до того, как тебе исполнится двадцать лет. Как ты считаешь?

На лице Мэтта появилось упрямое выражение.

— Но зачем отказываться, Мэтт? Почему ты

настаиваешь на том, что хочешь стать офицером патрульной службы? Там тебя вывернут наизнанку, сломают и даже спасибо не скажут. Они сделают из тебя человека, которого даже родная мать не узнает, и счастливей от этого ты не станешь. Поверь мне, сынок, уж я-то знаю.

Мэтт молчал.

— И ты все еще хочешь попробовать, зная, что все шансы против тебя?

— Да. Мне очень хочется.

— Но почему, Мэтт?

Мэтт колебался. Наконец он произнес едва слышно:

— Офицера Космической патрульной службы везде уважают.

Мистер Келли посмотрел ему в лицо:

— Ну что ж, Мэтт, пока это единственная достаточно веская причина. Думаю, у тебя появятся и другие причины, или придется оставить службу. — Настенные часы внезапно щелкнули и оттуда раздалось: — Тринадцать часов! Тринадцать часов! — Затем наступила короткая пауза и послышалось задумчивое: — Есть-то как хочется!

— Господи, — воскликнул Келли, — и мне тоже! Пошли на обед, Мэтт.

2

Процесс отбора

В инструкции Мэтта было написано, что в столовой у него место за столом 147, восточное крыло. Схема на обратной стороне показывала, где расположено восточное крыло; вот только Мэтт понятия не имел, где он сейчас находится. Во время утренних крысиных бегов он совершенно потерял ориентировку. И спросить-то ему было не у кого — кроме Высших Существ в черной форме офицеров Космического патруля, никто ему по пути не встречался, а спросить у них Мэтт попросту не осмеливался.

Наконец он нашел выход: вернулся в ротонду и отправился оттуда, но из-за этого опоздал на десять минут. Он шел вдоль бесконечного ряда столов, разыскивая номер 147, и ему казалось, что все на него смотрят. К тому времени как Мэтт отыскал свой стол, его щеки горели от смущения.

Во главе стола сидел кадет, все остальные были одеты в форму кандидатов. Кадет посмотрел на Мэтта и сказал:

— Садитесь, мистер, вон там, справа. Почему

вы опоздали?

— Я заблудился, сэр, — с трудом выдавил Мэтт.

Кто-то хихикнул. Кадет бросил холодный взгляд вдоль стола:

— Ты. Который сейчас заржал, как идиот, твоя фамилия?

— Э-э, Шульц, сэр.

— Мистер Шульц, я не вижу ничего смешного в честном ответе. А вы, должно быть, ни разу в жизни не заблуждались?

— Почему… Ну, может быть, пару раз.

— Хм… Будет очень интересно посмотреть на ваши успехи в астронавигации, если, конечно, вас не выгонят *раньше*. — Кадет повернулся к Мэтту. — Вы что, не голодны? Как вас зовут?

— Голоден, сэр. Мэттью Додсон, сэр. — Мэтт поспешно взглянул на кнопки перед собой, решил, что обойдется без супа, и нажал кнопки «второе», «десерт» и «молоко». Когда блюда появились на столе, кадет все еще не сводил глаз с Мэтта.

— Я кадет Саббателло. Разве вы не любите суп, мистер Додсон?

— Люблю, сэр, но я же опоздал, и мне надо поторопиться.

— Торопиться не надо. Суп пригодится для вашего пищеварения. — Кадет Саббателло протянул

руку к месту, где сидел Мэтт, и нажал кнопку с надписью «суп». — К тому же повару будет легче прибираться на камбузе.

К облегчению Мэтта, кадет наконец отвернулся. Суп был просто замечательный, но другие блюда показались ему безвкусными по сравнению с теми, которые он привык есть дома. Во время обеда Мэтт прислушивался к разговорам вокруг. Особенно ему запомнилось одно замечание кадета:

— Мистер Ван Зук, в патрульной службе не принято спрашивать, откуда кто родом. Мистер Ромолус вам сказал, что он из Манилы, и в этом нет ничего плохого, но спрашивать его об этом не следовало.

Вторая половина дня была заполнена разного рода тестами: сообразительность, мышечный контроль, рефлексы, время реакции, сенсорная чувствительность. Во время некоторых тестов от него требовалось выполнять сразу две или больше задач. Некоторые казались Мэтту просто глупыми. Тем не менее он старался изо всех сил. Один раз он оказался в комнате, где не было ничего, кроме большого, прикрепленного к полу кресла. Из динамика над головой донеслось:

— Закрепите пристежные ремни. Кнопки на подлокотниках управляют точкой света на стене

перед вами. Сейчас будет выключено освещение, и вы увидите световое кольцо. Ваша задача заключается в том, чтобы удерживать точку света в середине кольца — что бы ни произошло.

Мэтт застегнул ремни. На стене появилась яркая точка света. Нажав на кнопки, он увидел, что правой рукой контролируется перемещение точки по вертикали, а левой рукой — по горизонтали.

«Как просто! — подумал Мэтт. — Скорей бы уж начинали».

Комната погрузилась в темноту. Мэтт увидел перед собой освещенное кольцо, медленно перемещающееся вверх и вниз. Без особого труда он ввел точку в центр и удерживал там, подстраиваясь под плавные движения.

И в это мгновение кресло перевернулось.

Когда Мэтт оправился от изумления, он увидел, что висит в темноте вверх ногами, а точка света сместилась за пределы кольца. Он тут же попытался вернуть ее в центр, проскочил мимо и был вынужден скорректировать свои движения. Кресло качнулось в одну сторону, кольцо поплыло в другую, и рядом с левым ухом прогремел громкий взрыв. Кресло тряхнуло — электрический ток пробежал по рукам, и световая точка

ушла далеко в сторону от цели.

Мэтт рассердился на себя. Он сконцентрировал свое внимание, загнал точку в середину кольца и с триумфом воскликнул: «Попалась!»

В комнату начал сочиться дым. Мэтт закашлялся, из глаз, застилая цель, потекли слезы. Он прищурился и сконцентрировался лишь на одном — не упустить это проклятое кольцо, сколько б ни продолжались взрывы, рев, разрывающий барабанные перепонки, вспышки света, удары ветра в лицо и бесконечные сумасшедшие броски кресла.

Внезапно в комнате загорелся свет, и из громкоговорителя раздался механический голос:

— Тест завершен. Перейдите к следующему заданию.

В другой раз ему дали пригоршню бобов и маленькую бутылку. Он должен был сесть на пол, поставить бутылку на отметку, обозначенную на полу, зафиксировать в уме точное расположение бутылки, закрыть глаза и попытаться забросить все бобы один за другим в бутылку. Судя по звукам, бобы попадали в бутылку не слишком часто, и все же он онемел от ужаса, когда открыл глаза и увидел, что внутри бутылки всего один боб.

Мэтт сжал дно бутылки в руке и встал в очередь

к столу экзаменатора. Он заметил, что в бутылках у нескольких стоящих в очереди кандидатов бобов было очень много, а у двух человек бутылки были совершенно пустыми. Наконец он вручил бутылку экзаменатору.

— Додсон Мэттью, сэр. Один боб.

Не поднимая головы, мужчина сделал пометку. Мэтт не выдержал:

— Извините меня, сэр, но что мешает человеку открыть глаза и подглядывать?

Экзаменатор улыбнулся:

— Ничто не мешает. Переходите к следующему тесту.

Мэтт отошел в сторону, недовольно бормоча про себя. Ему даже не пришло в голову, что он не знает, какова цель теста.

В конце дня его проводили в крохотную каморку, где стояли стол и стул. На столе был закреплен прибор, лежали бумага, карандаш и инструкция в рамочке.

«Если в окошечке с надписью „РЕЗУЛЬТАТ“, — прочитал Мэтт, — вы увидите цифры, обозначающие итог предыдущего кандидата, поверните рычаг в „НЕЙТРАЛЬНОЕ“ положение, и экран будет готов фиксировать ваш результат».

Мэтт отыскал окошечко, над которым было на-

писано «РЕЗУЛЬТАТ»; там горела цифра «37». «Ну что ж, — подумал он, — будем к нему и стремиться». Мэтт решил пока не снимать цифры с экрана — сначала нужно прочитать инструкцию. «После начала теста, — читал он, — единица будет прибавляться к вашему результату всякий раз, когда вы нажимаете на левую кнопку, если только это не противоречит условиям, указанным ниже. Нажимайте на левую кнопку, как только загорается красная лампочка, если только одновременно не горит зеленая, за исключением того случая, когда не следует нажимать ни одну из кнопок, потому что открыта правая дверца, если только не выключены обе лампочки. Если открыта правая дверца, а левая закрыта, нажимать на любую из кнопок не надо, потому что это не отразится на результате, но на левую кнопку тем не менее нужно нажимать при подобных обстоятельствах, если все остальные условия до того позволяли нажимать на кнопку, иначе не будет зафиксирован результат в последующих фазах теста. Для того чтобы выключить зеленую лампочку, нажмите на правую кнопку. Если левая дверца не закрыта, не следует нажимать на кнопки. Если левая дверца закрыта, пока горит красная лампочка, не нажимайте на левую кнопку, если выключена зе-

леная лампочка, если только не открыта правая дверца. Для начала теста передвиньте рычаг из нейтрального положения в крайнее правое. Тест продолжается в течение двух минут с того момента, как рычаг передвинут вправо. Внимательно прочитайте инструкцию и приступайте к тесту, когда будете готовы. Вам запрещено задавать вопросы экзаменатору, поэтому постарайтесь изучить инструкцию как можно тщательнее. Постарайтесь набрать как можно больше очков».

— Ничего себе! — сказал Мэтт.

Тем не менее тест казался несложным: один рычаг, две кнопки, две цветные лампочки, две маленькие дверцы. Как только он овладеет инструкцией, все будет проще пареной репы, так же просто, как управлять воздушными змеями, и куда проще, чем летать на вертолете! — Мэтт получил права в двенадцать лет. И он принялся на работу.

«Сначала, — сказал он себе, — учтем, что у нас имеется только два способа набирать очки: когда горит красная лампочка и когда обе лампочки выключены и открыта одна дверца.

Идем дальше. Итак: если левая дверца не закрыта… нет, если левая дверца закрыта…» Мэтт остановился и принялся читать с самого начала.

Прошло несколько минут, и перед Мэттом лежал лист бумаги с записанными на ней шестнадцатью возможными положениями дверок и состоянием лампочек. Он сверил их с инструкцией, стараясь найти комбинации, позволяющие набрать очки. Закончив, он уставился на полученный результат, потом перепроверил все еще раз. Несколько секунд он смотрел на бумагу, потом присвистнул, почесал голову, взял расчеты, вышел из комнатки и подошел к экзаменатору.

Мужчина поднял голову.

— Вопросы задавать не разрешается, — напомнил он.

— Я не собираюсь задавать вопросы, — покачал головой Мэтт, — просто хочу сказать, что с этим тестом что-то не в порядке. Может быть, туда положили не тот листок с инструкцией. В общем, если делать как по инструкции, не наберешь ни одного очка.

— Не может быть! — воскликнул экзаменатор. — Вы уверены?

Мэтт заколебался, потом решительно кивнул головой.

— Да, уверен, — ответил он. — Хотите посмотреть на мои доказательства?

— Нет. Ваша фамилия Додсон? — Экзаменатор

посмотрел на таймер и что-то пометил в журнале. — Вы свободны.

— Но… Можно я все-таки попробую набрать хоть сколько-нибудь очков?

— Никаких вопросов! Я уже пометил набранные вами очки. Идите в столовую — скоро ужин.

Во время ужина за столом 147 пустовало немало стульев. Кадет Саббателло обвел взглядом опустевший стол.

— Похоже, мы понесли потери, — заметил он. — Поздравляю вас, джентльмены, с тем, что вы пока уцелели.

— Извините, сэр, это значит, что мы прошли все сегодняшние тесты? — спросил один из кандидатов.

— Или, по крайней мере, вам разрешат повторить какой-то из тестов. Во всяком случае, сегодня вам пока повезло, — ответил Саббателло.

Мэтт с облегчением вздохнул.

— Но не слишком радуйтесь, — тут же предостерег их кадет. — Завтра вас останется еще меньше.

— Неужели завтра будет еще труднее? — снова спросил кандидат.

— Не то слово, — насмешливо улыбнулся Саббателло. — Советую поменьше есть за завтраком.

Впрочем, — продолжал он, — у меня есть для вас и хорошие новости. Прошел слух, что на церемонии присяги будет присутствовать сам начальник, который специально для этого прилетает на Терру, если, конечно, вы дотянете до присяги.

Кандидаты недоумевающе переглянулись. Кадет посмотрел на них, переводя взгляд с одного лица на другое.

— Да что это с вами, джентльмены? — резко спросил он наконец. — Не может быть, чтобы все вы были такие невежды. Вот вы! — Он повернулся к Мэтту. — Мистер… Додсон? Да, мистер Додсон. Мне кажется, что у вас что-то такое промелькнуло. Почему присутствие начальника будет для вас такой честью?

— Вы имеете в виду начальника Академии, сэр? — нерешительно произнес Мэтт.

— Разумеется. Вы что-нибудь о нем знаете?

— Это коммодор Аркрайт, сэр. — Мэтт замолчал, будто считая, что упоминание имени начальника Академии патрульной службы не нуждается в объяснении.

— И чем же отличается коммодор Аркрайт от других?

— Ну… он слепой, сэр!

— Он не слепой, мистер Додсон! Просто так

получилось, что у него выжжены глаза. Как он потерял зрение? — Кадет тут же предостерегающе поднял руку. — Нет, мистер Додсон, молчите. Пусть они сами узнают.

Кадет принялся за еду, следом за ним и Мэтт, думая о коммодоре Аркрайте. В то время сам Мэтт был еще слишком молод, чтобы следить за новостями, но отец рассказал ему о случившемся — о невероятном по смелости спасении в одиночку космической яхты, терпящей бедствие на орбите Меркурия. Мэтт забыл про обстоятельства, при которых офицер патрульной службы подставил незащищенные глаза Солнцу, — это произошло при переводе пассажиров яхты на корабль патрульной службы, — но он отчетливо помнил торжественный голос отца, читавшего заключительные слова официального сообщения: «…подобные действия полностью соответствуют традициям офицеров Космического патруля».

Мэтт подумал: а он? Смог бы он повести себя так, чтобы потом его действия заслужили такую высокую оценку? Вряд ли. Самое большее, на что он может надеяться — на что может надеяться любой офицер патрульной службы, — это пометка в личном деле: «Обязанности выполнял удовлетворительно».

Выходя из столовой, Мэтт наткнулся на Текса Джермэна. Тот радостно похлопал его по спине.

— Рад тебя видеть, старик, — воскликнул он. — Где ты разместился?

— Я все еще никак не могу дойти до своей комнаты.

— Ну-ка, покажи свои документы. — Джермэн взял их из рук Мэтта. — Мы в одном коридоре, отлично! Пошли посмотрим, где ты живешь.

Они нашли комнату и вошли. На нижней койке вытянулся еще один кандидат. Он курил и читал книгу. Услышав скрип распахнувшейся двери, он посмотрел на юношей.

— Заходите, камрады, — сказал он. — Стучать у нас не принято.

— Мы и не стучали, — ответил Джермэн.

— А я и не сомневаюсь.

Юноша сел на койке. Мэтт узнал в нем парня, пошутившего насчет ковбойских сапог Текса, но решил промолчать, надеясь, что они не узнают друг друга.

— Ищете кого-нибудь? — поинтересовался парень.

— Нет, — ответил Мэтт, — меня сюда поселили.

— А-а, так ты мой товарищ по квартире! Добро пожаловать во дворец. Я положил твои шмотки

тебе на койку.

Мешок с сумкой и гражданской одеждой Мэтта лежал на верхней койке. Мэтт снял его оттуда и поставил на пол.

— Что значит «тебе на койку»? — возмутился Текс. — Вы должны разыграть, кому спать внизу.

— Раньше пришел — раньше и обслужили. — Парень равнодушно пожал плечами.

Текс помрачнел. Заметив это, Мэтт постарался его успокоить.

— Брось, Текс, — сказал он. — Мне больше нравится спать наверху. Между прочим, — повернулся он к юноше, — меня зовут Мэтт Додсон.

— Жерар Берк, к вашим услугам.

Комната была хоть и скромно обставлена, но выглядела вполне прилично. Дома Мэтт спал в водной постели, но ему приходилось спать и на матрасе — в летнем лагере. Боковая дверь вела в ванную, оборудованную по последнему слову, но без излишеств. Мэтт с удовольствием отметил, что душ снабжен автоматическим массажером. На полке не было маски для бритья, но бриться Мэтту было пока нетрудно. Заглянув в отделение шкафа, Мэтт обнаружил пакет со своим номером. Внутри лежало два комбинезона, две смены белья и вторая пара космических ботинок. Он

уложил все это вместе с остальными вещами, затем взглянул на Текса:

— Чем займемся теперь?

— Прогуляемся по заведению.

— Отлично. Может быть, осмотрим «Килрой»?

Берк бросил окурок сигареты в сторону мусоропровода.

— Подождите секунду. Я с вами, — и он исчез за дверью туалета.

— Может, пошлем его к черту, а? — предложил Текс тихим голосом.

— Идея неплохая. Но мне хотелось бы найти с ним общий язык.

— Ну что ж, может быть, он не выдержит завтрашних испытаний.

— Или я. — Мэтт криво усмехнулся.

— А может, и я. Ладно, ты прав, Мэтт, потерпим. Между прочим, ты не думал о том, чтобы подыскать себе постоянного товарища по комнате? Хочешь, будем жить вместе?

— Согласен.

Они пожали друг другу руки.

— Вот и отлично, значит, вопрос решен, — продолжал Текс. — Меня поселили с хорошим парнем, но у него отыскался земляк, с которым он хотел бы жить в одной комнате. Так вот, этот

земляк зашел к нему перед ужином, они сели рядом и давай калякать на хинди. Я, естественно, ничего не понял и чувствовал себя как дурак. Затем они переключились на бейсик[32] — проявили, так сказать, вежливость, — а мне от этого только хуже стало.

— С нервами у тебя вроде бы все в порядке, Текс.

— Это только на первый взгляд. Все Джермэны — очень чувствительный народ. Возьми моего дядю Боди. Один раз он пришел на ярмарку посмотреть на бега и так разволновался, что вскочил между оглоблями одноколки, помчался по кругу и выиграл два забега, прежде чем его догнали и вышвырнули оттуда.

— Шутишь!

— Честное слово. Приза он, конечно, никакого не выиграл. Его дисквалифицировали — забеги-то были для двухлеток, а он оказался чуток постарше.

Наконец к ним присоединился Берк, и втроем они направились в ротонду. Точно такая же идея пришла в голову еще нескольким сотням кандидатов, но администрация предвидела эту

---

[32] Примечания: 32
Имеется в виду бейсик-инглиш.

возможность. У лестницы, ведущей в яму, где лежал разбившийся «Килрой», стоял дежурный кадет, который пропускал желающих группами по десять человек, причем только в сопровождении кадета. Берк посмотрел на вытянувшуюся очередь и сказал:

— Ждать нет никакого смысла. Элементарная арифметика.

Мэтт заколебался.

— Давай подождем, — вмешался Текс. — Может быть, кому-нибудь надоест.

— Пока, салаги. — Берк пожал плечами и пошел прочь.

— Знаешь, Текс, по-моему, он прав, — произнес Мэтт с сомнением в голосе.

— Конечно прав, — кивнул Текс, — но зато мы от него избавились, верно?

Ротонда представляла собой музей и мемориальный зал патрульной службы. Юноши проходили мимо экспонатов: бортовой журнал первого космического корабля, совершившего полет к Марсу, фотография старта злосчастной первой экспедиции на Венеру, модели немецких ракет, которые применялись во время Второй глобальной войны, карандашный набросок карты обратной стороны Луны, найденный в обломках

«Килроя».

Они подошли к алькову, задняя стена которого представляла собой огромную стереофотографию. Войдя внутрь, они оказались на освещенной ослепительными лучами Солнца лунной поверхности с черным небом, усеянным звездами и самой матерью Землей на заднем плане.

А на переднем плане стоял молодой человек, одетый в старомодный космический скафандр. Через прозрачный пластик шлема были отчетливо видны черты его лица — улыбающийся рот, веселые глаза и густые русые волосы, коротко подстриженные по моде конца прошлого века. Под фотографией виднелась надпись: «Лейтенант Эзра Далквист[33], один из тех, кто положил начало славным традициям патрульной службы. 1966–1996 гг.».

— Где-нибудь рядом должно быть написано, что он такое сделал, — прошептал Мэтт.

— Что-то не видно, — прошептал в ответ Текс. — А почему ты говоришь шепотом?

— Нет, я не говорю ше… Впрочем, действительно. В конце концов, он не может нас слышать, правда? А смотри, вот фонограмма!

---

[33] Примечания: 33

Лейтенант Эзра Далквист — персонаж рассказа Хайнлайна «Долгая вахта».

— Чего ты ждешь? Жми на кнопку.

Мэтт послушался, и альков наполнился звуками Пятой симфонии Бетховена. Музыка постепенно стихла, и раздался голос диктора:

— Сначала патрульная служба была укомплектована офицерами, посланными всеми странами, которые составляли тогда Западную Федерацию. Некоторые офицеры были честными и преданными своему делу, другие нет. В тысяча девятьсот девяносто шестом году наступил день, отмеченный позором и славой в истории Космической патрульной службы, когда была сделана попытка осуществить coup d'état[34] — так называемый мятеж полковников. Группа высокопоставленных офицеров, действуя с военной базы на Луне, попыталась захватить власть над всем миром. Заговор мог бы оказаться успешным, если бы не лейтенант Далквист. Он вывел из строя все атомные ракеты в арсенале базы, удалив заряды и уничтожив взрыватели. Но при этом он получил такую дозу радиации, что скончался от ожогов.

Диктор замолчал, и снова послышалась негромкая музыка, на этот раз это была тема Валгаллы

---

[34] Примечания: 34
Государственный переворот *(фр.). — Примеч. С. В. Голд.*

из «Götterdämmerung»[35].

Текс глубоко вздохнул. Мэтт тоже заметил, что все это время сдерживал дыхание. Он начал дышать нормально, и боль в груди сделалась меньше.

За их спиной раздался смешок. Юноши обернулись. У входа в нишу стоял Жерар Берк, опершись плечом о притолоку.

— Чего они только не делают, чтобы вдолбить это в мозги, — заметил он. — Будьте настороже, ребята, а то и вправду на все это купитесь.

— Что ты хочешь этим сказать? Что вдолбить?

Берк показал рукой на фотографии:

— Да вот это. И объяснения с музыкой в придачу. Если вам нравится такие штуки, то здесь их еще три — по одной с каждой стороны света.

Мэтт не сводил с него холодного взгляда.

— Что с тобой Берк? Ты не хочешь стать офицером патрульной службы?

— Хочу, разумеется. Но я человек практичный, меня на слезу не купишь. — Он указал на фотографию Эзры Далквиста. — Возьмите, к примеру, его. Ведь вы не услышали ни слова о том, что он отказался выполнить приказ вышестоящего офицера,

---

[35] Примечания: 35

Опера «Гибель богов» немецкого композитора Рихарда Вагнера (1813–1883). — *Примеч. С. В. Голд.*

своего прямого начальника. Если бы события обернулись по-другому, его судили бы как изменника. К тому же никто не говорит о том, что погиб Далквист из-за собственной неосторожности. И вы хотите, чтобы я считал его суперменом?

— Нет, не хочу, — покраснел от ярости Мэтт и сделал шаг вперед. — Но раз ты такой практичный, то как насчет хорошего, практичного удара по роже?

Ростом Берк был пониже Мэтта и ничуть не шире в плечах, но он наклонился вперед и, опершись на носки, тихо произнес:

— Очень хочется. От тебя или от кого-нибудь еще?

— И от меня, — шагнул вперед Текс.

— Не суйся, Текс! — рявкнул Мэтт.

— Еще чего! Честная драка с социальными отбросами — пустая трата времени.

— Текс, я же сказал тебе: отойди!

— Ну уж нет, я тоже хочу получить удовольствие. Ты дашь ему по роже, а когда он свалится, я добавлю ему в живот.

Берк посмотрел на Джермэна и улыбнулся, будто почувствовав, что время драки прошло.

— Ну-ну, джентльмены! Вы скоро уже друг с другом подеретесь. — Он отвернулся и пошел к

выходу из ниши. — Доброй ночи, Додсон. Постарайся не разбудить меня, когда вернешься.

— Зря мы его отпустили. — Текс все еще кипел от злости. — Он из тех, кого каждый раз нужно ставить на место, иначе они испортят тебе жизнь. Мой дядя Боди всегда говорил, что такого прыща нужно лупить до тех пор, пока он не извинится.

— Чтобы нас выгнали из патрульной службы еще до того, как мы поступим в Академию? Он разозлил меня, так что пока выигрыш на его стороне. Пошли, наверное, здесь много чего интересного.

Но сигнал отбоя прозвучал раньше, чем они успели подойти к следующему алькову. Юноши направились к своему коридору, и Мэтт попрощался с Тексом у дверей его комнаты. Потом он прошел в свою. Берк спал — или притворялся, что спит. Мэтт быстро разделся, ловко забрался на верхнюю койку, нашел выключатель и погасил свет.

Недружелюбное присутствие снизу его слегка раздражало, но он почти заснул, как вдруг вспомнил, что забыл позвонить отцу. От этой мысли Мэтт мгновенно проснулся. Немного погодя он почувствовал смутную боль где-то внутри. Неужели он чем-то заболел?

А может, это тоска по дому? В его-то возрасте? Чем дольше Мэтт размышлял, тем более убеждался, что причина именно в ностальгии, как бы он ни гнал эту мысль от себя. Он все еще думал об этом, когда погрузился в глубокий сон.

3

По ухабам

На следующее утро Берк сделал вид, что забыл о вчерашней ссоре. Он был даже приветлив и позволил Мэтту первым войти в душевую. И все же Мэтт почувствовал радость, когда услышал сигнал на завтрак.

На привычном месте стола 147 не оказалось. Озадаченный, Мэтт пошел вперед и наткнулся на стол с табличкой «147–149», во главе которого сидел кадет Саббателло. Мэтт сел на свободный стул и увидел рядом Пьера Армана.

— Привет, Пит! — воскликнул он. — Как дела?

— О, Мэтт! Рад тебя видеть. Да пока вроде неплохо.

Уверенности в голосе Пьера было маловато. Мэтт пристально посмотрел на него. Пьер выглядел неважно, его будто кошка протащила через дырку в полу — такое сравнение показалось

Мэтту наиболее подходящим. Он собрался было спросить, что с ним такое стряслось, но в это время кадет Саббателло резко постучал по столу.

— Джентльмены, — сказал кадет, — кажется, кое-кто из вас забыл мой вчерашний совет едой особо не увлекаться. Сегодня вас как следует потрясет по ухабам. А я-то знаю по своему личному опыту: при этом немало землероек теряют не только завтрак, но и остатки собственного достоинства.

Мэтту от таких слов стало как-то не по себе. Ведь он-то уже собрался заказать обычный завтрак, а вместо этого пришлось ограничиться стаканом чая и гренками в молоке. Взглянув на соседа, он заметил, что на Пита совет кадета как будто не произвел впечатления: он поставил перед собой тарелку со стейком, картошкой и яичницей и принялся есть. Если Пит и чувствовал себя неважно, подумал Мэтт, по его аппетиту этого не скажешь. Кадет Саббателло тоже увидел это. Он наклонился вперед и обратился к Питу:

— Мистер, разве вы не…

— Меня зовут Арман, сэр, — вежливо ответил Пит, проглотив огромный кусок.

— Мистер Арман, разве вы не слышали моего предупреждения? Может быть, у вас пищева-

рение марсианского песчаного червя? Или вы считаете, что я пошутил? Думаете, вас не будет тошнить в невесомости?

— Нет, сэр, не будет.

— Неужели?

— Видите ли, сэр, я с Ганимеда[36].

— А-а! Тогда прошу прощения. Закажите себе еще стейк. Как ваши дела?

— Да вообще-то, неплохо, сэр.

— Не стесняйтесь просить, чтобы вам сделали скидку. Уверен, что все поймут положение, в котором вы оказались.

— Спасибо, сэр.

— Я серьезно, мистер Арман. Не пытайтесь строить из себя «железного человека». В этом нет никакого смысла.

Мэтт и Пьер встали из-за стола одновременно.

— Пит, теперь я понимаю, почему Оскар нес вчера твою сумку. Ты уж меня прости, дурака.

— Да брось ты, — смущенно посмотрел на него

---

[36] Примечания: 36

Ганимед — спутник Юпитера, один из так называемых Галилеевых, самый крупный спутник в Солнечной системе, превосходит по размерам Меркурий, хотя уступает этой планете по массе. Был открыт Галилео Галилеем в 1610 г., хотя на открытие претендовал и немецкий астроном Симон Мариус, который и предложил название, ставшее общеупотребительным лишь с середины XX в. Состоит в основном из горных пород и водяного льда. Колонистам Ганимеда посвящен роман Р. Хайнлайна «Небесный фермер».

Пит. — Оскар сам придумал за мной присматривать — мы с ним познакомились, когда летели с «Терры».

— Понятно, — кивнул Мэтт. У него было самое смутное представление о маршрутах пассажирских лайнеров, но он знал, что Оскар, прилетевший с Венеры, и Пит, направлявшийся с одной из лун Юпитера, должны были оказаться на искусственном спутнике Земли — станции «Терра», прежде чем прибыть рейсовой ракетой на Землю. Этим и объяснялась дружба двух юношей родом из самых разных уголков Солнечной системы.

— И как ты себя чувствуешь на Земле? — спросил Мэтт.

Пит заколебался:

— По правде говоря, мне кажется, что я хожу, погрузившись по самую шею в зыбучие пески. На каждое движение уходит столько сил.

— Тяжелый случай. Какая же там у вас на Ганимеде сила тяготения? Треть земной?

— Тридцать два процента. Для меня все на Земле весит в три раза больше, чем дома. Включая меня самого.

— Как будто на тебе сидят еще двое парней. Один на плечах, другой на спине, — кивнул Мэтт.

— Да, примерно. А самое противное, что у меня все время болят ноги. Но это пройдет…

— Конечно пройдет!

— …потому что мои предки с Земли, и я должен быть нисколько не слабее моего деда. У себя на Ганимеде последние два земных года я тренировался на центрифуге. Сейчас я куда сильнее, чем раньше. А вот и Оскар.

Мэтт поздоровался с Оскаром и тут же поспешил к себе в комнату, чтобы позвонить отцу.

Транспортный вертолет доставил Мэтта и еще пятьдесят кандидатов к тому месту, где должны были проводиться испытания на способность организма переносить переменное ускорение, на языке кадетов это называлось «тащить по ухабам». Испытательная станция была расположена к западу от базы, в горах: для продолжительного свободного падения требовался высокий отвесный обрыв. Вертолет опустился на посадочной площадке неподалеку от края обрыва, пассажиры вылезли из машины и присоединились к толпе кандидатов, прилетевших сюда раньше. Было ясное холодное утро. Здесь, на вершине одного из пиков Колорадо, воздух казался прозрачным и удивительно свежим. Они были недалеко от границы лесов. Площадку окружали кривые,

изуродованные деревья, привычные к постоянным ветрам.

Из строения, расположенного на самом краю утеса, на две тысячи футов вниз уходили две стальные фермы. Они напоминали фермы открытых лифтов — одна из них на самом деле такой и была. Вторая ферма была направляющей для испытательной кабины во время падения с высоты.

Мэтт протолкался к поручням, которые ограждали обрыв, и посмотрел вниз. Нижняя часть стальных ферм исчезала в головокружительной глубине, проходя сквозь крышу строения на дне каньона. Мэтт пытался убедить себя в том, что инженер, который все это построил, был мастером своего дела. В этот момент кто-то толкнул его локтем в бок. Он обернулся. Рядом стоял Текс.

— Ничего себе горка, а?

— Текс, привет. Это еще слабо сказано.

Стоявший рядом кандидат обернулся к ним и спросил:

— Ребята, мы что, и вправду будем спускаться по этой штуке?

— А ты как думал, — кивнул Текс. — Потом внизу собирают кости, складывают в большую корзину и поднимают на втором лифте.

— А спускается она быстро?

— Погоди немного, сам узна… Эй, смотрите! Вон она!

Серебристая кабина без окон появилась наверху одной из направляющих и на мгновение словно бы замерла. Затем она упала. Она падала, падала, падала, стремительно набирая скорость, пока не достигла двухсот пятидесяти миль в час, и в этот момент пропала из виду в крыше нижнего строения. Мэтт замер, ожидая, что снизу донесется грохот разбившейся кабины. Но вокруг царила полная тишина, и он успокоился.

Через несколько секунд серебристая кабина появилась в нижней части второй фермы. Казалось, она медленно ползла вверх — на самом деле первую половину пути она проходила с большим ускорением, — и наконец исчезла в верхнем строении рядом с ними.

— Девятая группа! — загремел громкоговоритель позади.

— Это меня, Мэтт, — вздохнул Текс. — Передай маме, что мои последние слова были о ней. А себе возьми мою коллекцию марок.

Он пожал Мэтту руку и пошел вместе со своей группой к кабине.

Кандидат, который только что говорил с ними,

с трудом проглотил слюну; Мэтт увидел, что он страшно побледнел. Внезапно он сорвался с места и двинулся в направлении девятой группы, но присоединяться не стал, а подошел к кадету, выстраивавшему группу, и что-то ему сказал. Кадет пожал плечами и знаком разрешил отойти в сторону.

Мэтт почувствовал, что нисколько не презирает несчастного кандидата, а скорее жалеет.

Его испытательная группа выстроилась вслед за девятой. Их провели в верхнее здание, и кадет, руководивший группой, объяснил суть теста:

— Сейчас мы проведем испытания на способность вашего организма переносить высокое ускорение, свободное падение или невесомость, а также резкие изменения в ускорении. Испытания начнем в центрифуге с ускорением в три нормальных *g*, затем, когда кабина начнет падать с вершины утеса, вы полностью лишитесь веса. В нижней части фермы она скользит вдоль спирали и замедляется с ускорением в три *g*. После остановки кабина перемещается в ту ферму, вдоль которой она будет подниматься. Подъем начнется при ускорении в два *g*, которое уменьшается до нормального, а затем, когда кабина оказывается наверху, наступает невесомость.

На следующем этапе цикл повторяется снова, но уже на более высоких ускорениях, и так до тех пор, пока не будет выявлена реакция каждого из вас. Вопросы?

— Как долго будет свободное падение, сэр? — спросил Мэтт.

— Одиннадцать секунд. Можно бы сделать и подольше, но для того, чтобы увеличить время свободного падения вдвое, требуется высота в четыре раза больше, чем эта. Думаю, вам и такой хватит вполне, — заключил он с мрачной улыбкой.

— Извините, сэр, а что это значит — «выявление реакции»? — послышался чей-то робкий голос.

— Это значит, что реакция организма может оказаться любой — кровотечение, потеря сознания и всякое такое.

— А это опасно?

— Да как вам сказать… А что вообще можно считать безопасным? Механических неполадок, правда, до сих пор не было, — пожал плечами кадет. — Частота вашего пульса и дыхания, давление крови и другие данные будут передаваться с помощью телеметрии на пульт управления. Мы постараемся, чтобы во время испытаний никто из вас не погиб.

Вскоре после этого группа проследовала вслед за кадетом по коридору, прошла в дверь и оказалась внутри кабины. В ней находились маятниковые сиденья — какие обычно бывают в скоростных машинах, но у этих была наполовину откинутая спинка и очень толстый слой обивки. Кандидаты пристегнули ремни, и медики закрепили на теле каждого из них телеметрические датчики. Кадет внимательно проверил надежность крепления ремней, затем вышел и вернулся с офицером, который проверил все еще раз. После этого кадет раздал «аварийные пакеты» — двуслойные матерчатые мешки, которые вешались на шею и скотчем крепились ко рту каждого кандидата, чтобы в случае приступа рвоты не перепачкать соседей. Закончив приготовления, он спросил:

— Все готовы?

Молчание. Кадет удовлетворенно кивнул, вышел из кабины и закрыл за собой дверь.

Мэтт пожалел, что вовремя его не остановил.

Шли секунды, и все оставалось без изменений. Затем кабина как-то непонятно накренилась; на самом деле наклон дала не кабина — стали отклоняться сиденья по мере того, как кабина начала набирать скорость. Затем сиденья вернулись в прежнее положение, но Мэтт почувствовал,

насколько тяжелее сделалось его тело, и понял, что это они кружатся в центрифуге. Его прижало к спинке сиденья; руки, казалось, налились свинцом, ноги тоже стали тяжелыми, настолько, что он не мог ими пошевелить.

Внезапно чувство тяжести исчезло, вернулся обычный вес… а потом тело приподнялось, словно в попытке вырваться из пристяжных ремней. Желудок начал куда-то проваливаться. Мэтт судорожно глотнул: завтрак вроде бы остался на месте. Кто-то закричал: «Падаем!», что показалось Мэтту совершенно излишней констатацией очевидного.

Он сжал зубы, напрягся, ожидая удара о скалы, но удара не было. Удара не было, а его желудок по-прежнему старался сбежать из тела. Одиннадцать секунд? Вранье, он уже падает дольше! Неужели что-то случилось?

Они все падали и падали.

Бесконечно.

Потом его прижало к сиденью. Эта сила росла и росла, пока он не стал таким же тяжелым, как и перед началом падения. Его многострадальный желудок попытался избавиться от завтрака, но сила тяжести оказалась сильнее, она была даже слишком велика.

Тяжесть исчезла, вернулся нормальный вес. В следующее мгновение кабина будто подпрыгнула, и на мгновение вернулось ощущение невесомости, его желудок ударился в панику, но это ощущение длилось не больше мига, и его тело обмякло на подушках кресла.

Открылась дверь и в кабину вошел кадет в сопровождении двух медиков. Кто-то закричал: «Выпустите меня отсюда! Выпустите меня!» Кадет, не обращая внимания на крик, прошел к креслу, стоявшему прямо перед Мэттом. Он наклонился над юношей, неподвижно сидящим в кресле, расстегнул пристежные ремни, и медики вынесли тело. Голова юноши безвольно болталась на носилках. Затем кадет подошел к кандидату, поднявшему шум, отстегнул ремни и сделал шаг в сторону. Юноша встал, пошатнулся и с трудом вышел из кабины.

— Кому сменить гигиенический пакет?

Послышались приглушенные ответы. Кадет быстро раздал новые пакеты и помог их закрепить. Мэтт с облегчением подумал, что его-то пакет в замене не нуждается.

— Приготовиться к пятикратной перегрузке, — скомандовал кадет. Он заставил каждого из оставшихся в кабине назвать свое имя.

Перекличка еще не закончилась, как один из юношей попытался подняться, дергая за ремни, удерживающие его в кресле. Не прекращая переклички, кадет помог ему расстегнуть ремни и сделал жест в сторону открытой двери, потом вышел следом за ним. Дверь захлопнулась.

Мэтт почувствовал, как его охватывает невыносимое напряжение. Когда растущая сила тяжести снова вдавила его в сиденье, ему даже вроде бы полегчало, но только на мгновение, потому что трудно было не догадаться: пять *g* гораздо хуже, чем три. Грудь сдавило железными тисками, он не мог даже вздохнуть.

Колоссальное давление исчезло, они снова перевалили через край и сорвались вниз, началось падение. На этот раз несчастный желудок не выдержал; Мэтт пожалел, что вообще что-то ел за завтраком.

Падение продолжалось. Освещение в кабине погасло, и кто-то дико закричал. Мучаясь от приступов рвоты, Мэтт не сомневался, что стряслась катастрофа, потому и освещение вышло из строя; на этот раз они наверняка разобьются о скалы каньона. Но почему-то теперь это не казалось таким уж важным.

Он далеко погрузился в черный водоворот сил,

отмечавших конец падения, и только тогда понял, что уцелел и на этот раз. Эта мысль не принесла облегчения — все его внимание сосредоточено было на том, чтобы суметь сделать вдох грудью, сдавленной пятикратной перегрузкой. Подъем к вершине утеса — сначала при двукратной силе тяжести, потом при нормальной — показался ему легкой прогулкой, если не считать момента, когда перед самой остановкой опять наступила невесомость и пустой желудок запротестовал.

В кабине зажегся свет, дверь открылась, и снова появился кадет. Его взгляд остановился на юноше, который сидел рядом с Мэттом. Лицо юноши было залито кровью, струившейся из носа и ушей. Кандидат посмотрел на подошедшего кадета и махнул рукой, будто уговаривал его отойти.

— Все нормально, я выдержу, — еле слышно заговорил он. — Пусть продолжают тесты.

— Возможно, и выдержите, — ответил кадет, — но не сегодня. Не расстраивайтесь, — добавил он, — это совсем не значит, что вы потерпели неудачу.

Кадет осмотрел остальных, затем позвал офицера. Они посоветовались о чем-то шепотом, и еще один юноша был наполовину выведен, наполовину вынесен из кабины.

— Кому нужны новые пакеты? — спросил кадет.

— Мне, — произнес Мэтт слабым голосом. Ему быстро заменили пакет, и Мэтт дал себе слово больше никогда не есть за завтраком гренки в молоке.

— Семикратная перегрузка! — объявил кадет. — Кто хочет — может отказаться, остальным приготовиться.

И он снова начал перекличку. Мэтт приготовился отказаться, но услышал, к своему удивлению, как сказал «готов», когда кадет назвал его фамилию. Кадет вышел из кабины и закрыл дверь до того, как Мэтт решил передумать. Теперь в кабинете осталось всего шестеро.

Ему показалось, что свет снова постепенно гаснет по мере возрастания перегрузки. Теперь его тело весило тысячу фунтов. Но как только кабина сорвалась с вершины утеса вниз, внутри стало светло; Мэтт понял, что какое-то время был без сознания.

На этот раз он решил вести счет секундам, чтобы избавиться от пугающего чувства бесконечной невесомости, но ничего не вышло, он так и не смог оправиться после колоссальной нагрузки. Даже боль в желудке казалась какой-то

далекой. Падаем… падаем…

Снова великанья рука сжала грудь, выдавила из мозга кровь и погасила свет. На этот раз окончательно…

— Как вы себя чувствуете? — Мэтт открыл глаза и увидел, как все перед ним двоится.

Он с трудом догадался, что над ним склонился кадет. Мэтт попытался ответить. Кадет исчез; он почувствовал, что его вытаскивают из кресла, потом его подняли и понесли.

Кто-то вытер его лицо влажным холодным полотенцем. Мэтт сел и увидел стоящую рядом медсестру.

— Ну, теперь все в порядке, — приветливо сказала девушка. — Держите это, пока не перестанет течь кровь из носа. — Она дала ему полотенце. — Хотите встать?

— Да, спасибо.

— Обопритесь на меня. Выйдем на воздух.

Сидя на поляне под яркими лучами солнца, Мэтт прижимал к лицу влажное полотенце и чувствовал, как к нему возвращаются силы. От края утеса, огороженного поручнями, доносились взволнованные голоса всякий раз, когда серебристая кабина летела вниз. Он сидел, наслаждаясь теплом и солнцем, и думал, а вправду ли ему

хочется стать космонавтом.

— Эй, Мэтт!

Он открыл глаза. Перед ним стоял Текс, бледный и без привычной самоуверенности. На груди его комбинезона виднелось пятно крови.

— А, это ты, Текс. Значит, и тебе досталось.

— Уж это точно.

— На скольких *g*?

— На семи.

— И мне на семи. Что ты обо всем этом думаешь?

— Не знаю еще… — Текс заколебался. — Жаль, что мой дядя Боди такого не пробовал. Думаю, тогда б он не стал без конца рассказывать, как однажды схватился с гризли.

К обеду за столом появилось много свободных мест. Мэтт думал о тех, кто отсеялся: что они чувствовали — разочарование или облегчение?

Он был голоден, но ел мало — Мэтт знал, что после обеда их ждет первое знакомство с ракетными полетами. А этого этапа испытаний Мэтт ждал с нетерпением. Полет в космос! Короткий, но все-таки настоящий космический полет. Мэтт старался убедить себя, что, даже если не выдержит испытаний, уже одно то, что он совершит полет в космос, стоит затраченных усилий.

Теперь он уже не был так в этом уверен — прогулка «по ухабам» изменила его точку зрения на профессию космонавта. У него появилось новое, правда довольно мрачное, уважение к ускорению, и он больше не считал тошноту в невесомости чем-то забавным; наоборот, его не покидало сомнение, сумеет ли он когда-нибудь к ней привыкнуть. Ему было хорошо известно, что некоторые так никогда с невесомостью и не свыклись.

Его группе надлежало прибыть на космодром в Санта-Барбаре в половине третьего. В запасе оставался целый час, который нечем было занять, кроме как беспокойно слоняться туда-сюда. Наконец подошло время спуститься вниз, построиться, назвать свое имя на перекличке и отправиться к космодрому по движущейся дорожке.

Кадет, руководивший их группой, вывел юношей на поверхность прямо в бетонированную траншею глубиной фута в четыре. Мэтт невольно сощурился от яркого солнечного света. Беспокойство исчезло; ему теперь не терпелось взлететь в космос. С каждой стороны траншеи, примерно в двухстах ярдах, словно гигантские свечи на именинном пироге, рядами выстроились учебные ракеты. Они стояли, опираясь на хвостовые

стабилизаторы, их острые носы были устремлены в небо.

— Если что-то пойдет не так, сразу бросайтесь на дно, — сказал кадет. — Предупредить вас об этом — моя обязанность, так что за совет не обижайтесь.

Полет длится девять минут, из них первые полторы минуты при включенных тяговых двигателях. Вам покажется, что сила тяжести около трех *g*, но на самом деле ускорение будет только два *g*, потому что мы все еще близко к Земле.

Через девяносто секунд вы достигнете скорости чуть больше мили в секунду. В течение следующих трех минут вы поднимитесь еще на сто миль, достигнув, таким образом, высоты в сто пятьдесят миль. Затем начнется падение на Землю, оно продлится еще три минуты, потом — торможение двигателем и на исходе девятой минуты — приземление.

Посадка бескрылого летательного аппарата на планету с атмосферой и с такой гравитацией, как у Земли, довольно сложна. Она будет осуществляться автоматически, но ее будет контролировать пилот, постоянно сверяющий положение с планом полета. В случае необходимости он может взять управление на себя.

Вопросы есть?

— Это корабли с атомным двигателем? — спросил кто-то.

Кадет фыркнул:

— Эти джипы? Нет, обычные химические двигатели, это видно по их конструкции. Атомарный водород. Эти корабли очень похожи на самые первые большие ракеты, исключением является только переменная тяга, так что пилоту и пассажиру не угрожает опасность быть раздавленным растущей силой тяжести, когда соотношение масс[37] упадет.

С башни управления полетами взлетела зеленая сигнальная ракета.

— Следите за северным рядом — второй корабль от конца, — посоветовал кадет.

У основания корабля внезапно вспыхнуло яркое оранжевое пламя, ослепительное, как солнце. «Пошел!» — послышался чей-то крик. Корабль величественно поднялся и на мгновение завис в воздухе, как вертолет. Грохот работающего ракетного двигателя докатился до Мэтта, ощущение

---

[37] Примечания: 37

Соотношение масс — отношение массы топлива к массе самого корабля. Кадет имеет в виду, что по мере расхода топлива ускорение корабля будет возрастать, если мощность двигателя останется неизменной. — *Примеч. С. В. Голд.*

при этом было такое, что звук на него давит физически. Шум напоминал рев гигантской паяльной лампы. На вершине контрольной башни мигнул прожектор, и корабль начал подниматься все выше и выше, плавно ускоряясь, настолько плавно, что было трудно понять, насколько велика его скорость; через несколько секунд рев двигателя затих в вышине. Мэтт смотрел теперь прямо в зенит, следя за тающим искусственным солнцем, почти таким же ослепительным, как настоящее.

Корабль исчез из виду. Мэтт закрыл разинутый рот и хотел отвернуться, но его внимание привлек белый инверсионный след, оставленный кораблем, когда тот прорезал стратосферу. Белый и странный, он извивался подобно змее, у которой перебили хребет. Сила ветров, дующих на этой огромной высоте со скоростью несколько сотен миль в час, заметно изгибала его в сторону, пока он смотрел.

— Все! — послышалась команда кадета. — У нас нет времени ждать его приземления.

Следуя за кадетом, они спустились вниз, прошли по подземному коридору и вошли в кабину лифта, который поднял их к поверхности и, не останавливаясь, продолжил подъем на выдвинувшемся вверх гидравлическом стержне.

Кабина лифта остановилась у борта космического корабля. Мэтт с изумлением увидел, насколько корабль огромен.

Дверца лифта откинулась наподобие подъемного моста и уперлась в открытый люк корабля, кандидаты прошли по ней внутрь; кадет поднял дверцу-мост и закрыл ее, потом спустился вниз в опустевшем лифте.

Они оказались в коническом помещении. Над их головой в своем кресле полулежал пилот. На полу вдоль стен корабля радиально располагались кресла для пассажиров.

— Размещайтесь в креслах! — скомандовал пилот. — И сразу пристегивайтесь ремнями.

Десять юношей, толкая друг друга, устремились к креслам, но внезапно один из них остановился и, немного помявшись, поднял голову к пилоту.

— Э-э, мистер! — произнес он.

— В чем дело? Занимайте кресло и пристегните ремни.

— Я передумал. Я не полечу.

Пилот употребил слова, которые определенно были неуместны для офицера, потом повернулся к пульту управления:

— Башня! Заберите одного пассажира из номера девятнадцать. — Он выслушал ответ и заорал:

— Нет у нас времени менять план полета. Присылайте взамен массу. — Пилот бросил одиноко стоящему юноше: — Какой у вас вес?

— Э-э, сто тридцать два фунта, сэр.

— Сто тридцать два фунта, и побыстрее! — добавил он в микрофон; повернувшись к юноше, он сказал: — А ну давайте-ка с корабля, если из-за вас мы пропустим взлет, я точно сверну вам шею!

Через несколько мгновений открылся люк, и внутрь корабля вбежали три кадета. Двое несли мешки с песком, третий держал в руках свинцовые бруски. Они быстро уложили мешки на кресло, а бруски закрепили на его ручках.

— Сто тридцать два фунта! — объявил один из кадетов.

— Шевелитесь! — огрызнулся пилот и повернулся к щиту управления.

— Не злись, Гарри, предохранители сгорят, — посоветовал кадет пилоту.

Изумленный Мэтт ушам своим не поверил, а потом догадался, что пилот — тоже кадет. Тройка вышла наружу, прихватив с собой юношу. Люк с шипением закрылся.

— Приготовиться к взлету! — скомандовал пилот и внимательно осмотрел пассажиров. — Пассажиры на местах, ремни пристегнуты,

— объявил он в микрофон. — Этот проклятый лифт уже отошел?

Наступила тишина. Шли секунды.

Корабль содрогнулся. Низкий рев, почти на пороге слышимости, запульсировал в голове Мэтта. На миг он почувствовал себя чуточку тяжелее, но скоро это ощущение пропало, а затем его сильно вдавило в кресло.

Мэтт с радостью отметил, что тройная сила тяжести уже не действует на него так сильно — может быть, потому, что он полулежал, откинувшись на спину. Полторы минуты работы двигателя тянулись очень долго; слышен был лишь рев раскаленных газов, вырывающихся из дюз корабля, и через иллюминатор над головой пилота виднелся кусочек неба.

Небо становилось все темнее. Вот оно превратилось в пурпурное и прямо на глазах почернело. Зачарованный, он смотрел, как появляются звезды.

— Приготовиться к невесомости! — донесся из громкоговорителя голос пилота. — Под головными подушками лежат санитарные пакеты. Если кто в себе сомневается, пусть приготовит их заранее. Я не собираюсь соскребать с палубы вашу блевотину.

Мэтт сунул странно потяжелевшие пальцы под подушку и достал пакет. Рев двигателя затих, а вместе с ним исчезла и сила, прижимавшая их к подушкам сидений. Пилот расстегнул ремни и повис в воздухе, глядя сверху на кандидатов.

— А теперь, парни, послушайте. У нас шесть минут невесомости. Можете отстегнуть ремни — по два человека — и подняться сюда, чтобы осмотреться. Но предупреждаю: держитесь за поручни. Если я замечу кого-нибудь, повисшего в воздухе или решившего позабавиться, тут же помечу у себя и сообщу на базу. — Он ткнул пальцем в одного из кандидатов. — Вот вы. И который рядом.

«Который рядом» оказался Мэтт. Его желудок не переставал давать знать о себе, юноша чувствовал себя ужасно, и ему совсем не хотелось воспользоваться предложенной привилегией. Но на карту была поставлена его гордость. Он стиснул зубы, проглотил слюну, которая заполнила рот, и расстегнул ремни.

Освободившись, он повис в воздухе, держась одной рукой за ремень, и попытался сориентироваться. Было как-то странно и неприятно оказаться в обстановке, где нет ни верха, ни низа; все плыло у него перед глазами.

— Поторопитесь, ребята! — послышался голос пилота. — Иначе пропадет ваша очередь!

— Поднимаюсь, сэр!

— Держитесь, я сейчас разверну корабль.

Пилот отключил гироскопы и привел в действие прецессионный маховик. Корабль повернулся вверх дюзами. К тому времени когда Мэтт успел добраться до пульта управления, двигаясь подобно старой и очень осторожной обезьяне, нос ракеты был направлен в сторону Земли.

Мэтт прильнул к иллюминатору и стал всматриваться в земную поверхность, расположенную на расстоянии ста миль от него и медленно удаляющуюся. Зеленые и коричневые цвета на ней казались очень темными по сравнению с ослепительной белизной облаков. Слева и справа виднелось иссиня-черное небо, оно было усыпано звездами.

— Прямо под нами база, — заметил пилот. — Если присмотритесь, увидите Хэйуорт-холл, вернее, его тень.

Направление, которое указывал пилот, не было для Мэтта «прямо под нами», скорее оно было просто «снаружи» — чувство ориентации у Мэтта пропало начисто. Это его беспокоило.

— А вон там — видите? — кратер, где раньше

был расположен Денвер. Теперь взгляните на юг — темная полоса, вернее, темно-коричневая, — это Техас, рядом виден Мексиканский залив.

— Сэр, а Де-Мойн отсюда можно увидеть? — спросил Мэтт.

— Трудновато. Вон там — иди глазом по Миссисипи до того места, где в нее впадает Миссури, а потом вверх по Миссури. Это темное пятно — Омаха и Каунсил-Блафс. Де-Мойн между ними и горизонтом.

Мэтт напряг зрение, стараясь найти родной город. Он не был уверен, что увидел Де-Мойн, но отчетливо различал, как искривляется поверхность Земли, перед тем как растаять за горизонтом; теперь он своими глазами *видел*, что Земля круглая.

— Достаточно, — скомандовал пилот. — Возвращайтесь в кресла. Следующая пара!

Мэтт был рад, что пристяжные ремни снова надежно удерживали его в кресле. Оставшиеся четыре минуты тянулись бесконечно; он примирился с тем, что, по-видимому, никогда не совладает с космической болезнью, которую вызывает невесомость.

Наконец пилот послал обратно последнюю пару, развернул корабль дюзами к Земле и произнес

в микрофон:

— Приготовиться к тяге — будем спускаться к Земле хвостом вперед!

Благословенная тяжесть придавила Мэтта к сиденью, и его желудок наконец объявил перемирие. Девяносто секунд торможения, казалось, длились намного дольше, чем полторы минуты, когда они ускорялись. Мэтт ощутил испуг: он знал, что Земля стремительно летит им навстречу, а он даже видеть ее не мог. Наконец Мэтт ощутил легкий толчок, и его вес неожиданно стал нормальным.

— Сели, — сказал пилот, — и вроде бы не расшиблись. Давайте, парни, отстегивайтесь.

Скоро подъехал грузовик, из которого выдвинулась телескопическая лестница, и кандидаты спустились вниз. За ними спустился пилот. На обратном пути им встретился огромный трактор, направляющийся к ракетному кораблю. Водитель высунул голову из кабины и крикнул:

— Эй, Гарри! А почему ты не сел в Канзасе?

— Скажи спасибо, что не в Канзасе, — огрызнулся пилот.

До ужина еще было долго, и Мэтт решил вернуться в траншею, из которой они следили за взлетом первого корабля. Ему хотелось уви-

деть, как садится корабль на двигателях. Мэтту приходилось наблюдать за приземлением пассажирских стратосферных ракет, планирующих к посадочной площадке на крыльях, но он еще ни разу не видел посадки на двигателях.

Едва Мэтт нашел удобное место в бетонной траншее, как послышался взволнованный крик — на посадку заходил корабль. Поначалу он казался огненным шаром, висящим высоко в небе; шар увеличивался в размерах, теперь это был не шар, а мощный огненный столб, растущий впереди корабля. Языки пламени лизнули землю, корабль застыл в воздухе, подобно балетному танцору, и плавно сел на поверхность. Посадка была совершена.

Мэтт повернулся к стоящему рядом кандидату:

— Сколько времени до следующей посадки?

— Они приземляются каждые пять минут. Оставайся на месте, и все увидишь.

Через пару минут в небо поднялась зеленая сигнальная ракета. Мэтт оглянулся по сторонам, пытаясь увидеть взлетающий корабль, как вдруг чей-то крик заставил его обернуться. В небе снова появился растущий огненный шар.

Невероятно, но огонь почему-то исчез. Мэтт застыл, не в силах сдвинуться с места. Из громко-

говорителей донеслась команда:

— Ложись! Всем лечь лицом вниз!

Прежде чем Мэтт заставил себя подчиниться команде, кто-то схватил его и швырнул на дно бетонной траншеи. Он почувствовал резкий толчок, за которым последовал оглушительный грохот. У Мэтта перехватило дыхание.

Он сел и осмотрелся. Кадет, который стоял с ним рядом, осторожно выглянул за парапет траншеи.

— Аллах милостивый, — услышал Мэтт его шепот.

— Что случилось?

— Разбился. Погибли. Все погибли. — Кадет тупо смотрел на Мэтта, словно видел его впервые. Потом резко скомандовал: — Быстро возвращайтесь к себе.

— Но… почему?

— Какая разница. И нечего тут глазеть, это тебе не цирк.

Кадет пошел по траншее, выгоняя из нее зрителей.

4

Первая поверка

Когда Мэтт вернулся к себе в комнату, там ни-

кого не было. Он вздохнул с облегчением. Сейчас ему не хотелось встречаться с Берком, да и вообще ни с кем. Он сел и задумался.

Погибли одиннадцать человек — вот так, за одно мгновение. Все счастливы, взволнованы, а потом — бац! — и даже нечего кремировать. Внезапно он представил себе, что находится в космосе, и тут же, дрожа всем телом, выбросил из головы эту мысль.

Прошел час, и Мэтт понял, что патрульная служба не для него. Он понял, что видел ее через призму детских иллюзий — «Капитан Дженкс из Космического патруля», «Юные ракетчики» и тому подобное. Что ж, эти книги были хороши — для детей, — но из него-то героя не получится, он вынужден был это признать.

Вдобавок вспомнилось про желудок: тот вряд ли когда-нибудь свыкнется с невесомостью. Даже сейчас, когда он подумал об этом, желудок болезненно вздрогнул.

К тому времени, когда в комнату, беззаботно посвистывая, вошел Берк, Мэтт успокоился; и если он не был счастлив, то, по крайней мере, не был несчастен, потому что сделал свой выбор.

Увидев Мэтта, Берк перестал насвистывать и спросил:

— Что, малыш, ты все еще с нами? А мне казалось, что прогулочка по ухабам спровадит тебя домой.

— Нет.

— Неужели тебя не тошнило при невесомости?

— Тошнило. — Мэтт старался держать себя в руках. — А тебя?

— Меня? — усмехнулся Берк. — Нет, конечно. Малыш, я же не землеройка, я…

— Меня зовут Мэтт.

— Хорошо, Мэттью. Я летал в космос еще до того, как научился ходить. Видишь ли, мой старик занимается строительством космических кораблей.

— Вот как?

— Точно. Компания «Реэкторз лимитед», он председатель правления. Послушай, а ты видел этот фейерверк на космодроме?

— Ты имеешь в виду разбившийся корабль?

— Разумеется. Неслабое шоу, правда?

Мэтт начал медленно закипать.

— Неужели ты можешь вот так спокойно стоять и говорить, — произнес он тихим голосом, — что смерть одиннадцати человек — «неслабое шоу»?

Берк смотрел на Мэтта непонимающим взглядом, затем рассмеялся:

— Извини, старина. Я прошу прощения. Но мне даже не пришло в голову, что ты не знаешь таких элементарных вещей.

— Не знаю? Что это ты имеешь в виду?

— С другой стороны, тебе об этом знать не положено. Расслабься, сынок, никто не погиб. Тебя просто обманули.

— Не понял!..

Берк сел и принялся хохотать до тех пор, пока у него из глаз не потекли слезы. Мэтт схватил его за плечо и встряхнул:

— Кончай этот балаган и объясни, что случилось!

Берк перестал смеяться, вытер слезы и посмотрел на Мэтта:

— Честное слово, Додсон, ты мне нравишься — где еще встретишь такую святую деревенскую простоту. Скажи, а в Деда Мороза ты веришь? А в то, что детей аист приносит?

— Перестань болтать!

— Неужели ты не понял, что они с тобой делают, начиная с того момента, как ты сюда приехал?

— Что со мной делают?

— Ведут психологическую войну, парень! Очнись! Разве ты не заметил, что некоторые тесты слишком легкие — я имею в виду, что на них

слишком легко обмануть экзаменаторов? А когда тебя «тащили по ухабам», неужели ты не обратил внимание на то, что вам позволили сначала посмотреть на падение, а потом уже пройти его самим. Ведь вас запросто могли оставить внутри здания до начала испытаний, чтобы не трепать всем зазря нервы.

Мэтт подумал об этом. Мысль была интересная, он понял, что она отвечала на некоторые вопросы, над которыми он напрасно ломал голову.

— Дальше.

— Ну, это же классная подстава — помогает отсеять слабаков и придурков, которые настолько тупы, что не могут не сжульничать, даже не задумываясь, что это может быть ловушка. Причем и вправду придумано все толково: офицер патрульной службы должен быть умным, быстрым и хладнокровным. Можно сберечь деньги, которые иначе были бы потрачены на второсортные кадры.

— Ты только что назвал меня тупицей, а ведь я выдержал все испытания.

— Разумеется, ты их выдержал, у тебя же кристально чистая душа. — Он снова засмеялся. — Я тоже выдержал все испытания. Но из тебя никогда не выйдет офицера патрульной службы, Мэтт.

У них есть множество способов избавляться от честных, но глупых кандидатов. Ты скоро в этом сам убедишься.

— Ну, хорошо, я дурак, допустим. Только не вздумай больше называть меня малышом. А как все это связано с катастрофой?

— Это элементарно просто. Им нужно избавиться от всего балласта еще до того, как кандидаты примут присягу. Есть парни с желудками из чугуна, на которые не влияют ухабы и все такое. Поэтому они запускают корабль с автоматическим управлением — естественно, без пилота и пассажиров, — а потом его разбивают, чтобы напугать тех, у кого нервы не из железа. Причем это куда дешевле, чем готовить одного кадета, который еще неизвестно, станет офицером или нет.

— Слушай, откуда ты все это знаешь? Ты что, имеешь доступ к закрытым сведениям?

— Ну как тебе сказать. В какой-то степени — да, имею. Это логическая необходимость — такие корабли не могут разбиться, если, конечно, их не разбивают нарочно. Я это знаю, их же мой старик строит.

— Что ж. Может быть, ты и прав. — Мэтт замолчал; доводы Берка его не устраивали, но у него не было весомых доказательств обратного.

Впрочем, в одном смысле разговор этот прошел не без пользы: решимость его окрепла. Теперь он будет бороться за право называться кадетом, и безразлично, что по этому поводу скажет его желудок; он решил продержаться в списке кандидатов столько же, сколько Жерар Берк, и как минимум на двадцать четыре часа дольше!

На их столе за ужином стояла табличка: «147, 149, 151, 153». За одним столом было достаточно места, чтобы разместить всех оставшихся кандидатов.

— Поздравляю вас, джентльмены, вы продержались, — с непривычным радушием обратился к ним кадет Саббателло. — Поскольку сегодня вечером вам предстоит принимать присягу, наша следующая встреча будет уже в другом качестве. — Он ухмыльнулся. — Так что расслабьтесь и наслаждайтесь последним ужином на свободе.

Несмотря на потерянный завтрак и легкий обед, Мэтт ел мало. Его беспокоила интерпретация смысла тестов, которую дал Жерар Берк, и то, что из нее следовало. Мэтт по-прежнему собирался принять присягу, но его не покидало неприятное ощущение, что он примет ее, по-прежнему не зная, что на самом деле представляет из себя патруль.

После ужина, повинуясь внезапному порыву, он подошел к кадету, в течение всех этих дней сидевшему во главе их стола, и обратился к нему:

— Извините меня, мистер Саббателло, можно поговорить с вами по личному вопросу, сэр?

— Что? Разумеется, идите со мной. — Он провел Мэтта к себе в комнату — она ничем не отличалась от той, в которой жил Мэтт. — Так о чем же вы хотели поговорить?

— Мистер Саббателло, я хотел спросить вас о сегодняшней катастрофе. Кто-нибудь пострадал?

— Пострадал? Погибли одиннадцать человек. По-вашему, про них можно сказать, что они «пострадали»?

— Вы уверены в этом, мистер Саббателло? Разве не могло так случиться, что корабль управлялся автоматически и внутри никого не было?

— Да, могло, но не в этом случае. Мне бы очень хотелось, чтобы все произошло так, как вы говорите; дело в том, что пилот корабля — мой друг.

— Извините, сэр. Но я должен был задать этот вопрос. Ответ на него очень для меня важен.

— Почему?

Мэтт вкратце изложил ему версию Берка, не называя автора по имени. Слушая Мэтта, Саббателло хмурился все больше и больше.

— Понятно, — кивнул он, когда Мэтт закончил рассказ. — Действительно, некоторые тесты носят скорее психологический, чем технический, характер. А что касается катастрофы — послушайте, кто вдолбил вам в голову подобную чушь?

Мэтт молчал.

— Ладно. Если не хотите, можете не выдавать источник. В конце концов, это не имеет значения. Но относительно катастрофы… — Саббателло задумался. — Я готов дать вам свое честное слово — нет, я даю честное слово, но раз вы приняли гипотезу своего товарища, вы не обратите никакого внимания на мои клятвы. — Он снова задумался. — Вы католик?

— Э-э, нет, сэр. — Мэтт был удивлен таким вопросом.

— Впрочем, это неважно. Вы знаете, кем была святая Варвара?[38]

— Говоря по правде, сэр, я не уверен. Космодром…

— Космодром… Она приняла мученическую

---

[38] Примечания: 38

Святая Варвара — христианская великомученица. Почитается верующими как защитница от внезапной и насильственной смерти. В ее честь испанцами был назван город Санта-Барбара (ныне штат Калифорния, США). Испанское название города и английское имя святой (Сайнт Барбара) практически совпадают, поэтому Мэтт полагает, что речь идет о космодроме Санта-Барбара. — *Примеч. С. В. Голд.*

смерть в третьем веке. Но дело в том, что ее считают святой покровительницей всех, чья деятельность связана со взрывчатыми веществами, включая ракетчиков. — Он замолчал. — Если вы пройдете в часовню, там вам скажут, что завтра состоится месса, во время которой будут просить святую Варвару спасти души тех, кто погиб сегодня. Думаю, вы понимаете, что ни один священник не согласится пойти на такой обман, о котором говорит ваш товарищ.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, сэр, — торжественно кивнул Мэтт. — Мне не нужно идти в часовню, я узнал все, что мне было нужно знать.

— Отлично. А теперь бегом к себе в комнату и начинайте готовиться. Вам же самому будет неловко, если вы опоздаете на собственную присягу.

Первая поверка была назначена на двадцать один час в центральном зале. Мэтт пришел одним из первых, гладко выбритый, в чистом комбинезоне. Кадет, стоящий у входа, записал его фамилию и попросил подождать в зале. Мэтт увидел, что все стулья из зала были убраны. Над сценой в дальнем конце висела эмблема Федерации — три переплетенных кольца, символизирующих Свободу, Мир и Закон. Кольца были

соединены одно с другим таким образом, что стоило удалить одно, и вся эмблема рассыпалась. Под эмблемой Федерации виднелась эмблема Космической патрульной службы — звезда, сияющая в ночи.

Текс едва не опоздал. С трудом переводя дыхание, он подошел к Мэтту и поздоровался; и буквально в то же мгновение кадет, стоящий на сцене, скомандовал в микрофон: «Внимание!»

— Всем собраться в левой части зала, — продолжил он.

Кандидаты сбились в тесную группу.

— Оставайтесь здесь до начала поверки. Когда назовут вашу фамилию, отвечайте: «Здесь!» — и переходите на противоположную сторону зала. Там на полу нанесены белые линии. Выстраивайтесь вдоль них.

Еще один кадет спустился со сцены и подошел к столпившимся кандидатам. Остановился, взял один листок бумаги из четырех, которые держал в руке, и протянул его Тексу.

— Вот вы, мистер, — сказал он. — Возьмите.

Озадаченный Джермэн взял листок и с удивлением посмотрел на кадета:

— Зачем?

— Услышав свое имя, вы ответите: «Здесь!»

Когда произнесут фамилию, написанную на этом листке, сделаете шаг вперед и скажете: «Я за него».

Текс взглянул на листок. Мэтт заметил, что там было написано: «Джон Мартин».

— А зачем это? — спросил Текс.

Кадет посмотрел на него:

— Вы и вправду не знаете?

— Нет.

Кадет раздраженно хмыкнул:

— Ну, раз это имя ни о чем вам не говорит, просто считайте, что это ваш друг, который не смог прийти на поверку. Вы отвечаете вместо него, чтобы все думали, что он здесь. Понятно?

— Да, сэр. Понятно.

Кадет пошел дальше. Текс повернулся к Мэтту:

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Нет.

— И я ничего не понимаю. Может быть, дальше станет ясно.

Кадет, стоящий на сцене, скомандовал в микрофон: «Внимание! Начальник Академии!» Из двери в задней половине зала вышли два офицера, одетых в черные, как ночь, мундиры. Тот, что помоложе, шел так, что его рукав касался локтя старшего офицера. Они вышли на середину

сцены, молодой офицер остановился. Старший офицер мгновенно последовал его примеру, после чего адъютант отошел в сторону. Начальник Академии стоял, повернувшись лицом к новому классу. Вернее, даже не к классу, а к центру зала. Шли минуты. Кто-то кашлянул, послышался шорох ботинок по полу. В следующее мгновение офицер повернул к юношам голову:

— Добрый вечер, джентльмены.

Глядя на него, Мэтт отчетливо вспомнил замечание кадета Саббателло: «Он не *слепой*, мистер Додсон!» Глаза коммодора Аркрайта выглядели как-то странно: глазницы уходили глубоко внутрь и веки были опущены, как у задумавшегося человека. И тем не менее, когда взгляд этих невидящих глаз остановился на нем, Мэтт был уверен, что коммодор не только видит его — он может заглянуть в голову и прочесть мысли.

— Я приветствую вас как новых членов нашего братства. Вы приехали сюда из разных стран, некоторые — с других планет. У вас разный цвет кожи, и вы принадлежите к разным вероисповеданиям. Несмотря на все это, вы должны стать и станете братьями.

Кое-кто из вас тоскует по дому. Прислушайтесь к моему совету: не нужно тосковать. С сегодняш-

него дня каждая из планет нашей Федерации — это ваш дом, такой же, как и все остальные. Каждое живое мыслящее существо в нашей Солнечной системе — это ваш сосед, и на вас возлагается ответственность за его благополучие.

Сейчас вы произнесете слова присяги, принять которую вы согласились добровольно, и станете членами патруля нашей Системы. Со временем вы будете офицерами патруля. Нужно, чтобы вы поняли, какую ответственность вы принимаете на себя. Вы проведете бесчисленные часы, готовясь овладеть новой профессией, приобретая навыки космонавта и профессионального военного. Вы овладеете знаниями и навыками, но не они сделают вас офицерами патрульной службы.

Коммодор сделал паузу, затем продолжал:

— Офицер, командующий кораблем патрульной службы вдали от места базирования, является последним из абсолютных правителей, потому что остановить его может только он сам. Он бывает по долгу службы в местах, где не существует иной власти. И он должен быть олицетворением закона и разумного, справедливого и милосердного правления. Более того, членам патрульной службы — как поодиночке, так и всем вместе — дано самое грозное оружие, самая страшная сила,

которая может одолеть или уничтожить любую другую известную нам силу; и вместе с этой силой на них возложена обязанность сохранять мир в нашей Системе и защищать гражданские права народов, ее населяющих. Они — это солдаты свободы.

Недостаточно быть умным, смелым, умелым; те, кому доверена эта власть, должны обладать безукоризненным чувством чести, самодисциплиной, не дающей проявиться честолюбию, тщеславию или жадности, каждый из них должен уважать права, свободу и достоинство всех существ и иметь непоколебимое стремление вершить правосудие и проявлять милосердие. Этот человек должен быть подлинным рыцарем.

Коммодор смолк, и в огромном зале воцарилась абсолютная тишина. Затем он произнес:

— Пусть те, кто готов принять присягу, построятся для переклички.

Кадет, выполнявший роль адъютанта, вышел вперед:

— Адамс!

— Э-э, здесь, сэр! — Кандидат поспешно перешел на другую сторону зала.

— Акбар!

— Здесь!

— Альварадо!

— Здесь!

— Андерсон, Питер…

— Андерсон, Джон…

— Анжелико…

Наконец, кадет произнес:

— Дэйна… Делакруа… Де Витт… Диас… Доббс…

И вслед за ними:

— Додсон!

— Здесь! — выкрикнул Мэтт.

Его голос сорвался, но никто не засмеялся. Он поспешил на другую сторону зала, встал на свое место и замер в ожидании. Перекличка продолжалась:

— Эдди… Эйзенхауэр… Эрикссон…

Юноши переходили на другую сторону зала, оставшихся было совсем мало.

— Сфорца… Стенли… Сулейман…

Наконец, кадет вызвал последнего кандидата:

— Зам!

Выкрикнув: «Здесь!», последний юноша пересек зал.

Но перекличка не закончилась.

— Далквист! — торжественно произнес кадет.

Тишина.

— Далквист! — повторил кадет. — Эзра Дал-

квист!

Мэтт почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове. Теперь он узнал это имя, но ведь Далквиста не было здесь, во всяком случае Эзры Далквиста. Мэтт был уверен в этом, он вспомнил альков в ротонде и фотографию улыбающегося молодого человека на фоне раскаленных песков Луны. Позади Мэтта послышалось какое-то движение. Юноша, стоящий за Мэттом, сделал шаг вперед и произнес:

— Я за Эзру Далквиста!

— Мартин!

На это раз замешательства не последовало. Мэтт услышал голос Текса:

— Я за Мартина!

— Ривера!

— Я за Риверу! — произнес кто-то звонким голосом.

— Уилер!

— Я за Уилера!

Кадет повернулся к начальнику Академии, отсалютовал ему и сказал:

— Поверка закончена, сэр. Все на месте. Весь набор две тысячи семьдесят пятого года присутствует на первом построении!

Человек в черном мундире отдал ответный

салют.

— Благодарю вас, сэр. Начнем присягу. — Коммодор Аркрайт шагнул к самому краю сцены, кадет следовал рядом с ним, касаясь рукавом его локтя.

— Поднимите правую руку.

Коммодор поднял правую руку вместе со всеми.

— Повторяйте за мной: по моему собственному желанию, безо всяких сомнений…

— По моему собственному желанию, безо всяких сомнений…

— Я клянусь хранить мир в Солнечной системе…

Хор юношеских голосов повторял слова присяги за коммодором.

— …защищать законные права и свободы народов, ее населяющих…

— …охранять конституцию Солнечной федерации…

— …выполнять обязанности, мне порученные…

— …и повиноваться законным приказам старших офицеров…

— Для выполнения этих обязанностей я обязуюсь хранить преданность данной мной присяге

и отказаться от всего, что противоречит ей. И в этом я торжественно клянусь именем всего, что для меня свято. Да поможет мне Бог, — закончил коммодор Аркрайт.

Мэтт повторил его слова, слыша, как сотни голосов проговаривают совсем другие слова на десятках разных языков. Коммодор повернулся к стоящему рядом кадету.

— Дайте команду разойтись, сэр, — сказал он.

— Есть, сэр! — Кадет посмотрел на ряды принявших присягу кандидатов. — После команды разойтись, — громко произнес он, — всем повернуться направо и направиться к выходу. Сохранять строй, пока не покинете зал. Разойтись!

Сразу после команды зал наполнился звуками музыки; новые кадеты направились к выходу в сопровождении марша «Долгая вахта» Космической патрульной службы. Когда последний скрылся за дверью, музыка стихла.

Коммодор подождал, пока юные кадеты не вышли из зала, и повернулся. Его адъютант, затянутый в черный мундир офицера патрульной службы, тут же появился рядом, а кадет, временно исполнявший обязанности адъютанта, быстро отошел в сторону. Коммодор Аркрайт

окликнул его:

— Одну минуту, мистер Барнс.

— Слушаю, сэр.

— Вы готовы к представлению на офицерское звание?

— Думаю, что не готов, сэр. Пока не готов.

— Вот как? Ну что ж, зайдите ко мне в один из ближайших дней.

— Есть, сэр. Спасибо.

Коммодор повернулся и быстрыми шагами направился к двери рядом со сценой. Возле него шел адъютант, касаясь его локтя рукавом.

— Ну, Джон, что вы думаете о них? — спросил коммодор.

— Прекрасные парни, сэр.

— Я тоже так думаю. Молодость, задор, юношеские надежды. Но скольких нам придется отсеять? Грустно, Джон, очень грустно. Мы берем юношу и меняем его жизнь так, что он уже не может нормально жить в обществе, а после выбрасываем его как непригодного. Ведь это жестоко!

— У нас нет другого выхода, сэр.

— Действительно, мы не можем поступать иначе. Вот если бы у нас был какой-нибудь волшебный пробный камень… Передайте на

космодром, что я хочу взлететь через тридцать минут.

— Есть, сэр.

5

В космос

У Академии патрульной службы, может, и нет зданий, увитых плющом[39], и тенистых дорожек, зато учебных помещений у нее более чем достаточно. Кадеты Академии находятся во всех уголках Системы, от кораблей, летающих на орбитах вокруг Венеры или составляющих карты выжженной поверхности Меркурия, до кораблей, патрулирующих луны Юпитера. Кадеты летят даже на кораблях, отправляющихся в многолетние экспедиции к застывшим от вечного холода краям Солнечной системы, и получают офицерское звание, как только командиры их кораблей убеждаются, что они готовы стать офицерами, не дожидаясь возвращения на Землю.

Многие думают, что Академия патрульной

---

[39] Примечания: 39

Самая характерная внешняя особенность наиболее старых и уважаемых университетов и колледжей США. Все они расположены на северо-востоке страны, в Новой Англии, и имеют неофициальное название Лига плюща.

службы — это патрульный ракетный корабль (ПРК, как называют его космонавты) «Джеймс Рэндольф», но любой кубрик, где собрались кадеты, на любом корабле патрульной службы является частицей Академии. Кадетов-новичков отправляют на «Рэндольф» сразу после принятия присяги, и они остаются на борту учебного корабля до тех пор, пока не будут готовы к несению службы на настоящем патрульном корабле в качестве кадета-стажера. Но и после этого подготовка кадета будет продолжаться; со временем его отзовут обратно в Хэйуорт-холл, откуда он начал свой путь в космос, там и завершается его обучение.

«Старик», приписанный к Хэйуорт-холлу, не обязательно находится именно там. Его могут послать в радиационную лабораторию Оксфордского университета или в Сорбонну изучать космическое право, а то и на Венеру, в Институт системного анализа. Каким бы ни был его путь — а никто из кадетов не повторяет процесс обучения друг друга, — Академия по-прежнему руководит им и несет ответственность до тех пор, пока кадет не станет офицером, если, конечно, он им вообще станет.

Срок пребывания в Академии зависит от самого

кадета. К примеру, кадет Хартстоун, юноша поразительного таланта и редких способностей, — он погиб во время первой экспедиции к Плутону, — стал офицером уже через год после прибытия зеленым кандидатом в Хэйуорт Холл. Но нередки случаи, когда на базе «Терра» оказываются кадеты, проходящие обучение пять, а то и более лет.

Кадет Мэттью Додсон восхищенно смотрел на свое отражение в зеркале ванной комнаты. Он был одет в светло-серую форму, которую обнаружил у себя в комнате после возвращения с первой поверки. Рядом лежала маленькая книжица правил и наставлений, где было вытеснено его имя. Скрепкой к ней был приколот листок бумаги со списком его новых обязанностей. Крупными печатными буквами на верху листа говорилось: «1. Ваша первая обязанность как кадета — немедленно прочитать книгу правил и наставлений. Начиная с этого момента вы несете ответственность за их выполнение».

Мэтт принялся за книжку и читал ее до самого отбоя. Его голова была переполнена массой непонятных — по крайней мере, пока — и наполовину понятных правил: «В определенном, ограниченном смысле кадет является офицером патрульной службы… вести себя с достоинством и

самообладанием, соответствующими ситуации… воздерживаться от нарушения местных обычаев, в случае если они не вступают в противоречие с законами Федерации или правилами патрульной службы… но ответственность при определении законности приказа возлагается как на лицо, его получившее, так и на лицо, отдавшее приказ… обстоятельства, которые не оговорены законами или правилами, должны истолковываться самим кадетом в свете существующих традиций патрульной службы… кадет обязан всегда быть чисто выбритым и с прической, не превышающей два дюйма в длину».

Мэтт решил, что последнее правило ему понятно.

На следующее утро он проснулся еще до сигнала, бросился в ванную, поспешно побрился, хотя в этом не было надобности, и надел новую форму. Сидела она на нем довольно сносно, но уж ему-то казалось, что сидит она идеально и выглядит — лучше не придумаешь. На самом деле форма была как форма: обычный комбинезон, без украшений, без знаков отличий, да и покрой хоть и вполне приличный, но не щегольской — это точно. Но для Мэтта его новая форма была просто вершиной совершенства.

В дверь постучал Берк:

— Ты что там, заснул? — Он просунул внутрь голову. — А-а, это ж надо, какой красавчик. А теперь как насчет слинять отсюда?

— Выхожу, выхожу.

Мэтт еще какое-то время бродил по комнате, наконец, сгорая от нетерпения, сунул книжку в карман (параграф устава 383) и отправился в столовую. Гордый и взволнованный, он вышагивал по коридору, чувствуя себя ростом с два метра. Он сел за стол. Остальные места были еще свободны — Мэтт появился первым. Один за другим стали подтягиваться кадеты. Кадет Саббателло пришел одним из последних и мрачно посмотрел на столующихся.

— Внимание! — скомандовал он. — Всем встать!

Мэтт, как и все остальные, вскочил на ноги. Саббателло опустился на стул.

— Отныне, джентльмены, извольте ждать, пока не сядут старшие. А теперь можете сесть.

Он посмотрел на кнопки перед собой, выбрал блюда и нажал несколько кнопок. Новички снова принялись за еду. Саббателло резко постучал по столу.

— Минуту внимания, джентльмены. Вам необ-

ходимо привыкнуть к правилам поведения во время еды. И чем быстрее вы это сделаете, тем лучше для вас. Мистер Додсон, перестаньте макать хлеб в молоко, вы капаете себе на комбинезон. В связи с этим, — продолжал Саббателло, — мне хотелось бы напомнить вам о поведении за столом…

Когда Мэтт вернулся к себе, восторженности в нем поубавилось.

По пути из столовой он забежал к Тексу; тот сидел на койке и листал книжку правил и наставлений.

— Привет! — поднял голову Текс. — Слушай, ты не знаешь, есть ли в этой библии правило, позволяющее мистеру Динковски запретить мне дуть на кофе?

— Значит, тебе тоже досталось. Что там у тебя?

Обычно дружелюбное лицо Джермэна искривилось в гримасе.

— Сначала я думал, что Динко — хороший парень, сговорчивый и заботится о нас. Но сегодня за завтраком он начал с того, что спросил у меня, как это я ухитряюсь носить с собой весь этот штрафной вес. — Текс глянул на свою талию, и Мэтт впервые с удивлением заметил, что в светло-серой форме кадета, обтягивающей его тело,

Текс выглядит, мягко говоря, толстовато.

— Все мы, Джермэны, плотного сложения, — начал оправдываться Текс. — Ты посмотрел бы на моего дядю Боди. Когда он…

— Да хватит тебе, — прервал его Мэтт. — Я уже наслушался рассказов про твоего дядю.

— Пожалуй, ты прав. В любом случае мне не надо было срываться.

— Это верно, — кивнул Мэтт и начал листать устав. — Вот посмотри, может быть, это тебя касается. Здесь говорится, что, если возникают сомнения, офицер, отдающий приказ, должен — по твоей просьбе — дать его в письменном виде и приложить отпечаток большого пальца или использовать другие средства для сохранения записи.

— Ну-ка, где это? — Текс выхватил книжку. — Точно, как раз мой случай — ведь я и вправду не верю, что он может мне это приказывать. Отлично! Представляешь, какое у него будет лицо, когда я ткну его в этот параграф!

— Да, это будет интересно, — согласился Мэтт. — Тебя как отправляют, Текс?

Мэтт задал этот вопрос потому, что патрульный

ракетный корабль «Симон Боливар»[40] находился на космодроме «Санта-Барбара», высадив батальон космических десантников. Но ПРК «Боливар» мог захватить на обратном пути лишь половину нового класса кадетов. Остальным предстояло отправиться гражданским рейсовым кораблем, запускаемым с катапульты пика Пайк на космическую станцию «Терра», и уже оттуда совершить полет на учебный корабль «Рэндольф».

— Транспортом, — ответил Текс. — А тебя?

— Я тоже на «Боливаре». Хотелось, конечно бы, побывать на космической станции, но лететь на патрульном корабле интереснее. Ты с собой что берешь?

Текс вытащил багаж и прикинул его на вес:

— Да, проблема. Здесь у меня фунтов пятьдесят, не меньше. Как ты думаешь, если все это как следует упаковать, сумею я уложиться в двадцать фунтов?

— Интересная теория, — согласился Мэтт. —

---

[40] Примечания: 40

Симон Боливар (1783–1830) — политический авантюрист, предводитель в борьбе южноамериканских колоний за независимость от Испании, с 1819 по 1830 г. президент Великой Колумбии — республики, созданной на территории освобожденных Венесуэлы, Новой Гранады (нынешние Колумбия и Панама) и провинции Кито (ныне Эквадор). В 1813 г. Национальный конгресс Венесуэлы официально провозгласил Боливара Освободителем.

Знаешь что, давай посмотрим на твое барахло, может, получится выжать из него тридцать фунтов штрафного веса?

Джермэн выложил на пол свои вещи.

— Так, — с ходу начал Мэтт, — вот эти фотографии тебе точно не понадобятся. — Он показал на двенадцать стереофотографий, каждая из которых была весом не меньше фунта.

— Оставить на Земле мой гарем? — спросил потрясенный Текс. — Вот эта, — он взял одну, — самая симпатичная рыженькая во всей долине Рио-Гранде. — Техасец поднял другую. — А это Смитти, без Смитти мне точно не обойтись. Она же считает меня самым лучшим парнем на свете!

— Она что, подумает по-другому, если ты не возьмешь с собой ее фотографию?

— Нет, конечно, но ведь я джентльмен. — Он задумался. — Ладно, приму компромиссное решение. Оставлю-ка я здесь свою дубинку.

— Дубинку? — спросил Мэтт, не видя нигде предмета, хотя бы отдаленно ее напоминавшего.

— Да, дубинку. Ту, которой я обычно отбиваюсь от милых крошек, когда они становятся уж очень настойчивыми.

— О! Может быть, ты и меня когда-нибудь этому

научишь? Да, дубинку, пожалуй, можно оставить, на «Рэндальфе» девиц будет не густо.

— И чего в этом хорошего?

— Не знаю, не знаю.

Мэтт еще раз осмотрел кучу вещей.

— Знаешь, что бы я тебе предложил? Возьми эту губную гармонику. Я люблю музыку. А фотографии можно переснять на микропленку. Остальное все выброси.

— Тебе легко говорить, — уныло сказал Текс.

— У меня та же самая проблема, — ответил Мэтт и пошел к себе.

Занятий сегодня у класса не было — кадетам дали время для подготовки к отлету с Земли. Мэтт разложил свои вещи. Гражданскую одежду, разумеется, он пошлет домой, а заодно отправит и телефон — все равно дальность его действия ограничена наземными релейными станциями.

Он сделал себе мысленную пометку позвонить домой, перед тем как упаковать телефон. Возможно, стоило позвонить еще в одно место. Хотя он зарекся в своей новой жизни тратить время на девушек, будет вежливо позвонить, чтобы попрощаться. Так он и сделал.

Через несколько минут он положил трубку, немного озадаченный тем, что только что пообе-

щал регулярно писать ей письма.

Мэтт позвонил домой, поговорил с родителями и младшим братом, а затем положил телефон к вещам, которые нужно было отослать домой. Он сидел, глядя на оставшиеся вещи и задумчиво почесывал затылок. В этот момент вошел Берк.

— Что, пытаешься избавиться от штрафного веса? — ухмыльнулся он.

— Придумаю что-нибудь.

— Знаешь, а ведь совсем не обязательно оставлять здесь всю эту дребедень.

— А?

— Пошли свои вещи на станцию «Терра» грузовым кораблем. Возьми в аренду шкаф для хранения и сдай их туда. А после, когда получишь увольнительную на станцию, захватишь на обратном пути все, что тебе нужно. Протащи тайком, если боишься, что начальство не пропустит.

Мэтт молчал.

— В чем дело, Галахад?[41] Шокирует мысль о контрабанде?

---

[41] Примечания: 41

Галахад — один из рыцарей Круглого стола короля Артура. По легенде, великий маг и волшебник Мерлин посетил страну Бенвик в Бретани, где королем был король Бан, а у его супруги Элейны был тогда сын — отрок Галахад. Мерлин предсказал, что Галахад станет в будущем славнейшим мужем мира. Предсказание сбылось, а имя стало нарицательным.

— Нет. Просто у меня нет шкафчика на станции «Терра».

— Ладно, если тебе жаль денег, чтобы арендовать шкафчик, пошли вещи на мой номер. Услуга за услугу.

— Нет, спасибо.

Он подумывал о том, чтобы послать вещи в почтовое отделение станции «Терра», но потом отказался от этой мысли — слишком дорого. Он принялся сортировать вещи. Мэтт решил взять фотоаппарат, а сумку с принадлежностями оставить. Пришлось расстаться и с шахматами. Наконец ему удалось сократить вес вещей, которые он хотел взять с собой, до — как он надеялся — двадцати фунтов; Мэтт уложил багаж и пошел его взвешивать.

На следующий день подъем и завтрак были перенесены на час раньше. Сразу после завтрака по Хэйуорт-холлу разнесся сигнал к общей поверке, за которой последовали звуки марша «Кораблю — взлет!»[42], заставившие многие сердца забиться учащенно. Мэтт перекинул через плечо сумку и поспешил вниз, в подземные переходы. Он протолкался через толпу взволнованных нович-

---

[42] Примечания: 42

Название песни и сборника Райслинга, героя рассказа Хайнлайна «Зеленые холмы Земли».

ков-кадетов и отыскал свое место в строю.

Поверка проводилась по отделениям, и Мэтт был временно назначен в своем отделении командиром, потому что его фамилия в списке стояла первой. Ему дали список кадетов его отделения еще до завтрака; он сунул руку в сумку, прикрепленную к поясу, и на мгновение его охватил страх — уж не забыл ли он список у себя в комнате? Но волновался Мэтт зря, в следующий момент пальцы коснулись листа бумаги.

— Додсуорт!

— Здесь.

— Данстэн!

— Здесь.

Мэтт все еще продолжал вызывать: Френкель! Френд! Фанстон! — когда старший кадет, командующий поверкой класса, потребовал от него доклада. Он поспешно закончил поверку, повернулся кругом, отсалютовал и доложил:

— Девятнадцатое отделение, поверка закончена, все на месте!

У него за спиной кто-то хихикнул, и Мэтт понял, что отдал скаутский салют, а не свободный, открытой ладонью, салют патрульной службы. Его щеки запылали.

Из динамиков послышался многократно уси-

ленный металлический голос:

— Всем палубным командам доложить о готовности!

Когда подошла их очередь, старший кадет из коридора Мэтта отрапортовал:

— Команда третьей палубы, все на месте!

Когда все рапорты были сданы, на короткое время наступила полная тишина. Впрочем, она длилась достаточно долго, чтобы у Мэтта от ожидания того, что должно было произойти, по спине пробежали мурашки. Он ждал и сомневался, но его сомнения были развеяны. Из динамиков донеслось:

— Далквист!

Чей-то голос, слышный через громкоговоритель, ответил:

— Я за него!

Затем были названы имена остальных членов знаменитой четверки, и из динамиков раздалось:

— Все на месте, сэр.

— Начать посадку на корабль.

Движущейся дорожкой они добрались до огромного подземного зала, расположенного глубоко под космодромом Санта-Барбара. Вокруг зала были двери восьми больших лифтов. Мэтт

и его отделение вошли в один из них, и лифт начал поднимать их вверх. Кадеты поднимались все выше и выше, намного выше, чем это было в тот раз, когда они входили на борт учебного ракетного корабля. Наконец лифт остановился у люка в колоссальном корпусе «Боливара».

По перекидному мостику кадеты рысцой перебежали внутрь корабля. В шлюзе стоял сержант в шикарной форме космического десанта, он был великолепен. Сержант все повторял: «Седьмая палуба! Вниз на свою палубу через люк! Поживей!» — и указывал на люк, внутри которого начинался узкий металлический трап, круто уходящий вниз.

Мэтт взял сумку в руку, чтобы не мешала пролезть в люк, и начал спускаться, стараясь двигаться как можно быстрее, чтобы следующий за ним кадет не отдавил ему пальцы. Он потерял счет палубам, но на каждой из них стоял сержант, выкрикивавший ее номер. Когда Мэтт услышал возглас: «Третья палуба!», он сошел с трапа и оказался в широком круглом помещении с низким потолком. Весь пол был устлан толстым слоем поролона, разделенного белыми линиями на секции: каждая семь футов на три и с ремнями безопасности.

Мэтт нашел свободную секцию, сел на нее и стал ждать. Наконец кадеты перестали спускаться по трапу, и помещение оказалось забито людьми. Распоряжавшийся здесь старшина скомандовал: «Всем сесть по одному на секцию!» — после чего проверил, нет ли свободных секций.

— Внимание, всем приготовиться к ускорению! — донеслось предупреждение из громкоговорителей.

Сержант велел им пристегнуться и остался стоять, пока все не выполнили его приказ. Затем он лег сам, ухватился за два поручня и доложил, что третья палуба к взлету готова.

— Всем приготовиться к взлету! — объявил громкоговоритель.

Наступило томительное ожидание.

— Поднять корабль! — прозвучало из динамика.

Мэтт почувствовал, как его спина вдавилась в толстый слой поролона.

Космическая станция «Терра» и учебный корабль «Рэндольф» находились на круговой орбите на расстоянии в двадцать две тысячи триста миль от поверхности Земли и совершали один виток вокруг планеты ровно за двадцать четыре часа — естественный период для любого небесного

тела на такой высоте.

Поскольку период обращения Земли вокруг своей оси точно соответствует этому периоду, они всегда находятся над одной стороной Земли, точнее говоря, над девяностым западным меридианом. Их орбита лежит в эклиптике — плоскости земной орбиты вокруг Солнца, а не в плоскости земного экватора. Это приводит к тому, что для наблюдателя, находящегося на поверхности Земли, они ежедневно смещаются то к северу, то к югу. Когда на Среднем Западе полдень, космическая станция «Терра» и учебный корабль «Рэндольф» находятся над Мексиканским заливом, в полночь — над южной частью Тихого океана.

Штат Колорадо движется на восток со скоростью восемьсот тридцать миль в час. Космическая станция «Терра» и «Рэндольф» тоже движутся на восток со скоростью около семи тысяч миль в час, или, если быть точным, одна целая девяносто три сотых мили в секунду. Пилоту «Боливара» было необходимо привести корабль к «Рэндольфу» с точно заданными курсом и скоростью. Для этого требовалось, чтобы он вырвал корабль из гравитационного поля нашей тяжелой планеты и направил его по эллиптической орбите,

касательной к круговой орбите «Рэндольфа», таким образом, чтобы, когда он уравняет скорость, корабли стали неподвижны по отношению друг другу, одновременно перемещаясь в пространстве со скоростью две мили в секунду. Совершить подобный маневр было куда сложнее, чем опустить на посадочную площадку вертолет, поскольку скорости двух кораблей — невыравненные — отличались на три тысячи миль в час.

Перелет «Боливара» из Колорадо к «Рэндольфу» и все остальные передвижения, связанные с путешествиями между планетами, подчиняются точным и изящным расчетам, основанным на четырех законах, впервые сформулированных праведным, хотя и рассеянным сэром Исааком Ньютоном почти четыреста лет назад, — трех законах движения и законе всемирного тяготения. Сами по себе законы просты; их применение в космическом пространстве, для того чтобы доставить вас из исходной точки туда, где вы хотите оказаться в нужное время, с нужной скоростью и заданным курсом, представляет собой процесс сложных математических вычислений.

Вес, который вдавливал Мэтта в мягкий матрас, был результатом четырехкратного увеличения силы тяжести — сейчас он весил почти шестьсот

фунтов. Он лежал, вытянувшись и тяжело дыша, пока корабль пробивал дорогу в открытый космос через толстый слой атмосферы. Тяжелый вес, прижимавший кадетов к палубе, будет действовать на них до тех пор, пока «Боливар» не достигнет скорости шесть миль в секунду, поднявшись на высоту в девятьсот миль над поверхностью Земли.

Прошло чуть больше пяти минут, и тяговые двигатели выключились.

Мэтт поднял голову. Внезапная тишина звенела в его ушах. Старшина заметил движение и рявкнул:

— Оставаться на местах, не двигаться!

Мэтт опустил голову и расслабился. Они находились в состоянии свободного падения, невесомости, хотя «Боливар» уносился от земной поверхности со скоростью больше чем двадцать тысяч миль в час. Любое тело в космическом пространстве — планета, корабль, метеор, атом — непрерывно падает. Кроме того, оно продолжает движение, которое унаследовало от своего предыдущего состояния.

Мэтт довольно остро ощущал состояние невесомости, потому что его желудок жаловался не переставая. Чтобы не рисковать, он достал из

сумки санитарный пакет и держал его наготове. Мэтта подташнивало, но он все-таки чувствовал себя не так плохо, как во время первого испытательного полета, и куда лучше, чем на тестах, когда их «тащили по ухабам». Он надеялся, что ему удастся сохранить завтрак.

Громкоговоритель пропел: «Конец ускорения. Началось четыре часа свободного падения».

Старшина сел.

— Можете отстегнуть ремни, — скомандовал он.

В считаные секунды отсек превратился в переполненный аквариум. Сотня юношей плавала, извиваясь и поворачиваясь, в самых разных позах на всем пространстве между палубой и потолком. Впрочем, две эти перегородки не казались ни палубой, ни потолком, поскольку понятия «верх» и «низ» исчезли, они превратились в стены, которые медленно и в беспорядке вращались — с точки зрения кадета, чье тело кувыркалось в воздухе.

— Эй, парни! — крикнул старшина. — Ухватитесь за что-нибудь и слушайте меня!

Мэтт оглянулся по сторонам, обнаружил, что находится под потолком, увидел рядом поручень и вцепился в него.

— Пора вам, ребятки, выучить правила дорожного движения для состояния невесомости. Вы должны научиться вовремя дергаться в сторону от того парня, который летит вам навстречу. Причем в другую, не туда, куда он. Если по пути вам встретится капитан, а вы дернетесь влево, когда нужно вправо, и врежетесь в него, ему это не понравится. Понятно?

Старшина поднял покрытый шрамами большой палец.

— Итак, правило номер один. Все землеройки — а вы и есть землеройки, и не пытайтесь меня в этом переубедить, — должны все время держаться за что-нибудь хотя бы одной рукой. Это правило действует до тех пор, пока вы не сдадите тест по акробатике в невесомости. Правило номер два: пропускать всех офицеров, не дожидаясь, когда они крикнут: «С дороги!» Кроме того, вы обязаны пропускать всех, у кого заняты руки, кто несет вахту или выполняет другие служебные обязанности.

Если вы двигаетесь в сторону кормы, расходитесь со встречными, придерживаясь внутренней — по отношению к оси корабля — стороны коридоров, а если к носу — наоборот. Когда вы перемещаетесь по часовой стрелке, если смотреть

от носа корабля, то обходите встречного, держась внешней стороны коридора, а если двигаетесь против часовой стрелки — то, соответственно, держась внутренней. Независимо от того, в каком направлении вы двигаетесь, обгоняйте человека вдоль внутренней по отношению к нему стороны. Все понятно?

Мэтт подумал и решил, что понятно, хотя и сомневался, что сразу запомнит все эти инструктажные хитрости. Но ему пришло в голову, что существует еще одна возможность, которую не упомянул старшина.

— Послушайте, старшина, — спросил он, глядя на него невинным взглядом, — предположим, я двигаюсь прямо от центра корабля или к центру, как поступить тогда?

Старшина посмотрел на него с отвращением, отчего его лицо приобрело странный вид — для Мэтта, потому что с его точки зрения старшина висел вниз головой.

— Тогда с вами произойдет то же, что случается с теми, кто переходит дорогу в неположенном месте. Итак, вы двигаетесь наперерез потоку движения: старайтесь ни с кем не сталкиваться. Это ваша задача. Еще вопросы?

Вопросов не было. Сержант продолжал:

— Теперь можете отправляться и осмотреть корабль, только постарайтесь вести себя прилично и ни на кого не налетать, чтобы не опозорить нашу третью палубу.

На третьей палубе иллюминаторов не было, но «Боливар» был космическим кораблем, рассчитанным на длительные перелеты, у него имелись комнаты отдыха с обзорными иллюминаторами. Мэтт направился к носу корабля, надеясь взглянуть на быстро удаляющуюся Землю.

Он твердо запомнил, что нужно двигаться вдоль внешней стены коридора, но некоторые пассажиры, судя по всему, не получили соответствующих инструкций или не поняли их смысл. Возле каждого люка был затор, там толпились кадеты, пытающиеся выбраться со своей палубы, чтобы полюбоваться другой — все равно какой, лишь бы не своей.

Как выяснилось, шестая палуба служила комнатой отдыха. Здесь находились корабельная библиотека — сейчас она была заперта, а также оборудование для игр, которое тоже было на замке. Зато здесь было шесть огромных иллюминаторов.

При взлете в комнате отдыха также располагались пассажиры. Теперь, в состоянии невесо-

мости, сюда постепенно перебрались кадеты с остальных палуб. Подобно Мэтту, они надеялись выглянуть наружу. Но пассажиры шестой палубы вовсе не собирались ее покидать.

Комната отдыха была переполнена.

Она была набита кадетами до отказа, как корзинка с котятами. Мэтт отпихнул рукой чей-то ботинок, норовивший влезть ему в левый глаз, и попытался протиснуться к одному из иллюминаторов. Усиленно работая коленями и локтями и нисколько не обращая внимания на правила расхождения при встрече, Мэтт сумел добраться до второго или третьего слоя кадетов, уставившихся в иллюминатор. Он положил руку на плечо кадета впереди себя и постарался отодвинуть его в сторону. Возмущенный, тот обернулся.

— Эй, ты чего толкаешься! А, Мэтт, это ты. Привет!

— Привет, Текс. Как дела?

— Вроде в порядке. Жаль, что ты так поздно пришел. Мы только что пролетали мимо телевизионного ретранслятора, было рукой подать. Ох, парень, вот это поездочка!

— Что, правда? И как это было?

— Ну, я особо ничего не разглядел, до него было миль десять. И на нашей скорости это было так:

вот он есть — и вот его нет.

— А Землю видно? — поинтересовался Мэтт, продвигаясь поближе к иллюминатору.

— Конечно.

Текс отодвинулся, и Мэтт занял его место. Край иллюминатора пришелся на середину Восточной Атлантики. Мэтт видел дугу, простирающуюся от Северного полюса до экватора. Над Атлантикой царил полдень. За ней, ярко освещенные полуденным солнцем, виднелись Британские острова, Испания и медно-красные просторы Сахары. Коричневые и зеленые цвета суши резко выделялись на фоне темно-пурпурного океана. Еще резче выделялись ослепительно-белые облака. Взгляд Мэтта переместился к выпуклой дуге горизонта. Там все детали как-то стушевывались, казались слегка расплывчатыми и создавали поразительный эффект глубины, трехмерной выпуклости — планета действительно была круглой!

И не только круглой, но и зеленой и такой прекрасной! Мэтт поймал вдруг себя на том, что у него перехватило дыхание. Чувство тошноты бесследно исчезло.

Кто-то потянул его за ногу:

— Эй, послушай, ты что, весь день здесь торчать собрался? Дай и другим посмотреть.

С неохотой Мэтт уступил место. Он повернулся, оттолкнулся от иллюминатора, выплыл на середину отсека и потерял при этом ориентировку. В беспорядочной толпе тел Текса нигде не было видно. Тут он почувствовал, что кто-то схватил его за лодыжку.

— Я здесь, Мэтт. Давай-ка двинем отсюда.

— Давай.

Они сумели доплыть до люка и переместились на следующую палубу. Здесь иллюминаторов не было, поэтому она казалась почти пустой. Чтобы не мешать движению, Мэтт с Тексом продвинулись в центр помещения и ухватились за поручни.

— Ну вот мы и в космосе, — сказал Мэтт. — Как тебе здесь?

— Как рыбе в аквариуме. И знаешь, оттого, что все время пытаешься определить, где верх, по-моему, очень скоро здесь заработаешь косоглазие. Желудок у тебя как? Не тошнит?

— Нет. — Мэтт осторожно сглотнул слюну. — Давай лучше про это не будем. Где тебя вчера носило? Я заходил к тебе пару раз, но твой сосед сказал, что не видел тебя после ужина.

— А, ты об этом… — На лице Текса появилось что-то вроде обиды. — Я был у мистера Динков-

ски. Между прочим, Мэтт, ты меня подставил!

— Когда?

— Помнишь, ты посоветовал мне обратиться к мистеру Динковски, чтобы он дал свое распоряжение относительно кофе в письменном виде, раз уж я сомневаюсь в его правоте. Ох, парень, вот я вляпался из-за тебя!

— Минуточку, Текс, я ничего тебе не советовал; просто сказал, что устав позволяет тебе требовать это.

— Нет, ты меня явно подстрекал.

— Да ничего подобного! Мой интерес был чисто теоретическим. Ты мог поступать, как считал нужным.

— Ну ладно, замяли.

— Так что там у тебя было?

— Вчера за ужином я заказал на десерт пирог. Ну, взял его в руку — я всегда так делал, с того самого момента, как подрос и мама устала меня шлепать по рукам, — и стал есть. В общем, стал я есть — откусываю куски побольше, засовываю их в рот и ем. Счастливый был, как щенок на клумбе. А Динко приказал мне прекратить это безобразие и есть пирог вилкой.

— Ну и ну. И что было дальше?

— Я сказал: «Изложите это письменно, пожа-

луйста, сэр», — очень вежливо, как проповедник.

— И он, конечно, после этого от тебя отстал?

— Черта с два! Он мне спокойно так отвечает: «Как вам угодно, мистер Джермэн», достает записную книжку, пишет, что предложил мне есть пирог вилкой, ставит отпечаток большого пальца, вырывает страницу и дает мне.

— И после этого ты стал есть пирог вилкой. Верно?

— А что мне оставалось. Но это только начало истории. Динко тут же пишет второе распоряжение, передает мне и просит прочитать вслух. Я и прочитал.

— А в нем что?

— Сейчас… Где-то оно было в кармане. — Текс достал из сумки листок. — Вот читай.

— «Кадету Джермэну, — прочел Мэтт, — немедленно после ужина явиться к вахтенному офицеру, захватив с собой первое письменное распоряжение, которое я ему передал. Объяснить вахтенному офицеру обстоятельства, которые привели к появлению этого распоряжения, и узнать у офицера, насколько законны распоряжения такого рода. Подпись: С. Динковски, кадет Академии, завершивший курс обучения».

— Да! — присвистнул Мэтт. — А что дальше?

— Кончил я есть пирог — само собой вилкой, раз уж Динко мне так приказал, но, сам понимаешь, аппетита у меня уже не было никакого. Между прочим, Динко при этом был ну сама вежливость. Говорит, а сам улыбается: «Вы уж не обижайтесь на меня, мистер Джермэн. Сами знаете, устав есть устав». И потом спрашивает, а кто это, мол, подал мне такую мысль — потребовать от него письменное распоряжение.

Мэтт покраснел:

— Ты сказал, что это был я?

— Ты что, за дурака меня принимаешь? Я просто ответил, что какой-то кадет, кто — не помню, подсказал мне, что есть такой параграф девятьсот семь.

— Спасибо, Текс, выручил, — облегченно вздохнул Мэтт. — Ты настоящий друг.

— О чем ты говоришь! Но он попросил меня передать тебе одну фразу.

– *Мне?*

— «Не надо».

— Что «не надо»?

— Не знаю. Просто фраза такая: «не надо», просил тебе передать. И еще сказал, что кадеты, чересчур увлекающиеся космической юриспруденцией, часто кончают тем, что их вышибают

из патрульной службы.

— А-а… — Мэтт задумался. — Ну а что было потом? Когда ты явился к вахтенному офицеру?

— Я доложился в дежурную часть, вахтенный курсант разрешил мне войти. Я, как примерный мальчик, отдал салют, назвал имя и показал оба приказа… — Текс замолчал и уставился куда-то вдаль.

— Ну? Да продолжай ты, не томи, бога ради.

— Что ну? Ну и надрал он мне уши, самым научным способом. Даже у дяди Боди не получилось бы лучше, а уж он-то это делать умел. — Текс снова замолчал, делая вид, будто воспоминание о происшедшем причиняет ему невыносимую боль. — После этого вахтенный успокоился и объяснил мне, причем слова подбирал какие попроще, чтоб они были подоходчивей для меня, кретина. Мол, параграф девятьсот семь касается исключительно нештатных ситуаций и что кадеты-новички обязаны подчиняться старшим кадетам при любых обстоятельствах и по всем вопросам, если только устав этого не запрещает.

— Вот оно что! Но послушай, получается, что мы обязаны выполнить все их распоряжения практически по любому поводу. Это что же, значит, старший кадет может мне приказать, как

делать пробор в моей прическе?

— Совершенно точно: ты произнес именно те слова, которые выбрал для примера лейтенант фон Риттер. Старший кадет не имеет права приказать тебе нарушить устав, он не может приказать ударить капитана и не может приказать тебе покорно стоять, чтобы ему было удобно выдать тебе по роже. Но его права только этим и ограничиваются. Правда, лейтенант пояснил, что старший кадет обязан руководствоваться здравым смыслом и благоразумием и что правила поведения за столом относятся как раз к этой категории. А под конец он приказал мне явиться к Динко и все ему доложить.

— Вот уж, наверное, Динко порадовался.

— Да ни капельки. — Текс наморщил лоб и посмотрел на Мэтта озадаченным взглядом. — Знаешь, что странно. Динко смотрел на это дело, будто преподал мне урок геометрии. Он сказал, что теперь, когда я убедился, что все делалось по закону, он хочет мне объяснить, почему решил научить меня правильно есть пирог. Он сказал даже, что понимает, будто я могу рассматривать этот приказ как неуместное вмешательство в мою личную жизнь. Я ответил, что, похоже, никакой личной жизни у меня больше нет. А Динко на

это мне говорит, мол, ничего подобного, личная жизнь у меня есть, просто какое-то время она будет микроскопической.

Потом он объяснил мне, в чем тут дело. Офицер патрульной службы, по его словам, должен уметь общаться с представителями самых разных слоев общества; если хозяйка дома, куда пригласили офицера, ест с ножа, тогда и офицер должен поступать так же.

— Ну, это понятно.

— Потом он сказал, что кандидаты приезжают в Хэйуорт-холл отовсюду. Некоторые из них воспитаны в семьях и обществах, где хорошие манеры требуют, чтобы все ели из одного блюда пальцами… как это принято у мусульман. Но существуют общие правила, которые считаются нормальными среди высших слоев общества.

— Чушь, — сказал Мэтт. — Я видел губернатора Айовы с хот-догом в одной руке и куском пирога в другой.

— Наверняка это был не официальный банкет, — отмахнулся Текс. — Нет, Мэтт, мне кажется, Динко прав. Он сказал, что сам по себе пирог не важен, но это пример действия общего принципа, например: нельзя говорить о смерти на Марсе или упоминать про нее в разговоре с марсиа-

нином.

— Правда? — удивился Мэтт.

— По крайней мере, так говорит Динко. Он еще сказал, что со временем я научусь, как он выразился, «есть пирог вилкой» при самых разных обстоятельствах и на любой планете. Вот и все, на этом наш разговор закончился.

— Значит, весь вечер он читал тебе мораль?

— Ну не весь, минут десять.

— Почему тогда я не мог тебя найти? Я зашел в твою комнату перед самым отбоем, а тебя все еще не было.

— Я сидел в комнате у Динко.

— Да чем ты там занимался?

— Видишь ли, — Текс выглядел смущенным, — я писал… Я писал фразу «Я всегда буду есть пирог вилкой» две тысячи раз.

Текс и Мэтт решили осмотреть весь корабль и действительно побывали на всех палубах, открытых для посещения. Но машинное отделение было заперто, а в коридор, ведущий к рубке управления, их не пустил часовой. Они попытались снова заглянуть в иллюминаторы комнаты отдыха, но обнаружили, что теперь там был установлен порядок: у входа на палубу стоял старшина корабельной полиции и требовал от

каждого входящего кадета подтверждения, что он здесь еще не был, и только после этого разрешал войти.

Что касается пассажирских палуб, юноши быстро поняли, что одна ничем не отличается от другой. На некоторое время заинтересовались работой бортовых санузлов — с их необычной и хитроумной конструкцией, необходимой для нормального функционирования в космосе, они были незнакомы. Но четыре часа — слишком большой срок, чтобы потратить его целиком на осмотр душевых и сантехники; через некоторое время друзья отыскали спокойное место, где и обосновались, впервые испытав самую характерную черту космических полетов — монотонность.

Наконец из корабельных динамиков донеслось:

— Приготовиться к ускорению! Десятиминутная готовность.

Снова пристегнувшись на своих местах, юноши почувствовали короткие рывки двигателей, разделенные довольно значительными промежутками времени, затем последовало долгое ожидание и, наконец, едва заметный толчок.

— Зацепили причальным тросом, — пояснил

старшина. — Будут подтягивать к себе. Теперь уже недолго ждать.

Еще через десять минут последовала громкая команда:

— Высадить пассажиров! Попалубно!

— Отстегнуться! — скомандовал старшина и встал у люка.

Переход пассажиров с одного корабля на другой — процесс долгий, потому что соединялись корабли всего одним шлюзом. Отделение Мэтта дождалось, когда опустеют четыре палубы над ними, и лишь после этого кадеты поднялись по трапу на седьмую палубу. Там был открыт люк, но за ним вместо пустоты виднелась гофрированная труба шести футов в диаметре. Посередине трубы был протянут трос. Вдоль троса, быстро перебирая руками, двигались кадеты: сейчас, в невесомости, они сильно смахивали на обезьян.

Когда пришла его очередь, Мэтт схватился за трос и подтянулся. В пятидесяти футах за воздушным шлюзом гофрированная труба внезапно открывалась в другой отсек, и Мэтт оказался внутри своего нового дома, ПРК «Рэндольф».

6 «Чтение, письмо и арифметика...»

Патрульный ракетный корабль «Рэндольф» в свое время был мощным и современным космическим крейсером. Его длина составляла девятьсот футов, а диаметр двести — не очень много, но и не мало. Но теперь, в качестве учебного корабля, он имел массу достаточно скромную — примерно шестьдесят тысяч тонн.

«Рэндольф» висел в космическом пространстве на расстоянии десяти миль от станции «Терра» и двигался по той же орбите. Предоставленный самому себе, «Рэндольф» начал бы медленно двигаться по орбите вокруг космической станции, масса которой была в десять раз больше, но в целях безопасности кораблей, то и дело подлетающих к станции и покидающих ее, учебному кораблю лучше было оставаться неподвижным относительно «Терры».

Осуществить это было несложно. Масса Земли составляет шесть миллиардов триллионов тонн; масса космической станции «Терра» — одна стомиллионная одной миллиардной части массы Земли — всего шестьсот тысяч тонн. На расстоянии в десять миль от нее вес учебного корабля «Рэндольф» равняется приблизительно одной

тридцатой унции, что соответствует на Земле весу масла на половине бутерброда.

Попав на корабль, Мэтт оказался в большом, ярко освещенном отсеке странной формы — чем-то вроде куска круглого торта. Кадеты с черными повязками на рукавах подгоняли стайки новичков к выходу. Один из старших кадетов направился к Мэтту с непринужденной грацией человека, чувствующего себя в невесомости как рыба в воде.

— Девятнадцатое отделение? Кто из вас командир?

— Я, сэр, — поднял руку Мэтт. — Я командир отделения.

Старший кадет остановился, взявшись рукой за трос, от которого Мэтт так и не отцепился.

— Я освобождаю вас от исполнения обязанностей командира, сэр, — сказал он. — Но пока держитесь ко мне поближе и помогите собрать этих йеху[43]. Надеюсь, вы знаете всех в лицо?

— Думаю, что да, сэр, — ответил Мэтт не очень уверенно.

---

[43] Примечания: 43

Йеху — слово изобретено британским писателем, общественным деятелем, деканом собора Святого Патрика в Дублине (Ирландия) Джонатаном Свифтом (1667–1745). Так назывались омерзительные на вид и чрезвычайно тупые существа, с которыми столкнулся Лемюэль Гулливер, сначала хирург, а потом капитан нескольких кораблей, попав в страну разумных лошадей-гуигнгнмов.

— А должны бы, времени у вас было достаточно.

Мэтт даже позавидовал новому командиру отделения кадету Лопесу, когда увидел, что тот уже через несколько минут знал наизусть весь список, тогда как Мэтту приходилось то и дело заглядывать в лист бумаги, который он держал в руке. До Мэтта еще окончательно не дошло, как важны в их деле порядок и тщательная подготовка; его поразили легкость и непринужденность в поведении Лопеса. Пока Мэтт показывал на членов отделения, Лопес нырял в середину отсека и вылавливал, подобно коршуну, заблудившихся новичков. Скоро девятнадцатое отделение было собрано у одного из выходов, где они повисли, держась за поручни, как стая летучих мышей.

— Следуйте за мной, — скомандовал Лопес, — и не отставайте. Никаких свободных маневров. Додсон, вы будете замыкающим.

— Есть, сэр.

Они двигались по нескончаемым коридорам, держась руками за натянутый трос, оставляя позади отсек за отсеком, за люком люк, огибая бесчисленные углы. Мэтт чувствовал, что совсем заблудился. Наконец кадет, двигавшийся перед ним, остановился. Мэтт продвинулся вперед

и увидел, что отделение собралось в каком-то отсеке.

— Кушать подано, — объявил Лопес. — Это ваша кают-компания. Обед через несколько минут.

За спиной Лопеса к стене были прикреплены столы и скамейки. Крышки столов глядели на Мэтта со всех сторон — они были над ним, под ним, напротив него, где угодно. Конструкция столовой казалась странной и не очень практичной.

— Что-то есть не особо хочется, — еле слышно сказал один из кадетов.

— Вы должны поесть, — рассудительно сказал Лопес. — Сколько прошло после вашего завтрака? Больше пяти часов? Мы живем по тому же времени, что и Хэйуорт-холл, восьмой временной пояс по «Терре». Почему вы не голодны?

— Уж не знаю, сэр. Как подумаю про еду — сразу аппетит пропадает.

Лопес ухмыльнулся, и лицо его сразу стало таким же юным, как и у его подопечных.

— Ребята, я просто пошутил. Как только мы отделимся от «Боливара», главный механик мигом нас раскрутит. Тогда вы сможете приземлить свои мягкие задницы за столы и спокойно потешить свои нежные животики. У вас сразу

появится аппетит. А пока отдыхайте.

В отсеке появилось еще два отделения. Пока кадеты, повиснув в воздухе, ждали, Мэтт спросил Лопеса:

— А какая скорость вращения, сэр?

— У наружной обшивки корабля сила тяжести будет равна земной. Для этого потребуется два часа, может, чуть больше; но не беспокойтесь, мы примемся за обед, как только сила тяжести позволит землеройкам, то есть вам, проглотить свой суп и не подавиться.

— С какой все-таки скоростью будет вращаться корабль?

— Вы арифметику знаете?

— Да, сэр.

— Так вот. «Рэндольф» имеет диаметр в двести футов и будет вращаться вокруг главной продольной оси. Квадрат скорости на внешней обшивке корабля, деленный на его радиус, — сколько оборотов в минуту?

На лице Мэтта появилось отсутствующее выражение.

— Ну же, мистер Додсон, представьте, что вы падаете на поверхность и вот-вот разобьетесь. Каков ваш ответ?

— Э-э… Боюсь, что в уме это у меня не полу-

чится, сэр.

Лопес оглянулся вокруг:

— Ладно, кто знает ответ?

Никто не произнес ни слова.

Лопес печально покачал головой:

— А вы, ребятки, еще надеетесь справиться с астронавигацией. Шли бы вы уж в какой-нибудь колледж, где учат коровам хвосты крутить. Ну, ладно — скорость вращения корабля составит примерно пять и четыре десятых оборота в минуту. В результате получается сила тяжести, равная земной, — специально для женщин и маленьких детей. После этого скорость вращения будет постепенно уменьшаться, день за днем, и через месяц мы будем снова в состоянии невесомости. У вас будет время привыкнуть, или как получится.

— Но для этого потребуется огромная мощность! — воскликнул кто-то.

— Вы что, шутите? — удивился Лопес. — Это делается электрическим торможением маховиков главной оси. На валу установлены электрические обмотки, главный механик включает систему в режиме генератора, и взаимодействие между маховиком и массой корабля приводит «Рэндольф» во вращение. При этом вырабатывается электричество, которое накапливается в аккумуляторах.

А когда нужно замедлить или прекратить вращение, вы запускаете это электричество в обмотки, и система начинает работать в режиме двигателя. Возвращаетесь к тому, с чего начали. Все практически даром, если не считать небольших потерь. Усекли?

— Так точно, сэр.

— Зайдете в корабельную библиотеку, сделаете чертеж электрической схемы и покажете мне после ужина.

Кадет ничего не ответил.

— В чем дело, мистер? — резко спросил Лопес. — Вы что, не слышали?

— Да, сэр. Так точно, сэр.

— Вот это другое дело.

Кадеты очень медленно подплыли к боковой переборке, стукнулись об нее и так же медленно стали соскальзывать к наружной, к которой были прикреплены столы и скамейки. К тому времени, когда они достигли переборки, скорость вращения корабля была уже достаточной, чтобы начала ощущаться сила тяжести. Кадеты встали на палубу, столы и скамейки оказались в привычном положении рядом с ними, а люк, через который они попали в отсек, превратился в дыру в потолке.

Мэтт заметил, что головокружения как не бывало — он ощущал всего лишь растущую силу тяжести. Ему все еще казалось, что он легонький — как пушинка, но и этого веса было достаточно, чтобы он сел за стол и удержался при этом на скамейке; шли минуты, и с каждой из них Мэтт чувствовал, что становится тяжелее.

Он оглядел стол, надеясь увидеть кнопки, с помощью которых можно выбирать блюда. Но кроме зажимов и углублений — от невесомости, подумал Мэтт, — на столе больше ничего не было.

Лопес постучал по столу:

— Вы не в санатории, джентльмены. Рассчитаться вокруг стола! — Он подождал, пока кадеты закончат расчет, и продолжил: — Запомните свои номера и порядок, в котором сидите. Первый и второй номера сегодня подносят калории. А после — все остальные по очереди.

— А еду где получать, сэр?

— Откройте глаза! Вон там.

«Вон там» находилась дверца, за которой проплывала лента конвейера. Кадеты с других столов уже собрались возле нее. Двое из девятнадцатого отделения, которым было суждено сегодня играть роль официантов, отправились к дверце и

скоро вернулись с большим подносом, на котором стояло двадцать порций, все разложены по специальным емкостям, от которых подымался горячий пар. К каждой порции были прикреплены ложка, вилка и нож, а также соломинки для питья.

Мэтт обнаружил, что твердая пища спрятана под крышками, которые захлопываются, если их не придерживать. Жидкая пища содержалась в закрытых контейнерах, снабженных клапанами, в которые при желании можно было просунуть соломинки для питья. Ему еще ни разу не приходилось видеть столовые приборы, приспособленные для невесомости. Они буквально восхитили его, хотя, пока «Рэндольф» вращается, вполне можно было бы обойтись обычными земными приборами.

Обед состоял из бутербродов с горячим ростбифом плюс картошка, зеленого салата, лаймового щербета и чая. Во время обеда Лопес непрерывно бомбардировал своих подопечных вопросами, но Мэтт в сектор обстрела не попал. Через двадцать минут металлический поднос перед ним был отполирован до блеска, словно вышел из стерилизатора. Он откинулся на спинку стула в полной уверенности, что патруль — шарага что надо, а

жить на «Рэндольфе» — это самое то.

Перед тем как отпустить своих подчиненных, Лопес объяснил, что им на сегодня предстоит. Мэтта разместили в каюте А-5197. Все жилые помещения находились на палубе «А», примыкающей вплотную к наружной оболочке корабля. Лопес даже снизошел до того, что рассказал кадетам про систему нумерации помещений на «Рэндольфе», после чего отпустил их на все четыре стороны. Вел он себя, словом, так, что глядя на него и не скажешь, что еще год назад, сразу после прибытия на корабль, он блуждал по нему весь день.

Мэтт, разумеется, сразу же заблудился.

Выйдя из столовой, он попытался пройти через внутренние отсеки корабля, послушавшись совета космического десантника, который встретился ему по пути. Оказавшись рядом с продольной осью корабля, где господствовала невесомость, он полностью потерял ориентировку. Выбравшись из внутренних отсеков, Мэтт направился к наружной обшивке корабля, руководствуясь возрастающей силой тяжести. Наконец он добрался до палубы, где действовало одно *g* и дальше идти было некуда, остановил первого попавшегося кадета с черной повязкой на рукаве и сдался ему на

милость. Через несколько минут Мэтт оказался в пятом коридоре и отыскал свою комнату.

Текс был уже там.

— Привет, Мэтт. Как тебе нравится наша небесная хибара?

Мэтт положил на палубу свою сумку.

— Неплохо, но в следующий раз, когда мне надо будет куда-нибудь выйти, я привяжу конец шнурка к койке. А иллюминатор здесь есть?

— Вряд ли. А чего ты хотел? Может, тебе еще и балкон в придачу?

— Не знаю. Я вроде как надеялся, что мы сможем глядеть наружу и видеть Землю. — Он принялся ходить по маленькой каюте, заглядывая во все углы и открывая дверцы. — Где тут то самое место?

— Начинай разматывать шнур. Оно в конце коридора.

— Да, здесь не пороскошествуешь. Ну что ж, справимся как-нибудь. — Мэтт продолжил осмотр.

Каюта представляла собой общую комнату размером пятнадцать на пятнадцать футов. В двух противоположных стенках было по две дверцы, ведущих в еще более крохотные помещения.

— Послушай, Текс, — сказал Мэтт, заглянув во все комнатушки, — наша каюта рассчитана на

четырех человек.

— Молодец! Возьми с полки пирожок.

— Интересно, кто еще будет с нами жить?

— Мне тоже. — Текс показал на лист бумаги с напечатанными правилами. — Здесь сказано, что кадеты могут — по взаимной договоренности — поменяться каютами до завтрашнего ужина. У тебя есть предложения, Мэтт?

— Нет, не знаю. Я вообще никого не знаю, кроме тебя. Да какая разница, кто будет с нами жить, только бы не храпел. И не был Берком.

Стук в дверь прервал их разговор. Текс крикнул:

— Входите! — И в каюту просунулась белокурая голова Оскара Йенсена.

— Чем-нибудь занимаетесь?

— Нет, заходи.

— Ребята, у нас проблема. Нас — Пита и меня — поселили точно в такой же каюте на четверых, и наши соседи просят нас уступить место двум их приятелям. К вам уже кого-нибудь подселили?

Текс посмотрел на Мэтта, тот кивнул.

— Можешь поцеловать меня, Оскар, — Текс повернулся к Йенсену, — ведь мы считай что поженились.

Еще через час вся четверка удобно размести-

лась в своей новой каюте. Пит был в отличном настроении.

— «Рэндольф» — это как раз то, что мне доктор прописал, — заявил он. — Думаю, мне здесь понравится. Всякий раз, когда у меня начинают болеть ноги, я перехожу на палубу «G», и мне начинает казаться, что я у себя дома. Там у меня снова мой нормальный вес!

— Да, ты прав, — согласился Текс. — Вот только если бы в Академии было еще и смешанное обучение…

— Нет, это не для меня, — покачал головой Оскар. — Терпеть не могу баб.

Текс сочувственно пощелкал языком:

— Бедный мальчик! А вот возьми, к примеру, моего дядю Боди. Он тоже считал себя женоненавистником, пока однажды…

Мэтт так и не узнал, как преодолел свой недостаток дядюшка Боди. Из динамика, установленного в центральном помещении каюты, донеслось, что его вызывают на доклад начальству в отсек B-121. Он прибыл туда, сделав всего пару ошибочных поворотов, как раз в тот момент, когда из двери выходил другой новичок-кадет.

— Для чего нас сюда? — спросил его Мэтт.

— Входи, — ответил кадет. — Общее знаком-

ство.

Мэтт вошел и увидел сидящего за столом офицера.

— Кадет Додсон, сэр, — доложил Мэтт. — Прибыл по вашему приказанию.

— Садитесь, — улыбнулся офицер. — Я лейтенант Вонг. Назначен вашим наставником.

— Моим наставником, сэр?

— Наставником, надзирателем, называйте это как угодно. Мне поручено наблюдать за тем, чтобы вы, Додсон, и еще с дюжину таких же, как вы, учили то, что вам нужно учить. Представьте себе, что я стою у вас за спиной с кнутом из бычьей кожи.

Он усмехнулся. Мэтт усмехнулся в ответ. Ему начал нравиться мистер Вонг.

Вонг взял со стола папку:

— Это ваше досье. Давайте разработаем курс обучения. Я уже знаю, что вы умеете печатать на машинке, владеете логарифмической линейкой и дифференциальным калькулятором, знаете стенографию. Это хорошо. Какие языки, кроме английского, вам знакомы? Между прочим, можете не говорить на бейсике, я довольно прилично владею североамериканским английским. Как давно вы говорите на бейсике?

— Э-э, видите ли, сэр, я не знаю инопланетных языков. Бейсик преподавали нам в средней школе, но я *не думаю* на нем, хотя и говорю. Мне приходится подбирать слова.

— Я назначу вам курсы венерианского, марсианского и венерианского торгового диалекта. Ваш диктограф… Вы уже осмотрели оборудование в своей комнате?

— Нет, взглянул только. Там стоял письменный стол с проектором.

— В верхнем правом ящике стола найдете кассету с инструкциями. Прослушайте ее, когда вернетесь в каюту. Диктограф вмонтирован прямо в стол, модель отличная. Он может записывать и транскрибировать не только словарь бейсика, но и специальную техническую терминологию патруля. Если будете придерживаться его словарного запаса, сможете даже писать любовные письма…

Мэтт бросил быстрый взгляд на Вонга — лицо офицера хранило бесстрастное выражение. Мэтт решил попридержать смех.

— …Одним словом, время, которое вы потратите, пока практикуетесь в бейсике, зря не пропадет, это пригодится даже для светских бесед. Правда, если вы назовете слово, которого нет у аппарата в

словаре, он начнет жалобно пищать, пока вы ему не поможете. Теперь относительно математики: вижу, вы не знакомы с тензорным исчислением.

— Совершенно верно, сэр. В школе мы его не проходили.

Вонг печально покачал головой:

— Иногда мне кажется, что нынешнее образование только на то и рассчитано, чтобы отбить у человека всякое желание учиться. Если бы кадеты приходили к нам, уже овладев всеми теми вещами, которые может — да что может, *должна!* — выучить любая юная человеческая особь, патруль не нес бы таких потерь. Ну, ладно, тензорным исчислением мы займемся немедленно. Нельзя изучать ядерную технику, не зная ее языка. Скажите, Додсон, вы учились в обычной школе? Лекции в классе, ежедневные домашние задания и так далее?

— Более или менее. Наш класс был разбит на три группы.

— Вы были в какой?

— В группе быстрого обучения, сэр. По большинству предметов.

— Это хорошо, но мало. Боюсь, сынок, вас ждет шок. У нас нет классных комнат и учебных курсов. Если не считать занятий в лаборатории и

совместных тренировок, вы будете заниматься самостоятельно. Я понимаю, что приятно сидеть в классе и о чем-нибудь мечтать, пока учитель спрашивает других, но на такую роскошь у нас просто нет времени. Слишком многому вам нужно научиться. Вот хотя бы обучение другим языкам — вам приходилось учиться под гипнозом?

— Нет, сэр.

— Тогда с этого и начнете. Сейчас пойдете в отдел психоинструктажа и возьмете первый урок венерианского языка. В чем дело, Додсон?

— Ну… Сэр, это действительно необходимо изучать под гипнозом?

— Несомненно. Все, что можно изучить под гипнозом, вы будете изучать под гипнозом, чтобы у вас было время для более важных предметов.

— Понимаю, сэр. Для таких, как астронавигация.

— Нет, ни в коем случае! Только не астронавигация. Десятилетний ребенок может научиться пилотировать космический корабль, если у него есть способности к математике. Это предмет для детского сада, Додсон. Управление космическим кораблем и ведение боевых действий — не самое главное, чему обучаются в Академии, далеко не

самое главное. Я видел ваши тесты и знаю, что вы способны изучить математику, физические науки и технологии. Гораздо важнее познать окружающий мир, планеты и их обитателей — изучить инопланетную биологию, историю, культуру, психологию, законодательство и органы управления разных планет, соглашения и конвенции, планетарные экологии, экологию Системы, межпланетную экономику, законы экстерриториальности, сравнительные религиозные обычаи, космическую юриспруденцию и многое другое.

— Боже мой! — Мэтт уставился на лейтенанта широко раскрытыми глазами. — Сколько же на все это нужно времени?

— Сколько времени, говорите? Пока не уйдете в отставку, вот сколько. Но даже эти предметы не являются целью вашего обучения в Академии. Это всего лишь основа. Настоящая ваша задача состоит в том, чтобы научиться думать, а это значит, что нужно освоить еще кое-какие предметы: гносеологию, научную методологию, семантику, структуру языков, системы этики и морали, различные типы логики, мотивационную психологию и тому подобное. Наш метод образования основывается на том, что человек,

способный правильно мыслить, неизбежно будет придерживаться морального поведения или того, что мы называем моральным. Что такое моральное поведение для патрульного офицера, Мэтт? Друзья ведь зовут вас Мэтт, правда?

— Так точно, сэр. Моральное поведение для патрульного офицера…

— Ну-ну, продолжайте.

— Мне кажется, это значит выполнять свой долг, не изменять присяге… и все такое.

— Зачем ему это?

Мэтт молчал. На его лице появилось упрямое выражение.

— Зачем вам это? Ведь это может привести к мучительной смерти. Ладно, не отвечайте. Наша главная задача заключается в том, чтобы вы поняли, как работает ваше собственное сознание. Если нам удается воспитать человека, который действует в согласии с целями патруля, потому что его мозг — когда он умеет им пользоваться — работает соответствующим образом, тогда все прекрасно. Мы присваиваем ему звание. Если нет — нам приходится с ним расстаться.

На этот раз Мэтт молчал долго, пока Вонг наконец не спросил:

— В чем дело, малыш? Выкладывай.

— Видите ли, сэр, я готов работать изо всех сил, чтобы стать офицером. Но то, что вы мне сейчас сказали, по-моему, это для меня слишком. Да взять хотя бы всю эту массу предметов, о которых я и не слышал-то никогда. А потом? Кто-то посмотрит и решит, что мой мозг работает неправильно. Нет, сэр, похоже, это работа для какого-то супермена.

— Вроде меня, — усмехнулся Вонг и напряг мускулы. — Может быть, ты и прав, Мэтт, но суперменов не существует, так что нам остается только выжимать все возможное из таких сопляков, как ты. Ладно, хватит об этом; давай составим список кассет, которые тебе понадобятся.

Список получился длинным. Мэтт удивился — впрочем, приятно, — когда обнаружил, что в него входят кассеты с литературными записями. Он показал Вонгу на кассету, которая заставила его несколько призадуматься: «Введение в лунную археологию».

— Не понимаю, зачем это изучать? Ведь патрульная служба с селенитами дел не имеет, они вымерли миллионы лет назад.

— Для расширения кругозора. Вместо лунной археологии я мог бы предложить тебе современную французскую музыку. Офицер патрульной

службы не должен ограничивать свое образование только теми предметами, которые обязательно ему пригодятся.

Итак, я помечаю здесь те предметы, которые понадобятся тебе в первую очередь; теперь отправляйся в библиотеку, забери кассеты и сразу к психологу на первый сеанс гипноза. Примерно через неделю, когда освоишь весь этот материал, приходи ко мне, поговорим.

— Вы хотите сказать, что мне надо выучить все, что здесь записано, *за одну неделю*?

— Совершенно верно. Разумеется, работать придется только в неслужебное время. Днем ты будешь занят тренировками и лабораторными занятиями. Так что приходи через неделю, и мы увеличим объем. Ну, за дело!

— Но… Есть, сэр!

Мэтт разыскал отдел психоинструктажа и через несколько минут скучающий гипнотехник в штабной форме космического десанта провел его в крохотную комнатку.

— Устраивайтесь в кресле поудобнее, — сказал он. — Голову откиньте на спинку. Это ваше первое занятие?

Мэтт признался, что первое.

— Вам должно понравиться. Некоторые парни

приходят сюда просто отдохнуть, они и так уже узнали больше, чем нужно. Так что же мы будем изучать?

— Введение в венерианский.

Специалист что-то произнес в стоящий на столе микрофон.

— Был у нас недавно забавный случай, — заметил он. — Месяц назад пришел кадет-выпускник, которому захотелось освежить свои знания в практической электронике. В библиотеке подумали, что я сказал «проктологической», и кадет приобрел массу медицинских знаний, которые никогда не сможет использовать. Дайте мне вашу левую руку. — Специалист направил пучок обеззараживающих лучей на кожу у локтя и сделал инъекцию. — Теперь ложитесь и следите за светящейся точкой. Успокойтесь… расслабьтесь… расслабьтесь… закройте глаза… расслабьтесь… вы… начинаете…

Кто-то стоял перед ним, держа в руке шприц.

— Все. Я ввел вам нейтрализатор.

— Ух, — сказал Мэтт. — Что со мной было?

— Посидите, не двигаясь, пару минут и потом можете идти.

— Что, не подействовало?

— Что не подействовало? Не знаю, какое у вас

было задание, я только что заступил на дежурство.

Мэтт вернулся к себе в каюту. Настроение у него было подавленным. Он побаивался гипноза, но теперь, когда понял, что его организм не поддался обучению под гипнозом, Мэтт чувствовал себя еще хуже. Он подумал, что теперь ему точно не одолеть такой объем учебной работы, раз уж придется пользоваться обычными методами, особенно изучая языки.

«Ничего не поделаешь — завтра пойду снова к лейтенанту Вонгу и все ему расскажу», — решил Мэтт.

В каюте он нашел одного Оскара, который стоял на стуле и пытался укрепить в стенке крюк. Рядом, прислоненная к стулу, стояла картина в рамке.

— Привет, Оскар, — поздоровался Мэтт.

— Привет, — ответил Оскар и на мгновение повернулся к нему; и тут же дрель, которой он сверлил отверстие в переборке, соскользнула и ободрала ему костяшки пальцев. Оскар принялся ругаться на странном, шепелявом каком-то языке:

– Пусть мои проклятия преследуют эту безымянную тварь до самого дна всемирного ила!

Мэтт неодобрительно покачал головой:

– *Приглуши голос, о ты, нечестивая рыба!*

Оскар изумленно посмотрел на него:

— Мэтт, а я и не знал, что ты знаешь венерианский!

У Мэтта отвисла челюсть. Он закрыл рот, снова открыл его и сказал:

— Я тоже.

7

Превращение в космонавта

Поджав ноги к груди, сержант повис в воздухе.

— На счет «раз» займите исходное положение: ступни при этом должны быть в шести дюймах от переборки. На счет «два» упритесь ступнями в переборку и оттолкнитесь, вот так! — Он оттолкнулся ногами от стальной переборки и полетел через отсек, не переставая объяснять. — Продолжаете считать до четырех, на счет «пять» поворачиваетесь, — его тело свернулось в клубок и сделало полуоборот, — прекращаете вращение, — тело выпрямилось, — и на счет «семь» входите в контакт.

Его носки коснулись стенки, и он продолжил объяснения:

— После касания мягко сгибаете ноги в коленях, гася инерцию движения таким образом, чтобы все время сохранять контакт с переборкой и не отскочить от нее. — Сержант согнул колени и, как пустой мешок, застыл в воздухе рядом с местом, которого коснулись его ступни.

Тренировки проводились в цилиндрическом отсеке диаметром футов в пятьдесят, расположенном в центре корабля. Отсек был установлен на подшипниках и непрерывно вращался в направлении, противоположном вращению корабля, причем с такой же угловой скоростью; таким образом отсек оставался неподвижным до отношению к окружающему пространству. Войти в него можно было только через люк, расположенный на одном из торцов, точно на оси вращения.

Это был крохотный островок «свободного падения» — гимнастический зал для тренировок в состоянии невесомости. Дюжина кадетов висела, уцепившись за длинный поручень, протянувшийся вдоль стены отсека от носа в сторону кормы, и следила за сержантом. Среди них был и Мэтт.

— А теперь, джентльмены, попробуем снова. Начинаем считать: один, два, три…

Уже при счете «пять», когда кадеты должны

были одновременно с легкостью и изяществом повернуться в воздухе, исчез даже малейший намек на порядок. Некоторые столкнулись друг с другом, один кадет так и не смог отцепиться от поручня, двое, задев один другого в полете, беспомощно дрейфовали в дальний угол отсека. Они безуспешно размахивали руками и ногами, пытаясь остановиться, и на их лицах застыло растерянное выражение, словно у собаки, пытающейся зацепиться когтями за гладкий лед.

— Да нет же, нет! — в отчаянии завопил сержант, закрывая ладонями лицо. — Глаза б мои на вас не смотрели. Джентльмены, ну пожалуйста! Хоть немного координации! И что вы все время бросаетесь на противоположную переборку, вы ж не эрдельтерьеры какие-нибудь, которые в драку рвутся. Медленный, уверенный толчок — вот так!

Сержант оттолкнулся от переборки, пролетел наискось, подхватил по пути двух дезертиров и медленно проплыл с ними к поручню.

— Хватайтесь и займите свои места, — скомандовал он. — А теперь, джентльмены, еще раз. Приготовились! Считаем: плавный толчок, мягкое касание — раз!

Через несколько секунд сержант твердо заявил,

что легче кошку научить плавать.

Мэтт не обижался. Ему удалось достичь дальней переборки и остаться у нее. Пусть без легкости, пусть неуклюже, пусть не у того места, куда он рассчитывал, но все-таки после десятка неудачных попыток Мэтт достиг своей цели. В данный момент он считал себя космонавтом.

Когда занятия закончились, Мэтт поспешил к себе в каюту, поставил в проектор кассету с уроком по марсианской истории и принялся за работу. Искушение остаться в тренировочном зале и продолжить упражнения в невесомости было велико — уж очень ему хотелось обрести «космические ноги», сдать экзамен по акробатике в невесомости. Потому что тем, кто его сдал и вдобавок получил право пользоваться базовыми скафандрами, разрешалась раз в месяц увольнительная на станцию «Терра».

Несколько дней назад у Мэтта состоялась внеочередная беседа с лейтенантом Вонгом. Она была короткой, нелицеприятной и касалась эффективности использования Мэттом своего времени. Еще один подобный разговор был ему совсем не нужен, как и штрафные пять баллов, которые к нему прилагались. Мэтт откинул голову на спинку кресла и сосредоточился на

словах лектора, а тем временем на экране перед ним одна за другой проходили сцены богатого прошлого древней планеты, в цветном стерео, полные холодной красоты.

Проектор очень напоминал учебный аппарат, которым Мэтт пользовался дома, только здесь он был куда более совершенным, воспроизводил трехмерное изображение и соединялся с диктографом. Мэтт обнаружил, что это экономит уйму времени. Он мог, например, прервать лекцию, продиктовать конспект и вывести его на экран.

Стереопроектор здорово экономил время при изучении технических предметов.

— Сейчас вы входите в рубку универсальной ракеты типа А-6, - звучал в наушниках голос невидимого преподавателя, — и начинаете отрабатывать посадку на Луну.

Кадет наблюдал на экране, как перед ним появлялся вход в рубку, панель управления, и дальше видеокамера занимала место, где находится голова пилота. Снятый с этого ракурса полет выглядел предельно реалистично.

Или это могла оказаться кассета, рассказывающая о космических скафандрах.

— Перед вами скафандр типа «М», рассчитанный на четырехчасовое пребывание, — говорил

голос. — Пользоваться этим скафандром можно где угодно, начиная от орбиты Венеры. В ранце скафандра находится маломощный ракетный двигатель, дающий массе в триста фунтов суммарное изменение скорости пятьдесят футов в секунду. Встроенная рация при связи «скафандр — скафандр» имеет радиус действия пятьдесят миль. Внутренний обогрев и охлаждение производится... — К моменту, когда наступило время для тренировок, Мэтт знал о скафандрах все, что только можно узнать без практических занятий.

Его очередь настала после того, как Мэтт сдал базовый тест на владение телом в состоянии невесомости. Он еще не закончил курс тренировок при свободном падении, оставались групповые тренировки, занятия по рукопашной борьбе в невесомости, по применению личного оружия и другие тонкости, но экзаменаторы пришли к выводу, что он способен позаботиться о себе достаточно хорошо. К тому же он мог теперь заниматься теми видами спорта, которые практикуются в невесомости: борьба, теннис, хай-алай[44] и некоторые другие, тогда как раньше мог заниматься одними шахматами. Мэтт

---

[44] Примечания: 44

Хай-алай — разновидность игры в мяч. — *Примеч. С. В. Голд.*

выбрал космическое поло, игру, совмещающую элементы водного поло с рукопашной борьбой, и начал играть в низшей группе местной лиги космического поло — группе «расквашенных носов».

Он вынужден был пропустить первое практическое занятие со скафандрами, потому что на одной из тренировок ему и вправду расквасили нос. Из-за этого Мэтту пришлось дышать ртом, а респиратор космического скафандра типа «М» требует, чтобы вдох делался через нос, а выдох — через рот. Но уже на следующей неделе он был готов к практическим занятиям и буквально сгорал от нетерпения. Инструктор приказал кадетам своей группы надеть скафандры, не объясняя, как это делается, — он нисколько не сомневался, что они изучили пленки с инструкцией.

Вращение корабля, создававшее искусственную силу тяжести, было окончательно остановлено несколько дней назад. Мэтт свернулся в клубок, плавая в невесомости, и распахнул переднюю часть своего скафандра. Надеть скафандр — вернее сказать, влезть в него — оказалось непростым делом: через несколько мгновений Мэтт обнаружил, что пытается сунуть обе ноги в одну штанину. Он вылез наружу и повторил по-

пытку. На этот раз шлем свалился внутрь самого скафандра.

Большинство кадетов было уже готово к выходу в космос. Инструктор подплыл к Мэтту и недовольно спросил:

— Вы прошли базовый курс по владению телом в невесомости?

— Да, — ответил Мэтт несчастным голосом.

— Трудно поверить. Вы ведете себя как черепаха, которую перевернули вниз панцирем. Вот.

И инструктор взялся руками за скафандр, удерживая его; со стороны это выглядело, будто он одевал малыша в зимний комбинезон. Мэтт сгорал от стыда.

Инструктор пробежался по контрольному списку — давление в баллонах, давление внутри скафандра, запас ракетного топлива, концентрацию кислорода внутри скафандра, содержание кислорода в крови (оно измерялось фотоэлектрическим датчиком, закрепленным за мочку уха) и, наконец, надежность радиосвязи между скафандрами. Затем их загнали в шлюз.

По мере того как давление в шлюзе падало, скафандр постепенно раздувался. Двигать руками и ногами стало немного труднее.

— Пристегнуть страховочные тросы! — скоман-

довал инструктор.

Мэтт приготовил трос с карабином и ждал своей очереди. В крошечных динамиках шлемов было слышно, как кадеты докладывают: «Номер один готов! Номер два готов!»

— Номер три готов! — отрапортовал Мэтт в микрофон шлема и защелкнул карабин на поясе четвертого номера.

Когда все были пристегнуты друг к другу, как альпинисты в связке, инструктор пристегнул свой трос и открыл наружную дверь шлюза. Перед ними открылась безбрежная пустота, усыпанная мириадами звезд.

— Прищелкнуться! — послышалась команда инструктора; он сам первым шагнул вперед, и его ботинки прилипли к обшивке.

Мэтт сделал то же самое и почувствовал, как магниты, находящиеся внутри подошв, притянули их к стальной стенке.

— Следуйте за мной, друг от друга не отставайте!

Инструктор прошел по стене шлюза и присел на его краю, осторожно поставив ногу на наружную обшивку корабля; ботинок другой ноги продолжал оставаться внутри шлюза, носком внутрь. Потом той ногой, что была снаружи, инструктор

пошарил по внешней поверхности и наконец закрепил ботинок. После этого инструктор оторвал подошву от стенки шлюза и почти исчез из виду, потому что теперь он стоял перпендикулярно к обшивке.

Следуя за кадетом, который шел впереди, Мэтт приблизился к самому краю шлюза. Поворот на девяносто градусов, чтобы совершить шаг наружу и поставить один ботинок на внешнюю обшивку, оказался для него слишком сложным; пришлось схватиться руками за край наружного люка. И все-таки Мэтт сумел выбраться наружу и «встать». Строго говоря, и здесь не было понятия «верх» и «низ», кадеты по-прежнему находились в невесомости, но стальная обшивка была полом «под» ними, они прилипли к ней, словно мухи к потолку.

Он сделал пару осторожных шагов. Казалось, он идет, погружаясь ногами в вязкую глину. Это и вправду было похоже на прогулку по мокрой глине, ноги крепко прилипали к кораблю, затем неожиданно отрывались от него. К этому надо было привыкнуть.

Они вышли из шлюза на «темной» стороне корабля. Солнце, Луна и Земля находились на противоположной стороне, где-то под ногами. Не

было видно даже станции «Терра».

— Пошли, прогуляемся, — послышался в шлемах кадетов голос инструктора. — Не отставать.

Инструктор двинулся по изгибающейся поверхности корабля. Кадет, который шел в связке одним из последних, попытался оторвать от обшивки обе магнитные подошвы одновременно. Он сумел это сделать, подпрыгнув, и теперь уже не мог вернуться обратно. Кадет медленно поплыл в бездонную пустоту космоса, пока его страховочный трос не потянул за собой предыдущего и того, который шел сзади.

Один из них как раз оторвал ногу, чтобы шагнуть вперед, неожиданный рывок поднял вверх и его, как ни старался он дотянуться ногами до обшивки. Кадет, следующий за ним, был в связке последним и тоже не сумел удержаться.

Остальные кадеты продолжали стоять на поверхности корабля: энергия не такого уж сильного прыжка первого из тройки кадетов вся вышла на последовательные рывки страховочных тросов, но трое неудачников висели теперь в пространстве, неуклюже извиваясь и дергаясь на страховочном тросе.

Инструктор уловил движение краем глаза и мгновенно присел. Он тут же нашел то, что искал,

— стальное кольцо, закрепленное в крохотной нише, и защелкнул на нем страховочный трос. Убедившись, что теперь связка надежно держится на поверхности корабля, инструктор отдал приказ:

— Номер девять, тяните их к себе. Плавно, очень плавно, вот так. Только не сорвитесь сами!

Через несколько секунд беглецы коснулись стальной обшивки и прилипли к ней намагниченными подошвами ботинок.

— И кто из вас додумался до этой глупости? — Голос инструктора звучал угрожающе.

Провинившиеся молчали.

— Долго будете в молчанку играть? — резко бросил инструктор. — Это не было случайностью, невозможно оторвать обе ноги от обшивки просто так, для этого нужно подпрыгнуть. Давайте колитесь, или я отправлю всех троих к коммодору!

После упоминания этого ужасного слова послышался робкий голос:

— Это я, сержант.

— Поднимите руку, чтоб я вас видел. Я что, по-вашему, телепат?

— Варгас, сэр, номер десять. — Провинившийся кадет поднял руку.

— Ладно. Давайте обратно к шлюзу, вся группа, только без спешки и чтоб ничего такого. Держитесь плотнее друг к другу.

Когда связка была у шлюза, сержант скомандовал:

— А теперь, мистер Варгас, идите внутрь корабля. Отстегните страховочный трос, защелкните его на скобку внутри шлюза и ждите нашего возвращения. Будете проходить испытание повторно, примерно через месяц.

— Но сержант…

— Молчать! Никаких пререканий, а то я доложу, что вы пытались уйти в самоволку, спрыгнув с корабля.

Варгас молча исполнил распоряжение инструктора. Сержант наклонился, заглянул в шлюз, убедился, что кадет надежно закреплен страховочным тросом, и выпрямился.

— За дело, джентльмены, начнем все сначала. И больше без фокусов! Это тренировка, а не пикник в лесу.

— Сержант Ханако… — спросил Мэтт.

— Да? Кто это?

— Додсон, сэр. Номер три. А если бы мы все оторвались от корабля?

— Нам пришлось бы возвращаться с помощью

ракетных ранцевых двигателей.

Мэтт немного подумал:

— А если бы у нас не было ранцевых ракет?

— Тоже ничего страшного. Вахтенный офицер знает, что у нас тренировка за пределами корабля, радиорубка слушает наши переговоры. Они просто следили бы за нами с помощью радара, потом послали бы скутер и доставили обратно на борт. И все-таки слушайте — надеюсь, меня все слышат? То, что за вами постоянно следят и беспокоятся о вашем драгоценном здоровье, совсем не значит, что вы можете вести себя подобно школьницам на лужайке. Самая страшная и мучительная смерть — это болтаться в скафандре посреди космоса и задыхаться от недостатка кислорода. — Он помолчал. — Я видел такое однажды, когда труп нашли и доставили на борт.

Они продолжали двигаться по округлому боку корабля, и над его металлическим горизонтом показалась огромная сфера Земли. Внезапно в поле зрения появился ослепительный диск Солнца.

— Осторожно, берегите глаза! — крикнул сержант Ханако.

Поспешным движением Мэтт установил забрало шлема на максимальную степень защиты и опустил так, чтобы лицо и глаза оставались в

тени. Он даже не пытался посмотреть на Солнце. Мэтт и без того слишком часто подставлял глаза под его прямые лучи, когда пытался в иллюминатор комнаты отдыха разглядывать протуберанцы и призрачную корону, закрывая диск светила монеткой. Это было так себе развлечение. Обычным результатом его наблюдений была головная боль и круги, плавающие перед глазами.

Но ему никогда не надоедало смотреть на Землю.

Планета висела прямо перед ним — огромная, прекрасная, многоцветная; отсюда, с наружной поверхности корабля, она почему-то казалась более реальной, чем когда видишь ее из иллюминатора. Земля почти закрывала созвездие Водолея; она казалась такой огромной, что, будь она в созвездии Ориона, наверняка закрыла бы гигантского охотника от Бетельгейзе до Ригеля.

Прямо перед ним виднелся Мексиканский залив. Выше распростерся североамериканский континент, словно поварским колпаком украшенный на макушке сверкающими льдами Северного полюса. В затухающем свете позднего северного лета полярные льды были по-прежнему ярко освещены. Линия восхода Солнца уже прошла через Американский континент, за

исключением западного края Аляски, но центральная часть Тихого океана все еще пряталась под покровом ночи.

— А что это за яркая точка в середине Тихого океана? Гонолулу? — спросил кто-то.

Гонолулу Мэтта не интересовал; он, как обычно, пытался разглядеть Де-Мойн. Но долина Миссисипи была затянута облаками, и он не мог его найти. Иногда, когда над Айовой было безоблачное небо, ему случалось видеть Де-Мойн невооруженным глазом. Если же в Северной Америке была ночь, он всегда мог определить, какая из светящихся жемчужин — его родной город, или ему так казалось.

Сейчас Земля висела перед кадетами в таком положении, что Северный полюс был для них наверху. Далеко справа, на расстоянии ширины корабля от Земли, почти закрывая Регул, в созвездии Льва виднелось Солнце, а примерно на полпути между Солнцем и Землей, в созвездии Девы, висела ущербная Луна. Как и Солнце, Луна казалась ничуть не больше, чем она виделась с Земли. Сверкающая металлическая обшивка космической станции «Терра», располагавшейся между Солнцем и Луной в девяноста градусах от Земли, светилась ярче Луны. Станция находилась

в десяти милях от «Рэндольфа» и на глаз была раз в шесть больше земного спутника.

— Хватит по сторонам глазеть, — скомандовал Ханако. — Давайте-ка продолжим обход.

Кадеты двинулись вперед, осматривая корабль и лишь теперь понимая, какой все-таки он огромный. И тут сержант их остановил:

— Еще несколько шагов, и мы устроим грохот прямо над головой коммодора. А вдруг он прилег отдохнуть.

Связка повернулась и направилась к корме. Ханако разрешил кадетам подойти к самому краю и взглянуть на зияющие отверстия его гигантских дюз, но через несколько секунд отвел их назад.

— Хотя «Рэндольф» не включал своих двигателей уже несколько лет, этот участок корабля все еще горячий, в смысле, радиоактивный. А вы не защищены от излучения реактора, он расположен за девяносто третьим кормовым шпангоутом. Теперь вперед!

Сержант подвел кадетов к средней части корабля, отстегнул от своего пояса страховочный трос кадета, следующего за ним, и закрепил его за скобу на корпусе корабля.

— Номер двенадцать, — скомандовал он, — пристегнуться к скобе запасным тросом. Чтобы

овладеть искусством передвижения в космосе с помощью ранцевого двигателя, — начал Ханако, — нужно научиться балансировать телом на ракетной струе — тяга двигателя должна проходить через ваш центр тяжести. Если ошибетесь и сразу не скорректируете ошибку, будете кувыркаться и только зря переводить ракетное топливо. Придется потратить до черта времени, чтобы остановить эти ваши кувырки.

Это ничуть не сложнее, чем удерживать на кончике пальца трость, но с непривычки может показаться и сложным.

Для начала надо установить прицел, — продолжил сержант и нажал на кнопку у себя на поясе; примерно в ярде от его шлема появилось маленькое металлическое кольцо на тонком стержне. — Выбирайте звезду поярче или любую отдаленную цель, в направлении которой вы собираетесь двигаться. Затем займите исходное положение. Да погодите вы! Рано еще! Сначала я сам покажу, как это делается.

Он присел, оперся руками о поверхность корабля, медленно, осторожно оторвал магнитные подошвы ботинок от стальной обшивки и сразу же прекратил движение, ухватившись за ближайшего из кадетов. Затем сержант повернулся

и вытянулся во весь рост так, что теперь он плыл спиной к кораблю, вытянув руки и ноги. Ракетная дюза, выглядывающая из его ранцевого двигателя, была направлена от поясницы сержанта прямо в сторону корабля, прицел торчал перед шлемом с противоположной стороны.

— Держите наготове правую руку на пусковой кнопке ракетного двигателя, — продолжал он. — А теперь вот что. Вам приходилось видеть на сцене пару, исполняющую адажио? Понимаете, о чем я говорю: парень в леопардовой шкуре и девушка, на которой и того меньше? Они прыгают по сцене, и он ее ловит.

— Да, — донесся нестройный хор голосов.

— Тогда вы знаете, что я имею в виду. В конце они всегда исполняют один и тот же номер: девушка прыгает, и партнер поднимает ее над головой, удерживая на одной руке. Он держит девушку, упершись в ее поясницу, а она откидывается назад, балансируя на его ладони.

На ракетной струе надо балансировать точно так же. Тяга толкает вас в поясницу, и вам нужно сохранять равновесие. Только в этом случае балансировать должны вы: если толчок не будет направлен точно в ваш центр тяжести, ваше тело начнет поворачиваться. Вы сразу это заметите,

следя за намеченной целью через прицел.

В этом случае нужно сразу ввести коррекцию, а не дожидаться, что будет дальше. Для этого вы смещаете центр тяжести, подтягивая к себе руку или ногу на той стороне, в которую вас начало разворачивать. Весь фокус в том, чтобы…

— Одну минуту, сержант, — послышался чей-то голос, — вы все перепутали. Вы хотели сказать — подтянуть руку или ногу на *противоположной* стороне, верно?

— Кто это говорит?

— Лэтроп, сэр… Номер шесть.

— Я сказал именно то, что хотел, мистер Лэтроп.

— Но…

— Ладно, валяйте, делайте по-своему. Остальная группа будет делать так, как я сказал. Не будем зря тратить время. Вопросы? Хорошо, держитесь подальше от струи.

Кадеты, выстроившиеся полукругом, сделали пару шагов назад. Дальше они не могли — их удерживали натянутые страховочные тросы. Из двигателя сержанта хлестнул ярко-оранжевый язык пламени, и сержант двинулся прямо от корабля, «вверх», сначала медленно, затем все быстрее и быстрее. Его радиоканал оставался

открытым, и Мэтт слышал приглушенный рев ракетного двигателя и отсчет секунд, который вел сержант:

— И раз… и два… и три…

На счете десять отсчет прекратился и пламя исчезло.

Инструктор находился в пятидесяти футах «над» ними и продолжал удаляться спиной к кадетам. Он не прекращал объяснять.

— Поворачиваться вы будете все равно, хоть немного, да будете, как бы хорошо вы ни умели балансировать на оси тяги. Когда вам захочется изменить направление движения, сожмитесь в клубок… — сержант подтянул к груди ноги и руки, — для ускорения поворота и распрямитесь, когда увидите, что направление правильное.

Он мгновенно вытянул руки и ноги, и кадеты увидели, что теперь сержант развернулся в их сторону.

— Снова включайте двигатель и балансируйте на оси тяги, чтобы удержаться на выбранном направлении, иначе вас развернет дальше.

Сержант тем не менее не включил ракетный двигатель и продолжал удаляться от корабля. Его медленно разворачивало в сторону. Он продолжал лекцию:

— Повернуться, куда вам надо, и вовремя включить двигатель — это вы всегда сможете. На это и четверти секунды хватит. Например, нужно мне добраться до станции…

В этот момент станция «Терра» находилась почти под прямым углом от направления, в котором двигалось тело сержанта. Ханако проделал несколько телодвижений, напоминающих судороги обезьяны, которая в мучительных конвульсиях отдает концы, и снова раскинулся, как медуза, но уже лицом к станции: на этот раз, медленно вращаясь, подобно человеку, делающему колесо, ось вращения при этом оставалась стабильной.

— Но мне не надо на станцию, я хочу вернуться на корабль.

Новые судороги, после которых сержант оказался лицом к кадетам. На этот раз он включил двигатель и снова начал считать до десяти. Он повис в пространстве, неподвижный по отношению к кораблю и группе учеников, на расстоянии около четверти мили от них.

— Сейчас я подлечу к вам и сяду на двигателе, чтобы сберечь время.

В космосе вспыхнуло пламя ракетного двигателя и не гасло в течение двадцати секунд;

сержант быстро приближался к кораблю. Когда сержант был в паре сотен футов от «Рэндольфа», он перевернулся и направил струю в их сторону, словно собираясь улететь от корабля снова. Но через десять секунд пламя погасло. В результате этих маневров сержант теперь находился на расстоянии пятидесяти футов и приближался к кораблю со скоростью десяти футов в секунду. Он снова сжался в комок, а когда развернулся, его ноги были направлены к кораблю. Через пять секунд магнитные подошвы его ботинок мягко коснулись стальной обшивки, и он присел, смягчая толчок при посадке.

— Но для первого раза ваш полет будет немного не таким, — продолжал объяснять сержант. — В моем ранце больше топлива, чем у вас: запас топлива для ваших ракетных двигателей рассчитан на пятьдесят секунд непрерывной работы, причем каждую секунду будет происходить изменение скорости движения на один фут в секунду; но это для массы в триста фунтов — тощие парни будут двигаться немного быстрее.

— Вот ваш план полета: десять секунд включенного двигателя при непрерывном счете секунд. Затем поворачиваетесь как можно быстрее, включаете двигатель на пятнадцать секунд и

возвращаетесь обратно. Это значит, что вы коснетесь обшивки корабля на скорости пять футов в секунду. На такой скорости даже ваша бабушка, страдающая от ревматизма, сможет совершить посадку, не отскочив от обшивки. Лэтроп! Отстегните трос, вы будете первым.

Когда кадет подошел к нему, сержант пристегнулся к обшивке корабля двумя короткими тросами и снял с пояса бухту третьего, очень длинного троса. Один конец Ханако пристегнул к поясу кадета, другой к своему. Лэтроп смотрел на происходящее с явным неодобрением.

— Вы считаете это необходимым, сержант?

Инструктор посмотрел на него ледяным взглядом:

— Прошу прощения, коммодор, таковы правила. А теперь заткнись и приготовься.

Кадет молча присел на корточки, потом лег плашмя, спиной к кораблю, и через мгновение отделился от корабля, подталкиваемый вперед языком пламени, растущим у него из спины. Сначала он двигался по прямой, затем начал поворачиваться. Кадет попытался скорректировать отклонение, подтянул ногу — и тут же перевернулся вверх ногами.

— Лэтроп, выключайте двигатель! — рявкнул

Ханако.

Оранжевое пламя погасло, но фигура в космическом скафандре продолжала удаляться, делая кувырок за кувырком. Ханако травил длинный страховочный трос. — Здоровая рыбка угодила мне на крючок, ребята, — добродушно пробормотал он. — Как вы думаете, сколько в ней весу? — Наконец он потянул за трос, и Лэтроп начал вращаться в другую сторону: за время, пока он кувыркался, трос успел обмотаться вокруг него. Когда он освободился, сержант подтянул кадета к себе.

Лэтроп встал на обшивку, и магнитные подошвы с легким щелчком притянули его к стальной поверхности.

— Вы были правы, сержант, — послышался его голос. — Можно мне еще раз попробовать, как вы учили?

— Нет уж, придется обождать. В правилах говорится, что для этого упражнения требуется полный запас топлива в баке; нужно ждать, когда заполнят твой бак. — Ханако заколебался. — Хорошо, внесите свою фамилию в список завтрашней группы, я возьму вас с собой дополнительным.

— О… Спасибо, сержант! — ответил ему радостный голос.

— Не стоит. Номер один!

Следующий кадет отделился от корабля плавно и при этом не потерял равновесия, но отклонился в сторону, когда возвращался, и сержанту пришлось подтягивать его к кораблю страховочным тросом, прежде чем кадет смог наконец прищелкнуться.

Следующий за ним полностью потерял ориентировку. Он удалялся, повернувшись спиной к кораблю, и, похоже, так и собирался до скончания времен лететь к созвездию Дракона. Ханако осторожно потянул трос, позволяя ему скользить по перчаткам, плавно развернул кадета лицом к кораблю и скомандовал:

— Десять секунд работы двигателя, а я буду направлять ваш полет.

Выбираемый Ханако трос удерживал кадета в нужном направлении до самого касания с обшивкой.

— Номер три! — вызвал инструктор.

Мэтт сделал шаг вперед, чувствуя сильное возбуждение.

Сержант пристегнул страховочный трос к его поясу.

— Все ясно? Когда будете готовы, включите двигатель.

— Есть, сэр. — Мэтт присел и плавным толчком оторвал ноги от обшивки.

Он остановил свое движение, придержавшись за колено сержанта. Прямо перед ним в необъятном небе распростерлись северные созвездия. Он выбрал в качестве цели Полярную звезду и нажал на стартовую кнопку ракетного двигателя.

— И… раз!

Мэтт почувствовал легкое непрерывное давление в области поясницы. Ракетный двигатель обеспечивал тягу чуть меньше десяти фунтов. Полярная звезда, казалось, вибрировала в такт работе миниатюрного двигателя, затем медленно поплыла влево, за пределы кольца прицела.

Он подтянул к себе правую руку и правую ногу. Звезда начала отклоняться еще быстрее, на мгновение остановилась и вернулась обратно в центр прицела. Мэтт осторожно вытянул в сторону правую руку и ногу и чуть не забыл выключить двигатель на счет «десять».

Корабль остался где-то позади. Справа, в бархатной тьме, плыла Земля. Его окружали тишина и одиночество — такого Мэтт еще не испытывал никогда.

— Начинайте разворот, — послышался голос сержанта.

— О-о… — произнес Мэтт, подтянул колени к груди и обнял их руками.

Звезды стремительно завертелись вокруг него. Он заметил корабль, но было уже слишком поздно. Мэтт попытался остановить вращение, широко расставив руки и ноги, и все-таки не сумел удержать направление на корабль.

— Не волнуйтесь, все идет хорошо, — приободрил его сержант. — Ну, не сворачивайтесь так плотно и попробуйте поймать цель еще раз. Не спешите.

Мэтт опять свернулся в клубок, но теперь колени к груди прижимать не стал. Корабль снова показался у него в поле зрения, хотя и гораздо дальше. На этот раз он выпрямился до того, как шлем скафандра был на одной линии с кораблем. Фигуры на его поверхности казались совсем крохотными и продолжали уменьшаться. Расстояние перевалило за триста футов. Мэтт выбрал чей-то шлем в качестве цели, включил двигатель и начал отсчет. Через пятнадцать секунд он выключил двигатель.

В первые секунды ему показалось, что он неподвижно висит в пространстве, и его охватило беспокойство. Фигурки на поверхности корабля не увеличивались и начали медленно отходить

в сторону.

Ему захотелось снова включить двигатель, но приказ Ханако был совершенно однозначным, и он удержался.

Корабль исчез из виду; Мэтт собрался в клубок, чтобы побыстрее завершить разворот. Когда корабль показался снова, он был гораздо ближе, и Мэтт почувствовал облегчение. Два небесных тела — космонавт и корабль — сближались со скоростью пять футов в секунду, что равняется скорости медленно идущего пешехода.

Прошло чуть больше минуты после того, как Мэтт отключил двигатель. Мэтт согнулся, приподнял колени и совершил мягкую посадку в десяти футах от инструктора. Цокая магнитными подошвами, Ханако подошел к Мэтту, прижал шлем к его шлему, чтобы можно было говорить с глазу на глаз, не включая радио.

— Молодец, парень. Мне понравилось, как ты держался, когда промахнулся в первый раз. Я включу тебя в список на более серьезную подготовку.

Мэтт едва не забыл выключить радио:

— Ух ты! Спасибо, сержант.

— Не за что. Ты все сделал сам. — Сержант включил радио. — Продолжаем тренировку. Но-

мер четыре.

Мэтту хотелось поскорее вернуться обратно, отыскать Текса и похвастаться, но оставалось еще семь кадетов. Несколько человек справились с заданием, остальных сержанту пришлось подтаскивать на страховочном тросе.

Последний кадет превзошел самого себя. Он так и не выключил двигатель, несмотря на крики Ханако. Кадет летел прочь от корабля по широкой дуге и вовсю кувыркался; сержант тянул страховочный трос, пытаясь остановить вращение кадета и повернуть его к кораблю. Прошло пятьдесят долгих секунд, и двигатель выключился из-за того, что кончилось топливо; к этому моменту кадет был уже в тысяче футов и продолжал быстро удаляться от корабля.

Сержант выводил его, словно рыбак, поймавший барракуду. Потом начал его подтаскивать, очень медленно, потому что невозможно контролировать скорость сближения одним натяжением троса. Когда наконец кадет встал на обшивку, магнитные подошвы его ботинок надежно прилипли к стали и сержант закрепил его коротким страховочным тросом, Ханако шумно перевел дыхание.

— Фух! — сказал он. — Я уже подумал, что при-

дется лететь за ним и буксировать обратно…

Он подошел к кадету, прижал шлем к его шлему и выключил радио. Кадет тем не менее не догадался выключить передатчик, и остальные кадеты отчетливо слышали его объяснения.

— Не знаю, сержант, — растерянно отвечал кадет. — С выключателем все в порядке, я просто не мог заставить себя пошевелиться. Хорошо слышал ваши команды, но не мог даже двинуть пальцем.

Вместе со всей группой Мэтт вернулся в шлюз; восторгу в нем уже поубавилось, не то что раньше. Кажется, думал он, за ужином будет еще один свободный стул. Начальник Академии коммодор Аркрайт считал, что отчисленного кадета нужно отправлять с «Рэндольфа» как можно быстрее. Мэтт и не думал подвергать сомнению эту практику, но его потрясло, когда он воочию увидел, как это происходит; он почувствовал, что холодный ветерок неудачи пролетел совсем рядом.

Но как только сержант отпустил кадетов, Мэтт снова почувствовал себя бодрячком. Он быстро скинул скафандр, осмотрел его и повесил в шкафчик, как это полагалось по правилам. И сразу помчался к себе в каюту, отталкиваясь на поворотах от стенки движениями, не одобренными

уставом.

Мэтт влетел в каюту и принялся стучать в дверь комнатушки Текса.

— Эй, Текс! Проснись! У меня есть новость для тебя!

Никакого ответа — Текса в каюте не было. Не оказалось дома и Пита с Оскаром. Расстроенный, Мэтт забрался в свою каютку и включил учебную кассету.

Два часа спустя — Мэтт как раз собирался на обед, — Текс ворвался в каюту и закричал:

— Эй, Мэтт! Поздравь космонавта!

— Что случилось?

— Я только что сдал экзамен по основам маневрирования в космосе. Сержант сказал, что это был лучший первый полет, который он когда-либо видел!

— Вот как?

— Точно. Да ты что, не понимаешь? Меня же теперь пустят в увольнение на станцию «Терра»!

8

Станция «Терра»

— Кто в увольнение — пройти на борт скутера!

Мэтт застегнул молнию на скафандре и тороп-

ливо пробежался по пунктам проверки. Оскар и Текс стояли у двери, поторапливая своего приятеля: все кадеты, отпущенные в увольнение, уже проходили через шлюз. Старший кадет, исполняющий обязанности вахтенного офицера, быстро осмотрел Мэтта и закрыл за ним дверь шлюза.

Шлюз представлял собой длинный коридор, закрывающийся с обеих сторон герметичными дверями. Он вел в ангар, вделанный в борт «Рэндольфа», — там стояли ракетные скутеры. Давление в коридоре начало понижаться и наконец сравнялось с наружным. Дверь, ведущая в ангар, открылась. Мэтт шел последним в очереди и обнаружил, что скутер полон. Для него не было места — все пассажирские места были заняты одетыми в скафандры фигурами, уже застегивавшими страховочные пояса.

Кадет, сидящий в кресле пилота, поманил Мэтта к себе. Мэтт пробрался к нему и прижал шлем к его шлему.

— Мистер, — спросил пилот, — вы умеете управляться с приборами?

— Да, сэр, — ответил Мэтт, полагая, что речь идет о несложной контрольной панели скутера.

— Тогда садитесь в кресло второго пилота. Какая у вас масса?

— Двести восемьдесят семь, сэр, — сообщил Мэтт пилоту общую массу своего тела и космического скафандра.

Он быстро пристегнулся, затем посмотрел по сторонам, стараясь отыскать Текса и Оскара. Он чувствовал себя очень важной персоной, хотя, если по правде, катеру нужен второй пилот как свинье — запасной хвост.

Пилот занес массу Мэтта в свою таблицу, определяющую центр тяжести и момент инерции, задумчиво уставился на нее и сказал:

— Попросите Е-3 поменяться местами с Б-2.

Мэтт включил радио и отдал приказ. После толкотни, продолжавшейся несколько секунд, коренастый кадет поменялся местом с кадетом ростом поменьше. Затем пилот сделал знак кадету, управляющему механизмами ангара; скутер вместе со стартовыми направляющими был выведен из ангара многосекционным манипулятором.

Скутер представляет собой пассажирскую ракету в своей первобытной простоте, и его можно представить как вешалку для шляп с подвесным мотором. Он применяется только в безвоздушном пространстве и не нуждается в обтекаемой форме.

Сам ракетный двигатель ничем не прикрыт. Закрепленные вокруг него фермы не имеют ни малейшего сходства даже с самым примитивным космическим кораблем, обладающим корпусом, герметичными отсеками и так далее. Пассажиры просто пристегиваются к фермам, а двигатель тащит их куда надо.

Когда скутер выдвинулся из корабля, кадет, сидевший в ангаре, повернул направляющие так, что скутер теперь смотрел в сторону станции «Терра». Пилот щелкнул тумблерами и скутер сорвался с места.

Пилот не сводил глаз с экрана радиолокатора. Когда расстояние между скутером и космической станцией начало сокращаться со скоростью восьмидесяти восьми футов в секунду, он выключил двигатель.

— Свяжитесь со станцией, — приказал он Мэтту.

Мэтт повернул тумблер и вызвал станцию.

— Скутер номер три с «Рэндольфа», полет по расписанию. Прибываем через девять минут плюс-минус одна минута, — передал Мэтт и мысленно поздравил себя с тем, что вовремя изучил кассету с инструкцией по управлению малыми пассажирскими ракетами.

— Вас понял, — послышался в ответ женский голос, затем добавил: — Заходите на внешнюю посадочную платформу «Б».

— Понятно, платформа «Б», — повторил Мэтт. — Есть поблизости еще какие-нибудь транспортные средства?

— На внешних орбитах нет. «Крылатая победа» — на внутренней орбите, в процессе стыковки.

Мэтт доложил результаты радиопереговоров пилоту.

— Значит, на внешней орбите никого, — повторил старший кадет. — Мистер, я пока вздремну. Разбудите меня, когда мы приблизимся на полторы мили.

— Есть, сэр.

— Вы считаете, что сумеете подвести скутер к станции?

— Постараюсь, сэр, — с трудом выдавил Мэтт.

— Обдумайте, пока я сплю. — И в следующее мгновение пилот, удерживаемый в невесомости ремнями, закрыл глаза, как будто со всеми удобствами лежал на своей койке.

Мэтт следил за показаниями приборов на контрольной панели.

Через семь минут он разбудил пилота. Тот открыл глаза и первым делом спросил:

— Каков ваш план полета, мистер?

— Ну… э-э… если мы продолжим полет не меняя направления, то пролетим мимо станции с внешней стороны. Я не стал бы менять курс. После сближения на четыре тысячи футов включу двигатель и доведу относительную скорость до десяти футов в секунду. После этого забуду о радаре и начну тормозить на глазок, оценивая скорость по видимому движению вдоль борта станции.

— Слишком уж старательно вы учились, — улыбнулся пилот.

— А что, разве неправильно? — спросил Мэтт обеспокоенным голосом.

— Нет. Действуйте. — Пилот взглянул на экран, чтобы убедиться в том, что катер действительно летит по курсу, пролегающему мимо станции. Мэтт следил за тем, как сокращается расстояние.

Радостное волнение переполняло его. Он мельком взглянул на гигантский сверкающий цилиндр космической станции и тут же отвел глаза. Через несколько секунд он нажал на кнопку включения двигателя, и перед ними выплеснулся яркий язык пламени.

Скутер имел двигатели на обоих концах; оба двигателя получали топливо из одних и тех же

баков, и топливо перекачивалось общим насосом через систему соединяющихся трубопроводов. Управляют скутерами обычно на глаз, вручную, без сложных математических расчетов. Поэтому они просто незаменимы для того, чтобы дать начинающим пилотам почувствовать, что такое ракета.

По мере приближения к станции Мэтта начало охватывать тревожное чувство — вечный вопрос пилотов-ракетчиков, правильно ли он рассчитал курс и не случится ли столкновения? Беспокойство не покидало его, хотя Мэтт был уверен, что, следуя по проложенному им курсу, скутер минует край гигантской станции. И только когда Мэтт снял палец с кнопки включения двигателя, он почувствовал облегчение.

— Когда мы будем рядом с платформой «Б», вы ее узнаете? — спросил пилот.

— Нет, сэр, — покачал головой Мэтт. — Это мой первый полет на станцию.

— Первый полет? И я еще доверил вам управление! Вон она, эта платформа, — третья снизу. Начинайте торможение.

— Есть, сэр.

Скутер летел вдоль борта станции на расстоянии около ста ярдов от нее со скоростью быстро

идущего пешехода. Мэтт дал возможность скутеру еще немного приблизиться к платформе и на несколько секунд включил тормозной двигатель. Ему показалось, что скутер почти не замедлил движения, поэтому Мэтт снова включил двигатель, на этот раз на чуть большее время. Несколько минут спустя скутер почти замер в пространстве рядом с выделенной им платформой. Мэтт повернул голову к пилоту и вопросительно посмотрел на него.

— Я видел маневры и похуже, — буркнул пилот. — Передайте им, чтобы нас подтащили к станции.

— «Рэндольф» номер три, к стыковке готовы, — сообщил по радио Мэтт.

— Вас видим, — послышался в наушниках женский голос. — Принимайте трос.

Трос, выстреленный специальным устройством, полетел от станции к скутеру по идеально прямой траектории и попал точно в кольцо на корпусе.

— Я сменяю вас, сэр, — сказал пилот Мэтту. — Полезайте к кольцу и закрепите трос.

Через несколько минут скутер подтянули к стыковочной платформе «Б», и кадеты начали заходить в шлюз платформы. Мэтт нашел Тек-

са и Оскара в раздевалке, они как раз снимали скафандры.

— Ну и как вам полет и стыковка? — стараясь говорить как можно небрежней, спросил Мэтт.

— По-моему, неплохо, — ответил Текс. — А почему ты спрашиваешь?

— Скутером управлял *я*.

— Да ну? — Оскар с любопытством уставился на Мэтта. — Молоток!

— Пилот разрешил тебе управлять сближением и стыковкой? — На лице Текса было написано изумление. — Во время твоего первого полета?

— А почему бы и нет? Ты что, не веришь?

— Нет, верю, просто удивительно как-то. Тебя потрогать хоть можно? А автограф?

— Ладно, кончай трепаться!

Кадеты находились в той части станции, где властвовала невесомость. Уложив в шкафчики скафандры, они поспешили во вращающуюся часть станции — туда, где прогуливалась публика. Оскар более или менее со станцией был знаком: во время перелета на базу Академии ему пришлось совершить здесь пересадку. Он провел их к двери на оси вращения — единственному месту, где можно было перейти из зоны невесомости в зону гравитации.

От центральной оси, минуя каюты и служебные кабинеты, кадеты спустились к одному из начальных уровней, отведенных для посетителей. Практически этот уровень ничем не отличался от широкой, ярко освещенной улицы с высоким потолком и движущимися тротуарами по центру. Слева и справа вдоль улицы выстроились рестораны и магазины. Движущиеся тротуары изгибались вверх и исчезали вдали, потому что широкий коридор поясом огибал всю станцию.

— Это Райская улица, — сообщил друзьям Оскар.

— Понятно, почему она так называется, — присвистнул Текс.

Остальные кадеты посмотрели туда же, куда и он. Высокая стройная блондинка, одетая в какие-то голубые лоскутки, стояла у витрины ювелирного магазина.

— Текс, особо не увлекайся, — сказал Оскар. — Посмотри, какой у нее рост.

— Такие высокие мне особенно нравятся, — ответил Текс. — Сейчас увидите!

Небрежным шагом он подошел к молодой особе. Мэтт и Оскар не слышали его слов, но, видимо, сказанное ее нисколько не оскорбило, потому что девушка рассмеялась в ответ. Затем внимательно

и слегка насмешливо она окинула Текса взглядом и заговорила. Ее голос был слышен даже на расстоянии.

— Во-первых, я замужем, а во-вторых, старше вас по крайней мере на десять лет. И вообще, я не имею привычки знакомиться с кадетами.

Текс поджал хвост и вернулся к друзьям. Голос у него был сердитый:

— Попытка, по крайней мере, была сделана…

В этот момент женщина обратилась ко всем троим:

— Юноши, одну минутку! Да-да, вы трое! — Она подошла к ним и улыбнулась Мэтту и Оскару. — Вы ведь еще новички, верно?

— Да, мэм, в кадетах мы только недавно, — ответил Оскар.

Женщина открыла сумочку, всю в драгоценных камнях, и что-то достала оттуда.

— Если хотите повеселиться и познакомиться с молодыми девушками, приходите по этому адресу. — И она вручила Оскару визитную карточку.

Оскар взял карточку и удивленно посмотрел на женщину:

— Спасибо, мэм.

— Не стоит. — Женщина повернулась и исчезла в толпе.

— Что там написано? — с любопытством спросил Мэтт.

Оскар посмотрел на визитную карточку, затем передал ее Мэтту.

— На, читай.

На квадратике белого картона было написано:

ПЕРВАЯ БАПТИСТСКАЯ ЦЕРКОВЬ СТАНЦИИ «ТЕРРА»
ПАСТОР — ДОКТОР ТЕОЛОГИИ Р. СМАЙЛИ
ЗАЛ ВСТРЕЧ
уровень «В», 2437

— Вот видите? И кто из вас теперь скажет, что моя попытка провалилась полностью? — усмехнулся Текс.

Вышел спор. Мэтт и Текс, не откладывая, хотели отправиться в зал встреч; Оскар же настаивал, мол, сильно проголодался и хочет по-человечески поесть. Чем дольше тянулся спор, тем разумнее выглядели аргументы Оскара. Наконец Текс присоединился к Оскару, и Мэтту пришлось согласиться с мнением большинства.

Он пожалел об этом через несколько минут, когда увидел цены в меню. Ресторан, куда зашли юноши, был не чем иным, как ловушкой для туристов, и представлял собой роскошный зал

с примыкающим к нему баром. Вместо автоматически обслуживаемых столов здесь работали настоящие официанты, соответственно, высокими были и цены.

Текс увидел, как помрачнел Мэтт.

— Не расстраивайся, — сказал он. — Я угощаю — мой старик прислал чек.

— Нет уж, так дело не пойдет.

— Хочешь поссориться?

Мэтт улыбнулся:

— Ладно. Спасибо.

— Ну и на сколько ты собрался нам выставлять? — спросил Оскар. — В пределах чая с бутербродами?

— В общем, ребята, так. Каждый заказывает что хочет. В конце концов, должны мы это дело отпраздновать? Между прочим, надо заказать выпивку.

— Чего? — сказал Оскар. — Чтобы нас потом прихватила военная полиция? Нет уж, спасибо!

Мэтт тоже принялся возражать, но Текс уже встал.

— Спокойно, детишки, положитесь на дяденьку Джермэна. Вам, бедным недоразвитым иностранцам, давно бы пора попробовать настоящий мятный джулеп, как у нас на юге! — И он напра-

вился в бар. Оскар только развел руками.

Перед тем как войти в бар, Текс провел тщательную разведку. Кадетов в баре, разумеется, не было. Но главное, там не было офицеров, военных полицейских и космодесантников. В это раннее время бар выглядел как покинутый. Текс подошел прямо к бармену.

— Вы можете смешать мятный джулеп?[45] — спросил он.

— Иди гуляй, — посмотрел на него бармен. — Кадетам продавать спиртное запрещено.

— Я ведь не спрашиваю, запрещено или нет. Я только спросил: умеете вы смешивать мятный джулеп? — Текс положил на стойку банкноту. — А если точнее, три мятных джулепа.

Бармен уставился на деньги, затем сделал едва заметное движение рукой и банкнота исчезла.

— Возвращайся за столик, — сказал он.

— Идет! — оживившись, ответил Текс.

Через несколько минут официант поставил перед ними на стол чайный прибор, но в чайнике был, понятно, не чай. Текс аккуратно разлил по чашкам содержимое чайника, так, чтоб каждому

---

[45] Примечания: 45

Джулеп — исходный напиток был завезен в Европу из Персии лет триста тому назад. Коктейль с тем же названием состоит из виски, сахарного сиропа, содовой или минеральной воды и мяты.

вышло поровну.

— Ну, ребята, за нас, за наш успех.

Мэтт осторожно попробовал напиток.

— Похоже на лекарство, — сказал он.

— Как ты сказал? Лекарство? — замахал на него Текс. — Этот благородный эликсир ты назвал лекарством? Южанин не в силах вынести такого оскорбления — сэр, встретимся на рассвете. Кофе и пистолеты на двоих.

— А по мне, так это самое настоящее лекарство. Как тебе оно, Оскар?

— Терпеть можно.

Мэтт решительно отодвинул свою чашку в сторону.

— Ты что, правда не будешь? — спросил Текс.

— Спасибо, Текс, я просто боюсь, что мне станет нехорошо. Можешь считать меня маменькиным сынком.

— Что ж, не пропадать же добру. — Текс взял его чашку и вылил половину в свою. — Тебе налить, Оскар?

— Нет. Пей сам.

— Ну раз ты настаиваешь. — Текс вылил себе остальное.

Когда подали обед, у Текса вдруг пропал аппетит. Мэтт и Оскар накинулись на мясо, а Текс

пытался убедить их спеть хором.

— Ну Оскар, ну не ломайся! Слова можно выучить.

— У меня голоса нет.

— Есть, не ври. Я же помню, ты пел с оркестром Свинячьего закоулка. Давай так: я спою куплет, потом мы все хлопаем в ладоши и выдаем припев: «В самом… сердце… Техаса». Типа того.

— Заткнись, — сказал Оскар, — иначе окажешься в самом сердце больших неприятностей.

— Ну ты зануда! Давай с тобой, Мэтт.

— Я не могу петь с набитым ртом.

— Слушай, Мэтт, — внезапно прошептал Оскар. — Посмотри!

Мэтт повернул голову и увидел лейтенанта Вонга в дальнем углу ресторана. Офицер подошел к столу, сел, оглянулся по сторонам, заметил кадетов, кивнул и принялся изучать меню.

— Боже мой, — выдохнул Мэтт.

— Раз вы не хотите «В самом сердце Техаса», — не унимался Текс, — я согласен на «О, Айова!». У меня взгляды широкие.

— Да не собираемся мы петь. Текс, заткнись ради бога! В эту забегаловку только что вошел офицер.

— Где он? — воскликнул Текс. — А что! И его

позовем! Не такой я человек, чтобы на кого-нибудь держать зуб. Они хорошие ребята, все эти… вонючки.

Мэтт бросил быстрый взгляд на лейтенанта Вонга и с ужасом увидел, что офицер поманил его пальцем.

Мэтт встал и чеканным шагом подошел к лейтенанту.

— Додсон…

— Слушаю, сэр.

— Возвращайтесь за столик и скажите Джермэну, чтоб успокоился, пока я не подошел и не спросил, как его фамилия.

— Ох… Есть, сэр!

Когда он вернулся к столу, Текс уже вроде утихомирился и даже, кажется, протрезвел, но выглядел сильно озадаченным. Лицо Оскара, обычно спокойное, потемнело от гнева.

— Каким будет приговор?

Мэтт рассказал ему о словах лейтенанта.

— Понятно. Вонг парень хороший, на него можно положиться. А сейчас нужно увести отсюда этого идиота. — Оскар подозвал официанта, расстегнул сумку Текса и расплатился.

— Пошли, — сказал он, поднимаясь из-за стола. — Соберись, Текс, или я сломаю тебе шею!

— Куда мы? — спросил Мэтт.

— Нужно найти туалет.

К счастью, в туалете никого не было. Оскар подвел Текса к раковине, заставил его наклониться и приказал сунуть два пальца в рот.

— Зачем? — удивился Текс.

— Потому что, если ты этого не сделаешь, я это сделаю за тебя. Слушай, Мэтт, займись им пока. Я сейчас вернусь.

Прошло целых двадцать минут, прежде чем Оскар вернулся с картонным стаканчиком горячего черного кофе и упаковкой каких-то таблеток. Он заставил Текса выпить горячий кофе и проглотить с полдюжины таблеток.

— Что это за таблетки? — спросил Текс слабым голосом.

— Тиамин хлорид[46].

— Где ты всему этому научился?

— Да так… — Оскар наморщил лоб. — Венера — это тебе не Земля. Она все еще дикая и непричесанная. Там разного хватает… Ладно, хватит болтать. Текс, допивай кофе.

— Есть, сэр.

— Посмотри, Оскар, он весь комбез на груди

---

[46] Примечания: 46

Витамин B_1.

уделал, — сказал Мэтт.

— Черт! Жаль, раньше не сообразили. Сначала нужно было его раздеть.

— Вот ведь влипли! Если он вернется на «Рэндольф» в таком виде, пойдут всякие вопросы, так что мало не будет.

— Дай подумать. — Оскар повернулся к Тексу. — Иди вон туда, — сказал он, показывая на одну из кабинок, — и сними комбинезон. Дашь его нам, а сам запрешься внутри. Мы скоро будем.

Похоже, Текс чувствовал себя так, словно его ссылают на каторгу, но сил сопротивляться у него не было. Он вошел в кабинку, и через несколько минут Мэтт и Оскар вышли из туалета. Под мышкой у Оскара был туго свернутый кадетский комбинезон.

Они объехали на движущейся дорожке половину станции, обгоняя толпы хорошо одетых смеющихся людей, промелькнули мимо роскошных, ярко освещенных витрин магазинов. Мэтт наслаждался невиданным зрелищем.

— Говорят, такими были все большие города до наступления беспорядков, — сказал Оскар.

— Да, на Де-Мойн это мало похоже.

— На Венеру тоже, — согласился Оскар.

Наконец он заметил место, которое они ис-

кали, — автоматическую прачечную, скрытую в узком коридоре рядом с залом ожидания для эмигрантов. Ждать пришлось довольно долго, но они получили безупречно выстиранный и отглаженный комбинезон, завернутый в аккуратный пакет. Поскольку прачечная находилась на космической станции «Терра», стоимость услуг здесь была просто астрономической. Мэтт уныло подсчитал, сколько у него осталось денег.

— А, тратить так тратить, — решил он в конце концов и купил на оставшуюся мелочь фунт вишен в шоколаде.

После этого они поспешили обратно. Текс выглядел таким несчастным и был так рад их видеть, что Мэтт в приступе щедрости отдал все конфеты Тексу.

— Это тебе подарок, жалкое никчемное создание.

Текс, казалось, был тронут этим жестом, а это был не более чем жест, поскольку конфеты и тому подобные элементы роскоши по древней традиции считались общей собственностью соседей по комнате.

— А теперь быстренько одевайся. Скутер отправляется через тридцать две минуты.

За семь минут до отлета одетые в скафандры

друзья были уже в помещении шлюза. Текс прижимал локтем коробку с конфетами.

Перелет к «Рэндольфу» прошел без приключений, если не считать маленького происшествия: Мэтт не догадался спросить в магазине конфеты в герметичной упаковке. Еще перед тем как Текс пристегнулся к ферме скутера, коробка раздулась. К тому моменту, когда катер состыковался с «Рэндольфом», вся передняя и левая сторона его скафандра оказалась покрыта пенящейся липкой массой: вишневый сок, сахарный сироп и коричневый шоколад.

Полужидкая начинка конфет закипела и расширилась в вакууме. Текс собрался было выбросить ставшую бесполезной коробку, но старший кадет, пристегнутый к ферме рядом, напомнил ему, как сурово наказывают любого, кто засоряет мусором транспортные пути.

Кадет, отвечающий за порядок в ангаре «Рэндольфа», брезгливо посмотрел на испачканный скафандр Текса.

— Почему вы не сунули коробку внутрь скафандра? — недоуменно спросил он.

— Э-э… Я просто не подумал, сэр.

— Хм! Надеюсь, в следующий раз вы как следует подумаете. Зайдите к вахтенному офицеру

и сообщите о моем замечании за «вопиющую неопрятность при ношении формы». И не забудьте как следует вычистить скафандр.

— Есть, сэр.

Когда они вернулись в каюту, Пит их уже ждал. Он вышел навстречу из своей комнатушки.

— Ну, как повеселились? Жалко, что я был на дежурстве и с вами не полетел.

— Не расстраивайся, ты мало что потерял, — успокоил его Оскар.

Текс посмотрел на друзей виноватым взглядом.

— Ребята, простите. Мне жаль, что я все испортил. Первое увольнение, и так все вышло.

— Не бери в голову, — успокоил его Оскар. — Станция «Терра» и через месяц никуда не денется.

— Это точно, — согласился Мэтт. — Слушай, Текс, только честно. В твоей жизни это был первый коктейль, да?

— Да, — покраснел Текс. — Все родные у меня трезвенники, если не считать дяди Боди.

— Забудь ты про дядю Боди. Если я еще раз увижу тебя с коктейлем, тут же бутылкой и ухлопаю.

— Мэтт, может, хватит?

Оскар с сомнением посмотрел на Мэтта:

— Ты уж полегче с такими заявочками, парень. Может, однажды такое случится и с тобой.

— Может и так. Может, когда-нибудь вам придется тащить меня под руки, и я узнаю, как чувствуют себя пьяные. Но только не на публике.

— Заметано.

— Слушайте, — спросил Пит, — а что вообще происходит? О чем это вы?

9

Долгий путь

Жизнь на борту «Рэндольфа» носила странный отпечаток «вневременности»: здесь ничто не отмечало течения дней. На борту учебного корабля не менялась погода, да и время года постоянно казалось одним и тем же. Даже деление суток на ночь и день было произвольным и постоянно нарушалось ночными вахтами и занятиями в лабораториях: они проводились в любое время, чтобы до предела использовать ограниченные возможности. Кормили кадетов через каждые шесть часов круглые сутки, и в час «ночи» столовая была обычно наполнена не меньше, чем в семь «утра».

Мэтт научился спать всякий раз, когда выдавалась возможность; дни для него пролетали незаметно. Ему казалось, что никогда не хватает времени на то, что необходимо сделать. Математика и связанные с ней предметы, особенно астронавигация и ядерная физика, превратились для Мэтта в настоящее пугало; он обнаружил, что его заставляют заниматься прикладной математикой еще до того, как он овладел основами ее теории.

До того как стать кадетом, Мэтт считал, что довольно хорошо разбирается в математике, да так, наверное, оно и было, если судить обычными мерками. До этого он никогда не задумывался, что значит оказаться одним из членов группы молодых людей, где каждый необычайно хорошо понимает язык науки. Мэтт записался на дополнительные индивидуальные занятия и работал теперь больше, чем когда-либо в жизни. Но дополнительные усилия помогли ему лишь избегать провалов, не больше.

Невозможно постоянно себя подгонять, заставлять работать и не сорваться. Единственное, что спасало Мэтта, не давая переступить опасную грань, — это его окружение.

Коридор номер пять на палубе «А» — именно

здесь находилась каюта, где жили Мэтт и его друзья, — был известен как Свинячий закоулок. Он прославился бесшабашностью своих обитателей еще до того, как здесь поселился Текс Джермэн. А уж у Текса на этот счет способностей было хоть отбавляй.

В настоящее время в мэрах Свинячьего закоулка ходил кадет по имени Билл Аренса, который уже заканчивал Академию. Талантлив он был необыкновенно, усваивал любую учебную кассету после первого же просмотра, и все-таки пребывание его на «Рэндольфе» затянулось намного дольше обычного. Объяснялось это огромным количеством набранных Биллом штрафных очков.

Однажды вечером после ужина Мэтт и Текс заперлись у себя в каюте, чтобы на пару поупражняться в музыке. Мэтт вооружился гребешком и полоской тонкой бумаги, а Текс взялся за губную гармошку. И тут же из коридора донесся вопль:

— Открывайте немедленно! А ну, молодняк, на выход!

Повторного приглашения Текс и Мэтт дожидаться не стали. Мэр Свинячьего закоулка внимательно на них посмотрел.

— Никаких следов крови, — недоуменно сказал он. — А ведь я готов поклясться, что слышал, как

кого-то режут. Давайте берите свои дуделки и за мной.

Аренса привел их к себе в каюту, народу там была тьма. Он махнул рукой в их сторону:

— Познакомьтесь с народным форумом Свинячьего закоулка: сенатор Мямля, сенатор Болтун, сенатор Кожаный Мешок, доктор Благодетель и маркиз де Сад[47]. Джентльмены, разрешите представить вам комиссара Злосчастных и профессора Заблудших.

Закончив представление, Аренса скрылся в своей комнатушке.

— Как вас зовут, мистер? — спросил один из кадетов, обращаясь к Тексу.

— Джермэн, сэр.

— А вас? — спросил он у Мэтта.

— Побоку эти мелочи. Ближе к делу, — заявил Аренса, выходя с гитарой в руках. — А ну, джентльмены, номер, над которым вы работали. Давайте-ка еще раз. Приготовились! Начинаем по моему сигналу… Раз, два, три!

Так появился на свет оркестр Свинячьего

---

[47] Примечания: 47

Французский офицер и писатель *Донасьен Альфонс Франсуа де Сад* (1740–1814), который ввел в европейскую литературу откровенные сцены извращенного секса. Самое известное произведение — роман «Жюстина» (1791). От его имени происходит слово «садизм», хотя сам маркиз де Сад никогда не был садистом.

закоулка. Постепенно он вырос до семи инструментов, и началась работа над репертуаром, с которым не стыдно было бы выступить на корабельном празднике. Но с оркестром Мэтту скоро пришлось расстаться. Он был принят в команду по космополо, а разрываться между этим и тем просто времени не хватало. Его скудные таланты в музыке не стали потерей для оркестра.

И тем не менее Мэтт остался одним из друзей Билла. Аренса принял всех четверых под свое крыло, потребовал, чтобы они время от времени забегали к нему в каюту, и вообще следил за их жизнью. Но он никогда не отправлял их на рапорт к офицеру. Сравнивая свои впечатления с впечатлениями других новичков, Мэтт сделал для себя вывод, что ему и его друзьям повезло. Они посещали частые заседания Форума — сначала их приглашал Аренса, потом — просто из интереса. Обычным развлечением на борту «Рэндольфа», как и везде в школах-интернатах, были споры. Дискуссии охватывали всевозможные темы и всегда были щедро приправлены рассказами Аренсы. В них были оригинальные и, как правило, радикальные идеи.

Однако с чего бы ни начинался разговор, сводился он неизменно к девушкам, а заканчивался

неожиданным заключением: нет смысла говорить об этом, на «Рэндольфе» нет девушек; пошли спать».

Не менее интересным был семинар на тему «Сомнение», включенный в учебное расписание. Этот предмет появился на свет по инициативе коммодора, который, основываясь на собственном опыте, пришел к выводу, что все военные организации, в том числе и патруль, страдают одним врожденным пороком. Свойственная им военная иерархия по своей природе консервативна и рассчитана на тупую исполнительность, основывающуюся на законе прецедента[48]; оригинальное и нестандартное мышление считается у военных наказуемым. Коммодор Аркрайт понимал, что подобные тенденции неизбежны и тесно связаны с природой военных формирований; он надеялся немного компенсировать их, введя в программу предмет, сдать который нельзя, не обладая оригинальным мышлением.

---

[48] Примечания: 48

Слово образовано от латинского praecedens — «предшествующий» — и означает поведение в определенной ситуации, которое при аналогичных обстоятельствах рассматривается как образец. В странах, признающих его обязательность, прецедент является источником права, на его основе разработан ряд норм современного морского и торгового права, а в Великобритании, США, Австралии и Канаде, а также некоторых других странах прецедент является одной из первооснов законодательства.

Были созданы дискуссионные группы, составленные из молодых кадетов, старших кадетов и офицеров. Руководитель семинара задает тон, выдвинув положение, противоречащее общепринятой аксиоме. И после этого можно говорить что угодно.

Мэтт не сразу к такому привык. Во время первого семинара руководитель предположил следующее: «Патруль приносит вред, и его надо распустить». Мэтт ушам не поверил.

Выступающие вставали и по очереди говорили, что последние сто лет понуждения к миру патрульной службой нанесли ущерб человеческой расе; что резкое увеличение числа мутаций, вызванное атомными войнами, в конечном итоге благо, согласно непоколебимым законам эволюции; что ни человеческая, ни любая другая раса, населяющая Солнечную систему, не могут рассчитывать на вечное существование, если они намеренно откажутся от войн; и что, наконец, патруль составлен из самодовольных глупцов, принимающих внушенные им предрассудки за законы природы.

На первой дискуссии, которую он посетил, Мэтт воздержался от выступлений.

На следующей неделе под сомнение была

поставлена материнская любовь и любовь к матери. Ему хотелось ответить, но даже под страхом смертной казни он не смог бы придумать аргументов, кроме: «Да потому что!» Затем последовали нападки на монотеизм как предпочтительную форму религии, на разумность научного подхода и право большинства в решении спорных вопросов. Мэтт понял, что здесь разрешается выражать как ортодоксальные, так и неортодоксальные точки зрения, и постепенно начал вступать в дебаты, защищая некоторые свои любимые идеи.

И тут же он увидел, что его бессознательные предположения, скрывающиеся за теми суждениями, которые он пытался высказать, подвергаются безжалостным нападкам; скоро Мэтту пришлось вернуться к упрямому, хотя и не выраженному вслух доказательству: «Да потому что!»

Постепенно Мэтт стал привыкать к подобным методам споров и аргументации и быстро обнаружил, что можно, задавая невинные вопросы, разрушить цепь чьих-то доказательств. С тех пор он начал неплохо проводить время на этих собраниях.

Особенно после того, как в его группе появился Жерар Берк. Он терпеливо выжидал в засаде, пока

Жерар не выскажет какую-нибудь определенную точку зрения, затем задавал вопрос; это всегда был вопрос и никогда — определенное заявление. По каким-то причинам, не понятным для Мэтта, точки зрения Берка всегда были ортодоксальными. Чтобы опровергнуть их, Мэтту приходилось выдвигать нестандартные идеи.

Один раз, когда семинар уже кончился, он спросил Берка:

— Послушай, Берк, мне почему-то всегда казалось, что мыслишь ты более оригинально.

— Может, и так. А что?

— По тому, что ты говоришь на «Сомнении», об этом не скажешь.

На лице Берка появилась хитрая улыбка.

— Не жди, что я буду подставляться.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты полагаешь, наши дорогие начальники так уж заинтересованы в оригинальных идеях? Малыш, ты никак не научишься распознавать эти ловушки.

Какое-то время Мэтт не знал, что ответить. Потом сказал:

— По-моему, у тебя что-то с мозгами.

Тем не менее слова Берка заставили его призадуматься.

Шли дни. Нагрузка была так велика, что на скуку не оставалось времени. Мэтт разделял мнение остальных кадетов, что «Рэндольф» — это сумасшедший дом, и нормальному человеку в нем жить никак не возможно, что это металлолом, выброшенный в космос за ненадобностью, и тому подобное. Но, по правде говоря, у него пока не сложилась своя точка зрения относительно учебного корабля — он был слишком занят учебой. Сначала его мучила тоска по дому; со временем она отступила. Его дни были заполнены занятиями, учебой, тренировками, снова учебой, лабораторными работами, сном, едой и опять учебой.

Однажды он возвращался с ночной вахты в отделе космической связи и услышал, как из каютки Пита доносились какие-то звуки. Сначала Мэтт подумал, что его товарищ решил вместо сна заняться учебой и просматривает кассеты на проекторе. Он хотел уже постучать в дверь и позвать Пита в столовую выпросить у дежурного по камбузу чашку какао, но вдруг понял, что шум за дверью вовсе не от проектора.

Мэтт осторожно приоткрыл дверь. С койки доносились сдавленные рыдания. Он тихо прикрыл дверь и постучал. Через несколько секунд послышался голос Пита:

— Заходи.

Мэтт вошел в комнатушку:

— Привет, Пит. У тебя поесть чего-нибудь не найдется?

— В столе есть печенье.

Мэтт достал его.

— У тебя больной вид, Пит. Что-то случилось?

— Нет, я здоров.

— Не вешай мне лапшу на уши. Говори, что случилось.

Пит помялся:

— Ничего. Ничего такого, в чем кто-нибудь может мне помочь.

— Может, так, а может, и нет.

— Ты мне помочь не сможешь. У меня тоска по дому, вот и все.

— О-о-о. — Мэтт увидел вдруг перед собой зеленые просторы Айовы, ее холмы… Усилием воли он прогнал видение. — Да, парень, это дело тяжелое. Я тебя понимаю.

— Нет, не понимаешь. Ты ведь практически дома — подошел к иллюминатору и *посмотрел*.

— Ну, это как сказать.

— Ты давно оттуда? А у меня два года ушло, чтобы попасть на Терру, и неизвестно, когда еще я смогу побывать дома. — Пит был где-то

далеко-далеко, будто не говорил, а стихи читал. — Мэтт, ты не представляешь, что это такое. Ты никогда его *не видел*. Знаешь поговорку «У каждого цивилизованного человека две родины: своя и Ганимед»?

— Чего-чего?

Но Пит его даже не слышал.

— Юпитер прямо над головой, в полнеба… — Он замолчал. — Знаешь, Мэтт, как там красиво! Таких мест больше нет нигде.

А Мэтт видел Де-Мойн: летний вечер, осень почти… светлячки подмигивают, цикады среди деревьев стрекочут, а воздух такой сладкий, такой густой, хоть черпай горстями. Вдруг накатила ненависть ко всему, что их окружало: к стальной оболочке, невесомости, очищенному воздуху, искусственному освещению.

— Зачем мы вообще сюда подписались, Пит?!

— Не знаю, Мэтт. Я не знаю.

— Ты хочешь бросить службу?

— Да не могу я. Из-за отца. Ему пришлось влезть в долги, чтобы оплатить мой проезд, и если я все брошу, ему не расплатиться.

Вошел Текс, зевая во весь рот и почесываясь:

— Чего это вы полуночничаете? Вам что, спать надоело? Хоть бы других пожалели, поспать

дали.

— Извини.

— На вас посмотреть — так будто у вас любимая собака подохла, — внимательно посмотрел на них Текс. — Что случилось?

— Ничего особенного, — буркнул Мэтт. — Тоска по дому.

— Это он из-за меня, — вступился за друга Пит. — Накатило на меня, понимаешь? А Мэтт мою тоску заговаривал.

— Ничего не понимаю, — сказал Текс удивленно. — Какая разница, где ты, пока ты не в Техасе?

— Текс, бога ради, перестань! — рассердился Мэтт.

— Что я такого сказал? — Текс удивился еще больше. — Пит, вот ты действительно далеко от дома, тут и спорить нечего. Но знаешь, как только нам дадут отпуск, поехали со мной в Техас. Хоть сосчитаешь, сколько у лошади ног.

— И познакомлюсь с твоим дядюшкой Боди, — слабо улыбнулся Пит.

— Точно! И дядя тебе расскажет, как он однажды прокатился на смерче, причем без седла. Ну как, договорились?

— Тогда обещай, что будешь у меня на Ганимеде. И ты тоже, Мэтт.

— Решено!

Они пожали друг другу руки.

Последствия ностальгического приступа прошли бы бесследно, но скоро случилось еще одно событие. Как-то у Мэтта не ладилась одна астронавигационная задача, и он отправился в каюту Аренсы попросить помощи. Мэтт застал выпускника укладывающим вещи.

— Заходите, сенатор, — сказал Аренса. — Не стой в дверях. Сказать что-нибудь пришел?

— Да нет, просто так. Вас на корабль назначили, сэр?

Аренса месяц тому назад сдал выпускные экзамены и получил назначение на космическую службу. Теперь одновременно он был и «старик», и выпускник.

— Нет. — Аренса взял пачку бумаг, просмотрел их и разорвал. — Но я улетаю.

— О-о-о!

— Не стоит рыдать — меня не уволили. Я ушел сам.

— О-о-о!

— Да не смотри ты на меня телячьими глазами и кончай эти свои «О-о-о!». Ну увольняюсь, что в этом странного?

— Странного? Да ничего.

— Наверное, ты думаешь, с чего бы это я, а? Ну так я тебе скажу. Хватит с меня, вот почему. Обрыдло мне, понимаешь? Нету у меня охоты заделаться суперменом. Этот нимб слишком давил мне на мозги, и я его снял. Ты можешь это понять?

— Эй, я вовсе тебя не критикую!

— Нет, ты так подумал. Оставайся тут, сенатор. Ты как раз из тех серьезных, благоразумных паинек, которые им нужны позарез. А что до меня, то я не архангел и с огненным мечом по небу носиться не собираюсь. Тебе когда-нибудь приходило в голову, что это такое — сбросить на город атомную бомбу? Ты хоть раз по-настоящему задумывался над этим?

— Нет, никогда. С тех пор как навели порядок, патрулю ведь не приходилось использовать бомбу. Думаю, и не придется.

— Но так или иначе ты на это подписался. В этом, мальчик ты мой, смысл твоей жизни. — Он замолчал, взял гитару. — Ладно, хватит об этом. А вот с ней-то мне теперь что делать? Хочешь, продам тебе по дешевке, по земной цене?

— Сейчас даже по дешевке не могу — денег нет.

— Тогда забирай в подарок. — Аренса пере-

бросил инструмент Мэтту в руки. — Без гитары оркестру Свинячьего не обойтись. А я себе куплю новую. Через тридцать минут я буду уже на «Терре», а еще через шесть часов — на Земле, среди маленьких неприметных людишек, которые не умеют играть в Бога и даже не хотят!

Мэтт не знал, что ответить.

Он даже представить себе не мог, что по коридору никогда больше не разнесется громоподобный голос Аренсы, но долго над этим раздумывать Мэтту не пришлось. Его учебная группа была послана на Луну для освоения безвоздушной посадки.

Группа освоила полеты на скутере и начала тренироваться на транспортной ракете типа А-6, специально оборудованной для обучения кадетов. Трюм ПРК «Трясучка» — так прозвали его кадеты, хотя в списках «Рэндольфа» ракетный корабль был внесен как учебный корабль 106, - был заполнен дюжиной рубок управления, ничем не отличавшихся от настоящей рубки, вплоть до последнего тумблера, шкалы, визира или кнопки. Приборы учебных рубок показывали те же данные, что и в настоящей рубке, с одним важным отличием: когда кадет касался ручек управления в учебных рубках, это никак не отражалось на

маневрах корабля, зато регистрировалось на магнитной ленте.

Действия пилота также записывались, поэтому после тренировок каждый кадет мог сравнить свои действия с маневрами пилота и узнать таким образом, как следовало ему поступать.

Всему, чему группа могла научиться на «Рэндольфе» на практических занятиях и во время перелетов на станцию «Терра», группа уже научилась. Теперь требовалось пройти более рискованные маневры у настоящей планеты. Двухдневный перелет с «Рэндольфа» на Лунную базу был совершен на той же самой «Трясучке» в условиях, мало чем отличающихся от полетов переселенцев на другие миры.

Лунных колоний ни Мэтт, ни его спутники так и не увидели — в увольнение их не отпустили ни разу. Они разместились в подземных казармах на Лунной базе и каждое утро отправлялись на космодром для тренировок в искусстве посадки; тренировки проводились сначала в учебных контрольных рубках «Трясучки», а затем в рубках ракетных кораблей А-6, оборудованных двойным управлением.

Уже в конце первой недели Мэтт совершил свой первый самостоятельный полет и посадку. У

него оказалось природное чутье настоящего пилота, а имея на руках заранее рассчитанный план полета, он мог заставить свой корабль в точности ему следовать. Пилотировать ракетный корабль для Мэтта было так же просто, как сложно делать астронавигационные расчеты.

Оставшиеся дни он был практически свободен. Он осмотрел базу и совершил прогулку в скафандре по выжженной поверхности Луны. Всех кадетов разместили в одном углу в казарме космических десантников. От нечего делать Мэтт смотрел, как они живут, и болтал с их сержантами.

Ему нравился безупречный стиль работы космодесантников и непоколебимая самоуверенность, с которой они держались. Во всей Системе нет зрелища внушительней, чем старый сержант-космодесантник в парадной форме с нашивками, знаками отличия и сединой на висках. А как эта седина сочетается со сверкающим изображением солнца у него на груди! Мэтт чувствовал себя едва ли не оборванцем в своем простеньком комбинезоне без знаков различия, которую он привез в дорожной сумке.

Ему нравилось наблюдать за их частыми парадными смотрами. Сначала Мэтту казалось

странным, что на их поверках не слышно фамилий знаменитой четверки — Далквиста, Риверы, Мартина и Уилера, но у космического десанта свои ритуалы, и ритуалов этих более чем достаточно.

Своего намерения во что бы то ни стало овладеть астронавигацией Мэтт не оставил — он привез на Лунную базу учебник и однажды с неохотой открыл его. Дано: вылет с орбиты Деймоса, спутника Марса, не раньше 12:00 по Гринвичу 15 мая 2087; топливо — химическое; скорость выброса газов — 10 000 метров в секунду; место назначения — надстратосферная орбита вокруг Венеры. Требуется: рассчитать орбиты, на которых: 1) расход топлива минимальный и 2) минимальный период обращения, а также определить отношения масс и времени вылета и прибытия для каждой орбиты. Подготовить план полета и наметить контрольные точки, вычислив для них все необходимые данные, используя при этом звезды второй величины или ярче.

Вопросы: можно ли сэкономить время и топливо, пролетев рядом с планетной парой «Терра — Луна»? Какие из известных метеоритных потоков вы пересечете и какие маневры уклонения следует предпринять? Все ответы должны соот-

ветствовать правилам космических полетов, а также принципам космической баллистики.

Без компьютера с такой задачей помучаешься. И все же Мэтт мог подготовить нужные уравнения и затем, если повезет, уговорить офицера, руководящего вычислительным центром Лунной базы, разрешить ему попользоваться баллистическим интегратором. Мэтт принялся за работу.

Он так увлекся, что даже не услышал ласковых звуков горна — сигнала смены караула.

Он сидел, с головой уйдя в предварительные расчеты, когда вновь послышалась песня горна — на этот раз на поверку. Сигнал безжалостно поломал ход его мысли.

«Задачка, чтоб ее! — подумал Мэтт. — Зачем они придумывают такие дурацкие условия? Когда это патруль связывался с химическим топливом и наиболее экономичными орбитами? Это заботы коммерческого флота!».

Через две минуты он уже был внизу и наблюдал, как караул десантников выстраивается в главном зале под казармами. Когда оркестр грянул марш «Пока не остынут солнца и не потемнеет небо…», у Мэтта перехватило дыхание.

Он остановился у караульного помещения, не желая возвращаться к скучным сложностям

математики. Новый начальник караула оказался знакомым Мэтта — старшим сержантом Маклаудом.

— Заходите, молодой человек, садитесь. Смотрели смену караула?

— Да. Здорово!

— Согласен. Служу в десанте вот уже двадцать лет, и всякий раз сердце не нарадуется, как будто снова молодой. Ну, как жизнь? Все трудитесь?

Мэтт смущенно улыбнулся:

— Я прогуливаю. Вообще-то, нужно заниматься астронавигацией, но она у меня вот уже где сидит.

— Нисколько не осуждаю. У меня самого от цифр мигрень начинается.

Вскоре Мэтт обнаружил, что рассказывает сержанту обо всех своих бедах. Маклауд слушал, кивал, сочувствовал.

— Знаете, мистер Додсон, — сказал сержант, — вижу, вам не очень нравятся эти заумные штуки. Может, бросите их уже?

— То есть как — бросить?

— Вам нравится десант?

— Да.

— Так и займитесь настоящим делом. Мужским. Юноша вы крепкий и образованный. Через

год я буду первым отдавать вам честь. Не задумывались о таком?

— По-честному — не думал.

— Так подумайте, еще не поздно. Вам с профессорами явно не по пути — вы в курсе, что мы так патруль называем — «профессора»?

— Да, я слышал.

— Слышали, да? Мы, конечно, вкалываем на профессоров, но у нас разные рода войск. Мы… да что это я, вы сами все видели. Подумайте, в общем.

Мэтт хорошо подумал над словами сержанта — они настолько заняли его мысли, что, когда вернулся на «Рэндольф», та задачка о перелете с Марса на Венеру так и осталась нерешенной.

Несмотря на то что прошло порядочно времени, проще задача не стала, да и другие, куда более сложные, проще почему-то не делались, а виной были мысли, которые ели Мэтта. Ему казалось все ясней и ясней, что совсем не обязательно изводить себя высшей математикой — космонавтом он станет и без того. В мыслях Мэтт уже щеголял перед всеми в форме космодесантников, яркой, словно фазаний хвост. Наконец он надумал идти за советом к лейтенанту Вонгу.

— Итак, вы хотите просить о переводе в косми-

ческий десант?

— Да. Думаю, так будет лучше.

— Почему?

Мэтт выложил ему весь ворох сомнений по поводу своих способностей в атомной физике и астронавигации.

— Я так и думал, — кивнул Вонг. — Мы ожидали, что вам придется нелегко, ведь вы прибыли сюда с недостаточной подготовкой. Мне не нравится ваша неряшливость при математических расчетах, особенно после того, как вы вернулись с Луны.

— Я делаю все от меня зависящее, сэр.

— Неправда. Но вы *можете* освоить эти предметы, и я прослежу, чтобы вы с этим справились.

Мэтт объяснил едва слышно, что он не совсем уверен, хочет ли он этого. Впервые лейтенант Вонг посмотрел на Мэтта озабоченно:

— Вы все еще настаиваете на своем? Если вы подадите рапорт с просьбой о переводе, я вас не поддержу, и можете быть уверены: начальник Академии тоже откажет.

— Это ваше право, — сквозь зубы произнес Мэтт.

— Черт побери, Додсон, это не мое право — это мой долг. Из вас никогда не получится косми-

ческий десантник; и я говорю это потому, что знаю вас, ваш послужной список и ваши способности. Но шансы стать офицером патруля у вас твердые.

— Почему это вы считаете, что в космический десант я не гожусь? — удивился Мэтт.

— Это окажется для вас слишком простым делом, таким простым, что вы точно потерпите неудачу.

— А?

— Да оставьте вы эти «а». Разница в коэффициенте умственного развития между офицером и подчиненными не должна превышать тридцати очков. А вы опережаете этих старых сержантов намного больше. Только не поймите меня неправильно, все они прекрасные люди. Но вы-то мыслите совершенно иначе. — Вонг подумал, затем продолжил: — Вы никогда не задумывались, почему в патруле одни офицеры или кадеты — тоже будущие офицеры?

— Мм… Нет, сэр.

— Вполне естественно. Мы никогда не задумываемся над тем, что кажется нам естественным. Строго говоря, патруль — это вообще не военная организация.

— То есть как?

— Знаю, знаю — вы обучены владеть оружием, вы подчиняетесь приказам, вы носите форму. Но ваша задача не в том, чтобы сражаться, а в том, чтобы всеми возможными способами предотвратить сражение. Патруль — не боевая единица, это что-то вроде места хранения оружия, слишком опасного, чтобы его можно было доверить военным.

После того как в прошлом столетии появились средства массового уничтожения, война стала чисто наступательной, против современного оружия нет защиты. Страна может нанести ужасающий по силе удар, но она не в состоянии защитить даже свои ракетные базы. А потом появились космические корабли.

С военной точки зрения космический корабль — идеальный ответ на появление атомной бомбы, бактериологического и метеорологического оружия. Нападения из космоса предотвратить невозможно, и в то же время космический корабль недоступен для атаки с земной поверхности.

— Фактор гравитации, — кивнул Мэтт.

— Совершенно верно, фактор гравитации. Люди на поверхности планеты беззащитны перед угрозой из космоса; бороться с космическими

кораблями с поверхности Земли так же бессмысленно, как бросать по врагу камни со дна колодца. Ведь человек, стоящий у края колодца, имеет в союзниках гравитацию.

В результате могла бы возникнуть самая прочная, практически нерушимая тирания, какую когда-либо видел этот мир. Но человеческой расе повезло, и этого не случилось. Задача патруля в том и состоит, чтобы это везение продолжалось.

Но патруль не может сбросить атомную бомбу лишь потому, что какой-то новоявленный Гитлер попытался захватить власть и когда-нибудь, имея достаточно времени и средств, начнет строить космический флот и средства массового уничтожения. Оружие, доверенное патрульной службе, слишком мощное, слишком неразборчивое. Использовать его — все равно что пытаться наводить порядок в детском саду с помощью заряженного ружья вместо розги. Космический десант — это и есть розги патруля. В нем самые отборные…

— Извините меня, сэр…

— Да?

— Я знаю, как работают космические десантники. На них лежит вся активная деятельность по поддержанию порядка в Системе, поэтому я и

хочу перевестись. Они более активны, они…

— …более смелые, более предприимчивые, более яркие, более гламурные, и им не нужно изучать вещи, которые Мэтью Додсон устал изучать. А теперь заткнитесь и слушайте: вы очень мало знаете о космическом десанте, знали бы — не просили о переводе.

Мэтт заткнулся.

— Люди делятся на три психотипа с совершенно различными мотивациями. Есть те, кого мотивируют экономические факторы, деньги… Второй тип мотивирует стремление сохранить лицо или гордость. К этому типу людей принадлежат транжиры, драчуны, спортсмены, хвастуны, ловеласы, игроки. В них есть стремление к власти и жажда славы. А третий тип — профессионалы, старающиеся следовать законам чести и морали, а не просто стремиться к деньгам и славе; среди представителей этой группы — священники и служители, учителя, ученые, врачи, некоторые художники и писатели. Они исходят из того, что человек должен посвящать свою жизнь чему-то более важному, чем удовлетворение собственных потребностей. Вы меня понимаете?

— Да… думаю, что понимаю.

— Имейте в виду, Додсон, я говорю, сильно все

упрощая. И не пытайтесь применять эти правила к инопланетянам — к ним человеческие законы неприменимы. У марсиан абсолютно другая психика, у венериан — тоже.

Теперь переходим к самому главному, — продолжал лейтенант. — Патруль состоит исключительно из представителей третьего типа людей, тех, кто хочет посвятить свою жизнь службе человечеству. Все космодесантники, начиная от солдата и кончая генералом, живут — или должны жить — гордостью и славой.

— О…

Лейтенант Вонг замолчал, давая Мэтту возможность усвоить новые для него понятия.

— Это видно по форме, которую они носят. Офицеры патруля одеты в самую скромную форму, какая только бывает, десантники — в самую яркую. Главное в патруле — это присяга, ответственность перед человечеством. В космическом десанте главное — гордость за свой корпус, его славную историю и традиции, верность товарищам, словом, все древние солдатские добродетели. И я совсем не хочу унизить в ваших глазах десантника, когда говорю, что ему до лампочки все эти политические институты Солнечной системы. Его волнуют исключительно

проблемы организации, в которой он служит.

Так что, Мэтт, это не в вашем духе. Я знаю вас лучше, чем вы сами, потому что изучил результаты ваших психологических тестов. Космический десантник из вас не получится.

Вонг замолчал. Тишина длилась так долго, что Мэтт не выдержал и робко спросил:

— Сэр, это все?

— Почти. Вам необходимо овладеть астронавигацией. Если бы для выполнения задач патруля понадобилось научиться нырять, вам пришлось бы овладеть и этим искусством. Но основой является управление космическим кораблем. Я составил для вас усиленный курс занятий. В течение нескольких ближайших недель вы будете заниматься только астронавигацией. Вам нравится мое предложение?

— Нет, сэр.

— Я так и думал. И все-таки, когда мы с вами закончим курс обучения, вы сможете ориентироваться в Солнечной системе с закрытыми глазами. Итак, посмотрим…

Следующие несколько недель были смертельно однообразными, но Мэтт добился определенного прогресса. И у него оказалось достаточно времени для размышлений, если, конечно, он не корпел

за компьютером. Оскар и Текс вместе отправились на Луну; Пит проводил ночи на дежурстве в машинном отделении. Мэтт работал с мрачным упрямством и думал. Он дал себе обещание не бросать работу, пока Вонг от него не отстанет.

А потом… потом у него будет отпуск. Если Мэтт все-таки решится бросить патрульную службу — что ж, немало кадетов не возвращается из своего первого отпуска. Тем временем ему удалось добиться похвалы лейтенанта Вонга, правда сдержанной.

Наконец Вонг разрешил ему вернуться к обычным занятиям. Мэтт начал погружаться в рутину каждодневной работы, когда его вдруг назначили на дополнительное дежурство. Ранним утром он прибыл к вахтенному офицеру, прослушал инструктаж, запомнил список фамилий и получил черную нарукавную повязку. Затем Мэтт отправился к главному корабельному шлюзу и стал ждать.

Наконец из дверей шлюза выплыла группа испуганных, позеленевших парней. Подошла его очередь, он двинулся вперед и крикнул:

— Седьмое отделение! Кто командир седьмого отделения?

Мэтт собрал своих подопечных вместе, кадета,

исполнявшего обязанности командира отделения, назначил замыкающим, а затем медленно и осторожно повел группу на палубу «А». Добравшись до места он с радостью отметил, что никто не потерялся по дороге.

— Это ваша кают-компания, — сказал он. — Сейчас будем обедать.

Сказал и заметил, какое забавное выражение появилось на лице одного из новеньких.

— В чем дело, мистер? — спросил он юношу. — Вы что, еще не проголодались?

— Э-э, нет, сэр.

— Не падайте духом — скоро проголодаетесь.

10

Quis custodiet ipsos custodes?[49]

Кадет Межпланетного патруля Мэттью Додсон сидел в зале ожидания станции катапульты Пайкс-Пик и смотрел на часы. До посадки на корабль «Молодая Луна», отбывающего на станцию «Терра», оставался час, а пока он дожидался товарищей.

«Неплохой все-таки вышел отпуск», — подумал

---

[49] Примечания: 49
«Кто будет сторожить сторожей?» *(лат.)*

он; все, что хотел, сделал, вот только с поездкой на ранчо Джермэна ничего не вышло. Мать подняла шум, уговорила его остаться еще на пару дней дома.

Но что ни говори, отпуск прошел хорошо. Худое лицо кадета, покрытое космическим загаром и первыми наметками морщин, выглядело слегка озадаченным. Мэтт никому не рассказывал о своем замысле бросить патруль. Теперь он мучительно пытался вспомнить, когда и почему это желание исчезло.

Мэтта временно назначили помощником астронавигатора на ПРК «Нобель», пока шла-тянулась обыденщина проверки находящихся на околоземных орбитах атомных ракет. Мэтт взошел на борт корабля на Лунной базе и, оттрубив срок патрулирования, — «Нобель» как раз к тому времени пришвартовался к «Терре» на предмет профилактического ремонта, — получил разрешение отправиться в отпуск, даже не залетая на «Рэндольф». Мэтт сразу отправился домой.

Семья, все как один, встречала его на станции; домой они летели на вертолете. Мама всплакнула, а отец крепко пожал ему руку. Увидав младшего брата, Мэтт аж удивился: ну тот и вымахал! Было приятно снова увидеть их всех,

снова оказаться в старом семейном вертолете. Мэтт хотел по привычке расположиться в кресле пилота, но Билли, братишка, быстренько занял место за штурвалом.

В доме пахло свежим ремонтом. Мать, разумеется, ожидала в свой адрес похвалы, и, разумеется, она ее получила, но перемены были Мэтту не по душе. Дом стал другим. Даже комнаты вроде бы стали меньше. Он решил, что это из-за ремонта, ведь дом не мог сделаться меньше!

В его прежней комнате повсюду были вещи Билли. Билл временно переселился в свою старую комнату — теперь там была комната для занятий матери. Вся эта перетасовка жилплощади, может быть, и была разумной, но Мэтта здорово раздражала.

Поразмыслив, Мэтт понял, что перемены в доме никак не повлияли на его решение. Нет, конечно же, не они! И не замечание отца по поводу его осанки, хотя приятного в нем было мало…

Это случилось в гостиной перед обедом, когда они были одни. Мэтт ходил взад-вперед, взахлеб расписывая отцу свой первый самостоятельный полет. Отец дождался, когда Мэтт на минутку смолк, и сказал:

— Выпрямись-ка, сынок.

— Что? — не понял Мэтт.

— Ты сутулишься и как будто хромаешь. Что, все еще нога?

— Нет, нога в порядке.

— Тогда выпрямись и расправь плечи. Держись с достоинством. Неужели им все равно, какая у вас осанка?

— А что с ней не так?

В этот момент в дверях появился Билл.

— Мэтти, — вмешался он, — ты ходишь вот так, смотри.

Билли ссутулился и начал ходить по комнате, намеренно искажая легкую и небрежную поступь космонавта. Он превратил ее в походку шимпанзе.

— Вот так ты ходишь.

— Ничего подобного!

— Чего ничего, а ходишь ты именно так.

— Билл, — сказал отец, — пойди умойся, скоро обедать. И чтоб больше я от тебя такого не слышал. Ступай!

Когда Билли вышел, отец повернулся к Мэтту и сказал извиняющимся голосом:

— Я думал, мы здесь одни. Конечно, Мэтт, твоя походка совсем не такая, как тут кривлялся Билли, но нормальной ее тоже не назовешь.

— Но… папа, все космонавты ходят так. После многих недель невесомости, попав в гравитацию, мы ходим, как сейчас я. Мы называем такую походку «кошачьи лапы».

— Пожалуй, ты прав: невесомость не очень-то переспоришь, — задумчиво сказал отец. — А ты не считаешь, что было бы неплохо почаще практиковаться в простой ходьбе? Чтобы не терять форму?

— В невесомости-то?.. — Мэтт замолк. Как можно объяснить, что такое невесомость, человеку, никогда не бывавшему в космосе? — Ладно, папа. Пошли обедать.

От такого бедствия, как торжественные обеды, которые устраивались дядюшками и тетушками Мэтта, отказаться было никак нельзя. Каждый раз его просили рассказать про Академию и о том, каково это — выходить в открытый космос. Но впечатление было такое, что их не слишком интересовали ответы Мэтта. Взять, например, Дору.

Двоюродная бабушка Дора была нынешним семейным матриархом. Раньше она вела очень активную жизнь, занималась общественными делами и церковной работой, но вот уже как три года оставалась прикованной к постели. Мэтт навестил ее, потому что очень настаивала семья.

— Она так часто жалуется, что ты ей не пишешь, Мэтт, и поэтому…

— Мама, послушай, но у меня нет времени писать письма, ты же знаешь!

— Да-да, знаю. Но она же гордится тобой, Мэтт. Она хочет задать тебе тысячу вопросов. Обязательно надень форму, ей это понравится.

Вместо тысячи вопросов бабушка Дора задала один. Она спросила, почему Мэтт не пришел к ней сразу, как только приехал. После этого ему пришлось выслушать во всех подробностях, какой растакой-разэтакий у них новый пастор, какие шансы у нескольких родственниц и знакомых выскочить замуж, как обстоят дела со здоровьем каких-то пожилых женщин — о большинстве из них Мэтт и слыхом не слыхивал, — включая подробности перенесенных операций и последующего лечения.

Когда, наконец, ему удалось унести ноги, сославшись на важную встречу, голова у Мэтта шла кругом. Так что, вполне может быть, именно визит к тете Доре убедил его, что не стоит бросать патруль и возвращаться в Де-Мойн. Именно это, а не Марианна.

Марианна была той самой девушкой, которой он обещал регулярно писать и регулярно писал,

во всяком случае чаще, чем она ему отвечала. Мэтт заранее ей сообщил, что приезжает в отпуск, и Марианна по этому поводу организовала пикник, который прошел очень весело. Мэтт встретился со старыми друзьями и не без интереса отметил, что кое-кто из дамского пола смотрит на него как на героя. Среди гостей оказался некий молодой человек, года на три или четыре старше Мэтта, который пришел без спутницы. До Мэтта не сразу дошло, что у Марианны и этого некто имеются кое-какие планы на будущее.

Впрочем, его это не тронуло ни на грамм. Марианна была из породы тех девушек, которые не способны понять, чем звезда отличается от планеты. Сначала Мэтт вроде как этого не замечал, но однажды, когда у них было свидание без посторонних глаз, это и много чего еще выплыло на поверхность. К тому же Марианна назвала его форму «прелестной». После встречи с Марианной он начал догадываться, почему большинство офицеров патруля не женятся до ухода в отставку — лет, примерно, до тридцати пяти.

Настенные часы на станции Пайкс-Пик показывали, что до отлета еще полчаса. Мэтт уже начал опасаться, что из-за легкомысленности Текса вся троица пропустит рейс, но тут заметил их в

толпе. Мэтт схватил свою сумку и пошел к ним.

Он незаметно подобрался к ним сзади и произнес хриплым голосом прямо за спиной Текса:

— Мистер, вам следует немедленно прибыть к начальнику Академии!

Текс от неожиданности подпрыгнул, обернулся и узнал Мэтта.

— Мэтт, черт тебя побери! Совсем очумел, конокрад паршивый!

— Вот она, нечистая совесть. Привет, Пит! Привет, Оскар!

— Как отпуск, Мэтт?

— На «отлично».

— У нас тоже.

И они пожали друг другу руки.

— Ну что, поднимемся на борт?

— Пошли.

Их взвесили, проштамповали пропуска и разрешили пройти на площадку космодрома, где «Молодая Луна», раскинув могучие крылья, уже стояла в люльке катапульты. Стюардесса проводила юношей до их кресел. Когда прозвучал сигнал десятиминутной готовности, Мэтт сказал:

— Я в рубку, пойду посмотрю на взлет. Кто со мной?

— Я спать хочу, — сказал Текс.

— Я тоже, — поддержал его Пит. — В его Техасе никогда не спят. Я хожу еле-еле.

Оскар решил идти вместе с Мэттом. Они поднялись в рубку и обратились к командиру корабля:

— Кадеты Додсон и Йенсен, сэр. Разрешите понаблюдать за взлетом.

— Ладно, не возражаю, — пробормотал капитан. — Пристегнуться не забудьте.

Вход в рубку управления любого космического корабля для сотрудников патруля был свободен, но капитанам кораблей, курсирующих между Землей и станцией «Терра», эта практика по понятным причинам изрядно наскучила.

Оскар занял кресло инспектора. Мэтту пришлось довольствоваться мягкой обивкой переборки и ремнями: отсюда хорошо было видно, как работают второй пилот и помощник капитана, склонившиеся над приборами управления, очень похожими на те, что на обычном самолете. Если после того, как катапульта выбросит корабль вверх, ракетный двигатель по какой-то причине откажет, долг помощника перевести корабль в режим планирования и посадить его в колорадских прериях.

Капитан сидел за пультом управления ракетой. Он переговорил с диспетчерской катапульты и

включил сирену. Через несколько секунд корабль уже мчался вверх по желобу катапульты, проложенному по крутому склону горы, с костоломным ускорением в шесть *g*.

Ускорение длилось всего десять секунд, затем корабль был вышвырнут в небо со скоростью тысяча триста миль в час.

Они взлетали вверх в состоянии невесомости. Казалось, что капитан не спешит включать ракетные двигатели; на мгновение Мэтта охватило какое-то странное возбуждение, даже надежда, что без аварийной посадки не обойтись. Но в следующую секунду раздался рев раскаленных газов, рвущихся из дюз корабля.

После того как корабль вышел на орбиту и ракетные двигатели смолкли, Мэтт и Оскар сказали капитану спасибо и вернулись в свои кресла. Текс и Пит спали; Оскар не заставил долго себя уговаривать — заснул тоже. Мэтт смотрел на спящих друзей и думал, что многое потерял, не поддавшись на уговоры Текса завершить отпуск в Техасе.

И снова мысли его уперлись в вопрос, столько времени не дававший покоя. В том, что Мэтт решил остаться в патруле, то обстоятельство, что его отпуск прошел довольно спокойно, не

играло никакой роли; он никогда не считал родительский дом чем-то вроде ночного клуба или деревенской ярмарки.

Однажды за ужином отец попросил рассказать Мэтта, чем занимался «Нобель» при околоземном патрулировании. Мэтт попытался объяснить.

— После взлета с Лунной базы мы по эллиптической орбите направились к «Терре». Приближаясь к Земле, мы постепенно гасили лишнюю скорость и перевели корабль на низкую кольцевую полярную орбиту.

— Полярную? А почему не вдоль экватора?

— Видишь ли, папа, ракеты с атомными бомбами вращаются вокруг планеты по полярным орбитам. Только следуя по полярной орбите, они могут своими витками охватить Землю целиком. Если бы они вращались вокруг экватора…

— Это мне понятно, — прервал его отец, — но ты говорил, что целью вашего патрулирования было осмотреть ракеты с атомными бомбами. Находясь на экваториальной орбите, вы просто ждали бы, когда эти ракеты будут пролетать рядом.

– *Тебе,* может, и понятно, — заметила мать, — а *я* не понимаю.

Мэтт переводил взгляд с одного на другую, не зная, кому отвечать и как.

— Спрашивайте, но только по одному, — попросил он. — Папа, мы не можем перехватывать ракеты, которые пролетают мимо; нам нужно лететь рядом с ними, по одной и той же орбите, уравняв скорость. Затем бомбу вводят в грузовой отсек и там осматривают.

— И что же это за осмотр?

— Погоди, папа. Мама, посмотри сюда. — Из вазы, что стояла на середине стола, Мэтт взял апельсин. — Ракеты летают по кругу от полюса к полюсу, совершая оборот вокруг планеты каждые два часа. Тем временем Земля поворачивается вокруг своей оси, совершая один оборот за двадцать четыре часа.

Мэтт медленно поворачивал апельсин, быстро водя указательным пальцем правой руки, показывая, как бы летела ракета с ядерным зарядом.

— Это значит, что если сейчас бомба пролетает над Де-Мойном, то на следующем обороте пройдет над Тихим океаном. За двадцать четыре часа она покрывает всю территорию земного шара.

— Боже мой! Мэттью, прошу тебя; не говори мне про атомную бомбу, летающую над Де-Мойном. Даже в шутку.

— В шутку? — Мэтт озадаченно посмотрел на мать. — Между прочим… сейчас подсчитаю…

мы находимся примерно на сорок втором градусе северной широты и девяносто четвертом западной долготы… — Он взглянул на часы, вмонтированные в перстень на пальце, и задумался. — «Джей-три» будет пролетать минут через семь — да, точно, она будет прямо у нас над головой, когда ты закончишь пить кофе.

Бесконечные недели на борту «Нобеля», во время которых Мэтт занимался расчетами и следил за экраном радиолокатора, сделали из него отличного вычислителя; он помнил данные всех орбит, по которым летали ракеты с зарядами вокруг Земли, лучше, чем жена фермера помнит, сколько у нее цыплят. Для Мэтта орбита ракеты «Джей-три» была не просто набором цифр, а чем-то вроде старого знакомого, все привычки которого навсегда отпечатались у него в памяти.

Мать смотрела на него с ужасом. Затем она повернулась к мужу, словно надеясь, что он сможет чем-то помочь:

— Джон… я боюсь. Ты слышишь меня? Я боюсь! А вдруг она упадет?

— Глупости, Кэтрин, ракета не может упасть.

— Мама даже не знает, почему Луна держится в космосе! — хихикнул младший брат.

Мэтт повернулся к брату.

— А ты, сопляк, чего лезешь? — осадил его Мэтт. — Сам-то ты знаешь, почему Луна держится?

— Конечно. Из-за силы тяготения.

— Так, да не так. Ну-ка, объясни мне это с помощью чертежей для наглядности.

Билл попытался, но без особого успеха. Мэтт прервал его:

— Астрономию ты знаешь хуже древних египтян. А еще над старшими смеешься. Мама, послушай, не расстраивайся. «Джей-три» правда не может упасть на Землю. Он находится на свободной орбите, которая с земной поверхностью не пересекается. И в одном этот умник прав: «Джей-три» не может упасть так же, как не может упасть Луна. Кроме того, если бы патруль должен был бомбить Де-Мойн сегодня ночью, он не стал бы использовать «Джей-три» как раз потому, что она над нами. Чтобы бомбить город, нужно задействовать ракету, которая еще только летит к цели и находится от нее в нескольких тысячах миль, потому что сначала нужно подать роботу сигнал на включение двигателя и поиск цели. Надо замедлить ее и направить вниз. Так что это была бы не «Джей-три», это была бы… — Он снова задумался. — «Ай-два», а может, и «Эйч-один».

Он что-то вспомнил и улыбнулся.

— Как раз из-за «Ай-два» у меня были однажды неприятности.

— Какие? — с интересом спросил младший брат.

— Мэтт, я думаю, от этих твоих объяснений матери лучше не стало, — сухо сказал отец. — Давай не будем про атомную бомбардировку городов.

— Но я и не собирался… Извини, папа.

— А ты, Кэтрин, не должна этого бояться, ты же местных полицейских не боишься? Мэтт, ты хотел рассказать, как делается осмотр ракет. Зачем их нужно осматривать?

— Папа, пусть Мэтти расскажет, почему у него были неприятности!

Мэтт подмигнул брату:

— Пожалуй, я расскажу, это связано с осмотром ракет, папа. Значит, дело было так: когда нужно было ее забрать, у меня плохо вышло с прыжком. Пришлось вернуться на ранцевом двигателе и начать все сначала.

— Что-то я не понимаю, Мэттью.

— Он хочет сказать, что…

— Билли, помолчи. Когда нам нужно взять ракету на борт, то посылают космонавта в скафандре, чтобы вставить в боеголовку чеку и прикрепить к ней трос. Тогда уже можно втянуть ее в корабль

и начать работу. Это поручили мне. Я прыгнул, да неудачно и проскочил мимо ракеты. Она была от нас ярдах в ста, наверное, я плохо прикинул расстояние. Я повернулся и увидел, что пролетаю мимо. Тогда я вернулся с ранцевым двигателем на корабль и сделал все снова.

Мать все еще ничего толком не понимала, но услышанное ей не понравилось.

— Мэттью! По-моему, это очень опасно.

— Ничего опасного, мама. Ведь и я *не могу* упасть, так же как ракета или корабль. Но мне, конечно, было очень неудобно за такую ошибку. Как бы там ни было, в конце концов я прикрепил трос к ракете и вернулся на корабль прямо верхом на ней.

— Ты хочешь сказать, что *ехал верхом* на атомной бомбе?

— Ерунда, мама, поглотитель вокруг расщепляющихся материалов задерживает большую часть излучения. К тому же все это было очень недолго.

— А если она взорвется?

— Да не может она взорваться. Для этого бомба должна врезаться в землю с такой скоростью, чтобы субкритические массы соединились в одно целое, как при действии взрывного механизма,

или нужно дать команду по радио, чтобы сработало взрывное устройство. А я же ведь еще и чеку вставил — маленький такой ломик. Когда чека на месте, бомба даже чудом взорваться не может — субкритические массы не соединятся.

— Может, нам лучше оставить эту тему, Мэтт? Похоже, она нервирует нашу маму.

— Папа, так ведь мама первая и спросила.

— Знаю. Но ты мне так и не сказал, зачем вы осматриваете ракеты.

— Ну, в первую очередь мы осматриваем сами боеголовки, но с ними всегда порядок. Кроме того, я еще не получил допуска для осмотра бомбы, для этого нужно иметь диплом физика-ядерщика. Потом мы проверяем ракетный двигатель, особенно топливные баки. Иногда топливо приходится пополнять: бывает, часть его испаряется через клапаны. Но наша главная задача — это проверка орбиты и контуров управления.

— Проверка орбиты?

— Конечно, теоретически мы должны быть готовы определить координаты любой бомбы в любой момент на протяжении следующих тысячелетий. Но так не бывает. Разная мелочь — приливы, неидеальная сферичность Земли и так далее, — все это приводит к тому, что ракеты

постепенно уходят с расчетных орбит. После того как ракету найдут и осмотрят — она всегда неподалеку от расчетного места, — корабль ложится точно на курс, по которому должна следовать ракета, и ее выталкивают из грузового отсека. Затем направляемся к следующей.

— Теперь понятно. Значит, осмотр ракет и коррекция орбит должны производиться достаточно часто? По-видимому, корабль постоянно летает от одной ракеты к другой?

— Нет, папа, осмотр производится чаще, чем необходимо на самом деле, но это загружает корабль и команду работой. Не дает им утонуть в рутине. К тому же частые проверки повышают безопасность.

— Мне кажется, что это просто напрасная трата средств налогоплательщиков.

— Папа, ты не понимаешь. Мы находимся там не ради инспекции ракет, мы там чтобы *патрулировать*. Инспекционный корабль — это тот корабль, который должен нанести удар, если кто-то на Земле начнет действовать. Именно поэтому корабль патрулирует околоземное пространство до тех пор, пока ему на смену не придет другой. И чтобы не тратить время впустую, проводится осмотр ракет и коррекция их орбит. Конечно,

удар можно нанести и с Лунной базы, но с близкого расстояния это можно сделать быстрее и точнее, и тем меньше вероятность того, что вы зацепите не тех людей.

Лицо матери выглядело очень обеспокоенным. Отец неодобрительно поднял брови и заметил:

— Мы опять вернулись к теме бомбежек, Мэтт.

— Я всего лишь отвечаю на ваши вопросы, сэр.

— Боюсь, что я не должен был задавать тебе такие вопросы. Твоя мать не может спокойно об этом слушать. Кэтрин, уверяю тебя, нет ни малейшей опасности бомбардировки Северо-Американского союза. Скажи ей, Мэтт, тебе мать поверит.

Мэтт молчал.

— Ну что же ты, Мэтт. Послушай, Кэтрин, патруль ведь наш. Про другие нации и разговору нет. Большинство офицеров патруля американцы. Мэтт, правда?

— Я как-то об этом не думал. Да, пожалуй.

— Хорошо. Понимаешь, Кэтрин, разве можно представить себе, что Мэтт согласится участвовать в атомной бомбардировке Де-Мойна? Да скажи ты ей это, Мэтт!

— Но… папа, ты просто не понимаешь, о чем говоришь!

— Что?! Что это значит, молодой человек?!

— Я… — Мэтт беспомощно посмотрел по сторонам, неожиданно поднялся из-за стола и вышел из комнаты.

Через некоторое время отец вошел к нему в комнату:

— Мэтт?

— Да, сэр?

— Послушай, Мэтт, этот разговор сегодня вечером зашел слишком далеко по моей вине. Мне очень жаль, и я не виню тебя за то, что ты расстроился. Все дело в твоей матери. Я пытался ее успокоить. Женщины так легко заводятся.

— Все в порядке, папа. Прости меня за то, что я ушел из столовой.

— Давай забудем об этом. Есть только одна вещь, которую мне хотелось бы прояснить. Я знаю, что ты предан патрулю и его идеалам, и это правильно, так и должно быть, но… ну, ты еще слишком молод и всего, что касается политики, тебе не понять. Но ты должен понимать, что патруль не может бомбить Северо-Американский союз.

— В критическом случае может.

— Но ведь не будет никакого критического случая. А даже если и будет, ты никогда не согла-

сишься бомбить свой народ, и твои товарищи тоже.

В голове Мэтта боролись противоречивые мысли. Он вспомнил капитана Риверу — одного из знаменитой четверки, вспомнил, как Ривера, когда его послали на Землю, в столицу его собственной страны, его родной город, для переговоров с чиновниками, не нарушил клятву офицера. Подозревая, что его могут захватить и держать в качестве заложника, Ривера распорядился, чтобы удар был нанесен, если только он лично не вернется на корабль и не отменит свое решение. Тело Риверы превратилось в радиоактивную пыль, но имя произносилось на каждой поверке всех подразделений патруля…

— Разумеется, патруль обязан следить за соблюдением законов на континенте, точно так же, как он следит за их соблюдением на всех планетах Системы, — продолжал отец. — Иначе это произвело бы неблагоприятное впечатление. Но это еще не причина пугать женщин воображаемыми страхами.

— Мне не хочется на эту тему говорить, папа…

Мэтт посмотрел на часы, прикинул, через сколько времени «Молодая Луна» состыкуется со станцией «Терра». Он тоже не прочь бы заснуть,

как это сделали остальные. Теперь он точно знал, почему передумал бросать службу и остаться в Де-Мойне. Вовсе не из желания подражать Ривере. Нет, это было множество разных мелочей, но все они разом уложились в одну-единственную мысль: малыш Мэтти там больше не живет!

В течение нескольких недель после возвращения Мэтт был так занят, что ему некогда было размышлять. Нужно было снова впрягаться в работу — теперь у него было куда больше занятий, чем раньше, и куда меньше времени, чтобы их выполнять. Ему приходилось нести вахту и подменять офицеров, добавились и лабораторные работы — по электронике и ядерной физике. А еще вместе с другими «стариками» он помогал воспитывать новичков. До отпуска вечерами Мэтт обычно бывал свободен и посвящал это время учебе, но теперь ему приходилось три раза в неделю обучать молодняк астронавигации. Мэтт начал уже подумывать, а не бросить ли, к чертям, космополо, но тут, как на грех, его выбрали капитаном команды Свинячьего, и со временем вышел полный завал. Мэтт и думать забыл о каких-то там абстрактных проблемах, пока не подошло время встречи с лейтенантом Вонгом.

— Добрый вечер, — сказал наставник. — Как

ваши новички-астронавигаторы? Успевают?

— Как вам сказать… Необычно как-то учить других тому, что сам часто заваливал.

— Вот поэтому вам и поручили вести основы астронавигации — вы еще не забыли, что и почему было самым трудным. А с атомной физикой у вас как?

— Ну… думаю, разберусь. Эйнштейна из меня, правда, не получится.

— Вот бы я удивился, если б было наоборот. Ну а вообще как дела?

Мэтт молчал. Вонг ждал ответа.

— Неплохо, пожалуй… Знаете, мистер Вонг, я же, когда домой уезжал, думал, обратно не вернусь.

— Я догадывался. Вся эта идея с десантом — обычная попытка убежать от решения настоящей проблемы, которая перед вами стоит.

— Да? Скажите, мистер Вонг, вы офицер патруля или психиатр?

— Я обыкновенный офицер, — по лицу Вонга промелькнула еле заметная улыбка, — прошедший специальную подготовку, необходимую для моей работы.

— Э-э-э… Понятно. А что за проблема, от которой я убегал?

— Я не знаю. Это вы мне скажите.

— Я не знаю, с чего начать.

— Расскажите о своем отпуске, Мэтт. Времени у нас полно.

— Хорошо, сэр.

И он рассказал Вонгу все, что мог вспомнить.

— В общем, — сказал он напоследок, — разные мелочи собрались в одну кучу. Я вроде был дома — и был там совсем чужим. Мы говорили на разных языках.

Вонг фыркнул.

— Я не над вами смеюсь, — пояснил он. — Это совсем не смешно. Мы все проходим через это — внезапное осознание того, что пути назад нет. Это один из этапов взросления, вот только для космонавта он проходит особенно остро и тяжело. Мучительно тяжело.

— Теперь и я это понял, — кивнул Мэтт. — Вернуться я не смогу, уже не получится. Во всяком случае, не навсегда. Быть может, уйду в торговый космический флот, но то, что останусь космонавтом, — это точно.

— На этом этапе вы вряд ли уже потерпите неудачу.

— Может быть. Но я все еще не уверен, что патруль — это то, что мне нужно. Это меня и

беспокоит.

— А поподробнее вы это мне объяснить не можете?

Мэтт попытался. Он рассказал про свою беседу с родителями, которая так их расстроила.

— Короче говоря, вот в чем дело: в случае крайней необходимости мне придется нанести ядерный удар по моему родному городу. Я не уверен, что справлюсь с таким заданием. Может быть, патруль все-таки не для меня?

— Не думаю, Мэтт, что такое когда-нибудь случится. Ваш отец совершенно прав.

— Не в этом дело. Если офицер патруля верен присяге только тогда, когда это не касается его лично, то вся система разваливается.

Вонг ответил не сразу.

— Если бы перспектива бомбить свой собственный город, свою семью оставила вас равнодушным, и часа бы не прошло, как я вышвырнул бы вас с этого корабля — вы были бы исключительно опасным человеком. Патруль не рассчитывает на ангельское совершенство своих офицеров. Люди несовершенны, поэтому наша служба основана на принципе разумного риска. Вероятность того, что в течение вашей жизни Солнечной системе будет угрожать опасность из вашего родного

города, очень невелика. Еще меньше вероятность того, что именно вам будет поручено нанести удар, — в этот момент вы можете оказаться на Марсе. Если обе эти вероятности сложить вместе, шансы практически нулевые. Но если все же такое случится, ваш командир, думаю, не станет рисковать и запрет вас в вашей каюте.

Беспокойства на лице Мэтта меньше не стало.

— Такой ответ вас тоже не устраивает? — удивился Вонг. — Мэтт, ваша проблема — обычная юношеская болезнь. Вы думаете, что на все моральные вопросы имеются простые, аккуратные черно-белые ответы. Знаете, что я предлагаю? Перестаньте переживать и позвольте мне думать о том, есть ли у вас все необходимые качества. О, не сомневаюсь, что наступит момент, когда вы окажетесь в сложной ситуации и рядом не будет никого, кто мог бы помочь отыскать правильный выход. Но именно мне нужно определить, сумеете вы найти такой выход или нет, причем я даже не знаю, какой будет эта ситуация. Ну что, хотите поменяться со мной местами?

— Пожалуй, нет, сэр, — смущенно улыбнулся Мэтт.

11

ПРК «Aes Triplex»

Мэтт, Оскар и Текс убивали время перед обедом, собравшись в общей комнате у себя в кают-е, когда к ним влетел Пит. Влетел в буквальном смысле — оттолкнулся от дверного косяка и с криком влетел в комнату:

— Эй, ребята!

Оскар схватил его за руки, когда он отскочил от противоположной стены.

— Выключи двигатель и давай на посадку. Чего шумишь?

Пит повернулся в воздухе и посмотрел на них:

— Там новый список выпускников повесили!

— Кто в списке?

— Еще не знаю, самому только что рассказали. Пошли!

Кадеты двинули за ним следом. Текс поравнялся с Мэттом и сказал на ходу:

— Я-то чего спешу? Меня там наверняка нету.

— Пессимист!

Они вывернули из Свинячьего закоулка, поднялись на три палубы к центру корабля и направились к носу. Вокруг доски объявлений

рядом с дежурной частью уже собралась кучка кадетов. Они вклинились в толпу и подобрались поближе.

Пит сразу увидел свою фамилию.

— Смотрите! — закричал он.

В начале списка значилось: «Арман, Пьер — временно назначен на ПРК „Телега Чарльза“[50], прс — ст. «Терра», мнзн — Леда, Гнмд, ж. д. р.».

— Ребята! — радостно воскликнул Пит. — *Я еду домой* — «ждать дополнительных распоряжений».

— Поздравляю, Пит. Просто здорово. — Оскар похлопал его по плечу. — А теперь не соизволишь ли сместить свою тушу? Ты не прозрачный.

— Я тоже есть! — объявил Мэтт.

— Какой корабль?

— ПРК «Aes Triplex».

Оскар повернулся к Мэтту:

— Какой-какой?

— «Aes Triplex»[51].

---

[50] Примечания: 50

«Телега Чарльза» — другое название Ковша, группы звезд в созвездии Большой Медведицы. Вероятно, название произошло от староанглийского «carles wagn» — «крестьянская телега».

[51] Примечания: 51

Aes Triplex — «тройная медь» или «тройная бронза» *(лат.)*. Название, возможно, взято из «Од» Горация: «Духом тверже дуба и бронзы тройной был человек, что доверился хрупкому челну, направившись в море». *— Примеч. С. В. Голд.*

— Да это же *мой* корабль! Парень, мы теперь сослуживцы!

Расстроенный Текс отвернулся от списка:

— Джермэна нет, что я и говорил. Так что, ребята, оставаться мне на «Рэндольфе» пять лет, десять, пятнадцать — буду старый, седой. Вы уж черкните мне пару слов на день рождения.

— Да, Текс, нехорошо получается. — Мэтт, как мог, старался приглушить свою радость.

— Слушай, Текс, а во второй половине списка ты смотрел? — спросил Пит.

— В какой еще второй половине?

Пит ткнул пальцем, и Текс снова нырнул в толпу. Через мгновение он появился рядом с друзьями:

— И что вы думали? Они меня все-таки выпустили!

— Должно быть, не хотели, чтобы ты мозолил глаза еще одному потоку новичков. Какой корабль?

— ПРК «Оукридж». А вы с Оскаром что, на одном корабле?

— Да, «Aes Triplex».

— Дискриминация, вот что это такое. Пошли, на обед опоздаем.

В коридоре они столкнулись с Жераром Бер-

ком.

— Не беги так, Вонючка. Тебя в списке нет, — любезно сообщил ему Текс.

— В каком списке? А-а, ты про список выпускников! Не бойтесь за меня, сосунки, вы разговариваете со свободным человеком.

— Выходит, тебя наконец-то выгнали?

— Вот уж хрен! Уволен по собственному желанию, с сегодняшнего дня. Займусь бизнесом с отцом.

— Будешь строить космический металлолом? Да, тебе не позавидуешь.

— Нет, мы с отцом решили открыть грузовую линию. Займемся экспортом. В следующий раз при встрече не забудьте добавлять к моей фамилии «капитан». — Берк исчез за углом.

— Держи карман шире! «Капитан»! — сказал Текс. — Уверен, что это коммодор попросил его подать рапорт.

— Вряд ли, — задумчиво произнес Мэтт. — Берк ловкий парень. Что ж, по крайней мере, больше мы его не увидим.

— И это тоже неплохо!

После обеда Текс куда-то исчез и появился в каюте почти через два часа.

— Все, ребята, дело в шляпе. Пожмите руку

новому члену экипажа «Aes Triplex»!

— Иди ты! Текс, врешь!

— Факт. Сначала я сходил к Дворжаку и убедил его, что корабль на околоземной орбите гораздо лучше, чем «Aes Triplex», он же чаще сможет встречаться со своей девушкой. Потом пошел к коммодору Аркрайту и тонко так ему намекнул, что вам без меня не справиться, вы ж как дети малые, вечно лезете ко мне за советом. Вот и все, собственно. Коммодор сразу оценил мудрость моего предложения и дал добро на обмен с Дворжаком.

— По-моему, ты все перепутал, — покачал головой Мэтт. — Наверняка он решил поручить мне и дальше присматривать за тобой.

— Мэтт, а знаешь, — Текс посмотрел на него странным взглядом, — ведь ты почти попал в точку!

— Ладно, кончай трепаться, я же пошутил.

— Коммодор сказал, что, по его мнению, кадет Йенсен на меня благотворно влияет. Как это тебе, Оскар?

— Если я дошел до того, что уже оказываю на кого-то благотворное влияние, значит мне самое время заводить новые дурные привычки!

— В этом можешь всегда рассчитывать на

меня.

— Зачем ты мне сдался? Для этого мне нужен твой дядя Боди, вот это мужик…

Три недели спустя Оскар, Мэтт и Текс устраивались в своей новой каюте на борту ПРК «Aes Triplex». Мэтт чувствовал себя не в своей тарелке: накануне они с друзьями неплохо повеселились в поселке Тихо и едва успели на последний шаттл, вылетавший на Лунную базу. Загудел телефон. Мэтт поднял трубку:

— Кадет Додсон слушает.

— Говорит вахтенный офицер. Йенсен тоже с вами?

— Так точно, сэр.

— Обоим немедленно явиться к капитану.

— Есть, сэр!

Мэтт положил трубку и тревожно взглянул на Оскара.

— Ос, я, кажется, влип. Комбинезоны-то мои у портного в мастерской базы, он сказал, что перешьет без задержки. А этот такой, будто я в нем спал.

— Так и быть. Мой возьми.

— Спасибо, он на мне как носки на петухе. В прачечную я сбегать успею, как ты думаешь?

— Вряд ли.

— И побриться нужно. — Мэтт уныло поскреб на щеке щетину.

— Слушай, — сказал Оскар, — или я ничего не понимаю в капитанах, или лучше явиться к нему голым и с бородой до колен, чем заставить его ждать. Пошли.

Дверь приоткрылась, и в щель сунулся Текс:

— Ребята, вас уже позвали на доклад к старику?

— Да. У тебя нет чистого комбинезона?

Текс кивнул. Мэтт быстро юркнул в его крошечную каюту и переоделся. Он потуже затянул ремень, расправил на спине складки и вместе с друзьями отправился к капитану, надеясь, что пронесет.

— Хорошо, что нас трое, — произнес Текс. — В одиночку я бы не смог. У меня что-то с нервами.

— Расслабься, — сказал Оскар. — Капитан Макэндрюс, говорят, человек добрый.

— Ты что, ничего не знаешь? — удивился Текс. — Макэндрюс в госпитале, сломал лодыжку. Перед самым вылетом командиром экспедиции департамент назначил капитана Янси.

— Янси! — присвистнул Оскар. — Вот это да!

— А ты его, что ли, знаешь? — спросил Мэтт.

— Мой отец с ним работал. Он получил кон-

тракт на поставку продуктов в порт Нью-Окленда, когда Янси — лейтенант Янси — был начальником порта.

— Отлично! У тебя будет покровитель.

— Если бы так. Отец с ним не ладил.

— Интересно, — мрачно произнес Текс, — и зачем я так старался свалить с «Оукриджа» и попасть сюда?

— Раньше надо было думать.

Оскар замолчал, потому что дверь, перед которой они стояли, неожиданно распахнулась и кадеты увидели перед собой командира корабля. Капитан Янси был высок, строен, широкоплеч и так красив, что больше походил на телезвезду в роли патрульного, чем на настоящего офицера.

— В чем дело? — холодно спросил он. — Что это за манера разговаривать под дверью каюты! Заходите!

Кадеты молча прошли внутрь. Капитан Янси сел за письменный стол и обвел их взглядом, одного за другим.

— В чем дело, джентльмены? — сказал он наконец. — Вы что, все внезапно онемели?

Текс первым обрел дар речи:

— Кадет Джермэн явился по вашему приказанию, сэр.

Взгляд капитана переместился на Мэтта.

— Кадет Додсон, сэр, — с трудом выговорил Мэтт.

— Кадет Йенсен прибыл по вашему приказанию, сэр.

Капитан резко повернул голову в сторону Оскара и заговорил с ним по-венериански:

– Неужели мои уши слышат звуки речи Прекрасной Планеты?

– Это так, о старый и мудрый вождь.

— Откровенно говоря, мне никогда не нравилось говорить на этом дурацком языке, — заметил капитан Янси, вновь переходя на бейсик. — Не буду спрашивать, откуда вы родом, но позвольте поинтересоваться — ваш отец никогда не занимался поставками продуктов?

— Мой отец — оптовый торговец продуктами, сэр.

— Так я и думал. — Капитан еще какое-то время смотрел на Оскара, затем повернулся к Мэтту. — Объясните мне, мистер, зачем вам понадобился этот маскарад? Вы похожи на беженца с корабля переселенцев.

Мэтт попытался что-то буркнуть в свое оправдание, но капитан его оборвал:

— Ваши оправдания меня не интересуют. Я

строго слежу за дисциплиной и порядком на своем корабле. Запомните это.

— Есть, сэр.

Капитан откинулся на спинку кресла и закурил.

— Думаю, джентльмены, вам интересно, зачем я вас сюда вызвал? Мне любопытно было посмотреть, какую продукцию выпускает нынче Академия. В мое время там за любую провинность без лишних разговоров секли розгами. Теперь, я знаю, всем заправляют психологи и порядки переменились.

Он наклонился вперед и посмотрел Мэтту прямо в глаза.

— Но на моем корабле порядки остались прежними. Их никто не менял, джентльмены.

Все молчали. Янси сделал паузу и продолжил:

— В соответствии с правилами вы обязаны представиться своему командиру в течение двадцати четырех часов после прибытия на корабль или базу. Будем считать, что процедура знакомства состоялась. Садитесь, джентльмены. Мистер Додсон, слева от вас кофейник и чашки. Не будете ли вы так любезны?

Через сорок минут кадеты вышли из каюты своего командира, совершенно сбитые с толку.

Янси дал им понять, что он гостеприимный хозяин, продемонстрировав умение вести непринужденную беседу, немного суховатый юмор и способность рассказывать анекдоты. Мэтт подумал-подумал и решил, что Янси ему понравился. Тем не менее, когда кадеты направились к выходу из каюты, капитан Янси посмотрел на часы и сказал:

— Мистер Додсон, зайдите ко мне через пятнадцать минут.

— Что ему от тебя надо, Мэтт? — удивленно спросил Текс, когда за ними закрылась дверь капитанской каюты.

— А ты что, не понял? — бросил Оскар. — Слушай, Мэтт, я побежал в мастерскую за твоей формой, а то ты не успеешь переодеться и побриться за пятнадцать минут.

— Спасибо, Ос, ты спасаешь мне жизнь!

Тринадцать часов спустя ПРК «Aes Triplex» вылетел с Лунной базы по траектории, выводящей на эллиптическую орбиту. Ее дальний край проходил через пояс астероидов. Кораблю были поручены поиски пропавшего ПРК «Следопыт». Исчезнувший корабль занимался составлением радиолокационных карт одного из секторов пояса астероидов для уранографического отдела

патруля. Выполняя свое задание, ПРК «Следопыт» находился за пределами радиосвязи, и тем не менее он должен был связаться по радио еще шесть месяцев назад, в момент сближения с Марсом. Но станция на Деймосе не смогла связаться со «Следопытом», и корабль считался потерянным.

Возможное местонахождение «Следопыта» представляло собой подвижную область пространства, рассчитанную с помощью баллистики, геометрии, характеристик корабля, поставленной перед ним задачи, а также последних переданных им координат, курса и скорости. Эта область была разделена на четыре сектора, и «Aes Triplex» было поручено обследовать один, в то время как три других патрульных корабля обследовали оставшиеся сектора.

Операция по розыску пропавшего корабля получила в штабе название «Операция „Самаритянин“»[52], но каждый из четырех кораблей

---

[52] Примечания: 52

Самаритянин — член иудейской общины, которую не выслали во время ассирийского завоевания Израиля в 772 г. до н. э., а оставили в Самарии, центральном районе Палестины. Когда изгнанники вернулись домой, они отказались помогать тем, кто остался жить здесь (самаритянам), в перестройке храма, и тогда самаритяне выстроили собственный храм на горе Гезирим к северу от Иерусалима. Потомки изгнанников считали потомков самаритян еретиками и отщепенцами. В притче Христа о добром самаритянине вразрез с общественным мнением говорится о достойном человеке.

действовал в пределах выделенного ему сектора самостоятельно. Это было вызвано тем, что корабли находились слишком далеко друг от друга, и их действия невозможно было координировать.

Ведя поиски пропавшего корабля, все четыре спасателя продолжали выполнять задачу, стоявшую перед «Следопытом», картографирование космического мусора, из которого состоит пояс астероидов.

Помимо командира корабля и трех кадетов экипаж «Aes Triplex» состоял из коммандера Хартли Миллера, старшего помощника командира и астронавигатора, лейтенанта Новака — старшего механика, лейтенанта Турлоу — бомбардира, лейтенанта Брюнна — офицера связи и трех младших лейтенантов: Петерса, Гомеса и Клири, исполнявших обязанности механика и вахтенных офицеров. Кроме того, на борту находился доктор Пикеринг, начальник корабельной санчасти, посланный на «Aes Triplex», чтобы оказать медицинскую помощь уцелевшим космонавтам, если их удастся обнаружить.

На «Aes Triplex» не было космических десантников, если не считать доктора Пикеринга, который принадлежал к административному штабу корпуса космического десанта и не был

офицером патруля. Все необходимые работы на корабле выполнялись кадетами и офицерами. Были времена, когда даже самому младшему офицеру пехотного полка прислуживал собственный ординарец, но слуги оказались слишком дорогой роскошью, чтобы возить их за миллионы миль, расходуя топливо, припасы и кубатуру. К тому же мелкие хозяйственные обязанности разбавляют скуку бесконечного однообразия космических полетов; даже такая малоприятная работа, как уборка сортира, выполнялась по очереди всеми членами корабельного экипажа, за исключением командира, его помощника и врача.

Воспитателем кадетов капитан Янси назначил лейтенанта Турлоу, а тот, в свою очередь, распределил среди них обязанности помощника астронавигатора, младшего вахтенного офицера, помощника механика и помощника бомбардира, организовав смены для исполнения этих никому не нужных обязанностей. Кроме того, лейтенант Турлоу следил за тем, чтобы Мэтт, Оскар и Текс как можно чаще пользовались единственным учебным проектором, имевшимся на борту корабля.

Еще старший помощник поделил между кадетами другие обязанности, не имеющие прямого

отношения к учебе. Мэтт, например, был назначен корабельным фермером. Поскольку гидропонические ванны обеспечивали корабль кислородом и овощами, он отвечал за кондиционирование воздуха и делил с лейтенантом Брюнном работы на корабельном камбузе.

Теоретически все продукты, взятые на борт для длительного полета, заранее подвергнуты обработке и готовы к употреблению, достаточно вынуть их из морозильника и подержать в микроволновой печи нужное количество секунд, обозначенное на упаковке. Тем не менее многие офицеры патрульной службы воображают себя искусными поварами. Не был исключением и лейтенант Брюнн, однако его достижения вполне соответствовали его притязаниям, и пища на борту «Aes Triplex» всегда была просто пальчики оближешь.

Скоро Мэтт понял, что лейтенант Брюнн ждет от корабельной фермы не только элементарной очистки воздуха, при которой зеленые растения поглощают двуокись углерода и замещают ее кислородом, — нет, заведующий корабельной столовой хочет, чтобы гидропонические ванны снабжали его крохотными зелеными луковицами, душистой мятой, помидорами черри,

брюссельской капустой и молодым картофелем. Мэтт начал подумывать, а не проще ли было ему остаться в Айове и выращивать кукурузу.

Когда Мэтт взялся за контроль состава корабельной атмосферы, он не умел даже измерить содержание углекислого газа, но скоро набил руку и уже как опытный ветеран проверял состав растворов в гидропонических ваннах, добавляя туда капсулы с солями. И все это благодаря советам Брюнна и учебной кассете № 62A8134 «Основы гидропоники для космических кораблей с диаграммами роста и формулами микроэлементов», которую он взял в корабельной библиотеке. Понемногу ему стало нравиться ухаживать за фермой.

До тех пор пока люди не откажутся от привычки принимать пищу, корабли, отправляясь в длительные полеты, будут вынуждены брать запасы продовольствия на борт из расчета семьсот фунтов на человека в год. Растения в гидропонических ваннах позволяют до какой-то степени снизить эти ограничения. Жизнь растений протекает по замкнутому циклу, им нужно немного: воздух, углекислый газ и вода — с ничтожными добавками таких солей, как нитрат калия, сульфат железа и фосфат кальция.

Хорошо сбалансированная жизнедеятельность на корабле очень напоминает земную: для того чтобы один цикл приходил на смену другому, нужна энергия, но сырье используется то же самое, раз за разом. Поскольку говяжий стейк и многие другие продукты трудно производить на борту корабля, их приходится брать с собой. Поэтому накапливаются отбросы, помои, бумага и прочее. Теоретически все это, конечно, можно переработать и использовать снова в цикле непрерывного биологического оборота, но на практике сделать такое бывает сложно.

Но *любая* масса на борту корабля с атомным двигателем может быть использована в качестве реактивной массы, материала для реактивной струи. Расщепляемые материалы реактора расходуются очень медленно; вместо этого они нагревают другие материалы до исключительно высоких температур и затем выбрасывают их из сопла в виде «пара».

Несмотря на то что для создания реактивной массы может сгодиться даже ботва репы или что-то подобное, основное назначение фермы — извлекать из воздуха углекислый газ. Для этого на борту корабля должно находиться примерно десять квадратных футов зеленой поверхности

на человека.

Лейтенант Брюнн, все время требовавший разнообразия фруктов и овощей, заставлял Мэтта выращивать все больше и больше зелени, в результате воздух становился настолько свежим, настолько насыщенным кислородом, что растения начинали вянуть из-за нехватки углекислого газа. Мэтту приходилось внимательно следить за его содержанием в атмосфере корабля и время от времени компенсировать недостаток углекислого газа, сжигая ненужную бумагу или ветки растений.

В каюте лейтенанта Брюнна хранился большой запас самых разнообразных семян; однажды «днем» (по корабельному времени) Мэтт пошел в его каюту за семенами персидских дынь — собрался их посадить. Брюнн показал, где они лежат, и разрешил выбрать, какие Мэтта больше устраивают. Кадет принялся шарить в пачках и вдруг воскликнул:

— Мистер Брюнн, вы только посмотрите!

— Что там у вас?

Офицер посмотрел на пакет в руке Мэтта. На пакете было напечатано: «Семена дыни, персидская разновидность, особенно крупные, 12-Q4728-а». Мэтт вынул из пакета конверт с семенами — там

стояла надпись: «Семена анютиных глазок, гигантская разновидность».

Брюнн покачал головой:

— Это вам урок, Додсон. Никогда не полагайтесь на складских клерков, иначе на полпути к Плутону вы обнаружите, что вместо космических карт вам погрузили полторы сотни медных плевательниц.

— Так что же мне посеять вместо дынь? Канталупы?

— Давайте лучше арбузы — старик обожает арбузы.

Мэтт вышел из каюты с семенами арбуза, но заодно прихватил и пакет анютиных глазок.

Через восемь недель он соорудил нечто вроде вазы из чашки с камбуза, обернутой в лист пористой целлюлозы, которая использовалась в гидропонике, чтобы жидкость не вылетала из ванны при невесомости. После этого Мэтт наполнил «вазу» водой, поставил туда новый урожай и прикрепил «вазу» в центре стола перед обедом. Увидев веселые цветки анютиных глазок, капитан Янси не удержался от улыбки.

— Браво, джентльмены, — захлопал он в ладоши, — вот сюрприз так сюрприз! Будто ты дома! — Он повернулся к Мэтту. — Полагаю, мы должны

вас за это благодарить, мистер Додсон?

— Да, сэр, — признался Мэтт, чувствуя, как горят его уши.

— Гениальная мысль. Господа, предлагаю освободить мистера Додсона от плебейского титула, который он носит, и с этой минуты вместо фермера называть его ученым агрономом. Кто за, прошу поддержать.

Раздалось девять «да» и одно громкое «нет» от помощника командира Миллера. Тут же старший механик внес новое предложение: выгнать Миллера из-за стола, пусть доедает на камбузе. Что и сделали.

Лейтенант Брюнн принялся объяснять причину появления цветника. Капитан Янси нахмурился:

— Надеюсь, вы догадались проверить остальные пакеты, мистер Брюнн?

— Э-э-э… Нет, сэр.

— Займитесь этим.

Лейтенант немедленно встал.

— После обеда, — добавил капитан.

Брюнн опять сел.

— Это напомнило мне один случай, когда я был

фермером на старом «Персивале Лоуэлле»[53] — не теперешнем, а который был до него, — продолжал капитан Янси. — Мы сели у южного полюса Венеры и, уж не знаю как, занесли на корабль вирусную инфекцию, какую-то ржавчину — не смотрите на меня так, мистер Йенсен, и с вами такое может случиться, особенно на новой планете!

— Я, сэр? Я совсем на вас не смотрел.

— Да неужели? Значит, вы улыбнулись, глядя на анютины глазки?

— Совершенно верно, сэр!

— Хм! Так вот я и говорю, занесли на корабль какую-то ржавчину, и дней через десять у моей фермы был такой же вид, как у фермы эскимоса. Я вычистил гидропонику, все простерилизовал и снова засеял. Та же ерунда. Инфекция захватила весь корабль — что тут будешь делать! Все оставшееся время в пути мы питались одними

---

[53] Примечания: 53

Американский астроном *Персиваль Лоуэлл* (1855–1916) происходил из талантливой семьи: его брат Эббот Лоуренс Лоуэлл (1856–1943) был известным педагогом и политологом, президентом Гарвардского университета в 1909–1933 гг.; сестра Эми Лоуэлл (1874–1925) — известная поэтесса и литературный критик. Сам Персиваль Лоуэлл наиболее известен тем, что первым высказал и до последних дней отстаивал гипотезу об искусственном происхождении открытых в 1877 г. итальянским астрономом Джованни Скиапарелли (1835–1910) марсианских каналов.

консервами, сидели на урезанном пайке, а мне вообще запретили есть за общим столом до конца полета.

Вспомнив прошлое, он улыбнулся и крикнул в сторону камбуза:

— Как там у тебя дела, Рэд?

Помощник командира появился в дверях, держа в одной руке ложку, а в другой — закрытое пластиком блюдо.

— Отлично, — произнес он с полным ртом. — Я съел ваш десерт, капитан.

— Эй! Капитан! Прикажите ему прекратить есть! — воскликнул лейтенант Брюнн. — Эти ягоды для завтрака!

— Слишком поздно. — Коммандер Миллер уже вытирал губы.

— Капитан?

— Слушаю вас, мистер Додсон.

— Как вы очищали воздух?

— Хороший вопрос. А как бы на моем месте поступили вы, мистер?

Мэтт задумался.

— Я нашел бы способ избавиться от цэ о два, сэр.

— Совершенно верно. Я выпустил из одного герметического отсека воздух, надел скафандр,

вошел в отсек и просверлил два отверстия наружу. Затем вывел трубки на темную сторону корабля для последовательной дистилляции отработанного воздуха: сначала вымораживал воду, потом углекислый газ. Проклятый змеевик то и дело замерзал, и мне приходилось все время им заниматься. Но воздух очищался нормально, и мы сумели благополучно вернуться на домой. — Янси поднялся из-за стола. — Хартли, если вы уже поели, давайте пробежимся по схеме противометеоритной защиты. У меня есть одна идея.

Корабль приближался к орбите Марса и скоро должен был войти в довольно опасную зону пояса астероидов и космической пыли, которая их сопровождала. Мэтт к тому времени уже сменил свой предыдущий пост и стал помощником астронавигатора, но фермерства, или, как это теперь называлось, агрономства, из-за этого не бросил. Как-то раз к нему в отделение гидропоники заглянул Текс:

— Привет, землепашец!

— Привет! Сам такой.

— Как, вспахал уже свои южные сорок акров? Похоже, дождь собирается. — Текс стал всматриваться в дальнюю даль… на мигающие лампочки, ускоряющие развитие растений. — Ладно. Я по

делу. Старик тебя хочет видеть.

— Так бы и сказал, а то только губами шлепать.

Мэтт бросил работу и начал одеваться — из-за высокой температуры и влажности он работал здесь всегда голым, оно удобней, да и одежду стоило поберечь.

— Кадет Додсон, сэр. Явился по вашему приказанию.

— Вижу. — Янси показал ему лист бумаги. — Додсон, я написал рапорт в Департамент. Он будет передан, как только установится радиосвязь. Здесь рекомендация, чтобы на всех кораблях патрульной службы, совершающих дальние полеты, для поддержания настроения экипажа выращивали цветы. Автором этого предложения я назвал вас.

— Э-э-э… Спасибо, сэр.

— Не за что. Все, что работает против скуки и однообразия корабельной жизни, все, что может поднять настроение экипажа, — все нужно использовать в патруле. У нас хватает людей, которые съезжают с катушек просто от пребывания в космосе. На земле цветы считаются полезными для психотиков; возможно, они помогут космонавтам не превращаться в психов. Ну, с этим

вроде покончено. У меня к вам вопрос.

— Слушаю, сэр.

— Я все хочу понять, какого черта вы тратите время на анютины глазки, вместо того чтобы наверстывать отставание в учебе?

Мэтт не знал, что ответить.

— Я просматривал отчеты лейтенанта Турлоу. Так вот, мистер Йенсен и мистер Джермэн идут впереди вас. За последние недели ваше отставание увеличилось. Я понимаю, хобби заниматься приятно, но главная-то ваша задача — учиться.

— Так точно, сэр.

— На отчете о вашей учебе за эту четверть я поставил «неудовлетворительно». В следующей четверти нужно ликвидировать отставание. Между прочим, вы уже придумали, каким будет следующий ход?

До Мэтта не сразу дошло, что капитан перешел на шахматы. Они с Янси боролись за первое место в корабельном чемпионате.

— Да, сэр. Я беру вашу пешку.

— Так я и думал.

Янси протянул руку за спину. Мэтт услышал, как он переставляет фигуры, выдергивая штифты из углублений на шахматной доске.

— Скоро увидите, что станет с вашим ферзем!

Астероиды, космическая пыль, камни, осколки скал, заполняющие пространство между Марсом и Юпитером, движутся с разной скоростью: от пятнадцати миль в секунду вблизи Марса и до восьмидесяти миль рядом с Юпитером. Орбиты отдельных камней из этой летающей свалки имеют произвольные наклоны к плоскости эклиптики, в среднем около девяти градусов, а некоторые из них довольно эксцентричны.

Из этого следует, что космический корабль, двигающийся по кольцевой орбите на «восток» или в одном с ними направлении, должен быть готов к возможности бокового столкновения на относительных скоростях порядка двух миль в секунду, а возможны даже — впрочем, возможность эта невелика — и столкновения со скоростью вдвое большей.

Две мили в секунду — это всего лишь в два раза больше начальной скорости пули, выпущенной из хорошей спортивной винтовки. Всякой там мелочи, песка или мелких камней, «Aes Triplex» при таких скоростях не боялся. Задолго до входа в опасную зону космонавты надели скафандры, вышли в космическое пространство и прикрепили болтами бронированные плиты толщиной в корпус корабля поверх кварцевых иллюмина-

торов, оставив открытыми только объективы астронавигационных приборов и радиолокационные антенны.

Чтобы уберечься от более крупных камней, капитан Янси организовал круглосуточное наблюдение, гораздо более тщательное, чем во время обычного космического полета. Восемь радаров неустанно обшаривали пространство вокруг корабля на 360°. Гарантированный способ избежать столкновения — изменить курс или скорость, любую из этих величин. Это, пожалуй, единственный случай, когда теория пилотирования элементарна, как дважды два.

Миллер, старший помощник, разделил всех кадетов и младших офицеров на вахты круглосуточного наблюдения за экранами противометеоритной защиты. Но даже если бы наблюдатель не заметил объекта с постоянным пеленгом, его «увидели» бы радары: если зайчик надолго задержится на одном месте экрана, прозвучит сигнал тревоги и вахтенный офицер быстро запустит двигатель.

Впрочем, не следует забывать, что пояс астероидов на самом деле довольно пустынное пространство, и вероятность столкновения с чем-то большим, чем песчинка, здесь ничтожно

мала.

Поэтому перемены в жизни на борту «Aes Triplex» — если не считать более долгих вахт в дополнение к прочим обязанностям — свелись к необходимости пристегиваться ремнями во время сна, вместо того чтобы свободно, расслабившись, плавать посредине каюты. Это снижало риск свернуть себе шею во время внезапного ускорения.

На ПРК «Aes Triplex» имелось два джипа, до поры до времени отдыхавших в ангарах — углублениях в корпусе корабля. Это были самые обычные ракетные корабли с двигателями на химическом топливе и небольшого радиуса действия, но на них стояли поисковые радары не слабее, чем на самом корабле. После прибытия в район поиска на каждый джип были назначены первый и второй пилот, и сменный экипаж — каждый джип уходил в самостоятельный полет на неделю, после чего экипаж менялся и джип улетал снова.

Пилотами капитан Янси назначил лейтенантов Брюнна, Турлоу и Новака, а также младшего лейтенанта Петерса. Кадеты были поставлены в паре с лейтенантами, а младший лейтенант Гомес попал в одну команду с младшим лейтенантом Петерсом. Мэтту достался лейтенант Турлоу.

Поварские заботы взял на себя доктор Пикеринг. Все остальные обязанности по кораблю легли на младшего лейтенанта Клири. Понятно, что в одиночку было не осилить такую прорву работы, ведь нужно было по-прежнему вести поисковые и противометеоритные наблюдения. Поэтому две команды джипов, которые оставались на корабле, должны были помогать ему во время своего недельного отдыха.

Каждый понедельник корабль так размещал джипы в пространстве, чтобы вместе они могли осмотреть как можно больший его объем, области поисков при этом почти не пересекались. Корабль сам доставлял джипы на место, и они начинали поиск с полными баками на тот случай, если их не подберут и им придется самим добираться до внутренних планет.

12

ПРК «Следопыт»

Когда Мэтт отправился в свой первый полет на джипе, он взял с собой запас учебных кассет на неделю, собираясь просматривать их на крошечном проекторе маленького корабля. Но оказалось, что учебой заниматься особенно некогда: четыре

часа из восьми он должен был просиживать перед экраном поискового радара, а в оставшиеся четыре есть, спать, выполнять хозяйственные работы и, если получится, немножко заниматься учебой.

К тому же лейтенант Турлоу был большой любитель поговорить. Сразу после экспедиции бомбардир собирался переводиться на Землю, в аспирантуру.

— И вот там-то от решения уже не отвертишься, Мэтт. Остаться ли мне на службе и заниматься в свободное время физикой или уйти в отставку и заняться исследовательской работой?

— Смотря чего вам больше хочется.

— Банально, но, в общем-то, верно. Хочется стать ученым, конечно, но когда несколько лет отдал патрулю, он становится тебе заместо отца и матери. Не знаю, не знаю... Эта каменюга явно к нам подкрадывается, ее уже в иллюминатор видно.

— Правда?

Мэтт наклонился вперед и тоже увидел небольших размеров обломок, за которым Турлоу наблюдал на экране радиолокатора. Он был неправильной формы, просто мешанина из ярко освещенных на солнце мест и глубоких черных

теней.

— Мистер Турлоу, — воскликнул Мэтт, — посмотрите там, в середине. Похоже, какая-то слоистая структура.

— Возможно. Раньше уже находили обломки, состоящие из типичных осадочных пород. Собственно говоря, это и было первым доказательством, что астероиды — части бывшей когда-то планеты.

— Вот как? А мне казалось, что первым доказательством были расчеты Гудмана.

— Нет. Гудман смог проверить свои выкладки только после того, как на станции «Терра» был построен большой баллистический компьютер.

— Я знаю, просто я думал, что это было раньше.

Теория, утверждающая, что астероиды когда-то представляли собой планету, находившуюся между Марсом и Юпитером, долгое время не признавалась, потому что орбиты астероидов, казалось, не имели между собой никакой связи. Но если планета раскололась на части, их орбиты должны были пересекаться в точке взрыва. Профессор Гудман, пользуясь гигантским, работающим в невесомости компьютером, доказал, что отсутствие корелляции орбит астероидов

объясняется возмущениями от многовекового воздействия других планет.

По его расчетам, взрыв безымянной планеты произошел почти полмиллиарда лет назад, и основная масса осколков ушла за пределы Солнечной системы. Оставшиеся осколки — теперешние астероиды — составляют не более одного процента от ее массы.

Лейтенант Турлоу замерил угловую ширину обломка, измерил расстояние радаром и записал получившиеся в результате размеры. Обломок оказался не настолько велик, чтобы тратить время и силы на расчеты его орбиты, он был просто упомянут в результатах наблюдений. Более мелкие объекты всего лишь перечислялись без подробностей, а столкновения с мельчайшими частицами регистрировались электронным счетчиком, который был связан с обшивкой.

— Знаешь, Мэтт, что больше всего меня волнует в связи с моим увольнением? — продолжал Турлоу. — Ты когда-нибудь обращал внимание, чем отличается офицер патруля от всех прочих?

— Ну конечно!

— Так чем?

— Чем отличается? Ну, во-первых, мы космонавты, а они нет. Я думаю, все дело в том, насколько

велик твой мир.

— Верно, да не совсем. Не следует увлекаться размерами. Сто миллионов квадратных миль пустоты — это просто пустота. Нет, Мэтт, разница много глубже. Мы обеспечили человечеству сто лет мира, и сейчас нет ни одного человека, который помнил бы войну. Мир и благополучие люди стали воспринимать как нечто само собой разумеющееся. Но это не так. За спиной человека миллионы лет опасностей, голода, смерти; для истории сто лет мира — всего мгновение. И похоже, только патруль осознает это.

— Вы бы отменили патруль?

— О, боже, нет, конечно, Мэтт! Но мне очень хочется, чтобы люди поняли, какая тонкая грань отделяет их от джунглей. И вот еще что… — Турлоу смущенно улыбнулся. — Хотелось бы, чтобы они хоть немного понимали, кто мы такие. Многие считают нас просто наемниками, работающими за деньги налогоплательщиков.

Мэтт кивнул:

— Они считают нас чем-то вроде транспортной полиции. В моем городе живет один тип, который торгует подержанными вертолетами. Так он меня как-то спросил, почему это люди из патруля, когда уходят в отставку, получают пенсию. Он

сказал, что не смог бы так вот просто сидеть и в свои тридцать пять лет ни хрена не делать и не понимает, чего это ради он должен тратить деньги на таких людей. — На лице Мэтта появилось недоуменное выражение. — И в то же самое время он вроде как восхищается патрулем, хочет даже, чтобы его сын стал кадетом. Не понимаю я этого.

— То-то и оно. Мы для них просто дорогая, но бесполезная игрушка, их собственность. Они не понимают, что мы не продаемся. Охранник, которого можно купить, ничуть не лучше жены, которую купили за деньги.

На следующей неделе Мэтт выкроил время, чтобы заглянуть в корабельную библиотеку, ему хотелось подробнее узнать о взорвавшейся планете. Сведений было не так уж много: сухие статистические данные о размерах астероидов, осколков и космических частиц, данные по их распределению и орбитам, вычисления Гудмана. И ни слова о том, как это произошло, никаких описаний, только научные теории.

Во время следующего своего вылета он завел об этом разговор с Турлоу.

— А что ты собирался найти? — пожал плечами Турлоу.

— Не знаю, во всяком случае, больше, чем я

нашел.

— Наша временна́я шкала, в которой мы живем, не позволяет нам узнать слишком многого. Предположим, ты возьмешь одну из учебных кассет, из тех, с которыми ты работаешь, скажем вот эту. — Офицер поднял на ладони кассету, озаглавленную «Социальные структуры аборигенов Марса». — Возьмешь эту кассету и исследуешь пару кадров из середины пленки. Скажи, ты сумеешь реконструировать многие тысячи кадров, предшествующие этим двум, чисто с помощью логики?

— Нет, конечно.

— В этом-то все и дело. Если человечеству удастся уцелеть в ближайшие несколько миллионов лет, вот тогда, может быть, мы начнем кое-что понимать. А пока мы даже не знаем, о чем спрашивать.

Мэтту такое объяснение не понравилось, но возразить ему было нечего.

— Может быть, — продолжал Турлоу, нахмурившись, — мы просто не созданы для того, чтобы задавать правильные вопросы. Ты ведь знаком с марсианской идеей «двойного мира»…

— Конечно, но ничего не понял.

— А кто понял? Давай отбросим обычное пред-

положение, что марсианин, когда утверждает, что мы живем только на «одной стороне», тогда как он живет на «обеих», имеет в виду религиозные символы. Будем основываться на том, что он исходит из совершенно реальных понятий, таких как масло и яйца, и что он действительно живет в двух мирах одновременно и тот мир, в котором живем мы, он считает чересчур мелким и не заслуживающим внимания. Если с этим согласиться, тогда это многое объясняет, например нежелание марсианина тратить время на разговоры или попытки объяснения некоторых вещей. Он совсем не высокомерен, просто рассуждает разумно — со своей точки зрения. Ты бы стал зря тратить время, объясняя радугу дождевому червю?

— Это совсем не одно и то же.

— Возможно, для марсианина одно и то же. Дождевой червь не имеет органов зрения, не говоря уже о цветовом ощущении. Если ты согласен с реальным существованием «двойного мира», то для марсианина ясно, что у нас нет соответствующих органов чувств, необходимых для того, чтобы задавать правильно сформулированные вопросы. Зачем тратить на нас время?

Из динамика прозвучал сигнал вызова.

Турлоу бросил на него взгляд и сказал:

— Кто-то звонит, Мэтт. Узнай, кто это, и скажи, что мы ничего не собираемся покупать.

— Ясно. — Мэтт переключил радио на прием. — Джип-один, «Aes Triplex», слушает.

— Это «Aes Triplex», — послышался знакомый голос младшего лейтенанта Клири. — Приготовьтесь, сейчас вас поднимут на борт.

— Что? Кончай эти шутки, мы три дня как покинули корабль.

— Приказ капитана, приготовиться к подъему на борт корабля. Джип-два нашел «Следопыта».

— Как? Вы слышали, мистер Турлоу? Вы слышали, что он сказал?

Это действительно была правда — Петерс и Гомес почти случайно наткнулись на пропавший корабль. «Следопыт» стоял, пришвартовавшись к небольшому астероиду, не больше мили диаметром. Поскольку астероид был включен в список небесных тел 1987-CD, команда джипа не обратила на него никакого внимания, пока он не повернулся к джипу другой своей стороной.

Тогда-то они и увидели «Следопыта».

Капитан Янси предусмотрительно решил подобрать Турлоу и Додсона, прежде чем отправиться к джипу-два. Как только они оказались внутри,

ПРК приблизился к астероиду 1987-CD и выровнял орбиту. Младший лейтенант Петерс рискнул потратить часть драгоценного топлива и тоже завис около астероида.

Мэтт не находил себе места, пока поднимали на борт джип-два.

Через иллюминаторы, закрытые броневыми щитами, ничего не было видно, а Мэтт в эти минуты не выполнял никаких обязанностей. С тщательностью, от которой Мэтта трясло, капитан Янси пришвартовал свой корабль к «Следопыту», послав младшего лейтенанта Гомеса с тросом. Остальной экипаж «Aes Triplex» собрался в рубке управления. Текс и Мэтт воспользовались случаем и расспросили Петерса.

— Честно говоря, я и сам толком не знаю, — ответил им младший лейтенант. — С виду «Следопыт» выглядит хорошо, повреждений вроде бы нет, но люк воздушного шлюза открыт.

— А экипаж? Есть шанс, что внутри кто-то жив?

— Есть-то есть, да считай что нет.

Капитан Янси оглянулся.

— Заткнитесь, — приказал он. — Это рубка, а не кружок вышивания.

Закончив швартовку, командир приказал Пе-

терсу и Гомесу надеть скафандры и следовать за ним; скоро три космонавта покинули «Aes Triplex».

Они возвратились через час. Еще через несколько минут, сняв скафандр, капитан Янси собрал экипаж в столовой.

— С прискорбием сообщаю, господа, что никто из наших товарищей не выжил, — сказал он глухим голосом. — Нет никаких сомнений в том, что произошло. Наружный бронированный люк корабля был открыт и не поврежден. Внутренний люк шлюза пробит быстро движущимся предметом размером с кулак, что вызвало взрывную декомпрессию в ближайших отсеках. Очевидно, им очень не повезло и метеорит влетел внутрь корабля именно в тот момент, когда открывали наружный люк.

— Погодите, капитан, — возразил Миллер. — Неужели все двери внутри корабля оказались открытыми? Они же герметичны! Один камень не может причинить таких разрушений!

— В кормовую часть мы попасть не смогли, она все еще под давлением, и двери герметически закрыты. Но картина примерно ясная: мы сосчитали тела погибших — семь человек, вся команда. Они стояли без скафандров рядом со шлюзом;

только один был в скафандре, он находился в шлюзе, но его скафандр пробит осколком. Похоже, остальные ждали его, собравшись у шлюза. — Янси посмотрел на помощника. — Рэд, думаю, нам нужно подготовить рекомендацию по управлению операциями вне корабля: нам нужен регламент, который потребует рассредоточить персонал во время выхода за пределы корабля, так, чтобы авария в шлюзе не могла затронуть весь экипаж.

— Пожалуй, вы правы, капитан, — нахмурился Миллер. — Только иногда это будет трудно сделать, особенно в небольших кораблях.

— Трудно только дышать, когда нет воздуха… Теперь состав комиссии по расследованию катастрофы: ты, Рэд, будешь председателем, Новак и Брюнн — членами комиссии. Всем остальным, пока комиссия будет работать, оставаться на борту. Когда комиссия все закончит и заберет со «Следопыта» необходимые доказательства, я предоставлю каждому из вас достаточно времени, чтобы удовлетворить свое любопытство.

— Как насчет врача, капитан? Он понадобится мне в качестве эксперта.

— Хорошо, Рэд. Доктор Пикеринг, отправляйтесь вместе с комиссией.

Кадеты собрались в каюте Мэтта и Оскара.

— И что вы на это скажете? Хуже просто не придумаешь! — сказал Текс. — Мы проторчим здесь неделю, а то и дней десять, пока эта комиссия будет измерять дырку в люке.

— Не надо дергаться, Текс, — сказал Оскар. — Думаю, старик просто не хочет, чтобы ты там нацарапал на переборке свою фамилию или уволок пробитый люк в качестве сувенира, прежде чем они со всем разберутся.

— Да пошел ты!

— Не ной, не ной. Капитан ведь сказал, вот кончит работать комиссия, и ползай себе по кораблю сколько влезет, фотографируй и удовлетворяй свои низменные аппетиты. А пока для разнообразия удовлетворяйся роскошью восьмичасового сна. Вахт ведь теперь не будет. Представляешь, никаких вахт!

— Слушай, Оскар, а ведь верно! — воскликнул Текс. — Об этом я даже не подумал! Какой смысл нести вахту и следить за осколками, мы же привязаны к этому астероиду. Если вдарит, все равно мы увернуться не сможем!

— Команда «Следопыта» в этом уже убедилась.

На следующий день проводилась последняя поверка экипажа найденного корабля. Тела

погибших были заперты в одном из отсеков «Следопыта», и поверка проводилась в кают-компании «Aes Triplex». Она длилась довольно долго: нужно было прочитать по погибшим молитвы — экипаж «Следопыта» принадлежал к трем различным конфессиям. Наконец капитан закончил церемонию собственным прощанием патруля. «А теперь мы направляем наш курс к дому…»

По случайности на борту оказалось достаточно людей, чтобы ответить на перекличке. Экипаж «Aes Triplex» состоял из капитана и одиннадцати человек. На «Следопыте» служили ровно одиннадцать: шесть офицеров патруля, один гражданский планетолог и четверка, которая присутствует на каждой поверке. Капитан Янси выкликивал фамилии членов экипажа «Следопыта», и на них откликались все, один за другим, начиная с помощника капитана Миллера и кончая Тексом. Все это время из динамиков доносилась мелодия «Долгой вахты», тихая, словно реквием.

Когда настала очередь Мэтта, он едва смог ответить — пересохло в горле. У Текса по щекам текли слезы, и он даже не скрывал этого.

На протяжении первых двух дней работы комиссии источником информации был лейтенант

Брюнн. Он рассказал, что «Следопыт» в хорошем состоянии, если не считать пробитого люка. На третий день он внезапно замолчал.

— Капитан приказал не обсуждать выводы комиссии, пока он их не изучит, — объяснил Брюнн.

Мэтт передал его слова остальным.

— Странно все это, — удивился Текс. — Что там может быть такого секретного?

— Откуда я знаю?

— У меня есть мысль, — сообщил Оскар.

— Ну? Давай свою мысль.

— Капитан пытается доказать, что от любопытства не умирают. Для этого, Текс, он выбрал тебя, подопытный кролик из тебя идеальный.

— Да вали ты со своими шуточками.

На следующий день капитан снова собрал всю команду.

— Джентльмены, благодарю вас за проявленное терпение. Я не хотел обсуждать, что там отыскалось на «Следопыте», сначала нужно было принять решение, как со всем этим поступить. Дело вот в чем: планетолог, работавший на «Следопыте», профессор Торвальд, пришел к однозначному выводу, что разрушенная планета была населена.

Раздались взволнованные возгласы.

— Прошу тишины! На «Следопыте» обнаружены образцы пород с окаменевшими ископаемыми; но еще там находятся предметы, являющиеся, по мнению профессора Торвальда, — доктор Пикеринг и мы с Миллером тоже убеждены в этом, — артефактами, результатом деятельности разумных существ.

— Уже одного этого, — продолжал капитан, — достаточно, чтобы послать в пояс астероидов десяток космических кораблей. Думаю, это самое важное открытие со времени открытия подземных поселений на Луне. Но удивительнее всего другое. Используя метод радиоактивного анализа и благодаря помощи корабельного бомбардира, профессор Торвальд высказал предположение, что эта планета — профессор назвал ее Люцифер[54] — погибла в результате взрыва ядерного устройства, созданного ее обитателями. Иными словами, жители планеты сами взорвали ее.

Тишину, наступившую в кают-компании, нарушало лишь слабое жужжание кондиционеров.

---

[54] Примечания: 54

Люцифер — буквально «несущий свет»; в греческих и римских мифах молодой мужчина с факелом в руках, персонификация утренней звезды (планета Венера на рассвете). В христианстве трансформировался в ангела, который поднял мятеж против Бога, был сброшен в ад и переименован в Сатану, князя тьмы.

— Но, капитан, это же невозможно! — внезапно воскликнул Турлоу.

— Вы знаете ответы на все вопросы, молодой человек? — посмотрел на него капитан Янси. — Я — нет.

— Простите, сэр.

— На этот счет я даже своего личного мнения не рискую иметь. Компетенция не позволяет. Тем не менее, джентльмены, если все это правда — а профессор Торвальд считает, что да, так оно и есть, — вряд ли стоит напоминать, что теперь у нас еще больше поводов гордиться нашим патрулем. И наша ответственность еще больше, чем мы полагали. А теперь давайте к делу. Мне совсем не хочется оставлять здесь «Следопыта». Помимо сентиментальных соображений, не забывайте, что это корабль патруля и стоит он миллионы. Думаю, мы сможем отремонтировать «Следопыта» и доставить его обратно.

13

Долгий путь домой

Мэтт принял участие в ремонте поврежденного люка и проверке отсеков «Следопыта» на герметичность; во время работы старший меха-

ник не сводил со своих помощников глаз. Если не считать отверстия в люке, проделанного метеоритом, внутри корабля повреждений почти не было. Практически целиком вся громадная энергия метеорита ушла на то, чтобы пробить внутренний люк; понадобилось только залатать одну переборку да выправить несколько вмятин в других местах. Наружный бронированный люк не пострадал вообще — было совершенно ясно, что метеорит-убийца влетел внутрь корабля именно в тот момент, когда открылся наружный люк.

Растения в гидропонических ваннах погибли из-за нехватки углекислого газа и просто потому, что за ними некому было ухаживать. Мэтт взялся за это дело, пока остальной экипаж занимался проверкой всех электрических цепей и приборов, каждого устройства, необходимого для функционирования корабля. На самом деле эту работу полагалось проводить на космической верфи, и они не смогли бы ее выполнить, если бы повреждения не были столь незначительны.

Оскар и Мэтт урвали часок от сна, чтобы осмотреть 1987-CD. Для путешествия им понадобились навыки и сноровка альпинистов и космонавтов, привычных к заплечным двигателям. Гравита-

ционное поле у астероида, разумеется, было, но масса даже такой небесной громадины — ничто по сравнению с массой планеты. Кадеты и притяжения-то толком не чувствовали: их мышцы, свыкшиеся с мощным гравитационным полем на Терре, не ощущали хилого притяжения астероида.

Наконец «Следопыт» отвалил от астероида, и команда — в рубке капитан Янси, лейтенант Новак в машинном — провела испытание двигателя. ПРК «Aes Triplex» отошел на несколько миль от «Следопыта», подождал, пока не закончится испытание, и вернулся. Корабли снова состыковались. Капитан Янси и старший механик вернулись на «Aes Triplex».

— Ну, Хартли, теперь он ваш, — сказал капитан. — Сами проведите испытания и, когда все будет готово, трогайтесь в путь.

— Вы же все проверили, капитан. С вашего разрешения, сэр, я немедленно перевожу свою команду.

— Вот как? Хорошо. Принимайте командование, капитан, и выполняйте поставленную задачу. Мистер, — бросил через плечо вахтенному офицеру капитан Янси, — внесите это в бортжурнал.

Спустя тридцать минут новый экипаж «Следопыта» прошел через шлюз одного корабля, потом через шлюз другого. ПРК «Следопыт» снова вернулся в строй.

На борту «Aes Triplex» остались капитан Янси, лейтенант Турлоу, исполняющий теперь обязанности помощника командира и астронавигатора, младший лейтенант Петерс — старший механик, кадеты Джермэн и Додсон — вахтенные офицеры, кадет Йенсен, назначенный офицером связи, а также доктор Пикеринг, врач.

У коммандера Миллера, капитана «Следопыта», было на одного человека меньше. Зато все его офицеры обладали опытом. Капитан Янси решил взять на себя такое тяжкое бремя, как кадеты. Он бы принял на себя и командование попавшим в аварию кораблем — а дело это довольно рискованное, — если бы не одно обстоятельство: закон этого не допускал. Капитан Янси имел право назначить временного командира из числа своих подчиненных, но поблизости не было ни одного начальника рангом выше, который мог бы освободить Янси от командования кораблем. Словом, он оказался заложником своего уникального статуса, поскольку был командиром корабля, действующего в одиночку.

По первоначальному плану полета «Следопыт» должен был сесть на Деймосе, когда Марс догонит корабль и окажется в удобном для него положении. Из-за задержки, вызванной катастрофой, о запланированной орбите не могло быть и речи — Марс окажется теперь далеко от намеченной точки встречи. Кроме того, капитану Янси хотелось поскорее доставить на базу «Терра» те поразительные открытия, которые сделал экипаж «Следопыта»; везти их на спутник Марса не было никакого смысла.

Соответственно, реактивная масса была перекачана с «Aes Triplex» на сравнительно небольшой «Следопыт» и заполнила его топливные баки. Затем была рассчитана самая короткая, хотя и не выгодная в смысле расхода топлива траектория полета к Земле.

ПРК «Aes Triplex», оставшийся с полупустыми баками, используя более экономичную и гораздо более длинную гомановскую[55] орбиту, должен был пройти мимо орбиты Марса, мимо орбиты Земли (Земля в этот момент будет совсем в

---

[55] Примечания: 55

Гоман Вальтер. «Достижимость небесных тел». Мюнхен, 1925. Эта новаторская работа по астронавигации, написанная задолго до полета корабля «Килрой был здесь», и по сей день остается фундаментальной работой в своей области. Все последующие работы — это только уточнение основных принципов, изложенных Гоманом. — *Примеч. автора.*

другом месте), а затем отправиться еще ближе к Солнцу. Обогнув его, он должен был «догнать» Землю, почти на год позже, чем «Следопыт». У «Aes Triplex» оставалось достаточно реактивной массы, чтобы вернуться на Землю даже после того, как значительную часть его топлива перекачали в баки «Следопыта», но он вынужден был придерживаться орбиты, на которой мог экономить топливо, сильно проигрывая во времени. Такие орбиты были обычным делом для коммерческих кораблей, но патрульные ими пользовались не часто.

Как-то Мэтт, работая помощником астронавигатора, — одна из многочисленных лямок, которые он тянул, — обратил внимание на некую особенность их орбиты и сообщил о ней Оскару.

— Эй, Ос, посмотри-ка: проходя перигелий, за Солнцем, мы промчимся прямо над твоим родным городом! Видишь?

Оскар взглянул на элементы орбиты:

— Надо же, не соврал! А какое максимальное сближение?

— Меньше ста тысяч миль, мы немного подправим траекторию, воспользовавшись притяжением Венеры. Старик обожает экономные орбиты. Нет желания сгонять в самоволку?

— Для этого у нас скорость высоковата, — сухо заметил Оскар.

— Эй, а где же былой пионерский дух? Ты мог бы угнать джип и свалить, прежде чем тебя хватятся.

— Черт, я бы с удовольствием. Было бы неплохо получить отпуск. — Он печально покачал головой и снова посмотрел на карту.

— Знаю-знаю, что тебя гложет, Ос. С тех пор как выбился в начальники, у тебя чувство ответственности появилось. Ну и каково это, быть одним из сильных мира сего?

— Да, Ос, давай, расскажи народу, — поддержал Текс, входя в рубку.

— Да что вы меня все подкалываете? — покраснел Оскар. — Я, что ли, в этом виноват?

— Ладно, шуток не понимаешь? Ребята, а ведь нам и по правде сильно повезло, — продолжал Мэтт. — Полет-то, по идее, должен быть учебный, а мы сейчас исполняем обязанности офицеров. Знаете, что я думаю?

— Ты *думаешь*?

— Заткнись. Если у нас все будет нормально, нам же всем могут присвоить офицерские звания!

— Как же, жди! — с сомнением покачал головой

Текс. — Это чтобы капитан Янси сделал меня офицером? Фига с два.

— Ну, тогда Оскара, его уж точно! В конце концов, он начальник службы связи.

— Да это вообще ничего не значит, — запротестовал Оскар. — Ну, отвечаю я за связь, только с кем связываться-то? Мы же вне зоны связи, если не считать «Следопыта», да и тот уже улетает.

— Ну, не вечно же нам быть вне зоны связи.

— Да какая разница? Думаешь, старик разрешит мне или кому из нас делать что-нибудь серьезное? Он всегда будет стоять за спиной и смотреть через плечо. Да и зачем мне это временное звание? Вернемся на Землю, а его раз — и не утвердят. И буду как дурак после этого.

— Ну нет, дураком я буду, если упущу этот шанс, — заявил Текс. — Другого у меня, может, никогда и не будет.

— Перестань сироту-то из себя строить. Что дядя Боди скажет, если тебя услышит?

Конечно, правда в словах наших друзей была: капитан и лейтенант Турлоу действительно следили за действиями кадетов очень внимательно. И все-таки атмосфера на корабле заметно переменилась. Капитан Янси в неслужебное время обращался к ним теперь по именам, а звание «ка-

дет» и вовсе упоминать перестал. Иногда, когда речь заходила о команде, он говорил «офицеры моего экипажа», явно понимая под «офицерами» и кадетов. Но о присвоении временного офицерского звания он не заикнулся ни разу.

За пределами пояса астероидов, вне зоны радиосвязи и в бесконечном свободном падении обязанностей у экипажа было совсем немного. Времени у кадетов появился вагон — хватало и на учебу, и поспорить, а когда и в картишки перекинуться. Мэтт ликвидировал отставание по учебе и вскоре дошел до того, что начал копаться в корабельной библиотеке, разыскивая более серьезную литературу, потому что учебный курс, запланированный для них на «Рэндольфе», не был рассчитан на такой долгий полет.

Капитан организовал для них серию семинаров, отчасти чтобы скоротать время, отчасти в качестве дополнения к образовательному курсу. Темой его семинаров были различные проблемы, с которыми офицер патруля сталкивается, выполняя работу космонавта или в более ответственной роли дипломатического представителя. Рассказывать Янси умел, а скоро кадеты поняли, что капитана можно увлечь и тогда он погружается в воспоминания. Это было интересно и

поучительно, а к тому же помогало коротать однообразные недели полета.

Наконец ПРК «Aes Triplex» оказался в пределах радиосвязи с Венерой — там их уже поджидало множество сообщений, гонявшихся за ними по всей Системе. Официальная радиограмма из Департамента выражала благодарность капитану за возвращение в строй «Следопыта» и отмечала действия остального экипажа. Естественно, эта благодарность заносилась в личное дело каждого. Кроме того, капитан Янси получил послание от Хартли Миллера, в котором говорилось, что «Следопыт» благополучно вернулся на Землю и теперь длинноволосые рвут друг на друге патлы в борьбе за привезенные кораблем данные. Янси зачитал это послание вслух.

Кроме писем из дома Мэтт получил письмо от Марианны, в котором сообщалось о свадьбе. Он так и не понял, за кого она вышла замуж — за того молодого парня, которого видел на пикнике, или за кого-то другого. Мэтт даже имени его не мог вспомнить — все это казалось таким далеким… Еще кадетов ждало послание от Пита, на письме стояла пометка: «Леда, Ганимед».

Письмо было самого обычного содержания — «отлично-провожу-время-как-жалко-что-вас-

тут-нет».

— Везет же некоторым! — прокомментировал письмо Текс.

— Чему завидовать? — спросил Оскар. — Ты же сам путешествуешь по космосу в качестве почетного гостя клуба налогоплательщиков.

— «Путешествие по космосу?» Три «ха-ха»!

Была и уйма прочих разнообразных сообщений — о передвижениях кораблей, о кадровых перестановках, многочисленные технические указания, словом, накопившаяся за это время обычная текущая корреспонденция большой военной организации. Кроме того, им передали подробную сводку новостей со всех четырех планет начиная с момента, когда они утратили контакт с миром.

Оскар обратил внимание, что капитан Янси уже не стоит за спиной и не заглядывает ему через плечо, когда он выполняет обязанности офицера связи, но это его нисколько не удивляло. Он просто был офицером связи и почти забыл, что когда-то был кем-то еще.

Но он лишь тогда окончательно уверовал, что его считают офицером связи, когда принял шифровку — первую из радиограмм, посланных в

адрес «Aes Triplex» не «клером»[56], а штабным шифром. Оскару пришлось обратиться к капитану с просьбой выдать ему шифровальную машинку, хранившуюся в сейфе. Капитан открыл сейф и без слов выдал Оскару машинку.

Когда Оскар расшифровал радиограмму, у него глаза полезли на лоб. В ней сообщалось: «TRIPLEX — ПРОСИМ РАССЛЕДОВАТЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРОИСШЕСТВИЯ ЭКВАТОРИАЛЬНОМ РАЙОНЕ ВЕНЕРЫ — ШТАБ КОСМИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ».

Оскар тут же отнес радиограмму капитану Янси. Капитан прочитал расшифрованный текст.

— Передайте помощнику, чтобы срочно зашел ко мне. И не обсуждайте ни с кем содержание шифровки!

— Слушаюсь, сэр!

Когда Турлоу вошел в капитанскую каюту, на лице его было недоумение:

— Что-нибудь случилось, капитан?

Вместо ответа Янси вручил ему шифровку. Лейтенант прочитал ее и покачал головой.

— Как вы считаете, мы сможем выполнить это распоряжение? — спросил капитан.

— Но, капитан, вы же сами знаете, сколько у

---

[56] Примечания: 56
То есть передача шла не открытым текстом.

нас осталось реактивного топлива. На круговую орбиту мы выйти еще сумеем, но где мы возьмем топливо на посадку?

— Вот и я о том же. Думаю, придется отказать. Черт побери, лучше бы меня выпороли, чем посылать отказ. И почему они именно нас выбрали? Ведь не меньше полудюжины кораблей находится в лучшем положении, чем мы.

— Вряд ли, капитан. Думаю, в этом секторе мы оказались единственными. Вы следите за расположением патрульных крейсеров?

— Не так чтобы очень. А почему вы спрашиваете?

— Вообще-то, этим следовало заняться «Томасу Пейну»[57], но он совершил посадку в Нью-Окленде для срочного ремонта.

— Понятно. Надо бы постоянно иметь патрульный корабль на орбите вокруг Венеры. Когда-нибудь так и будет. — Капитан Янси задумчиво почесал подбородок, вид у него был мрачный.

— У меня предложение, капитан.

— Да?

— Если изменить курс прямо сейчас, мы сможем

---

[57] Примечания: 57

Томас Пейн (1737–1809) — просветитель, философ, публицист, особо колоритная фигура в истории Соединенных Штатов и Войны за независимость.

сэкономить топливо. Выйдем на нисходящую орбиту и затормозимся об атмосферу. Тогда мы сможем сесть на двигателе.

— Хм… А какой запас?

В глазах лейтенанта Турлоу появилось отсутствующее выражение — он решал про себя уравнения четвертого порядка. Капитан Янси тоже застыл на месте, беззвучно шевеля губами.

— Практически никакого, капитан. После выхода на круговую орбиту придется нырнуть в атмосферу и тормозиться до скорости стабильного падения или почти до нее, прежде чем включить двигатели.

Янси покачал головой:

— Это *на Венеру*-то? Да надежней в Вальпургиеву ночь[58] летать на метле! Нет, мистер Турлоу, придется дать ответную радиограмму, что ничего у нас не получится.

— Минуточку, капитан. Они знают, что у нас на борту нет космических десантников?

— Конечно.

---

[58] Примечания: 58

Вальпургиева ночь — ночь на первое мая, когда католики чтят память святой игуменьи Вальпургии. В дохристианские времена у германских и кельтских народов эта ночь была праздником в честь прихода весны и пробуждения сил природы. С распространением христианства за Вальпургиевой ночью закрепилось значение бесовского шабаша, оргии ведьм и чертей на горе Броккене, расположенной в горах Гарца.

— Значит, никто и не собирается требовать от нас вооруженных действий. Так что можно послать на поверхность джип!

— Долго я ждал, когда вам придет в голову эта мысль. Что ж, мистер Турлоу, миссия ваша. Не хочется, конечно, но другого выхода у меня нет. У вас ведь до этого никогда не было личной миссии?

— Не было, сэр.

— Вот видите, вы еще совсем молодой, а уже личная миссия. Начинайте подготовку, а я пока запрошу штаб космических операций о деталях.

— Слушаюсь, капитан. Вы сами мне подберете кадета или я?

— Берите всех троих сразу. В джипе все время должен кто-нибудь находиться, а вам понадобится вооруженный спутник на время расследования. Сами знаете — экваториальная зона Венеры, там всякое может быть.

— Но, сэр, тогда у вас останутся только Петерс да врач.

— Мистер Петерс и я отлично со всем управим-

ся. В криббедж[59] Петерс игрок еще тот.

Штаб космических операций ничего толком сказать не мог — относительно ситуации на Венере у них не было никаких подробностей. Известно было только одно: транспортный корабль «Гэри» запросил помощь, сообщив, что на него напали туземцы. Экипаж успел передать координаты, затем связь оборвалась.

Капитан Янси решился все-таки на атмосферное торможение, чтобы сберечь реактивную массу, иначе «Aes Triplex» мог застрять на орбите и прождать неизвестно сколько, пока его оттуда не вытащат. Экипаж корабля был вынужден провести пятьдесят шесть утомительных часов в тесноте рубки, в то время как ПРК совершал нырки в плотные венерианские облака, чуть глубже и чуть медленнее при каждом новом заходе. Обшивка нагрелась почти до предела, и времени, когда корабль находился в свободном пространстве между двумя заходами, едва хватало, чтобы ее охладить. Жара в отсеках стояла

[59] Примечания: 59

Криббедж — карточная игра, разработанная сэром Джоном Саклингом во времена английского короля Карла I Стюарта (1600–1649). Модифицированная старинная игра нодди («простак») первоначально была рассчитана на двух игроков, сегодня существуют разновидности для троих и четверых. Наиболее популярным вариантом остается игра на двоих в трех модификациях: пятикарточный, шестикарточный и семикарточный криббедж.

просто невыносимая, потому что вся мощь аппарата охлаждения воздуха была брошена на поддержание нормальной температуры в рубке управления и отсеке с гидропоническими ваннами. В пустоте космоса избавиться от избытка тепла можно лишь одним способом — излучая его в пространство, и разница между кинетической энергией корабля на первоначальной орбите и орбите вокруг планеты поглощалась им в виде тепла, а затем излучалась в космос.

А когда наконец эти пятьдесят шесть часов кончились, трое потных, вымотанных молодых людей плюс еще один, чуть старше, были готовы перейти на второй джип.

Внезапно Мэтт что-то вспомнил.

— Доктор! Доктор Пикеринг! — позвал он врача.

Доктор провел эту спокойную — во всяком случае, с точки зрения медицины — экспедицию за рукописью монографии под названием «Некоторые заметки относительно сравнительной патологии обитаемых планет» и сейчас просто не знал, чем заняться. На время, пока Мэтта не будет на корабле, его назначили фермером.

— Да, Мэтт?

— Эти новые кусты помидоров — нужно через

три дня им сделать перекрестное опыление. Вы это сделаете? Пожалуйста, не забудьте.

— Нет, Мэтт, не забуду.

— Вылезай уже из борозды, Додсон! — расхохотался капитан Янси. — Забудь о ферме, мы сами о ней позаботимся. А теперь, джентльмены… — он обвел взглядом стоящую перед ним четверку, — постарайтесь остаться в живых. Сомневаюсь, что эта миссия стоит того, чтобы потерять на ней четырех офицеров патруля.

В шлюзе Текс ткнул Мэтта локтем:

— Ты слышал, парень? Он сказал: «четырех офицеров патруля».

— Слышал. И еще кое-что слышал. Вспомни, о чем он кроме этого говорил.

Турлоу поправил на поясе сумку. В ней лежали распоряжения, касающиеся порученной им миссии. Распоряжения были простыми: следовать к точке с координатами два градуса семь минут северной широты и двести двенадцать градусов долготы; отыскать «Гэри» и проверить сообщение о нападении туземцев. Принять все меры для поддержания мира.

Лейтенант устроился в кресле и посмотрел на свой экипаж:

— Держитесь за шляпы, ребята. Поехали!

14 «Туземцы здесь дружелюбны...»

Джип оторвался от борта «Aes Triplex» и пошел вниз. За пультом управления сидел лейтенант Турлоу, в кресле второго пилота Мэтт. Начальная скорость джипа чуть превышала четыре мили в секунду — скорость «Aes Triplex» на низкой круговой орбите вдоль экватора Венеры. Лейтенант намеревался сбросить ее до нуля над местом высадки, а затем посадить джип на двигателе. Отсутствие крыльев делало посадку на двигателе неизбежной.

И все это надо было проделать с безукоризненной точностью и с минимальным расходом топлива. В какой-то степени джипу было подмогой вращение планеты с запада на восток — скорость вращения, равная на экваторе девятистам сорока милям в час, вычиталась из скорости маленького корабля. Наиболее трудным было найти точное место посадки. Момент вылета был подобран так, чтобы весь спуск проходил на дневной стороне планеты и можно было использовать Солнце для ориентировки по долготе; отыскать соответствующую широту следовало с помощью тщательного выбора курса.

Солнце — единственное небесное тело, кото-

рым можно пользоваться для ориентировки вблизи Венеры, но даже оно перестает быть видным невооруженным глазом, как только корабль скрывается в пелене облаков, плотно окутывающих Венеру. Мэтт следил за Солнцем, не отводя глаз от окуляра инфракрасного визора, закрепленного на октанте, и сообщал лейтенанту Турлоу о необходимой коррекции курса. Еще на «Aes Triplex» они решили, что не стоит делать для автопилота специальный эксцентрик[60], обеспечивающий посадку, — слишком мало было известно об атмосферных условиях, которые их ожидают.

Как только Мэтт доложил пилоту, что, согласно радару, они на высоте в тридцать миль и, судя по инфракрасному изображению Солнца, приближаются к нужной долготе, Турлоу направил корабль вниз, все ниже и медленнее, притормозил двигателями, а потом дал ему спускаться по параболе, искаженной сопротивлением воздуха.

Их окутали вездесущие венерианские облака, настолько плотные, что нижний иллюминатор был совершенно бесполезен. Теперь Мэтт наблюдал за поверхностью внизу с помощью вы-

[60] Примечания: 60

Такой электромеханический автопилот упоминается в главе 9 романа «Ракетный корабль „Галилей“». — *Примеч. С. В. Голд.*

сокочувствительного инфракрасного локатора — «пронзателя облаков». Турлоу следил за радарным высотомером, каждую секунду сверяясь с полетным планом.

— Если мы собираемся маневрировать в поисках площадки, то нужно делать это прямо сейчас, — негромко произнес он. — Что там у тебя на экране?

— Вроде довольно ровно. Толком не разберешь.

Турлоу рискнул и на мгновение отвел взгляд от высотомера.

— По крайней мере, под нами не вода и не лес. Пожалуй, рискнем.

Они падали. Мэтт так и впился взглядом в экран локатора, готовый, если внизу покажется дерево или другая помеха, сказать Турлоу, чтобы врубал двигатель. Но по мере того как на экране появлялись новые детали, все говорило о том, что им повезло: местность выглядела ровной и гладкой, словно луг. Пилот снизился еще немного и выключил тягу. Они почувствовали толчок, будто корабль упал с высоты нескольких футов. Они сели на Венеру.

— Фью! — присвистнул лейтенант Турлоу и вытер со лба пот. — Не хотелось бы мне садится

так каждый день!

— Хорошая посадка, шкипер! — произнес Оскар откуда-то сзади.

— Ничего не скажешь, — поддержал его Текс.

— Спасибо, ребята. Пора опускать ноги. — И Турлоу нажал на кнопку перед собой.

Подобно многим космическим кораблям, у джипа после посадки выдвигались три гидравлические опоры, помогающие вертикально стоящему кораблю сохранять равновесие. Мощные гидравлические насосы вдавливали опоры глубоко в грунт, пока они не упирались во что-нибудь твердое. Сразу после этого насосы автоматически выключались, и опоры надежно удерживали корабль в вертикальном положении. Турлоу подождал, пока рядом с кнопкой не зажглись три крохотных зеленых огонька, затем отключил гироскопы-стабилизаторы. Джип стоял неподвижно. Лейтенант расстегнул пристежные ремни и встал.

— Ну, ребята, за дело. Посмотрим, где это мы. Мэтт и Текс, вы оставайтесь внутри. Оскар, это ведь твоя родная планета, представь-ка меня ей.

— Слушаюсь! — Оскар тоже отстегнулся, встал и поспешил к шлюзу.

Проверять состав атмосферы нужды не было,

поскольку Венера населена людьми, а офицеры патруля, включая кадетов, получили прививки против вирулентных венерианских грибков.

Турлоу пошел за ним. Мэтт отстегнул ремни, удерживавшие его в кресле, спустился вниз и сел рядом с Тексом в кресло для пассажиров, которое только что освободил Оскар. На их маленьком суденышке возле шлюза практически не было свободного места, так что им оставалось только дожидаться в креслах.

Оскар выглянул наружу. Все было затянуто туманом.

— Ну как, приятно снова быть дома? — спросил Турлоу.

— Еще бы! День-то какой замечательный!

Лейтенант улыбнулся, глядя в затылок Оскару, и сказал:

— Давай спустим трап и посмотрим, где это мы оказались. — Внешний люк шлюза был на пятьдесят футов выше стабилизаторов джипа, а лифта у него не было.

— Сейчас, — сказал Оскар, протиснулся мимо лейтенанта внутрь, и в этот самый момент джип накренился в сторону, противоположную шлюзу, замер и начал падать.

— Гироскопы! — закричал Турлоу. — Мэтт,

включай гироскопы!

И сам бросился к панели управления, столкнулся с Оскаром и упал вместе с ним, когда джип завалился набок.

Мэтт попытался выполнить распоряжение пилота, но был к этому не готов: он полулежал, откинувшись, в пассажирском кресле. Мэтт схватился руками за подлокотники, хотел было встать, чтобы вернуться к пульту, но в это время корабль стал падать. Мэтт выскользнул из кресла, упал навзничь и скатился к переборке, которая теперь стала палубой. Джип лег на грунт, приняв горизонтальное положение.

Поднявшись на ноги, Мэтт увидел Оскара и Турлоу. Они лежали друг на друге на внутренней стенке корабля, причем Оскар был по большей части сверху. Оскар начал было вставать и вдруг вскрикнул от боли.

— Что с тобой, Ос?

— Рука…

— Что с ней? — спросил Текс, выпутываясь из кресла. Он совершенно не пострадал во время катастрофы.

Оскар поднялся, опираясь на правую руку, и осторожно ощупал левое предплечье. — Растяжение или перелом.

Он попытался пошевелить ею.

— А-а-а! Уф! Да, перелом.

— Ты уверен? — Мэтт шагнул вперед. — Дай я посмотрю.

— А с капитаном что? — спросил Текс.

— А? — одновременно спросили Оскар и Мэтт.

Турлоу не шевелился. Текс подошел к нему и опустился на колени.

— Похоже, потерял сознание, — сказал он.

— Брызни на него холодной водой.

— Не надо. Лучше…

Корабль снова вздрогнул.

— Я думаю, нам нужно выбираться отсюда, — обеспокоенно произнес Оскар.

— Что? Но мы не можем! — запротестовал Мэтт. — Нам нужно как-то вытащить мистера Турлоу.

Оскар не ответил и начал карабкаться к открытому люку шлюза, оказавшемуся теперь в десяти футах над их головой. Он лез, помогая себе одной рукой, лез мучительно и неуклюже, все время ругаясь по-венериански.

— Что это с ним? — удивился Текс. — Похоже, у него сорвало крышу.

— Пусть делает как знает. Давай лучше займемся шкипером.

Они встали рядом с Турлоу на колени, быстро и

осторожно осмотрели его. Видимых повреждений не было, но в сознание шкипер не приходил.

— Может, из него просто вышибло при падении дыхание, — предположил Мэтт. — Сердце бьется нормально.

— Ты на это посмотри.

«Это» оказалось шишкой на затылке у лейтенанта. Мэтт осторожно ее ощупал.

— Череп цел. Просто по башке досталось. Скоро, думаю, оклемается.

— Жаль, что с нами нет доктора Пикеринга.

— Ну, разумеется. А если бы у рыб выросли крылья, они стали бы птицами. Давай оставим его в покое, полежит и сам встанет.

В открытом люке показалась голова Оскара.

— Эй, ребята! Давайте отсюда, быстро!

— Зачем? — удивился Мэтт. — А лейтенант? Он же без сознания.

— Тащите его тоже.

— А как? На карачках?

— Как хотите, *только скорее*. Корабль тонет!

Текс открыл рот, снова закрыл и бросился к шкафчику.

Мэтт закричал:

— Тэкс, тащи трос.

— А я что делаю? На коньках катаюсь?

Текс появился с бухтой тонкого, прочного троса, которым пользовались при швартовке их маленького суденышка к материнскому кораблю.

— Приподними его, осторожнее, я просуну трос под мышки.

— Хорошо бы что-нибудь под трос подложить, вдруг он затянется…

— Не успеете! — крикнул сверху Оскар. — Быстрее!

Мэтт стремительно вскарабкался к люку, держа в руках конец троса. Текс тем временем закреплял петлю под мышками потерявшего сознание лейтенанта. Выглянув наружу, Мэтт сразу понял, что Оскар не соврал: джип лежал на боку, едва касаясь кормовыми стабилизаторами твердой земли, в то время как нос корабля медленно погружался в жидкую желтую грязь. Болото простиралось во все стороны и терялось в тумане, его поверхность была затянута чем-то вроде желто-зеленой ряски — везде, кроме маленького участка, который их окружал. Здесь покров был разбит, когда упал джип.

Мэтту некогда было все это разглядывать, грязь почти достигла люка.

— Текс, ты готов?

— Да. Сейчас поднимусь к вам.

— Не надо. Оставайся внизу, придерживай его, чтоб не раскачивался. Здесь я и сам справлюсь.

Турлоу весил сто сорок фунтов. Это на Земле. На Венере его вес составлял около ста семнадцати. Мэтт сел на край люка и натянул трос.

— Мэтт, одной рукой я могу тебе помогать, — озабоченно сказал Оскар.

— Ты под руку, главное, не суйся.

Текс поднял расслабленное тело лейтенанта Турлоу, и Мэтт начал тянуть трос. Через несколько секунд офицер лежал на обшивке корабля рядом с люком. Корпус джипа опять содрогнулся: стабилизаторы начали соскальзывать с крошечного пятачка твердого грунта.

— Кажется, ребята, пора отсюда валить, — озабоченно произнес Мэтт. — Ос, ты сам на берег выбраться сможешь?

— Смогу.

— Тогда давай, не тяни. Мы пока не будем развязывать трос, возьмешь с собой конец. Держи его здоровой рукой. Даже если лейтенант упадет в болото, мы его вытащим.

— Кончай болтать, нам надо пошевеливаться.

Оскар рысцой пробежался по обшивке упавшего корабля, держа в руке трос. Он вскарабкался на один из хвостовых стабилизаторов и с него пере-

лез на высокий берег. Мэтт с Тексом без особого труда донесли лейтенанта до стабилизаторов, но последние несколько футов, когда переходили со стабилизаторов на берег, пришлось помучиться: дюзы были все еще обжигающе горячи, к тому же удерживать равновесие на изогнутой поверхности корпуса тоже было непросто. В конце концов почти всю работу пришлось выполнить Оскару — он втащил лейтенанта на берег здоровой рукой. Когда Турлоу уложили на землю, Мэтт опять перепрыгнул на корабль.

— Ты куда? — встревоженно крикнул Оскар.

— Я сбегаю на корабль.

— Ты что! А ну назад!

Мэтт все еще стоял в нерешительности, и Оскар добавил:

— Это приказ, Мэтт.

— Да я всего на минуту. Мы же не взяли оружия и наборов для выживания. Я заскочу внутрь и выкину все это через люк.

— Никаких «заскочу». Быстро сюда.

Мэтт стоял, не зная, что делать. С одной стороны, у него и в мыслях не было сомневаться в старшинстве Оскара, с другой — непривычно было подчиняться приказам соседа по комнате.

— На люк посмотри, Мэтт, — добавил Оскар.

— Ты же будешь в ловушке.

Мэтт посмотрел вниз. Склизкая желтая грязь уже достигала люка и перетекала, подобно патоке, через его край. В следующее мгновение корпус заметно осел и повернулся на четверть оборота. Мэтт сделал сильный прыжок и оказался на суше. Когда он встал и оглянулся, люка уже не было видно. На поверхности болота вздулся огромный пузырь и тут же лопнул — плюх! — и следом за ним второй.

— Спасибо, Ос!

Кадеты стояли и смотрели, как соскользнули в болото стабилизаторы. От раскаленных дюз взметнулось облако пара и мгновенно потерялось в тумане. Корма приподнялась, и несколько секунд джип держался почти вертикально, вверх дном. Затем медленно погрузился в болото. Вскоре о нем уже ничего не напоминало, кроме пузырей и рваного отверстия в желто-зеленой «лужайке», скрывавшей болото.

— Ну на кой я отошел от панели управления! — Голос Мэтта дрожал. — Я бы успел включить гироскопы.

— Перестань. Он не приказывал тебе оставаться на месте.

— Я мог бы и сам додуматься.

— Перестань винить себя. Следить за устойчивостью — это дело пилота, это написано в уставе. Если бы у него были какие-то сомнения, он должен был оставить стабилизаторы включенными, пока не осмотрится. А сейчас нам надо о нем позаботиться, так что кончай эти разборки.

— Да, Ос, ты прав. — Мэтт наклонился и проверил у лейтенанта пульс; тот был ровным. — Сердце работает нормально. Думаю, нужно дать ему отдохнуть. Так, дай-ка я посмотрю, что с твоей рукой.

— На, только поосторожней. Ой!

— Прости. Боюсь, мне снова придется сделать тебе больно. Ни разу в жизни еще не вправлял кости.

— Я вправлял, на ранчо приходилось, — сказал Текс. — Ну-ка, Ос, перевернись на спину. Терпи, будет больно.

— Попробую. Я думал, у вас в Техасе таких просто пристреливают. — Оскар попробовал улыбнуться.

— Только когда нога сломана. А ломаные руки мы обычно лечим. Мэтт, подготовь пару лубков. Нож есть?

— Есть.

— Слава богу, а то у меня нет. Оскар, сними

куртку.

Куртку удалось снять только с помощью Текса. Потом Текс уперся ногой Оскару в бок, схватил руками его левую кисть и решительно потянул. Оскар вскрикнул.

— Порядок. Мэтт, дуй за лубками.

— Бегу.

Мэтт отыскал заросли чего-то смутно напоминающего земной бамбук, футов двенадцать-пятнадцать высотой. Он нарезал дюжину кусков толщиной с мизинец и длиной около пятнадцати дюймов и принес их Тексу.

— Такие сойдут?

— Попробуем. Все, Оскар, кранты твоей куртке. — Текс попытался разорвать куртку на полосы, но быстро сдался. — А эта штука крепкая! Мэтт, давай нож.

Через десять минут рука Оскара была уложена в лубки, замотана, а остатки куртки пошли на поддерживающую перевязь. Текс снял свою куртку и сел, подложив ее под себя. Земля была сырая, день стоял жаркий и душный — такие бывают только на Венере.

— Ну, одно дело сделано, — сказал Текс. — А командир-то так и не пошевелился. Выходит, ты за него, Оскар. Когда у нас обед, командир?

— Это хороший вопрос. — Оскар нахмурился. — Но для начала посмотрим, что у нас в карманах.

Мэтт выложил на траву нож. В сумке Оскара ничего полезного не оказалось. Вкладом Текса была губная гармошка. Оскар заметно встревожился:

— Как вы думаете, я имею право заглянуть в сумку мистера Турлоу?

— Думаю, ты обязан это сделать. Я ни разу еще не видел, чтобы кто-то так долго был без сознания, — сказал Текс.

— Согласен, — поддержал Мэтт. — Ясно, что у него сотрясение, так что в ближайшее время толку с него никакого. Валяй, Оскар.

В сумке Турлоу лежали кое-какие личные вещи, которые они быстро просмотрели и отложили в сторону, приказы по экспедиции и еще один складной нож, в ручку которого был вделан компас.

— Слава богу, а то я думал, придется просить туземцев, чтобы они нашли нам место посадки, когда будем возвращаться.

— А что мы здесь забыли? — спросил Текс. — Лично меня это место не очень-то привлекает.

— Здесь наш джип.

— А где-то вверху наш «Aes Triplex». И добраться до одного примерно так же просто, как до другого.

Я имею в виду, такому пешеходу, как я.

— Послушай, Текс, мы должны как-то вытащить эту тачку из болота и привести ее в чувство. Иначе застрянем здесь до скончания века.

— Чего? А я думал, что ты, как старый болотный житель, выведешь нас к цивилизации.

— Ты сам-то понимаешь, что говоришь? Это по болотам-то? Через трясины да омуты? Через заросли этого непролазного тростника? Может, у тебя и получится одолеть пять-шесть тысяч миль такого пути, у меня — нет. Ты что, забыл: люди здесь селятся и разводят плантации не дальше чем за пятьсот миль от полюсов. Венера практически еще не исследована, я знаком с ее экваториальным поясом так же, как ты с Тибетом.

— Почему тогда здесь оказался «Гэри»?

— Я откуда знаю?

— Послушайте, — встрепенулся Текс, — а что, если мы сможем добраться до дому на «Гэри»?

— Сможем — не сможем, его для начала найти надо. Но в первую очередь мы должны выполнить эти приказы. — Оскар поднял над головой бумагу, которую нашел в сумке Турлоу. — А уже потом, если с «Гэри» не получится, нам придется как-то тащить джип из этой трясины.

— Чем? Вот этими маленькими розовыми

лапками? — спросил Текс. — И что там насчет приказов? По-моему, мы не в лучшей форме, чтобы подавлять всякие там восстания, бунты и вообще демонстрировать мощь и силу. У нас даже детского пистолетика, стреляющего горохом, и того нет. Про горох я уже не говорю. Кстати, если бы у меня и была горошина, я б ее съел.

— Нет, Текс, Оскар прав, — сказал Мэтт. — Раз мы здесь и у нас есть задание, значит мы должны его выполнить. То же самое бы сказал мистер Турлоу. А сделаем — вот тогда и подумаем, как нам вернуться.

— Надо было мне остаться в Техасе пасти коров, — уныло покачал головой Текс. — Оскар, ну хорошо, а что дальше?

— А дальше тебе и Мэтту нужно сделать носилки для командира. Нам надо найти открытую воду, а разделяться лучше не стоит.

Носилки удалось соорудить из того же «бамбука», который пошел на лубки. Вооружившись ножами, Мэтт и Текс срубили две семифутовые жерди толщиной в руку. Жерди продели через рукава двух курток, у каждого из концов сделали поперечины, а середину обмотали взятым с корабля тросом.

Получились легкие, хотя и довольно неуклю-

жие носилки. Лейтенант в сознание так и не приходил. Дышал он слабо, неглубоко, но пульс оставался хорошим. Его положили на носилки и отправились в путь. Впереди шел Оскар, то и дело поглядывая на компас.

Почти час юноши пробирались болотами, то расплескивая ногами грязь, то обдираясь в кровь о высокую траву. За ними летели тучи насекомых. Наконец Мэтт не выдержал и окликнул Оскара:

— Все, Ос, сил больше нету. Пора делать привал.

Йенсен обернулся:

— Привал так привал, все равно идти дальше некуда. Впереди вода.

Текс и Мэтт подошли к Оскару. Сразу же за узкой кромкой тростника в тумане поблескивала идеально ровная поверхность озера или пруда. Насколько велики его размеры, сказать было трудно, дальние берега терялись в тумане.

Они вытоптали на маленьком пятачке траву, чтобы было куда поставить носилки, затем Оскар подошел к самой воде и начал шлепать по ней ладонью.

Шлеп! Шлеп! Шлеп, шлеп, шлеп. Шлеп, шлеп!

— И что дальше?

— Ждать и молиться. Слава богу, туземцы здесь

обычно дружелюбны.

— Думаешь, они нам могут помочь?

— Если они нам захотят помогать, то ставлю один к одному: за три дня они вытащат наш джип из болота, да еще так отчистят, что он сиять будет.

— Ты уверен? Я знаю, что венериане относятся к нам хорошо, но такая работа…

— Ты их недооцениваешь. Конечно, маленький народ на нас не похож, но умеет он многое.

Мэтт уселся на корточки и принялся отгонять насекомых от неподвижного лица лейтенанта. Шли минуты. Оскар вновь подошел к воде и пошлепал по ней ладонью в той же последовательности.

— Наверное, дома никого нет, Ос.

— Надеюсь, Текс, ты ошибаешься. Почти вся Венера населена, но кто его знает, вдруг на это место наложено табу.

Треугольная голова, размером с голову колли показалась из воды футах в десяти от них. Текс подскочил от неожиданности. Венерианин посмотрел на него любопытными сверкающими глазами. Оскар встал:

– Привет тебе, чья мать была подругой моей матери.

Венерианин перевел взгляд на Оскара:

– Да упокоится ваша мать с миром.

Совершенно бесшумно голова исчезла в воде.

— Обошлось! — Оскар с облегчением вздохнул. — Вообще-то, я слышал, что язык здесь у всех один, но, честно говоря, первый раз убедился в этом на практике.

— А почему оно вдруг исчезло?

— Наверное, отправилась сообщить о нас. И не говори «оно», Мэтт, надо говорить «она».

— Это же только для них имеет значение.

— Неважно, все равно это дурная манера.

Оскар сел на корточки и стал ждать. Из-за влажной жары и бессчетных укусов летучих тварей казалось, что прошла целая вечность, прежде чем из воды показались одновременно с десяток голов. Одна из амфибий легко выкарабкалась на берег и подошла к людям. Ростом она была Мэтту по плечо. Оскар повторил свое формальное приветствие. Амфибия посмотрела на него:

– Моя мать сказала мне, что не знает тебя.

– Наверное, она просто забыла, будучи занята гораздо более важными мыслями.

– Возможно. Пойдем к моей матери, пусть она почувствует твой запах.

– Ты милостива. Ты не могла бы помочь моей

сестре? — Оскар показал на Турлоу. — *Она больна и не сможет закрыть под водой рот.*

Венерианка кивнула. Она позвала одну из своих спутниц, вместе с Оскаром они начали оживленно переговариваться. Оскар показал, как следует закрыть лейтенанту рот и как зажать его ноздри, потому что иначе *«вода возвратит ее к матери матери ее матери»*. Вторая венерианка немного поспорила, но затем согласилась. Текс наблюдал за происходящим широко раскрытыми от изумления глазами.

— Послушай, Мэтт, — взволнованно обратился он к другу на бейсике, — неужели они хотят нас вести под водой?

— А ты что, собрался остаться здесь и ждать, пока тебя сожрут насекомые? Просто расслабься, дай им тащить тебя на буксире и набирай побольше воздуха в легкие. Когда они будут нырять, придется оставаться под водой больше минуты, может, даже несколько минут.

— Мне это тоже не очень нравится, — сказал Мэтт.

— Да бросьте вы, ребята, я в первый раз побывал в их доме еще в девять лет. Они же знают, что мы не можем плавать так, как они. Во всяком случае, те, что живут рядом с колониями. — В

голосе Оскара прозвучала нотка сомнения.

— Может, лучше все-таки им это объяснить?

— Попробую.

Но предводительница сразу прервала объяснения Оскара. Она подала отрывистую команду, шестеро амфибий подошли к кадетам, по двое к каждому, а оставшиеся три подняли лейтенанта Турлоу и погрузились с ним в воду. Одна из тройки была той самой амфибией, которую инструктировал Оскар.

Оскар крикнул:

— Спокойнее, ребята!

Мэтт почувствовал, как маленькие руки тащат его в озеро. Он глубоко вдохнул шагнул в воду.

Вода сомкнулась над его головой. Она была теплой и чистой. Он открыл глаза, увидел поверхность озера и тут же оказался над ней. Маленькие руки обхватили его с боков и повлекли вперед. Он приказал себе расслабиться и не мешать им. Скоро Мэтт понял, что странные создания не собираются погружаться с ним под воду, и ему стало даже приятно. Но советов Оскара он не забывал и старался быть наготове к возможному погружению. К счастью, Мэтт вовремя заметил, как погрузилась пара, плывущая впереди, та, что тянула Текса. Он успел глубоко вдохнуть. Они

погружались все глубже и глубже, пока у него не заболели барабанные перепонки, потом поплыли вперед. Боль в груди стала почти непереносимой, и в этот момент они начали подниматься. Он с трудом одолел рефлекс открыть рот и вдохнуть что угодно, хоть воду. И тут они снова вынырнули на поверхность.

Таких подводных бросков, разрывающих легкие, было еще три. Когда они вынырнули в последний раз, Мэтт не увидел неба над головой.

Пещера, если это можно было назвать пещерой, тянулась футов на сто в длину, а в ширину была примерно наполовину меньше. В центре имелось что-то вроде пруда — вход, через который они сюда попали. Освещалась пещера довольно тускло, какими-то светящимися оранжевыми гроздьями. Все эти подробности Мэтт разглядел уже после того, как попал на берег. Первое же, что он увидел, — толпу венерианок, окруживших бассейн. Судя по всему, они проявляли большое любопытство к своим гостям и все время о чем-то перешептывались. Мэтт прислушался и разобрал несколько слов, причем одна фраза — *«порождение слизи»* — ему совсем не понравилась.

Из глубины показалась тройка, поддерживающая лейтенанта. Мэтт вырвался из рук

венерианок и помог затащить тело командира на берег. Пульс у Турлоу отыскался не сразу, и Мэтт чуть в отчаяние не пришел; потом почувствовал частые, неравномерные сокращения сердца и слегка успокоился.

Турлоу открыл глаза и посмотрел на него.

— Мэтт, включи гироскопы… — прошептал он.

— Все в порядке, командир, успокойтесь.

— Как он, Мэтт? — спросил Оскар, который стоял рядом.

— Вроде приходит в себя.

— Должно быть, купание пошло на пользу.

— Кому на пользу, а кому не очень, — вмешался Текс. — Я, когда ныряли в последний раз, галлон воды проглотил. Эти маленькие лягушки слишком беспечны.

— Они больше похожи на тюленей, — ответил Мэтт.

— Ни то ни другое! — резко оборвал его Оскар. — Люди они, понимаете? *Люди!* И нам надо с ними подружиться, понятно? — Оскар повернулся, стараясь отыскать меж амфибий старшую.

Толпа расступилась, и по образовавшемуся коридору к ним направилась одна из амфибий в сопровождении трех других. Оскар повернулся к ней:

– Приветствую тебя, почтенная мать многих.

Амфибия внимательно осмотрела его с ног до головы и ответила. Но не ему.

– Так я и думала. Уведите их.

Оскар начал было протестовать, но без толку. Их окружили четыре маленьких существа.

— Ну как, Оскар? Может, дать им как следует? — крикнул Текс.

— Нет! — резко осадил его Оскар. — Никакого сопротивления!

Через несколько минут их втолкнули в маленькую комнатку; мрак здесь освещала только одна-единственная оранжевая сфера. Положив на пол Турлоу, амфибии вышли, задвинув за собой что-то наподобие занавеса. Текс оглянулся по сторонам, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в этом тусклом свете, и заметил:

— Уютно, прямо как в могиле. Зря, Ос, ты не разрешил нам сопротивляться. Мы запросто бы уделали всю эту…

— Не говори ерунды, Текс. Ну уделали бы, хотя вряд ли. Ну предположим. А что дальше? Как ты собираешься плыть обратно?

— Еще чего не хватало — плыть. У нас есть два ножа, прокопали б туннель наверх.

— Вот сам бы и копал, раз такой умный. Горо-

да-то у маленького народа под дном озер!

— Да, действительно не подумал. Плохо все это. — Техасец уставился в потолок, будто он вот-вот был готов обвалиться. — Нет, Ос, все-таки мы не под озером — стены тут были бы мокрые.

— Маленький народ много чего умеет.

— Ну… ладно, молчу. Поймали нас, это верно. Ос, ты только не подумай, что я жалуюсь. Ты, конечно, хотел как лучше, но нам стоило попытать счастья в джунглях.

— Ради бога, Текс, помолчи! Будто мне без этого забот мало. Если не хочешь жаловаться, то просто прекрати жаловаться.

Наступила тишина.

— Ос, извини, — послышался голос Текса. — Напало что-то такое.

— И ты прости. Мне не надо было выходить из себя. Просто рука разболелась.

— О! А что там такое? Я вроде нормально вправлял.

— Ты все сделал отлично. Но она болит. И дьявольски чешется под повязкой, это бесит. Мэтт, ты куда?

Проверив, как лейтенант, — его состояние не изменилось, — Мэтт подошел к двери и принялся осматривать занавес. Тот был сделан из какого-то

жесткого, упругого материала, пристегнутого по краям. Он как раз пробовал разрезать его ножом, когда услышал вопрос Оскара.

— Нож не берет, — ответил Мэтт Оскару.

— Тогда сядь, успокойся. Мы ведь не хотим выбираться отсюда, по крайней мере пока.

— «Говори за себя одного, Джон»[61]. А почему, собственно, не хотим?

— Как раз это я и пытался объяснить Тексу. Я не говорю, что это санаторий, но здесь на восемьсот процентов лучше, чем там, где мы были пару часов назад. Причем во всех отношениях.

— Ты считаешь?

— А ты вообще хоть сколько-нибудь представляешь, что значит провести ночь под открытым небом в венерианских джунглях? Когда темнеет и выползают противные слизистые черви и начинают понемногу обгладывать у тебя на ногах пальцы? Может, нам и удалось бы провести ночь, ну две, если б мы шли все время без остановки и при очень большом везении, но с ним-то как быть? — Оскар показал на неподвижного лейтенанта. — Именно поэтому я и решил прежде всего отыскать туземцев. Здесь мы не на свободе,

---

[61] Примечания: 61
Цитата из романа Э. Р. Берроуза (1875–1950) «Марсианские войны».

зато в безопасности.

Мэтт поежился. У слизистых червей нет зубов. Вместо этого они выделяют кислоту, растворяющую все, что идет им в пищу. Средняя длина этих червей около семи футов.

— Все, Оскар, ты меня убедил, — пробормотал Мэтт.

— Жаль, что с нами нет дяди Боди, — послышался голос Текса.

— Это верно. По крайней мере, он не дал бы тебе раскрывать рот. Мне кажется, пока они нас не накормят, отсюда выбираться не стоит. И поспать не мешало. Может, к тому времени командир очнется и что-то решит.

— С чего бы это вдруг им нас кормить?

— Ну, я не знаю, просто мне так кажется. Если они хоть немного похожи на тех туземцев, что живут в приполярных районах, нас накормят. Морить голодом живые существа, которых они же сами и заперли, такое им в голову не придет. — Оскар замолчал, стараясь отыскать нужные слова. — Не знаю, поймете вы меня или нет, но у маленького народа нет той жестокости, какая есть у людей.

— Мягкая, не способная на войну раса, вот что я про них слышал, — согласился Мэтт. — Любви

я, конечно, к ним не испытываю, но на учебных кассетах они показаны как вполне дружелюбные существа.

— Обычные расовые предрассудки. Полюбить венерианина проще, чем человека.

— Ос, это нечестно, — запротестовал Текс. — Нет у Мэтта никаких расовых предрассудков. И у меня нет. Возьми лейтенанта Петерса: он черен, как туз пик, но разве для нас это имеет какое-нибудь значение?

— Тоже мне, выбрал сравнение. Жители Венеры — это существа совершенно иного порядка. Думаю, чтобы воспринимать их как нечто само собой разумеющееся, нужно вырасти рядом с ними, как я. У них же все не такое. Например, мы ни разу еще не встречали венерианина мужского пола. Всюду одни женщины.

— Интересно, а почему так, Ос? Существуют венериане-мужчины или это одно суеверие?

— Ну разумеется, существуют. Маленький народ — существа двуполые, тут сомневаться не приходится. Но я сомневаюсь, чтобы мы хоть когда-нибудь сумели получить изображение их мужчины, я уж не говорю увидеть. Те, кто говорит, что видел их, скорее всего, лжецы, — добавил он, — их рассказы не стыкуются друг с другом.

— Почему они так чувствительны к этой теме?

— А почему индусы не едят говядину? Не обязательно искать какую-то причину. Я согласен с общепринятой теорией: венериане мужского пола маленькие, слабые и нуждаются в защите.

— Хорошо, что я не венерианин, — сказал Мэтт.

— А по мне, так они неплохо устроились, — возразил Текс. — Меня бы кто сейчас защитил-обогрел.

— Вы только не думайте, что по части венериан я такой уж авторитет. Я здесь родился, но я не родился *здесь*. — Ос похлопал по полу. — Я знаю приполярных туземцев, тех, что живут около моего родного города, а других, собственно, никто толком и не знает.

— Думаешь, они сильно отличаются? — спросил Мэтт.

— Я думаю, нам сильно повезло, что мы вообще сумели с ними договориться, хотя их акцент меня просто с ума сводит. А что касается других отличий — ну, скажи, например, если бы из земных людей ты знал одних эскимосов, сильно бы это помогло тебе в разговоре с мэром мексиканского города? Все местные обычаи оказались бы абсолютно другими.

— Тогда, возможно, кормить нас вообще не будут, — мрачно заключил Текс.

Но их накормили, и довольно скоро. Кто-то отбросил в сторону занавес, на пол что-то поставили, и занавес задвинулся снова. Кадеты подошли ближе. Перед ними стояло блюдо с каким-то комковатым веществом, но цвет и текстуру разобрать было сложно из-за тусклого освещения. Рядом с блюдом лежал предмет, по форме и размерам напоминающий страусиное яйцо. Оскар взял в руки блюдо, понюхал, отщипнул кусочек и попробовал.

— Съедобно, — сказал он. — Можно есть.

— А что это? — спросил Текс.

— Это… да какая тебе разница. Давай ешь. Вреда не будет, а калорий хватает.

— Но что это такое? Я хочу знать, что я ем.

— Знаешь, Текс, или ты ешь, что дают, или сиди голодным. Выбирай что хочешь, мне все равно. Если я скажу, что это такое, у тебя из-за твоих предрассудков аппетит пропадет. Ты сделай просто: представь, что это помои, но их нужно съесть, чтобы не умереть с голода.

— Кончай треп, Ос.

Но Оскар отказался от дальнейших обсуждений. Он принялся за еду и быстро прикончил

свою порцию. Посмотрев на лейтенанта, он неохотно заметил:

— Ему тоже нужно оставить.

Мэтт осторожно попробовал незнакомую пищу.

— Ну как? — обеспокоенно спросил Текс.

— А что, съедобно. Похоже на пюре из соевых бобов. Только слишком соленое, обопьешься.

— Так пей, — предложил Оскар.

— Пей? А что? И из чего?

— Из питьевого пузыря, разумеется. — И Оскар передал ему «страусиное яйцо».

Несмотря на сходство с яйцом, предмет оказался мягким. Мэтт держал его в руке, не зная, что делать дальше.

— Что, не умеешь пользоваться? Смотри… — Оскар взял пузырь, нашел нужный конец и поднес ко рту.

— Вот, — сказал он, вытирая губы. — Попробуй. Сильно только не нажимай, на себя выльешь.

Мэтт принялся пить. Казалось, он пьет из бутылочки с соской.

— Он сделан из… чего-то вроде рыбьего желудка, — объяснил Оскар. — Снаружи гладкий, а внутри как губка. О, не смотри так, Текс! Он совершенно стерилен!

Текс попытался выпить воды, не смог с собой справиться и взялся за пищу.

После еды кадеты устроились поудобнее, почувствовав себя намного лучше.

— Кормят здесь, пожалуй, неплохо, — заявил Текс, — но знаете, чего мне сейчас хочется? Стопку оладьев. Мягких, золотистых, только с плиты…

— Заткнись, Текс! — сказал Мэтт.

— …на сливочном масле, и они прямо плавают в кленовом сиропе… Ну, ладно, ладно. Я чего… я могу и заткнуться. — Он расстегнул сумку и достал оттуда гармонику.

— Вот это да! — удивленно воскликнул он. — Совершенно сухая!

Он взял несколько нот, потом исполнил «Косоглазого летчика».

— Перестань, Текс, — попросил Оскар. — Здесь же больной, неловко как-то.

— Думаешь, он слышит? — Текс с беспокойством посмотрел на офицера.

Турлоу повернулся набок и что-то сказал в бреду. Мэтт нагнулся к нему.

— J'ai soif, — пробормотал лейтенант, а затем повторил, совершенно разборчиво: — J'ai soif[62].

---

[62] Примечания: 62
Пить хочу *(фр.)*.

— Что он говорит?

— Не знаю.

— По звучанию похоже на французский. Кто-нибудь из вас знает французский?

— Только не я.

— И не я, — присоединился Мэтт. — А с чего это он вдруг заговорил по-французски? Я всегда считал его североамериканцем, он говорит на бейсике с тем же акцентом, что и все мы.

— А может, он франкоязычный канадец?

Текс встал на колени рядом с лейтенантом и пощупал у него лоб.

— Похоже, его лихорадит. Может, дать ему воды?

— Сейчас.

Оскар приложил пузырь к губам Турлоу и осторожно, чтобы не лить воду зря, надавил. Лейтенант, не приходя в сознание, пошевелил губами и начал втягивать в себя жидкость. Наконец он выпустил соску изо рта.

— Ну вот, — сказал Оскар. — Теперь, может, и полегчает.

— Значит, ты думаешь, ему нужно оставить поесть? — спросил Текс, глядя на блюдо.

— А, доедай, если хочешь. Эта штука протухает через несколько часов после… в общем, может

протухнуть.

— Расхотелось что-то, — сказал Текс.

Они спали довольно долго. Разбудил их шум — звуки человеческого голоса.

— Эй, — возмущался кто-то, — *куда ты меня ведешь! Я настаиваю, чтобы ты отвела меня к своей матери!*

Голос раздавался возле самого входа.

– *Придержи свой язык!*

А вот это уже был явно голос амфибии. Занавес распахнулся, кого-то втолкнули в комнату и занавес задвинули снова.

— Привет, — крикнул Оскар.

Человеческая фигура резко повернулась на голос.

— Люди! — сказал узник, видимо, не в силах поверить своим ушам. — Здесь люди! — И человек расплакался.

— Привет, Вонючка! — сказал Текс. — А ты как здесь оказался?

Перед ними стоял Жерар Берк.

Комната мигом превратилась в бедлам. Берк рыдал и дрожал всем телом. Мэтт, проснувшийся позже всех, не мог понять, снится ему все это или происходит на самом деле. Все говорили одновременно, все задавали вопросы, и никто на эти

вопросы не отвечал.

— Тихо! — скомандовал наконец Оскар. — Давайте все-таки разберемся. Берк, насколько я понимаю, ты прилетел на «Гэри»?

— Да, я капитан «Гэри».

— Да ну? Черт побери, мы ведь знали, что капитана зовут Берк. Но откуда нам было знать, что Берк и Вонючка Берк — это одно и то же. Интересно, кто был тот псих, который доверил тебе космический корабль?

— Это мой собственный корабль, по крайней мере, корабль моего отца. И попрошу звать меня не Вонючкой, а капитаном Берком.

— Слушаюсь, капитан Вонючка.

— Но как он сюда попал? — недоуменно спросил Мэтт, все еще мало что понимая.

— Он сам только что рассказал, — ответил Текс. — Это он тот парень, который позвал на помощь. Меня одно удивляет — что все это случилось именно с нами. Это все равно что раздать карты при игре в бридж и получить тринадцать пик.

— Не знаю, — пожал плечами Оскар. — Это действительно совпадение, но не такое уж невероятное. Он прилетел на космическом корабле, попросил помощи, и патруль, естественно, прореагировал на его просьбу. Под руку попались мы.

Вероятность этого примерно так же велика — или мала, — как наткнуться на свою учительницу по фортепьяно, гуляя где-нибудь на окраине города, далеко от дома.

— Не было у меня никакой учительницы по фортепьяно, — возразил Текс.

— Ну и что? У меня тоже не было. Так вот, я думаю…

— Постойте, — вмешался Берк. — Значит, это вас послали ко мне на помощь?

— А ты думал.

— Ну, слава богу, меня услышали. Хотя могли не посылать таких придурков, которые сами залезут в ловушку. А теперь скажите, сколько в вашей спасательной экспедиции людей и что у них есть? Все это дело так легко не расколешь.

— Ты это о чем, Вонючка? Вот она, вся экспедиция, будем знакомы.

– *Что*? Сейчас не время шутить. Я просил прислать полк космических десантников с полным снаряжением для боевых действий на суше и на воде.

— Может, и так, но перед тобой вся наша команда полностью. Командир группы — лейтенант Турлоу, но он долбанулся черепом, так что я временно его заменяю. Рассказывай, что у тебя

стряслось?

Берка словно по голове огрели. Он застыл на месте с глазами, выпученными от ужаса.

— Эй, Вонючка, кончай. Ну-ка, очухался побыстрому, — сказал Оскар. — Выкладывай все как есть. Надо разработать план действий.

— Что? Нет, это бесполезно. Это все совершенно бесполезно…

— С чего ты взял? Туземцы выглядят дружелюбными[63], ну… по большей части. Расскажи, в чем была проблема. Попробуем разобраться.

— Дружелюбные! — Берк невесело расхохотался. — Они убили весь мой экипаж. И меня убьют. А потом вас.

15

Пирог вилкой

— Понятно, — кивнул Оскар. — С этим разобрались. Но все равно я должен знать обстановку. Берк, может, ты все-таки возьмешь себя в руки и расскажешь нам, что случилось?

Транспортный космический корабль «Гэри»,

---

[63] Примечания: 63

Цитата из судового журнала Джеймса Кука (1728–1779), открывшего в 1778 г. Гавайские острова.

построенный на верфях корпорации «Реакторз лимитед» и переданный для эксплуатации фирме «Систем энтерпрайзиз», принадлежащей семье Берка, был крылатым ракетопланом, специально приспособленным для полетов на Венере. Берк-старший назначил командиром корабля своего сына и дал ему в помощь опытный экипаж. Целью экспедиции было проверить сообщение о крупном месторождении трансурановых элементов. Информация подтвердилась, руда была обнаружена в огромном количестве. Берк-младший сразу же начал вести переговоры с местными венерианскими властями, чтобы оформить на имя фирмы право на эксплуатацию месторождения. Надо было успеть до того, как появятся другие экспедиции. А в том, что они появятся, и довольно скоро, сомневаться не приходилось.

Ему не удалось заинтересовать «мать многих» местного племени и добиться разрешения; она ясно дала понять Берку, что болото, в районе которого находилось месторождение, было запретной территорией, табу. Под каким-то предлогом Берк сумел заманить ее на корабль. Когда она оказалась на «Гэри», Берк снова попытался ее убедить, и снова у него ничего не вышло. И тогда он отказался выпустить ее с корабля.

— Получается, ты ее похитил, — сказал Мэтт.

— Еще чего. Она пришла на корабль добровольно. Просто когда она решила уйти, я не побежал открывать перед ней люк, а продолжил обсуждение.

— Да неужели? — язвительно спросил Оскар. — И как долго оно продолжалось?

— Не то чтобы очень долго.

— А поточнее? Нечего от меня скрывать, я все равно узнаю от туземцев.

— Ну хорошо! Только до утра. Что это, по-твоему, преступление?

— Я не знаю, как по местным законам, считается это преступлением или нет? На Марсе, насколько мне, да и тебе тоже, известно, тебя бы привязали к столбу и точно на тот же срок оставили одного в пустыне.

— Но, черт возьми, я же ее даже пальцем не тронул! Что я, дурак? Мне и нужно-то от нее было только ее согласие.

— И чтобы его получить, ты прибегнул к силе. Фактически ты удерживал ее на корабле, заманив обманом, и требовал выкупа. Ну, хорошо, ты продержал ее до утра. А что было дальше, как ты ее отпустил?

— Я и пытаюсь тебе объяснить! Я не успел ее

отпустить. Собирался, конечно, но…

— Неужели?

— Поменьше сарказма. На следующее утро они напали на корабль. Тысячи, я не вру, буквально тысячи этих зверей!

— И тогда ты ее отпустил?

— Я опасался это сделать. Я подумал, пока она у нас, нам ничего не сделают. Но я ошибся — они облили люк какой-то дрянью, которая мгновенно разъела металл, и туземцы ворвались внутрь корабля, прежде чем мы успели их остановить. Они перебили экипаж, буквально задавили нас, но мы уложили по крайней мере в два раза больше этих тварей!

— А тебя почему не убили?

— Я заперся в радиорубке и послал сигнал бедствия. Меня нашли только после того, как туземцы обыскали корабль, отсек за отсеком. Должно быть, я потерял сознание от ядовитых паров, когда они растворяли кислотой мою дверь. Как бы там ни было, очнулся я, когда они уже тащили меня сюда.

— Ясно. — Оскар задумался, глядя куда-то вдаль и упершись подбородком в колени. — Скажи, Вонючка, ты первый раз на Венере?

— Ну… да.

— Так я и думал. Теперь понятно, почему ты такой тупой. Ты же понятия не имеешь, каким упрямым становится маленький народ, когда их пытаются к чему-то принудить.

— Теперь-то я это знаю, — кивнул Берк. — Вот почему я конкретно просил полк космических десантников. Не понимаю, о чем думали в министерстве, когда послали трех кадетов и вахтенного офицера. Все это солдафонская тупость! Ничего, вот я вернусь, отец им такой скандал закатит.

— Ты думаешь, что патруль существует для того, чтобы спасать таких кретинов, как ты, от последствий их развлечений? — презрительно фыркнул Текс.

— Да ты…

— Замолчи, Берк. Текс, не поддавайся на провокационные замечания. Это расследование, а не школьный диспут. Разве тебе не известно, Берк, что патруль никогда не посылает космодесантников, пока не будут закончены переговоры?

— Все мне известно! Именно поэтому я и потребовал космический десант, чтобы покончить с бюрократической волокитой и добиться конкретных действий.

— Не надо себя обманывать, Берк. И тем более бессмысленно говорить, что будет после твоего

возвращения. Мы не знаем, сумеем ли вообще выбраться отсюда.

— Ты прав. — Берк задумчиво пожевал нижнюю губу. — Послушай, Йенсен, я знаю, что во время учебы мы были не особенно дружны. Теперь это не имеет значения — мы все в одной лодке и должны выбираться отсюда вместе. У меня есть предложение. Ты знаешь этих лягушек лучше меня…

— Людей, а не лягушек.

— Хорошо, людей. Ты знаешь туземцев и знаешь их местные обычаи. Если тебе удастся уладить это дело и вытащить меня отсюда, я возьму тебя в долю…

— Берк, ты сперва думай, прежде чем говорить!

— Не становись в позу, Йенсен. Просто выслушай меня, хорошо? Есть у меня право голоса или нет?

— Пусть говорит, Ос, — сказал Текс. — Мне нравится смотреть на его гланды.

Оскар ничего не ответил, и Берк продолжил:

— Я вовсе не собираюсь предложить что-то такое, что бросит тень на твою девственно чистую репутацию. В конце концов, вас послали сюда, чтобы меня спасти, разве я не имею права пред-

ложить за это вознаграждение? Теперь насчет этого болота, которое мы застолбили. В нем под завязку трансурановых элементов — от девяносто седьмого до сто четвертого. Думаю, тебе не надо объяснять, что это такое: элементы сто один и сто три входят в состав жаростойких сплавов для ракетных двигателей, сотый — для лечения рака и так далее; я не говорю об использовании этих элементов как катализаторов. А ведь только на одном этом можно сколотить миллионы! Я же не жмот какой, я со всеми поделюсь… скажем, по десять процентов на нос.

— Это и есть твое предложение?

— Не совсем. Если ты договоришься, что они нас отпустят, не помешают нам чинить «Гэри» и мы сумеем улететь с грузом, я дам каждому из вас по двадцать процентов от прибыли. Тебе понравится мой корабль. «Гэри» — самый лучший транспортник в Системе. Но если с «Гэри» у тебя ничего не выйдет и я улечу на вашем, все равно получите по десять процентов.

— Все?

— Да.

— Если бы я не знал, кто все это мне предлагает, то принял бы за оскорбление. Думаю, не я один так считаю.

— Хорошо, пятнадцать процентов. Перестань лезть в бутылку, Йенсен, вам ведь все равно приказали меня спасти, а это просто дополнительный бонус.

— Как ты думаешь, Ос, — спросил Мэтт, — нам надо и дальше выслушивать всю эту чушь?

— Хватит, — решил Йенсен. — Он уже сказал все, что хотел. Итак, Берк, постараюсь быть беспристрастным. Во-первых, ты знаешь, что патруль нанять нельзя. Далее…

— Да не собирался я вас нанимать, всего-то хотел сделать тебе одолжение, проявить благодарность.

— Сейчас моя очередь говорить. Во-вторых, корабля у нас нет, по крайней мере сейчас нет.

— Нет корабля? — Берк выглядел потрясенным.

Оскар коротко рассказал ему о судьбе джипа. На лице Берка изумление смешалось с жутким разочарованием.

— Надо же было мне повстречать таких идиотов! Забудь о моем предложении, у тебя ничего нет!

— А мы его и не принимали. Думаю, это будет лучше и для тебя самого. Мне бы только хотелось напомнить, что, не поведи ты себя здесь как по-

следний дурак и не попроси помощи, нам вообще не пришлось бы совершать посадку на двигателях в джунглях. И все-таки джип из болота я надеюсь вытащить, если мне удастся загладить твое преступление. А сделать это будет не просто, уж поверь.

— Вот как? Если вам удастся замять это дело и вытащить корабль, мое предложение остается в силе.

— Слушай, забыл бы ты лучше вообще, как думал дать нам на лапу. Обещать мы тебе ничего не можем, даже если бы захотели. Нам просто задание свое нужно выполнить.

— Хорошо, какое у вас задание? Забрать отсюда меня. Так что то на то и выходит, просто я человек щедрый.

— В нашем задании ни о чем подобном не сказано. Оно то же, что и всегда: поддержание мира. И приказ нам был расследовать нападение туземцев, если такое было, и сохранить мир. И ни слова о том, чтобы мы вытащили Жерара Берка из местной каталажки и подбросили его до дому.

— Но…

— Погоди, я еще не кончил. Ты не хуже меня знаешь, как действует патруль. Находясь в отдаленных местах Системы, офицер должен

полагаться на традицию и здравый смысл…

— Ну, если ты ищешь прецедент, то мог бы и знать…

— Заткнись. Прецедент — это просто предположение, что некто, действовавший в прошлом и с меньшей информацией, несмотря на это, понимает ситуацию лучше, чем человек, попавший в эту ситуацию сегодня. Если бы ты зря не просиживал штаны, а толком использовал то время, которое провел в Академии, ты бы знал, что традиции — это совсем другое. Следовать традиции — значит делать все в таком же высоком стиле, как и те, кто был до тебя; это значит — делать, как и они.

— Ладно, ладно, кончай свою лекцию.

— Поэтому мне нужно, чтобы ты мне кое-что рассказал. Скажи, до встречи с тобой маленький народ встречался с землянами?

— Ну… разумеется, они слышали о людях… Кое-что, во всяком случае. Потом, здесь побывал Стивенс.

— Кто этот Стивенс?

— Геолог, работал на моего старика. Это он провел здесь предварительное обследование, из-за которого послали «Гэри». Ах, да, с ним еще был пилот его разведывательного корабля.

— И это единственные люди, с которыми встре-

чались туземцы до прилета «Гэри»?

— Да, насколько я знаю.

— Про патруль они когда-нибудь слыхали?

— Сомневаюсь… хотя, нет, слыхали. Эта мама-ша-начальница, похоже, знает местное слово, обозначающее патруль.

— Хм… странно все это. Насколько я знаю, патрулю еще ни разу не приходилось работать так близко от экватора — а если б и приходилось, капитан Янси нам обязательно бы рассказал.

Берк пожал плечами, Оскар продолжил:

— Это сильно меняет дело. Ты все испоганил, Берк. Из-за открытия твоих минералов сюда прилетят люди, много людей. А ты так все замечательно начал, что неприятности теперь посыплются одна за другой, и в конце концов все это перерастет в партизанскую войну между туземцами и людьми. Волнения могут охватить всю планету, до самых полюсов. Задача патруля — подавлять в зародыше саму возможность такой ситуации, в этом наша миссия и состоит. Теперь мне придется на коленях ползать, чтобы все загладить, из кожи лезть, чтобы они не думали, что все мы такие. Ты мне можешь хоть что-нибудь рассказать еще? Что угодно, любая мелочь сгодится — дело слишком серьезное, все

нужно брать в расчет.

— Не думаю. Но ты действуй, налей старухе в уши столько меда, сколько сможешь. Можешь даже притвориться, что увозишь меня под арестом, если, конечно, от этого будет какой-то толк. Между прочим, отличная мысль! Лично я возражать не буду, лишь бы отсюда смотать.

— Арестовать — это можно, если она пожелает, — покачал головой Оскар. — Но, насколько я могу судить, ты здесь уже под арестом за преступления, предусмотренные местным законом.

— Да что ты говоришь?

— Могу еще кое-что добавить. То, в чем ты сейчас признался, где угодно считается преступлением. Если она захочет, тебя будут судить на «Терре». Но мне, честно-то говоря, безразлично, хоть так, хоть этак. Патруля это уже не касается.

— Но здесь же ты меня не собираешься оставлять?

— Вот лейтенант Турлоу очнется, сам с ним и будешь все обсуждать. Что до меня, то я не собираюсь ставить под угрозу нашу главную задачу. И чего, собственно, ради? Чтобы спасти тебя от наказания за убийство? Да-да, убийство, вот именно! Ты сам в этом признался.

— Но… — Берк оглянулся по сторонам. — Текс!

Мэтт! Неужели вы позволите ему встать на сторону говорящих лягушек против *человека*?

Мэтт промолчал, не сводя с Берка холодных глаз.

— Заткнись, Вонючка, — ответил Текс.

— Это точно, — кивнул Оскар, — заткнись и ложись спать. У меня рука болит, и вообще, не хочу я больше с тобой разговаривать.

В комнате мгновенно настала тишина, хотя никто из них не смог заснуть сразу. Мэтт лежал и думал, получится ли у Оскара убедить лягушачью мать — так он называл ее про себя — в честности их намерений. И в который раз мучил себя вопросом, как это так вышло, что он не смог уберечь джип. Наконец, измучившись, он провалился в сон.

Разбудил его громкий стон. Мэтт вскочил и подбежал к лейтенанту. Оказалось, что не он первый: Текс уже был на ногах и стоял, склонившись над Турлоу.

— В чем дело? — спросил Мэтт. — Ему хуже?

— Он все время пытается что-то сказать.

Глаза Турлоу приоткрылись, и он посмотрел на Мэтта.

— Maman… — Голос его дрожал. — Maman…

pourquoi fait-il nuit ainsi?[64]

К ним подошел Оскар:

— Что он говорит?

— Похоже, маму зовет, — ответил Текс. — Остальное чушь какая-то.

— Куда девался этот пузырь? Надо ему дать попить. — Мэтт приложил сосок пузыря к губам лейтенанта, тот напился и мгновенно заснул.

— Вот что, ребята, — сказал Оскар. — Вы ложитесь, а я попробую переговорить с охранником, когда он снова принесет нам поесть. Нужно попытаться увидеться со старшей матерью. Все-таки надо бы как-нибудь организовать ему медицинскую помощь.

— Оскар, хочешь, я подежурю? — предложил Мэтт.

— Нет, Мэтт, ты отдыхай. Я все равно не смогу уснуть. Эта проклятая штука все время чешется.

— Ладно.

Мэтт уже засыпал, когда раздались шаги и чья-то рука откинула занавес. Оскар, сидевший у самой двери со скрещенными ногами, как только охранница отодвинула занавес, чтобы поставить на пол поднос с едой, просунул руку в образовав-

---

[64] Примечания: 64
Мама… Мама… Почему так темно? *(фр.)*

шуюся щель.

– *Убери руку,* — строго сказала охранница.

– *Послушай,* — начал уламывать туземку Оскар, — *мне надо поговорить с твоей матерью.*

– *Убери руку.*

– *Ты ей передашь мою просьбу?*

– *Убери руку!*

Оскар убрал, и охранница задвинула занавес.

— Что-то не похоже, чтобы они хотели вступить с нами в переговоры, — заметил Мэтт.

— Поживем — увидим, — ответил Оскар. — Завтрак подан. Буди остальных.

На блюде лежала все та же сомнительного вида жвачка.

— Дели на пятерых, Текс, — скомандовал Оскар. — Вдруг лейтенант очнется и захочет есть.

Берк с сомнением посмотрел на пищу, понюхал ее и отказался:

— Меня тошнит от этой гадости. Я ее есть не буду.

— Отлично. Значит, на четверых. — Текс кивнул и сделал, как было сказано.

Кадеты принялись за еду. Наконец Мэтт откинулся назад, посмотрел на товарищей и сказал задумчиво:

— Неплохо бы, конечно, сейчас апельсинового

сока и кофе, но в общем кормят нас не так уж и плохо.

— Я вам не рассказывал, как дядя Боди попал в мексиканскую тюрьму в Хуаресе? По ошибке, естественно.

— Естественно, — согласился Оскар. — И что дальше?

— В тюрьме их кормили кашей из прыгучих мексиканских бобов. Так вот, дядя…

— Живот у него, что ли, заболел?

— Да нет. Он их тарелку за тарелкой сметал, а через неделю перепрыгнул четырехметровую стену и пошел домой.

— Если б я сам не видел твоего дядю, ни за что б не поверил. Слушай, а что бы он делал на нашем месте?

— Что делал? Занялся бы любовью с этой старухой и через три дня отдавал бы приказы направо-налево.

— Пожалуй, я все-таки позавтракаю, — вдруг объявил Берк.

— Это порция лейтенанта, — предупредил его Оскар. — Ты упустил свой шанс.

— Не имеешь права мной распоряжаться.

— Да что ты говоришь — не имею? Имею, и сразу по двум причинам.

— Ах, вот как? И какие же?

— Мэтт и Текс.

— Врезать ему как следует, командир? — Текс встал.

— Пока не надо.

— Вот дерьмо!

— Между прочим, — заметил Мэтт, — тут есть и постарше тебя, так что я первый буду его бить.

— Ты уже и старшинство приплел? Ну ты и крыса!

— Для тебя Мистер Крыса, будь любезен. И в данном случае я настаиваю на старшинстве.

— Но это коллективное мероприятие…

— Замолчите, ребята, — оборвал их Оскар. — Никто ему не врежет, если только он не сунется за едой.

У входа послышался шум, занавес приоткрылся и появилась туземка:

– Моя мать согласилась видеть тебя. Пошли.

– Меня одну или со всеми сестрами?

– Всех вместе. Идем.

Они направились к выходу. Берк хотел выйти тоже, но две амфибии втолкнули его обратно внутрь и держали до тех пор, пока еще четверо не подняли лейтенанта Турлоу и не вынесли его в коридор. После этого группа двинулась по

коридору.

— Хоть бы свет в этой крысиной норе сделали, — сказал Текс, споткнувшись в очередной раз.

— Для них здесь и так светло, — сказал Оскар.

— Понятно, — ответил Текс, — но мне-то от этого не легче. *Мои* глаза в инфракрасном не видят.

— Тогда поднимай повыше ходули.

Они оказались в большой комнате. Это был не тот зал при входе, куда их привели в первый раз, здесь не было бассейна. Амфибия, та, что говорила с ними тогда и после разговора с которой их увели, сидела на возвышении в дальнем углу комнаты. Из пленников ее узнал один Оскар, для его спутников она ничем не отличалась от прочих амфибий. Оскар ускорил шаги и обогнал свой эскорт:

– *Приветствую тебя, старая и мудрая мать многих.*

Амфибия выпрямилась и пристально посмотрела на него.

В комнате стояла тишина. Маленький народец столпился со всех сторон, переводя взгляды со своего вождя на землян и обратно. Мэтт чувствовал: от ее ответа зависит сейчас их судьба.

– *Приветствую.* — Она просто вернула ход Оскару, избегая давать ему какую-либо харак-

теристику, хорошую или плохую. — *Ты хотел говорить со мной. Можешь говорить.*

– Что это за город, в который я попал? Может ли быть, что я забрался так далеко, что попал в город, где не соблюдают обычаи?

Венерианское слово «обычаи» значило много больше, чем в языке землян, и охватывало все обязательные правила поведения, при которых старшие и более сильные охраняют младших и слабых.

Туземцы, услышав слова Оскара, зашевелились. Мэтт подумал, не слишком ли тот увлекся. Выражение на лице амфибии изменилось, но Мэтт так и не понял, к добру это или к худу.

– Мой город и мои дочери всегда соблюдали обычаи… — Она использовала другой, более широкий термин, охватывавший и табу, и прочие обязательные действия, а не только закон помощи. — *И я никогда не слышала раньше, чтобы нас обвиняли в том, что мы их избегаем.*

– Я слышу тебя, о благородная мать многих, но твои слова приводят меня в замешательство. Мы прибыли сюда, мои сестры и я, в поисках помощи как для нас, так и для нашей матери, которая серьезно больна. Я тоже ранена и не могу защитить своих младших сестер. И как нас приняли в

твоем доме? Ты лишила нас свободы, наша мать лежит безо всякого ухода и умирает. Более того, нам даже не дали возможности соблюдать приличия, не предоставив личных комнат, в которых можно было бы поесть.

Из толпы присутствующих донесся вздох, который Мэтт правильно истолковал как возмущенный возглас. Оскар вполне сознательно употребил непристойное слово «есть» вместо объяснений обиняками. В душу Мэтта закралось подозрение, что у их командира не все в порядке с головой. Но он продолжал говорить, и подозрения Мэтта нашли новое подтверждение.

– Разве мы рыбы, чтобы с нами так обращались? Или таковы обычаи твоих дочерей?

– Мы следуем обычаям, — коротко ответила амфибия; гнев в ее голосе был настолько очевиден, что это заметили даже Мэтт с Тексом. *— Мне казалось, что у твоего рода нет никаких приличий. Это будет исправлено.*

Она что-то резко бросила одной из своих сопровождающих; маленькое создание тут же исчезло.

– Что касается твоей свободы, то я поступила по закону, потому что должна защищать своих дочерей.

– Защищать своих дочерей? От кого? От моей больной матери? Или от меня со сломанной рукой?

– Твоя сестра, не знающая обычаев, лишила тебя свободы.

– Я слышу твои слова, о мудрая мать, но их смысл ускользает от меня.

Амфибия недоуменно посмотрела на Оскара. Она спросила о Берке, произнося его земное имя капитан Берк как одно слово. Оскар заверил ее, что Берк не является «дочерью матери» Оскара или даже «матери матери» Оскара. Амфибия-старейшина задумалась.

– Если мы вернем тебя в верхние воды, ты обещаешь покинуть нас?

– Но что будет с моей матерью? — спросил Оскар. *— Неужели ты просто выкинешь ее наверх больной и слабой, чтобы она умерла и была уничтожена существами из слизи?*

На этот раз Оскар постарался избежать венерианского выражения «быть съеденным».

«Мать многих» распорядилась, чтобы лейтенанта перенесли на возвышение, где сидела она, и положили рядом. Несколько представительниц маленького народа собрались вокруг и осмотрели его, переговариваясь друг с другом высокими

шепелявыми голосами. Наконец сама матриарх присоединилась к осмотру и после этого повернулась к Оскару.

– *Твоя мать спит.*

– *Это нездоровый сон. Ее голова повреждена ударом.*

Оскар подошел к группе «экспертов» и показал им шишку на затылке Турлоу. Амфибии сравнили очертания головы лейтенанта с головой Оскара, мягко, но тщательно проводя маленькими ручками по его светлым волосам. Последовал новый шепелявый обмен мнениями. Мэтт не понимал даже того, что удавалось расслышать, слова по большей части были ему незнакомы.

– *Мои ученые сестры считают, что было бы слишком рискованно разобрать голову твоей матери на составные части, потому что боятся, что не сумеют снова поставить все на свои места,* — заявила наконец «мать многих».

– *Хоть здесь успокоили,* — тихо пробормотал Текс.

– *Ос не дал бы им это сделать,* — шепнул в ответ Мэтт.

Предводительница распорядилась о чем-то, четверо амфибий подняли бесчувственное тело лейтенанта и понесли из комнаты.

— Послушай, Ос, — ты считаешь, с ним ничего не случиться? — обеспокоенно спросил Текс.

— Нет, успокойся, — ответил Оскар и тут же объяснил матриарху: — *Моя сестра беспокоится о безопасности нашей матери.*

Старая амфибия сделала жест, внезапно напомнивший Мэтту о его двоюродной бабушке Доре, она даже самым натуральным образом фыркнула.

– *Передай ей, что ее ноздри могут не дрожать.*

— Старая дама посоветовала тебе не поднимать шухер, Текс.

— Я слышал. Ладно уж, ты начальник, — ответил Текс и пробормотал: — Ноздри! Во сказала.

Когда Турлоу унесли, повелительница повернулась к людям:

– *Пусть ваши сны будут о дочерях.*

– *Пусть же и твои сны будут не менее прекрасны, о благородная мать.*

– *Мы еще вернемся к этому разговору.*

Она величественно выпрямилась во все четыре фута своего роста и вышла из комнаты. После ее ухода эскорт земноводных вывел кадетов из зала собраний, но повел по другому коридору, где они еще не были. Наконец они остановились перед входом в другую комнату. Глава эскорта пожe-

лала им всего доброго, точно повторив формулу, произнесенную матриархом. Кадеты вошли в помещение, занавес задвинулся, но остался незакрепленным. Мэтт тут же это проверил. Он повернулся к Оскару:

— Должен отдать тебе должное, Ос. Если тебе когда-нибудь надоест патруль, а баллотироваться на пост премьер-министра Системы ты не захочешь, я могу предложить тебе отличную работу — продавать снег эскимосам. Для тебя это пара пустяков.

— Все верно, — согласился Текс, — полностью присоединяюсь к Мэтту. Ты был просто великолепен, Оскар. Мой дядя Боди и то не втерся бы к старой деве в доверие лучше тебя.

— Сравнение что надо. Спасибо, Текс. Честно говоря, у меня у самого словно гора с плеч. Если бы маленький народ не был таким честным и доверчивым, у меня точно бы ничего не вышло.

Главная комната их «квартиры» — всего комнат было две — по размерам не превышала ту, где их держали до этого, но отличалась от нее благоустроенностью и уютом. Вдоль стены из конца в конец тянулся широкий диван с мягкой обивкой. В центре комнаты располагался бассейн, вода в котором при тусклом освещении

казалась черной.

— Ос, как ты думаешь, соединяется эта лохань с озером? — поинтересовался Текс.

— Так делается почти всегда.

Мэтт заинтересовался:

— Тогда, возможно, мы сумеем отсюда выплыть.

— Валяй, пробуй. В темноте только не заблудись. И кстати, ты правило помнишь? Никогда не оставайся под водой больше половины того времени, на которое можешь задержать дыхание, — с циничной ухмылкой посоветовал Оскар.

— Ясненько.

— В любом случае нам придется еще погостить, пока не разберемся с этой историей окончательно.

Тем временем Текс отправился взглянуть на вторую комнату.

— Эй, Ос, иди посмотри, что тут есть.

Мэтт и Оскар присоединились к нему. Вдоль стен здесь тянулись ряды маленьких закутков, и у каждого был свой собственный занавес.

— О, да это же наши персональные столовые.

— Знаешь, Ос, я только что вспомнил. Когда ты заговорил о еде, я думал, что все, допрыгались. А ты так ловко выкрутился из этого ляпа.

— Ни из чего я не выкручивался, я знал, что говорил.

— Как это?

— Попробовал рискнуть. Мне нужно было их шокировать мыслью о том, что они ведут себя неприлично или, во всяком случае, нам кажется, что неприлично. Это дало им понять, что мы тоже люди с их точки зрения. Теперь, когда маленький народ признал в нас людей, надо вести себя очень осторожно. Мне тоже не слишком нравится есть в этих темных комнатушках, но рисковать нельзя. Даже задвигать за собой занавеску и то совершенно необходимо на случай, если кто-то из них заглянет в этот момент к нам. Не забывайте, что еда — это единственное занятие, считающееся у них интимным.

— Понятно, — кивнул Текс. — Пирог нужно есть вилкой.

— Что?

— Ладно, не обращай внимания. Это из печальных воспоминаний моей юности. Можешь не сомневаться, мы с Мэттом сделаем все как надо.

16

ПРК «Астарта»

На следующее утро Оскара опять пригласила к себе повелительница маленького народа, и он принялся осторожно и не спеша закладывать основание для установления официальных дипломатических отношений в будущем. Сначала он выслушал ее версию происшествия с кораблем «Гэри» и его капитаном. Она почти не отличалась от того, что рассказал Берк, хотя и была изложена с другой точки зрения.

Затем Оскар как бы невзначай спросил, почему болото, интересовавшее Берка, табу. Он опасался вторгаться в религиозные вопросы, но узнать причину было необходимо, сомневаться не приходилось — скоро здесь высадятся другие экспедиции, привлеченные слухами о залежах трансурановых элементов. И если патруль не хочет новых беспорядков, ситуация должна быть прояснена.

Матриарх без колебаний ответила: болото объявлено табу потому, что глина, содержащая руду, ядовитая. У Оскара отлегло от сердца. Руда, содержащая трансурановые элементы, должна быть ядовитой — по понятным причинам. Но условные или практические табу уже не раз пре-

одолевались патрульной службой, все решали переговоры — требовалось лишь терпение. Он дал матриарху понять, что этим вопросом позже займутся соответствующие эксперты.

При следующей встрече он спросил ее о патруле. Нечто подобное она слышала, причем использовала для него слово, которым приполярные туземцы называют вообще все органы колониального управления. Значило оно «хранители обычаев» или «стражи законов». Это название оказалось для Оскара как нельзя кстати, потому что ему так и не удалось объяснить повелительнице земноводных, что задачей патрульной службы было предотвращение войны; понятие «война» оказалось совершенно непостижимым для старой амфибии!

Но по консервативности склада своего ума она была естественным образом расположена в пользу организации, именуемой «хранители обычаев». И Оскар подошел к главному вопросу именно с этой точки зрения. Он объяснил ей, что вскоре сюда начнут прибывать люди, такие, как он; поэтому-то «великая мать многих» его собственного народа и послала Оскара с предложением, чтобы сюда прибыла «мать» их народа, чтобы помочь ей избежать трений.

Она легко приняла эту идею, потому что идея соответствовала ее собственному опыту и традиционным понятиям. Группы туземцев вблизи полярных колоний имели обыкновение поддерживать «международные» отношения, обмениваясь «матерями» — фактически судьями, — которые выносили решения по вопросам, возникающим из-за различия в обычаях; Оскар изложил свое предложение в тех же знакомых ей терминах.

Вот так, ненавязчиво, он заложил основы для последующей организации консульства, экстерриториальных судов и отдела земной полиции. Задание, с точки зрения Оскара, было выполнено, если, конечно, они смогут вернуться с докладом на базу прежде, чем здесь начнут шнырять другие разведчики руды, горные инженеры и просто любители легкой наживы.

И только теперь он заговорил с «хозяйкой» о возвращении домой.

И… получил от нее предложение остаться в подземном городе навсегда в качестве «матери», представляющей его народ. (Слово, переводимое как «мать», употребляется у венериан для обозначения любого поста, связанного с властью или авторитетом; точное значение этому слову

придают приставки, окончания и — главное — контекст.) От такого предложения Оскар на время лишился речи.

— Я просто не знал, — признался он позднее товарищам, — что ей сказать. В ее понимании, она оказывала мне большую честь. Если бы отказался, я бы наверняка ее оскорбил и испортил этим все дело.

— Ну и как же ты выкрутился? — поинтересовался Текс. — Если, конечно, выкрутился.

— Думаю, у меня получилось. Я ей как можно дипломатичнее объяснил, что еще слишком молод для такой чести и действую в качестве «матери» только потому, что болеет Турлоу; к тому же у моей «великой матери многих» есть для меня другая работа, которую я обязан, согласно обычаям нашего народа, выполнять.

— Наверное, это ее убедило.

— Думаю, она просто отложила вопрос в сторону в качестве пункта для дальнейших переговоров. Ты не знаешь маленький народ, они лучшие специалисты в ведении переговоров; когда будешь в Нью-Окленде, зайди как-нибудь в суд, ведущий межрасовые дела, и послушай. Получишь большое удовольствие.

— Не отвлекайся, — сказал ему Мэтт.

— А я и не отвлекаюсь, просто *в этом* самая суть. Они не дерутся, не воюют, они просто спорят, пока одна из сторон не сдается. Во всяком случае, сказал я ей, нам необходимо доставить Турлоу туда, где он получит нужную врачебную помощь. Вот это она поняла прекрасно и, уж не знаю в который раз, принялась сокрушаться, что ему не смогли помочь ее маленькие дочери. Но у нее было новое предложение, как можно попробовать вылечить нашего босса.

— Да? — спросил Мэтт. — Это как же?

Вопрос не был праздным: Мэтт сам назначил себя опекуном Турлоу.

Он работал вместе с амфибиями-целительницами, которые сделали не приходящего в сознание лейтенанта предметом своей профессиональной заботы. Мэтт научил их измерять пульс и следить за дыханием, теперь в любой момент дня или ночи одно из этих заботливых созданий сидело на корточках возле постели Турлоу, не сводя с него своих больших и серьезных глаз.

Похоже, они были искренне огорчены тем, что не могут ему помочь; лейтенант почти все время находился в коме, лишь изредка выходя из нее, — это были единственные моменты, когда его можно было кормить и поить. Но и в эти редкие

промежутки он не произносил ни одного слова, которое бы понимали кадеты. Мэтт с интересом обнаружил, что маленькие санитарки ничуть не стеснялись кормить беспомощного человека; они воспринимали неприятные, но необходимые действия с такой же заботой и без малейших проявлений брезгливости, как и их земные коллеги.

Но Турлоу не выздоравливал. Хотя и не умирал тоже.

— Старушка предложила решение проблемы, довольно радикальное, но вполне логичное. Она предложила, чтобы ее целительницы сперва разобрали на части голову Берка, чтобы посмотреть, как она устроена. После этого они могут прооперировать босса и вылечить его.

– *Что?* — спросил Мэтт.

Текс, тот просто пришел в восторг. Он смеялся так громко, что в конце концов задохнулся и принялся икать; пришлось лупить его по спине.

— Ой, мамочки, — наконец сумел проговорить он. По щекам его текли слезы. — Какая прелесть. Хотел бы я увидеть лицо Вонючки. Ты ведь ему еще не сказал?

— Нет.

— Чур, я ему говорю первый.

— Я думаю, не стоит ему про это рассказывать,

— возразил Оскар. — Зачем бить лежачего?

— Ах, какие мы благородные! Ему будет совсем не вредно узнать свое новое социальное положение — морской свинки.

— Да, она его, должно быть, сильно возненавидела, — прокомментировал Мэтт.

— Собственно, а почему бы и нет? — сказал Текс. — Ее народ потерял с десяток, если не больше, своих — это что, по-твоему, шуточки?

— Вы оба ее не понимаете, — сказал Оскар. — Она не испытывает к нему ненависти.

— А?

— Вот вы, к примеру, стали бы ненавидеть собаку? Или кошку?

— Конечно, — ответил Текс. — Был у нас когда-то один старый кот, так я…

— Заткнись и дай мне закончить. Я могу с тобой согласиться, но, извини, кота можно ненавидеть, только признав за ним равный социальный статус. А она вообще не считает Берка *человеком*, потому что он не придерживается обычаев. Вот мы для нее люди, хоть и похожи на него. И это потому, что мы обычаев не нарушаем. А Берка она держит за опасное животное вроде волка или акулы, которое надо либо посадить в клетку, либо уничтожить, а ненавидеть или наказывать

бессмысленно!

— Как бы там ни было, — продолжал Оскар, — я сказал ей, что этот вариант не годится, ему мешает некое эзотерическое, необъяснимое, но нерушимое религиозное табу. В общем, она больше не настаивала на своем предложении. Но я сказал еще, что мы хотели бы для перевозки лейтенанта взять корабль Берка. И она охотно нам его отдала. Завтра мы пойдем его осматривать.

— Господи, чего же ты сразу про это не сказал? Вешает, понимаете ли, всякую лапшу на уши!

Они снова совершили подводное путешествие, которое испытали при въезде в город, — теперь в обратную сторону. За ним последовало долгое плавание и короткая пешая прогулка по суше. На этот раз сама «мать многих» почтила их своим присутствием.

«Гэри» полностью соответствовал описанию, которое дал ему Берк. Это действительно был современный, красивый, наверняка дорогой корабль с атомным приводом и заостренными крыльями, изящными, как крылья ласточки.

Помимо этого, он был бесполезной рухлядью.

Сам корпус сохранился полностью, если не считать наружного люка, который подвергся воздействию исключительно высокой темпера-

туры или какой-то невероятно едкой жидкости, а может, тому и другому сразу. Мэтт задумался, как это вообще могло быть сделано, и отметил этот случай для себя как еще одно свидетельство, что венериане вовсе не какие-нибудь зверушки, похожие на лягушек, тюленей или бобров, как заставляют думать земные предрассудки.

На первый взгляд и внутренние помещения корабля выглядели нормально, пока кадеты не начали проверять систему управления. Для амфибий даже простейший дверной засов являлся полнейшей загадкой, и поэтому, обыскивая корабль, они просто-напросто прожигали себе дорогу через препятствия, включая люки, ведущие в отсеки гироскопов и автопилота. И в результате все проходившие там кабели — вся нервная система корабля — превратились в массу обожженного, расплавленного металлолома.

Тем не менее они потратили еще три часа, чтобы окончательно убедиться, что для приведения корабля в работоспособное состояние нужна как минимум космоверфь. В конце концов они неохотно признали поражение и с тяжелым сердцем отправились назад. Оскар тут же предложил «матери» идею вытащить из болота утонувший джип. Раньше он об этом даже не заговаривал

— вариант с «Гэри» казался ему лучшей альтернативой. Разговору со старой амфибией сильно мешали трудности с языком: в ее языке не было слова для понятия «средство передвижения», а для понятия «ракетный корабль» — тем более. Но положение облегчалось тем, что имелся «Гэри», на который можно было сослаться как на пример.

Поняв наконец, чего от нее хотят, матриарх сразу же отдала нескольким «дочерям» приказ плыть к тому месту, где когда-то подобрали кадетов. По мусору, который там оставался, кадеты сначала убедились, что это то самое место и есть, а затем Оскар отвел амфибий туда, где погиб джип. Больше жестами, чем словами, он объяснил, что здесь произошло, показал на берегу следы хвостовой части джипа и отмерил шагами приблизительные размеры утонувшего судна.

«Мать многих» обсудила проблему со своими помощницами (кадеты, пока все это тянулось, ждали — их не исключали из беседы, их просто как бы не замечали) и тут же приказала всем возвращаться: приближалась ночь, и даже амфибии не решались оставаться в джунглях Венеры после наступления темноты.

В течение нескольких дней про спасение джипа

даже и разговоров не было. Все попытки Оскара разузнать, что делается и делается ли что-нибудь вообще, с ходу отметались «матерью» — примерно так же взрослые пресекают порой докучливые расспросы надоедливого ребенка. Так что оставалось одно — ждать. И они ждали. Текс играл на губной гармошке, пока ему не сказали, что если он не заткнется, то его выкупают в бассейне, занимавшем всю середину комнаты. Оскар нянчился со своей сломанной рукой и предавался размышлениям. Не очень-то это были веселые размышления. Мэтт большую часть времени проводил возле Турлоу и близко познакомился с санитарками, не оставлявшими лейтенанта ни на минуту, особенно с одной веселой малышкой с блестящими глазами, которая называла себя Т'винг.

Знакомство с Т'винг здорово изменило его точку зрения на венериан. Сначала он воспринимал ее по большей части как нечто вроде хорошей, верной и необыкновенно умной собаки, но постепенно Мэтт начал думать о ней как о друге, интересном собеседнике и… человеке. Мэтт пытался ей рассказать о себе, о своей расе, о мире, в котором он жил. Она слушала с большим интересом, не отводя ни на мгновение глаз от Турлоу.

Волей-неволей Мэтту пришлось затронуть и астрономические понятия, но здесь он натолкнулся на глухой блок. Для Т'винг мир состоял из воды, болот и редких клочков сухой почвы; сверху надо всем этим нависали бесконечные облака. Она знала Солнце — ее глаза, чувствительные к инфракрасному излучению, могли его различать, — но Солнце она воспринимала как светлый и теплый диск, а не как звезду.

Что же касается собственно звезд, никто из ее соплеменников никогда их не видел и не имел ни малейшего представления о том, что они существуют. Мысль о других планетах у них даже смеха не вызывала, она была просто им непонятна. Мэтт оставил свои попытки.

Он рассказал о своих трудностях Оскару.

— А чего, собственно, ты хотел? — спросил тот. — Все местные такие. Они вежливо тебя слушают, потому что думают: ты говоришь о своей религии.

— Что, даже те, которые живут поблизости от колоний?

— Один черт.

— Но корабли-то наши они видели! Кто-то, во всяком случае, видел. Неужели они ни разу себя не спрашивали, откуда мы им на голову свали-

лись? Раньше ведь нас здесь не было, это-то они должны знать прекрасно.

— Да знают они, конечно, знают. Только те, которые живут около южного полюса, считают, что мы прилетели с северного, а жители северного уверены, что мы появились с южного, и бесполезно пытаться им втолковать что-то другое.

Но трудности при общении не были односторонними. Т'винг раз за разом употребляла слова и образы, которые Мэтт не понимал абсолютно и которые даже с помощью Оскара никак не удавалось понять. Исподволь у него начало возникать ощущение, что это Т'винг — культурная, образованная личность, а он, Мэтт, неграмотный и неотесанный варвар.

— Иногда мне кажется, — признался как-то Мэтт Тексу, — что Т'винг считает меня идиотом, который очень старается чему-нибудь научиться и достигнуть уровня кретина, но это выходит довольно плохо.

— Ты вот что — ты не расстраивайся, малыш. Станешь ты кретином, станешь, главное — побольше старайся.

И вот как-то утром, через пятнадцать венерианских дней после прибытия на планету, «мать города» вызвала кадетов к себе, а кончилось это

тем, что их проводили к месту посадки джипа. Они стояли на том же самом берегу, на который вскарабкивались когда-то, покидая тонущий корабль, но вся картина переменилась полностью. Теперь у их ног был огромный котлован, на дне которого лежал на три четверти раскопанный джип. На нем и вокруг него кишел целый рой венериан, напоминавших в этот момент рабочих на космоверфи.

Амфибии начали работу с того, что добавили к жидко-желтой жиже, в которой утонул катер, некое вещество. Попытки Оскара — упорные, надо сказать, попытки — заполучить формулу этой добавки ни к чему не привели; даже его языковых познаний было явно недостаточно — почти все слова звучали странно и незнакомо. Но какой бы эта добавка ни была, в результате жидкая грязь превратилась в нечто очень напоминающее густой студень, который, взаимодействуя с воздухом, становился все более и более твердым.

Амфибии снимали верхние слои почти с той же скоростью, с которой затвердевали нижние, в результате вокруг джипа теперь возвышались крутые стены и он оказался в углублении, напоминавшем кессон. Из этого углубления в сторону берега поднимался пандус, по которому двигался

непрерывный поток маленьких неутомимых работников, нагруженных глыбами затвердевшей грязи.

Кадеты сразу же сошли в котлован, чтобы на месте посмотреть на работу; настроение их стало заметно лучше, голоса громче, и разговор в основном был о том, как восстановят джип и как они полетят домой. Но тут к ним приблизилась венерианка — должно быть, руководитель работ — и настойчиво попросила их поскорее убраться наверх и больше не путаться под ногами. Они присоединились к «матери города» и принялись ждать.

— Ос, спроси у нее, когда они надеются окончательно очистить наш джип и вытащить из болота, — предложил Текс.

Оскар так и сделал.

– *Скажи своей нетерпеливой дочери, чтобы она гонялась за своей рыбой, а я буду гоняться за своей.*

— Можно бы и без грубостей, — ответил на это Текс.

– *Что она сказала?* — поинтересовалась «мать многих».

– *Она благодарна тебе за урок,* — дипломатично соврал Оскар.

Маленький народ работал чрезвычайно быстро. Было ясно, что еще задолго до наступления вечера корабль будет практически свободен, а заодно и вычищен: наружная поверхность уже сияла, а из люка выносили все новые и новые блоки затвердевшей грязи. Потом процедура изменилась — маленькие работники стали выносить из корабля наполненные какой-то жидкостью пузыри. Очистка шла полным ходом.

Оскар одобрительно смотрел на происходящее.

— Я же говорил, что они его вылижут до блеска.

Но во взгляде Мэтта особого оптимизма не было.

— Ос, я боюсь, как бы они чего не напортили в рубке. Или сами не попали под напряжение. Или еще что.

— Да брось ты. Все кабели хорошо заизолированы. И чего они там могут испортить? Ведь приборную панель, когда уходил, ты закрыл. Закрыл ведь?

— Само собой.

— Да если б ты ее даже и не закрыл, двигатель запустить они все равно не смогут. Ты посмотри, в каком виде корабль!

— Верно-то оно верно, но все равно как-то не

по себе.

— Ну так пойдем посмотрим. Я давно хочу поговорить с их прорабом, есть у меня одна идея.

— Какая еще идея? — спросил Текс.

— Может, стоит поставить джип вертикально здесь, в яме? Мне кажется, мы смогли бы стартовать прямо оттуда, тогда и вытаскивать ничего не надо. На этом же можно сэкономить несколько дней.

Они спустились по пандусу и нашли прораба, затем Мэтт и Текс отправились внутрь корабля, а Оскар остался разговаривать с венерианкой. Трудно было даже представить, что еще недавно пилотская рубка была до потолка забита отвратительной желтой грязью. Несколько амфибий продолжали работать в кормовом конце помещения, все остальное было уже очищено.

Мэтт забрался в кресло пилота и начал осмотр. Первое, что ему бросилось в глаза, было отсутствие сделанных из губчатой резины наглазников инфракрасного визора. Мелочь, конечно, но куда они все-таки подевались? Кто знает, может быть, маленький народ тоже имеет склонность не отказывать себе в маленьких сувенирах? Мэтт отложил подозрения в сторону и попытался сделать «сухую», без запуска двигателей, прогонку

этапов взлета.

Ни один прибор не работал. В самом буквальном смысле — ни один.

Тогда он присмотрелся к панели управления внимательнее. На первый взгляд казалось, что очищена она идеально и придраться вроде бы не к чему. Но теперь он заметил множество каких-то пятнышек и углублений. И каково же было его удивление, когда, поковыряв в одном из таких углублений ногтем, он заметил, что металл поддается. Поковыряв еще, он проделал в панели крохотное отверстие. От ужаса Мэтта даже слегка замутило, где-то внизу, в желудке, появилось нехорошее ощущение тошноты.

— Текс, пойди сюда на минутку. Я тут кое-что обнаружил.

— Кое-что обнаружил? — Голос Текса звучал что-то уж больно глухо. — Ты лучше на это посмотри.

Текс стоял возле снятой крышки гироскопического отсека. В руке у него был гаечный ключ.

— После того, что мы видели на «Гэри», я решил перво-наперво заглянуть сюда. Ты когда-нибудь видел такой бардак?

Грязь затекла внутрь. Когда корабль провалился в болото, гироскопы, хотя и отключенные от

питания, естественно, продолжали вращаться и работали бы так еще много дней; они и сейчас, когда Текс отсоединил кожух, по идее, должны были работать. Но вместо этого они завязли в грязи и сгорели.

— Надо позвать Оскара, — упавшим голосом сказал Мэтт.

С помощью Оскара они оценили степень ущерба. Пострадали все приборы, все элементы электронного оборудования. Неметаллические детали полностью исчезли, тонкие металлические листы, такие как крышки приборов, были изъедены крошечными отверстиями.

— Как это вообще возможно?! — повторял Оскар, чуть не плача.

Мэтт обратился к венерианке, руководившей работами. Сначала она его не поняла. Он указал на маленькие дырочки, после чего она взяла комок желеобразной грязи и размяла его на ладони. Своим тонким пальцем она осторожно отделила что-то вроде тонкой белой нити длиной пару дюймов.

– *Вот источник твоих бед,* — сказала амфибия.

— Что это, Ос?

— Похоже на червя. Но такого я еще не встречал. В приполярных районах такие не водятся,

слава богу.

— Пожалуй, всех этих работников можно распустить по домам.

— Давай не будем торопиться. Должен же быть какой-нибудь способ починить наше хозяйство. Мы *должны* это сделать.

— Какой там способ. Хватило бы и одних гироскопов. Попробуй подними бескрылую ракету без гироскопов!

— А может, получится как-нибудь их прочистить? Вдруг заработают?

— У тебя, может быть, и получится, но я же не ты. Ос, ты пойми, грязь попала в *подшипники*!

Скрепя сердце Йенсен был вынужден согласиться. Гироскопы, самый точный элемент оборудования корабля, полностью зависят от своих подшипников. Даже слесарь-инструментальщик в специально оборудованной мастерской за голову бы схватился, увидев настолько изуродованные гироскопы.

— Но хоть что-то из электроники там должно было уцелеть! Давайте попробуем состряпать что-нибудь вроде передатчика. Надо же передать сообщение.

— Ты видел, что там творится? И что ты по этому поводу думаешь?

— Ну отберем, что выглядит получше, и заберем с собой. Амфибии помогут нам все отнести.

— Да? А что будет со всем этим хозяйство после заплыва, когда часок-другой помокнет в воде? Нет, Ос, как только вся грязь будет вычищена, нам надо запереть люк, а потом вернуться сюда и прямо здесь и работать.

— Хорошо, так и сделаем.

Оскар крикнул Тексу, продолжавшему совать нос во все уголки корабля. Тот пришел, непрерывно чертыхаясь.

— Что там у тебя еще, Текс? — устало спросил Оскар.

— Я думал прихватить отсюда что-нибудь из цивилизованной пищи, так эти проклятые черви все банки проели. Так что пища на корабле перепорчена, с чем и поздравляю.

— Это все?

— Все? Он еще говорит «это все»! А чего, собственно, ты еще хотел? Наводнение, чуму и землетрясение в придачу?

Но это и вправду оказалось еще не все. Когда осмотр был продолжен, выяснилось новое обстоятельство, которое повергло бы наших кадетов в тоску, если бы их настроение и так было хуже некуда. Двигатели джипа работали на жидком

водороде и жидком кислороде. Хорошо теплоизолированные топливные баки могут хранить топливо и окислитель достаточно долго, но грязь добралась и до них. Баки нагрелись, выкипающие газы были полностью стравлены через предохранительные клапаны. Джип лишился топлива.

Оскар с каменным лицом изучил ситуацию.

— Жаль, что «Гэри» работал не на химическом, а на ядерном топливе, — сказал он в конце концов.

— А какая нам разница? — спросил Мэтт. — Да будь у нас этого топлива хоть залейся, все равно мы не смогли бы взлететь.

В то, что корабль безнадежно испорчен, «мать многих» поверила не сразу, пришлось показывать ей повреждения. Но даже и это, похоже, убедило ее только наполовину. Кроме того, ее, видимо, огорчало, что кадеты не радуются подарку — вытащенному для них кораблю. Когда они возвращались в подземный город, большую часть пути Оскар потратил на осторожное заглаживание обиды, невольно нанесенной ими старой амфибии.

Ужинать Оскар не стал. Текс и тот едва поковырялся в тарелке и — чего с ним никогда не бывало — так ни разу и не притронулся после этого к

своей губной гармошке. Мэтт провел вечер в молчании, сидя около лейтенанта Турлоу.

«Мать многих» послала за ними на следующее утро. После формального обмена приветствиями она обратилась к Оскару:

– Маленькая мать, это правда, что твой Гэри тоже мертв, как и другой Гэри?

– Да, это правда, о благородная мать многих.

– И теперь без Гэри ты не можешь вернуться к своему народу?

– Да, это так, мудрая мать, мы погибнем в джунглях.

Старая амфибия замолчала и сделала знак одной из своих приближенных. Та подошла к ней со свертком, размер которого был чуть ли не вполовину ее роста. «Мать многих» положила пакет рядом с собой на возвышении и пригласила кадетов подойти ближе, после чего начала его разворачивать. Сверток был укутан в такое количество тряпок, что ему позавидовала бы и египетская мумия.

Наконец, закончив работу, старая амфибия протянула Оскару какой-то предмет:

– Это твое?

Кадеты увидели большую книгу. На обложке большими витиеватыми буквами было вытес-

нено:

БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ «АСТАРТА»[65]

— Великий всемогущий Господь! — в изумлении прошептал Текс. — Этого быть не может!

— Ну конечно же. Пропавшая первая экспедиция. Значит, они все-таки *долетели!* — тоже шепотом сказал Мэтт.

Оскар молча смотрел на бортовой журнал.

– *Это твое?* — нетерпеливо повторила старая амфибия.

— Что? Да, конечно! *О, простите меня, мудрая и благородная мать многих, эта вещь принадлежала матери матери моей матери. Мы — ее дочери.*

– *Тогда я передаю это тебе.*

Дрожащими руками Оскар взял бортовой журнал и раскрыл его на первой странице. От времени бумага сделалась ветхой. Кадеты с благоговением смотрели на запись, которая открывала журнал: «Взлет», но особенно их поразил год — 1971.

— Святой Моисей! — еле слышно выдохнул Текс. — Вы посмотрите, вы только посмотрите на

---

[65] Примечания: 65

Астарта — богиня войны и чувственной любви, олицетворение планеты Венера на Среднем Востоке, покровительница городов Тира, Сидона и Элата. Также ей поклонялись в Египте и земле Ханаанской.

это. Больше ста лет прошло!

Они начали перелистывать пожелтевшие страницы. На них одна за другой шли одинаковые записи, каждая занимала место ровно в строку: «Невесомость, положение корабля соответствует программе полета».

Эти записи они просмотрели бегло, задержавшись взглядом только на одной отличавшейся строчке:

«Рождество. После обеда пели рождественские песни».

Они искали записи, сделанные после приземления. Видя, что «мать многих» уже подает признаки нетерпения, они вынуждены были лишь бегло просматривать их:

«...Климат не тяжелее, чем в самых жарких тропиках на Земле во время сезона дождей. Основная форма жизни — крупные земноводные. Колонизация планеты вполне возможна».

«...Земноводные обладают значительными умственными способностями и умеют разговаривать друг с другом. Они дружелюбны, нами делаются попытки преодолеть языковой барьер».

«..Харгрейвс заболел. Какое-то инфекционное заболевание, вызванное, по-видимому, местным

грибком. Симптомы проказы. Врач пытается подобрать лекарство».

«…После похорон Харгрейвса его каюта подвергнута стерилизации при 400°».

Вскоре после этого почерк, которым были сделаны записи, стал другим. «Мать города» проявляла уже сильные признаки недовольства, так что они решили ограничиться только двумя последними записями:

«… У Джонсона так ничего и не получается, хотя туземцы охотно ему помогают…»

«..левая рука слабеет. Я принял решение покинуть корабль и рискнуть поселиться с туземцами. Бортовой журнал беру с собой и буду заносить новые сведения по мере возможности».

Почерк тем не менее оставался разборчивым и четким; просто глаза кадетов, наполнившиеся слезами, мешали им различать буквы.

Повелительница маленького народа тут же распорядилась, чтобы их вывели подводным туннелем из города. Ей не хотелось выслушивать расспросы людей, а в пути разговаривать с ней было попросту невозможно.

— Послушай, Ос, — спросил Текс, как только они вышли на сушу, — ты считаешь, что старушка и вправду хочет отвести нас к «Астарте»?

— Наверное.

— Думаешь, есть шанс, что мы найдем корабль целым и невредимым?

— Ни в коем случае. Ни малейшего шанса. Во-первых, в топливных баках не осталось горючего. Ты же видел, что вышло с джипом, как думаешь, что сделало время, целое столетие, с «Астартой»? — Он немного помолчал. — Как бы там ни было, я не разрешаю себе на что-то надеяться. Третьего раза я просто не выдержу, для меня это слишком.

— Пожалуй, ты прав, — кивнул Мэтт. — Нервы надо беречь. Скорее всего, вместо корабля мы увидим гору ржавчины всю в лианах.

— Ну поволнуемся, первый раз, что ли? — ответил на это Оскар. — Между прочим, я на таком взводе, что с трудом могу говорить. Главное, не думать об «Астарте» как о способе вернуться домой, просто подумайте о ней как об исторической реликвии.

— Думай как хочешь, — покачал головой Текс. — А вот я оптимист. Уж очень мне хочется выбраться из этой помойки.

— Выберешься когда-нибудь, почему не выбраться? В один прекрасный день сюда прилетят другие ребята и нас найдут. И завершат миссию, которую мы так замечательно провалили.

— Слушай, — сказал Текс. — А нельзя ли нам взять увольнительную и не думать об этой миссии хотя бы ближайшую четверть мили? А то здешние насекомые — это какой-то ужас. Давай ты будешь думать про Оскара, а я про любимого сынулю мамаши Джермэн. Как хотелось бы снова сейчас оказаться на старом добром «Aes Triplex».

— Интересно, а кто это больше всех распространялся, что «Aes Triplex» — не корабль, а дурдом какой-то?

— Очевидно, я ошибался. Со всей откровенностью каюсь в своей ошибке.

В этот момент они подошли к одному из редких в этих местах возвышений — холмику высотой чуть не целых десять футов над уровнем воды. Туземцы начали вдруг возбужденно перешептываться, о чем-то отчаянно шепелявя. Мэтту показалось, что он уловил венерианское слово «табу».

— Ос, ты слышал? — спросил он на бейсике. — Табу.

— Да. Я думаю, она им не сказала заранее, куда мы идем.

Колонна остановилась и рассыпалась. Трое кадетов прошли вперед и, продравшись через густые заросли, оказались на поляне.

Прямо перед ними, раскинув свои стремительные крылья, увитые лианами, сияя всем корпусом, покрытым какой-то полупрозрачной субстанцией, стоял патрульный корабль «Астарта».

17

Оладьи на завтрак

Старая амфибия подошла к наружному люку «Астарты» у правого крыла. Двое земноводных уже возились у люка, брызгая на его края какой-то таинственной жидкостью из эластичных пузырей. Там, куда попадала жидкость, полупрозрачный слой на корпусе корабля таял. Амфибии схватились за края оболочки и начали ее сдирать.

— Ты только посмотри, — сказал Текс. — Ты понимаешь, что они сделали? Корабль-то *венеризирован*.

Он использовал термин не совсем точно. «Планетизированным» называют предмет, приспособленный к типичным условиям, существующим на соответствующей планете, а определяется это при испытаниях, проводимых Бюро стандартов. Например, любой товар, упо-

минаемый в колониальном издании каталога «Сирс и Монтгомери»[66] как «венеризированный», гарантированно устойчив к повышенной влажности, различным экзотическим грибкам и некоторым из вредителей, обитающим на этой планете. «Астарта» была просто заключена в оболочку.

— Похоже на то, — согласился Оскар. С большим трудом он заставил себя говорить спокойно. — Вроде как пульверизатором прошлись.

— Ставлю десять против пяти, что пульверизатора тут и близко не было. Это же сделали венериане.

Текс прихлопнул очередное насекомое.

— Ты понимаешь, Ос, что это значит?

— Естественно, я же умнее тебя. И ты не очень-то надейся. А то вдруг я тоже начну надеяться. Сто лет все-таки прошло.

— Ос, какой ты все же зануда.

В это время у маленьких работников, которые трудились у корабля, случилась непредвиденная заминка. До верхнего края люка амфибиям никак было не достать; они попытались взобраться одна на плечи другой, но поскольку плечей у них

---

[66] Примечания: 66

Намек на сеть торгующих по каталогам универмагов «Сирс Робак», которая покрывает всю территорию США.

не было, попытка не удалась.

— Давай им поможем? — предложил Мэтт Оскару.

— Пойду спрошу. — Оскар направился к предводительнице и сообщил, что кадеты могут взять на себя разбрызгивание растворителя.

– *А ты можешь вырастить себе новую руку, если старая отвалится?* — спросила предводительница.

Оскар покачал головой.

– *Тогда не вмешивайся в дело, которое не понимаешь.*

Наконец амфибиям удалось полностью очистить люк. Он был закрыт, но не заперт. Пару секунд он отказывался открываться, а потом вдруг резко распахнулся. Кадеты забрались в шлюз.

— Постойте, — прошептал Мэтт. — Давайте не будем спешить. Откуда мы знаем, что вирус, от которого погиб экипаж, больше не опасен?

— Глупости, — прошептал в ответ Текс. — Если бы наши прививки не действовали, нам давно бы уже была всем крышка.

— Текс прав, Мэтт. И не надо шептаться. Призраки нас не слышат.

— А ты-то откуда это знаешь, Оскар? — спросил

Текс. — Ты что, доктор призракологии?

— Нет, просто в призраков не верю.

— Хорошо тебе, а вот *я* верю. Однажды мой дядя Боди остался на ночь…

— Да пошли уже внутрь, — сказал Мэтт.

В коридоре за шлюзом было темно, если не считать света, проникающего сюда через открытый люк. Воздух внутри корабля имел странный какой-то запах — не затхлый, нет, но безжизненно-древний.

Рубку управления скупо освещал свет, мягко просачивающийся снаружи сквозь оболочку, все еще покрывающую кварцевый навигационный иллюминатор. Помещение показалось кадетам уж слишком тесным. Они привыкли к просторным отсекам современных космических кораблей. «Астарта» казалась громадной благодаря мощным крыльям, на самом же деле внутри она была меньше джипа. Текс начал было напевать себе под нос что-то там про «людей с железными сердцами», но вдруг осекся.

— Вы только гляньте на эту штуковину, — сказал он. — Это же невозможно представить себе: межпланетный перелет — и на таком… Посмотрите на эту панель управления. Все примитивно, как гребная лодка, и все же они рискнули. Сразу

вспоминаешь Колумба с его «Санта-Марией»[67].

— Или корабли викингов, — добавил Мэтт.

— Да, были люди в те времена, — сказал Оскар, хоть и не очень оригинально, но зато искренне.

— Это точно, — поддержал его Текс. — Слишком поздно мы родились, вся романтика уже кончилась. Нет, ребята, даже в голове не укладывается, они ведь летели не в какой-то там готовенький порт, они просто газанули неизвестно куда и только молились, чтобы удалось вернуться.

— Им вернуться не удалось, — тихо сказал Оскар.

— Поговорим лучше о чем-нибудь другом, — попросил Мэтт. — У меня и без этого мурашки по коже бегают.

— Ладно, — согласился Оскар. — И вообще, я лучше схожу и посмотрю, что делает ее королевское величество.

Он вышел и почти сейчас же вернулся, сопровождаемый «матерью города».

— Черт, она просто стояла и ждала приглашения! — торопливо объяснил он на бейсике. — И

---

[67] Примечания: 67

«Санта-Мария» — каракка длиной около 23 метров, шириной около семи, осадкой три метра и грузоподъемностью приблизительно 400 тонн, построенная на верфях Галисии и изначально носящая имя «Маригаланте» и прозвище «Гальега» («галисийка»). Переименовал ее сам Колумб.

злилась, что о ней позабыли. Вы уж помогите мне ее как-нибудь умаслить.

Появление старой амфибии сразу же принесло пользу. Корабельные коридоры оказались слишком темными даже для ее глаз, тогда она подошла к наружному люку и что-то скомандовала. Ей принесли оранжевую сферу, которая хотя и не могла заменить простой электрический фонарик, но все-таки давала какой-никакой свет наподобие свечи.

Отсеки корабля оказались в полном порядке, лишь были покрыты тонким налетом пыли.

— Оскар, что бы ты там ни говорил, — сказал Мэтт, — а у меня появляется надежда. Похоже, все механизмы исправны. Такое впечатление, что экипаж только что вышел прогуляться! Может, у нас получится вернуть ее в строй?

— Брось, Мэтт, я лично согласен с Оскаром. Никакого энтузиазма. Лететь на таком корыте? Уж лучше рискнуть жизнью, прокатившись в бочке по Ниагарскому водопаду.

— Но *они-то* ведь сюда прилетели, — ответил Мэтт.

— Верно, и за это я снимаю перед ними шляпу. Но чтобы лететь в таком допотопном гробу, нужно быть героем, а я совсем не герой.

«Мать многих» заскучала и вышла наружу. Текс взял у нее оранжевую сферу и отправился осматривать корабль. Тем временем Мэтт и Оскар тщательно осмотрели рубку управления.

Пока они этим занимались, Текс отыскал шкаф, в котором лежали небольшие запечатанные свертки. На свертках были пометки: «Личные вещи Роланда Харгрейвза», «Личные вещи Руперта Г. Шрайбера» и так далее — на каждом свое имя. Он осторожно вернул их на место.

Через какое-то время Текса окликнул Оскар:

— Думаю, пора нам отсюда двигаться. Ее величество прозрачно намекнула на это, когда уходила.

— Да ты только посмотри, что я откопал! Жратва!

Мэтт и Оскар подошли к двери кладовки камбуза.

— Ты думаешь, что-нибудь из этого еще пригодно к употреблению?

В голосе Мэтта явно звучало сомнение.

— Собственно, а почему бы и нет? Тут же одни консервы. Дайте мне открывашку, сейчас выясним.

Текс быстренько вскрыл одну банку.

— Фу-у! — сказал он секундой позже. Есть

желающие попробовать солонину столетней выдержки? Мэтт, выкинь ее поскорее за борт, а то тут все провоняет.

— Уже провоняло.

— Но вы посмотрите на это! — В поднятой руке Текса красовалась банка с этикеткой «Блинная мука „Старая плантация“». — Мука не портится. Подумать только, ребята, на завтрак — оладьи. Я же всю ночь не засну, буду ждать утра.

— А толку — оладьи-то без сиропа.

— Что нужно, чтобы дом наполнился радостью? Полдюжины вот таких банок.

И Текс показал им банку, на которой было написано: «Настоящий вермонтский кленовый сироп. Натуральный, без добавок». Он хотел унести запас консервов с собой, но Оскар не разрешил — как из практических, так и из дипломатических соображений. Тогда Текс предложил остаться на корабле и не возвращаться в подводный город.

— Мы так и сделаем, Текс, — согласился Оскар. — Но не сейчас. Ты забываешь о лейтенанте Турлоу.

— Так и есть. Все, я нем как рыба.

— Знаешь, Ос, хорошо, что ты вспомнил про лейтенанта, — неожиданно сказал Мэтт. — Мне пришла в голову одна мысль. Он почти не ест

местную кашку, даже когда немного приходит в себя. А что, если мы будем давать ему сахарный сироп с водой? Я сам могу поить его из их пузыря.

— Ты прав, Мэтт. Вреда от сиропа ему не будет, а пользу принести может, — согласился Оскар. — Половину банок заберем с собой.

Текс собрал банки, Мэтт сунул консервный нож в поясную сумку, и они вышли наружу.

Вернувшись в подземный город, Мэтт увидел, что при Турлоу сидит Т'винг; это было удачно — иметь дело с ней будет легче, чем с другими сиделками. С обычными у венериан вежливыми околичностями он объяснил ей, чего хочет. Т'винг взяла консервную банку (Мэтт заранее открыл ее и проверил содержимое) и, скромно отвернувшись, попробовала на вкус несколько капель.

И сразу же выплюнула.

– Ты точно уверен, что это не повредит твоей больной матери?

Мэтт понимал ее нерешительность — пища венериан основана на белке и крахмале, а не на сахаре. Он заверил, что сироп только поможет Турлоу. Тогда они перелили содержимое банки в пузырь.

Вечером после ужина кадеты обсуждали, что им делать с «Астартой». Мэтт по-прежнему убеждал друзей, что она еще может полететь. Текс же, наоборот, твердо стоял на том, что не стоит даже и пробовать.

— Она может подняться ровно настолько, чтобы после упасть и разбиться. Но не выше.

Некоторое время Оскар молча все это выслушивал, а затем спросил:

— Мэтт, ты проверил баки?

— Да, — признался Мэтт.

— Тогда ты видел, что в них нет топлива.

— И зачем тогда было вообще это обсуждать? — вмешался Текс. — Всё, вопрос закрыт.

— Нет, не закрыт, — неожиданно возразил Оскар. — Мы все-таки попробуем улететь на ней.

— Что?

— Лететь она, конечно, не может, но мы все равно попытаемся, — продолжил Оскар.

— Но зачем?

— Я тебе объясню зачем. Если мы здесь засядем надолго, патруль объявится обязательно. Они нас найдут и увезут домой, так?

— Возможно, — согласился Мэтт.

— Не возможно, а точно. Только так патруль и работает. Они нас не бросят. Вы вспомните,

сколько кораблей искали «Следопыт» — четыре, месяц за месяцем. Если бы с его командой не случилось непоправимого, мы вернули бы их домой в целости и сохранности. А мы живы и находимся почти рядом от заданного места посадки. Нас найдут, они потому и медлят, что сами еще не уверены, что мы пропали, — контакт потерян не так уж и давно. И мы прекрасно знаем, что ни на северном, ни на южном полюсе не было корабля, готового начать розыски в экваториальной зоне. Иначе мы просто не получили бы этого задания. Так что может пройти какое-то время, прежде чем будет объявлен поиск. Но все равно патруль будет здесь, раньше или позже.

— Тогда почему бы нам не подождать? — настаивал Текс.

— По двум причинам. Первая — наш босс; мы обязаны доставить его в настоящий госпиталь, пока он не умер.

— И угробить его при взлете.

— Не исключено. Но я думаю, ничего с ним при взлете не будет. А вторая причина такая: *мы* патруль.

— Что? Повтори погромче.

— Мы тут вроде решили, что патруль будет нас искать, пока не найдет. Ладно, все правильно,

потому что такая уж организация — наш патруль. Но и мы часть патруля, и пока они нас не нашли, мы будем делать все, что от нас зависит, чтобы выбраться из этой дыры без чужой помощи, а не просто сидеть вот так на своих толстых задницах в ожидании попутной машины.

— Я тебя понял, — сказал Текс. — Просто я боялся, что твой маленький, но упертый мозг в конце концов до этого додумается. Ладно, согласен — записывайте и меня в герои. С пометкой «Без особой охоты». И, пожалуй, я пойду отсыпаться, думаю это героическое мероприятие будет потным и утомительным.

Пота и вправду хватало. Венериане по-прежнему помогали им, чем могли, и все-таки главную работу по приведению корабля в состояние, пригодное для полета, выполняли земляне. С разрешения «матери города» Оскар перенес свою штаб-квартиру на «Астарту». Турлоу остался в подземном городе, но каждый день одного из кадетов переправляли в город, чтобы осмотреть Турлоу, а на обратном пути захватить еду. Мало что из запасов «Астарты» оказалось съедобным.

Блинная мука пришлась очень кстати. Текс сварганил нечто наподобие масляной горелки — электричества у них пока еще не было — и

зарядил устройство рыбьим жиром, полученным от туземцев. Вот на этой-то штуке он и стряпал свои оладьи. Худших оладьев никто из них в жизни своей не пробовал — мука от времени потеряла вкус и насквозь прогоркла. Да и тесто подниматься что-то не очень хотело. Но все равно это были оладьи, и их можно было густо поливать кленовым сиропом. Это даже сделалось ритуалом, и соблюдался он каждое утро, втайне, при закрытых дверях, чтобы не оскорбить пуританские чувства кого-либо из новых друзей.

Они начали систематическую кампанию по выламыванию из двух других кораблей всего, что могло бы сгодиться при переоборудовании «Астарты». В этом кадеты тоже сильно зависели от туземцев. Мэтт и Текс выбирали то, что им было нужно, конечно же, сами, но только маленький народ мог перенести это оборудование через несколько миль воды, топей и непролазных джунглей.

О будущем полете они говорили так, словно и вправду надеялись его совершить.

— Радар, — сказал однажды Мэтт Оскару, — дайте мне посадочный радар — любой, лишь бы у меня был шанс безопасно приземлиться. И я посажу «Астарту» где-нибудь около южного

полюса. И можете забыть об остальном астронавигационном барахле, я сделаю точный расчет траектории.

Они решили, что полетят в Нью-Окленд, на южный полюс. Северный полюс был, конечно, ничуть не хуже, но Оскар родился и жил на юге. Это и решило вопрос.

Оскар обещал достать радар, не очень, правда, представляя себе, как это сделать. Единственным вариантом оставался «Гэри» — его коммуникационная рубка была полностью уничтожена, но Оскар тешил себя надеждой, что уцелел посадочный радар на «животе» корабля. Вот он и принялся за него, чертыхаясь на каждом шагу, — было почти невозможно заниматься такой тонкой работой с рукой на перевязи.

На джипе не осталось почти ничего пригодного для полета; даже то малое, что они все-таки отобрали, нуждалось в серьезном ремонте. Сначала Оскар пытался использовать радары самой «Астарты», но вскоре эту мысль бросил — слишком уж сильно изменилась техника за прошедшую сотню лет. И дело было не только в том, что электронные цепи «Астарты» оказались много сложнее и столь же менее эффективны, чем привычное ему оборудование, — изменилась

вся элементная база оборудования, и даже на маркировку простейших резисторов Оскар смотрел, словно она написана китайскими иероглифами.

А из собственно радиооборудования работоспособными оказались только внутренние рации космических скафандров с «Гэри».

И все-таки пришло утро, когда они закончили все, что было возможно сделать.

— По мне, — сказал Текс, раздавая друзьям оладьи, — так мы могли бы лететь хоть сегодня, было б топливо.

— Ничего себе — «лететь»! — нахмурился Мэтт. — Панель управления даже не соединена с двигателями.

— Ну и что? Все равно мне придется регулировать подачу топлива вручную. Я возьму ту длинную трубу, которую мы выдрали с «Гэри», и протяну ее от тебя к себе, к топливным клапанам. Ты крикнешь мне, чего там тебе надо, и я все сделаю — если мне, конечно, понравится твоя команда.

— А если не понравится?

— Не понравится — сделаю что-нибудь другое. Поосторожней налегай на сироп, Ос. Это последняя банка.

Рука Оскара с банкой сиропа застыла в воз-

духе.

— Извини, Текс, забыл. Давай, я перелью тебе немного из своей тарелки.

— Все нормально, не надо. Это просто рефлекс. Если честно, меня уже тошнит от этих оладьев. Две недели уже, даже больше, все оладьи да оладьи. Ничего для разнообразия, разве что этот гуляш по-венериански.

— Меня тоже от них тошнит, но как-то неудобно было тебе говорить — ты же их печешь.

Оскар оттолкнул от себя тарелку.

— А что сироп кончается — так бог с ним, с сиропом.

— Но ведь он совсем… — Мэтт резко замолчал.

— Что это с тобой, Мэтт?

— Так, ничего. — Лицо Мэтта оставалось задумчивым.

— Тогда закрой рот. Слушай, Ос, если бы у нас был выбор, какое бы ты предпочел горючее для «Астарты»?

— Атомарный водород.

— Зачем выбирать то, что она не сможет сжечь? Лично я бы согласился на спирт и кислород.

— Если все равно ничего нет, почему бы не помечтать о самом эффективном горючем?

— Потому что мы договорились, что относим-

ся к этой игре серьезно. Теперь нам предстоит изображать попытки изготовить горючее, и заниматься мы этим будем, пока за нами не прилетят. Потому я и говорю: спирт и кислород. Я сколочу какой-нибудь самогонный аппарат и начну гнать спирт, а пока я это делаю, вы с Мэттом придумаете, как с помощью корабельного оборудования и ваших слабых ручек изготовить жидкий кислород.

— Как ты думаешь, Текс, сколько времени понадобится тебе, чтобы перегнать несколько тонн спирта на том, что ты сможешь соорудить?

— А-а, в этом и состоит вся прелесть моей задумки! Когда здесь будут спасатели, все увидят, что я, как послушный мальчик, работаю не покладая рук, как настоящий самогонщик. Кстати, я не рассказывал, как дядя Боди однажды попал к самогонщикам? Он…

— Послушай, Текс, — перебил его Мэтт. — А кленовый сироп? Его бы ты здесь как-нибудь смог сделать?

— Сироп? Зачем? Всех уже тошнит от этих оладьев.

— И меня в том числе. Но я хотел бы знать, каким образом можно изготовить кленовый сироп в здешних условиях. Или, точнее, каким образом

это могут сделать туземцы?

— Ты что, того? Или это такая загадка?

— Ни «того», ни «такая». Просто я вспомнил вдруг одну вещь, на которую раньше не обращал внимания. Ты вот сказал, что кленовый сироп кончился, а я чуть было тебе не ответил, что его сколько хочешь. В комнате Турлоу.

За два дня до этого разговора как раз была очередь Мэтта отправляться в город. Как обычно, он заглянул в палату лейтенанта. Дежурила его подружка Т'винг, она на двадцать минут оставила Мэтта наедине с больным. В это время пациент пошевелился, и Мэтт решил дать ему попить — под рукой было несколько питьевых пузырей. Первый же пузырь, попавшийся под руку Мэтту, оказался полон сиропа. И следующий, и за ним другой. На полу стоял целый строй пузырей с сиропом. Нужный Мэтту пузырь со слегка подкрашенной сиропом водой лежал там, где ему, собственно, и полагалось лежать — на кровати, возле больного.

— Тогда я как-то не обратил на это внимания, все крутился вокруг лейтенанта. Но теперь… Словом, чертовщина какая-то. Ведь он потребляет уйму сиропа, он же почти ничего другого не ест. Я же помню, я сам открывал первую банку, и

другие обе тоже я открывал, ведь Т'винг не может справиться с консервным ножом. И я точно знаю, что сироп почти кончился.

— Так откуда же тогда его столько взялось?

— А чего тут такого? — ответил Оскар. — Его сделали туземцы. Я думаю, для них получить сахар из какого-нибудь местного растения — плевое дело. Около полюсов растет такая трава, сильно смахивающая на сахарный тростник, наверное, и здесь есть что-то подобное.

— Ос, но ведь это был *кленовый* сироп!

— А? Не говори ерунду. От такого питания, как здесь, ты совсем перестал различать вкус.

— Да говорю тебе, что кленовый.

— А если и кленовый, то что? Только имей в виду, я совсем не собираюсь соглашаться, что где-нибудь за пределами Вермонта можно изготовить сироп с настоящим кленовым ароматом. Но если даже и так, что тут такого?

— Я думаю, мы кое-что упустили из виду. Ты вот говорил тут о самогонном аппарате. Сто против одного, что туземцы наделают нам сколько хочешь спирта.

— Да ладно!

Оскар задумался.

— Хотя, может быть, ты и прав. Они хорошо раз-

бираются в таких вещах — загуститель, которым превратили болото в желе, и растворитель, которым отчищали «Астарту». Химики-любители.

— Любители, говоришь? А по-моему, самые настоящие профессионалы.

— Чего? — спросил Текс. — О чем ты, Мэтт?

— Я уже сказал. Нам нужно топливо для «Астарты», — возможно, если б у нас хватило ума попросить «мать многих», оно давно бы у нас уже было.

Оскар печально покачал головой:

— Хорошо бы, конечно, чтобы ты оказался прав, Мэтт. Я очень уважаю маленький народ, Мэтт, но любое ракетное топливо, которое мы могли бы использовать, должно состоять из одного или нескольких сжиженных газов. Может быть, мы и сумели бы объяснить им, что нам нужно, но у них нет необходимого оборудования.

— Ты в этом уверен?

— Да, черт возьми, Мэтт, подумай! Жидкий кислород, даже жидкий воздух, требует высокого давления, электрических мощностей и емкостей высокого давления для промежуточных этапов. А маленький народ мало пользуется энергией и почти не использует металл.

— Они не пользуются энергией? А эти их оран-

жевые светильники?

— Тут большой энергии не нужно.

— А ты сам бы такой светильник сделал? Ты что, знаешь, как они работают?

— Нет, но…

— Я вот что пытаюсь сказать. Техника — это не обязательно что-то громоздкое, шумное, требующее больших усилий, одним словом, то, к чему привыкли мы, люди. Вполне могут существовать и другие подходы. Ты же сам говорил, что практически не знаешь туземцев, даже тех, которые живут около полюсов. Давай хотя бы спросим у них!

— А ведь, пожалуй, он прав, Ос, — поддержал товарища Текс. — Давай спросим.

Оскар задумался.

— Вообще-то, мне и самому давно кажется, что местные наши друзья будут, пожалуй, поцивилизованнее приполярных туземцев. Но я все никак не мог толком сообразить, в чем это выражается.

– *Что* есть цивилизация?

— Ну ее, философию, лучше займемся делом.

Оскар открыл люк корабля и обратился к личности, которая терпеливо поджидала их на солнцепеке — по ее понятиям, естественно, — и деловито просматривала иллюстрации в «Сатеди

ивнинг пост» издания 1971 года[68].

– Эй, девочка! Не будешь ли ты так любезна провести нас к дому своей матери?

Это был *настоящий* кленовый сироп. И Текс, и Оскар оба это подтвердили. Т'винг охотно им объяснила, что, когда запасы стали кончаться, они сделали еще, использовав остатки земного сиропа в качестве образца.

Оскар отправился на встречу с «матерью города», прихватив с собой в качестве образца бутылку этилового спирта, которую они нашли в аптечке на «Гэри». Мэтту и Тексу пришлось остаться: друзья уже убедились, что Оскар лучше всего договаривается с ее величеством в одиночку. И двух часов не прошло, когда он вернулся. Выглядел Оскар совершенно ошеломленным.

— Какие новости, Ос? — спросил Мэтт. — Узнал что-нибудь?

— Похоже, ничего хорошего, — сказал Текс. — Вижу по его лицу.

— Новости, говорите? Да нет, новости неплохие.

— Тогда выкладывай быстрее — они могут это

---

[68] Примечания: 68

Журнал, в котором публиковались рассказы «лунного цикла» Хайнлайна.

сделать?

Оскар тихо выругался по-венериански.

— Они могут сделать все, что угодно.

— Сядь на место и подумай как следует, — сказал Текс. — Они не умеют играть на губной гармошке. Я знаю, я давал как-то одной попробовать. Давай говори, что там было.

— Так вот. Я начал с того, что дал посмотреть ей спирт и рассказал, что у нас все еще есть нерешенные проблемы. А после спросил, могут ли они сделать такое же вещество. Старушка как на идиота на меня посмотрела — она просто понюхала спирт и сказала, что да, они могут. Потом я буквально прыгнул выше головы, пытаясь изобразить жидкий кислород, предварительно пояснив, что в воздухе есть две разные составляющие, одна инертная, другая активная. Я не смог придумать ничего лучше и назвал их «живой» и «мертвой». Затем добавил, что «живой» компонент воздуха нам нужен в виде жидкости, как вода. Она остановила меня и послала за одной из своих советниц. Когда та пришла, они начали разговаривать и болтали так несколько минут. Из их разговора я понимал только каждое второе или третье слово, не больше, и даже не уловил смысла беседы. Это была совершенно незнакомая

мне область языка. После этого советница ушла.

Потом мы сидели и ждали. А пока мы ждали, она спросила, когда мы собираемся улететь. Я ей ответил: скоро, если получим все, что нам требуется. И тут она попросила оказать ей услугу и захватить с собой Берка. Ей было неловко просить об этом, но она была настроена решительно. Я, естественно, согласился.

— Вот и хорошо, — сказал Мэтт. — Хоть меня и тошнит от Вонючки, но как-то неприятно оставлять его здесь умирать. Он должен пойти под суд.

— Хрен с ним, с Вонючкой, — оборвал его Текс. — Ну кому какое до него дело? Рассказывай, Оскар.

— Ждали мы долго, потом вернулась ее советница с пузырем в руке — с виду обыкновенный пузырь для питья, ну разве что потемней, не такой, в каких обычно здесь держат воду. Ее величество передала мне пузырь и спросила, точно ли это то, что я имел в виду. Я ответил, что, конечно, очень ей благодарен, но воды у нас и без этого хватает. Тогда она капнула из пузыря мне на руку. Видите? Обожженные места.

— Это действительно был жидкий кислород?

— Может, кислород, а может, и жидкий воздух

— мне нечем было проверить. По-моему, это был кислород. Но вы только подумайте: пузырь даже не был холодным. И от него не шел пар, пока она не выжала из него эти капли. Одна из девушек унесла его в руке спокойно, будто какую-то грелку.

Оскар невидящим взглядом уставился куда-то в пространство.

— Я ничего не понимаю, — сказал он едва слышно. — Единственное, чем это можно объяснить, — химия катализа. Видно, они довели ее до такого совершенства, что могут запросто делать то, для чего нам нужны температура и давление.

— Так и не мучайся, если не понимаешь, — посоветовал Текс. — Все равно правды не узнаешь. Просто прими как факт, что они забыли из химии больше, чем мы будем когда-нибудь знать. Вот и все. Зато мы теперь получим наше топливо!

Двое суток между озером и «Астартой» непрерывно двигались две цепочки маленьких людей: одни несли на корабль полные пузыри с топливом, другие возвращались в озеро с пустыми. Турлоу был уже на борту, его по-прежнему опекали маленькие терпеливые санитарки. Берка доставили на корабль под конвоем и отпустили. Кадеты не обращали на него внимания, что вроде

бы смутило его. Предоставленный самому себе, Берк осмотрел корабль — он впервые о нем узнал — и наконец разыскал Йенсена.

— Если ты думаешь, что я полечу в этом летающем гробу, то ты сильно заблуждаешься, — заявил он.

— Не хочешь — не надо.

— Ну и что ты в таком случае собираешься делать?

— А ничего. Оставайся в джунглях или попробуй убедить «мать города», чтобы она взяла тебя назад.

Берк задумался.

— Пожалуй, я останусь с лягушками. Если вы все-таки долетите, сообщите, где я нахожусь, пусть меня заберут отсюда.

— Ладно, я скажу им, где ты, да и все остальное расскажу.

— Что, думаешь, напугал? — Берк повернулся и вышел.

Вскоре он вернулся:

— Я передумал, лечу с вами.

— Ты хочешь сказать, что это они тебя не захотели принять.

— Ну… в общем-то, да.

— Очень хорошо, — сказал кадет Йенсен. —

Поскольку местные власти отказывают вам в своей юрисдикции, я объявляю вас арестованным в соответствии с колониальным кодексом, раздел «Отношения с аборигенами». Конкретные пункты будут доведены до вашего сведения при предъявлении обвинения и не обязательно будут ограничены упомянутым кодексом. Предупреждаю, что все, вами сказанное, может быть использовано против вас в суде.

— Не имеешь права!

— Мэтт! Текс! Пристегните его!

— С удовольствием! — Схватив Берка за руки, друзья усадили его на противоперегрузочную кушетку в камбузе — они решили, что там он им будет меньше мешать, — и пристегнули ремнями. Потом они доложили Йенсену.

— Послушай, Ос, — сказал Мэтт, — ты уверен, что сможешь обосновать выдвинутые против него обвинения?

— Сильно сомневаюсь, разве что они признают наш пересказ его слов «достоверным свидетельством». По мне, так вздернуть бы его повыше, но я думаю, ему просто аннулируют лицензию пилота и отнимут паспорт, тем дело и ограничится. Зато патруль нам точно поверит, а больше ничего и не надо.

Меньше чем через час санитарки Турлоу покинули корабль. Потом Оскар в прощальной речи, метя павлиньими перьями, долго благодарил «мать многих» и, как положено, дал ей уговорить себя приехать сюда еще. Наконец он закрыл наружный люк, и Текс его задраил.

— Ты уверен, что они поняли, на какое нужно отойти расстояние, чтобы при взлете их не задела волна раскаленных газов? — спросил Мэтт.

— Я сам обошел с ней черту безопасности и слышал, как она раздавала приказы. Прекрати суетиться и займи свое место.

— Есть, сэр!

Мэтт с Оскаром прошли в рубку, Оскар нес древний бортжурнал, засунув его за перевязь. Текс занял пост у ручного переключателя тяги. Оскар сел в кресло второго пилота, открыл бортжурнал на последней записи, достал огрызок карандаша, найденный на камбузе, послюнил, поставил дату и большими буквами написал: «ВОЗВРАЩЕН В СТРОЙ».

Тут он задумался и нерешительно посмотрел на Мэтта:

— Я все еще считаю, что мы должны сменить командира.

— Хватит тебе, Ос, — сказал Мэтт. — Если коммо-

дор Аркрайт может командовать «Рэндольфом», не видя света, то и ты сможешь командовать «Астартой» с перебитым крылом.

— Ладно, раз вы так считаете… — И он продолжил писать:

О. Йенсен — исполняющий обязанности капитана.

М. Додсон — пилот и астронавигатор.

У. Джермэн — старший механик.

Р. Турлоу, лейтенант, — пассажир (болен).

Ж. Берк — пассажир, гражданский (под арестом).

— Провести поверку экипажа!

— Есть, сэр! А тебя, Ос, тоже называть?

— Конечно, список и так короткий.

— А Вонючку?

— Еще чего! Он записан как груз.

Мэтт набрал полные легкие воздуха и выкрикнул, держась поближе к переговорной трубе, чтобы слышал Текс:

— Лейтенант Турлоу!

— Я за него, — откликнулся Оскар.

Он оглянулся на лейтенанта, привязанного к инспекторскому креслу, где за ним было проще присматривать. Турлоу открыл глаза. На его лице появилось удивленное, вопросительное

выражение — такое у него было всегда, когда он, казалось, начинал что-то понимать.

— Йенсен!

— Здесь!

— Джермэн!

— Здесь! — донесся через трубу приглушенный голос Текса.

— Додсон здесь, — сказал Мэтт, затем облизнул пересохшие губы и немного помедлил. — Далквист!

Оскар собрался ответить, и тут за их спинами раздался голос Турлоу:

— Я за него.

— Мартин! — машинально продолжил Мэтт, слишком удивленный, чтобы остановиться.

— Я за него, — развернувшись назад и не сводя глаз с Турлоу, сказал Оскар.

— Ривера!

— Я за него, — послышался голос Текса.

— Уилер!

— И Уилер здесь, — снова откликнулся Текс. — Все они здесь, Мэтт. Мы готовы.

— Поверка окончена. Капитан, все на месте.

— Прекрасно, сэр.

— Как он там, Ос?

— Снова закрыл глаза. Поднимайте корабль по

готовности.

— Есть, сэр. Согласно плану полета *поднять корабль!* — Он вцепился в рукоять управления крыльями и замер.

«Астарта» приподнялась на боковых двигателях и рванулась вверх и вперед, в туманное небо Венеры.

18

В кабинете коммодора

Кадеты-выпускники Додсон и Джермэн, доставленные из Нью-Окленда на станцию «Терра» патрульным крейсером «Пегас», вышли из скутера и поднялись на борт учебного корабля «Рэндольф». Кадета Йенсена с ними не было — Оскар по официальному распоряжению Академии получил шестимесячный отпуск с условием, что он в любой момент может получить приказ сопровождать первого консула в экваториальную зону Венеры для помощи в установлении дипломатических отношений.

Мэтт и Текс предъявили вахтенному офицеру свои предписания и оставили ему обязательные копии. Он выдал им ордер на размещение — в Свинячьем закоулке, в комнате, которая отлича-

лась от прежней лишь номером.

— Будто никуда и не улетали, — сказал Текс, распаковывая вещи.

— Непривычно как-то без Пита и Оскара.

— Да, все время жду, что заглянет Ос и спросит, не хотим ли мы прошвырнуться с ним и с Питом.

В этот момент загудел телефон. Текс снял трубку.

— Кадет Джермэн?

— Да.

— Коммодор приветствует вас на борту. — Вы должны немедленно явиться в его кабинет для доклада.

— Есть, сэр.

Текс положил трубку и повернулся к Мэтту.

— Да, времени здесь зря не теряют. — Немного помолчав, он добавил: — Знаешь, о чем я думаю?

— Пожалуй, могу догадаться.

— Да, этот срочный вызов выглядит многообещающе. А ведь и в самом деле мы потрудились неплохо, Мэтт. От этого никуда не денешься.

— Пожалуй, да. Привести домой «Астарту» с опозданием в сто восемь лет — это уже что-то. Даже если бы мы ее прикатили на колесах, нам бы зачлось. Я пока не буду называть тебя лейте-

нантом, но надеюсь, без офицерских званий нас теперь не оставят.

— Постучи по дереву. Как я выгляжу, ничего?

— Не красавец, конечно, но смотришься раз в двадцать лучше, чем был, когда мы садились на южный полюс. Иди давай, не тяни.

— Да, верно.

Текс ушел. Мэтт принялся нервно расхаживать по комнатушке. В конце концов раздался звонок и его тоже пригласили к начальнику.

Оказалось, что Текс из кабинета еще не выходил. Чтобы не дергаться на глазах у всех, показывая свое нетерпение, Мэтт стал ждать его не в приемной, а в коридоре. Через некоторое время Текс вышел, Мэтт сразу же бросился к нему:

— Ну? Как там?

Текс странно посмотрел на него и сказал:

— Заходи, сам узнаешь.

— Не можешь, что ли, сказать?

— Позже поговорим. Иди.

— Кадет Додсон! — позвали из приемной.

— На палубе, — отозвался он.

Через несколько секунд он стоял перед коммодором.

— Кадет Додсон прибыл по вашему приказанию, сэр!

Коммодор повернул к нему лицо, и Мэтта вновь посетило жуткое ощущение, что Аркрайт видит его куда лучше, чем большинство зрячих.

— Вольно, мистер Додсон. — Начальник патруля небрежно протянул руку и взял со стола папку. — Я посмотрел ваше досье, мистер Додсон. Вы наверстали упущенное в астронавигации и даже приобрели определенный практический опыт. Капитан Янси в целом оценивает вас положительно, хотя и считает, что вы иногда рассеянны и склонны увлекаться чем-то одним в ущерб остальному. Я не думаю, что это очень плохо для молодого человека.

— Благодарю вас, сэр.

— Это не комплимент, я всего лишь констатирую факт. А теперь ответьте, пожалуйста, что бы вы сделали, если…

Через сорок пять минут Мэтту удалось наконец перевести дыхание. Лишь теперь до него дошло, что ему учинили очень подробный и въедливый экзамен. Когда Мэтт входил в кабинет, ему казалось, что он девяти футов роста, четырех футов в плечах и весь порос густым волосом. Теперь это ощущение прошло.

Коммодор помолчал, будто в раздумье, затем продолжил:

— Как вы думаете, мистер Додсон, когда вы будете готовы к присвоению звания?

У Мэтта перехватило в горле, и он с трудом выдавил из себя:

— Сэр, я не знаю. Года через три. Может, четыре.

— Года, думаю, будет достаточно, если, конечно, вы будете стараться. Сейчас я вас посылаю на Землю, в Хэйуорт-холл. Вы можете еще сегодня успеть на шаттл, отправляющийся со станции. Ну и, конечно, вам предоставляется обычный отпуск.

— Это очень здорово, сэр!

— Отдыхайте, развлекайтесь. И еще, у меня тут есть для вас одна вещь… — Слепой человек смолк на какую-то долю секунды, а затем взял со стола бумагу. — Копия письма от матери лейтенанта Турлоу. Другая копия помещена в ваше личное дело.

— Как у лейтенанта здоровье, сэр?

— Передали, он полностью поправился. И еще, пока вы не ушли…

— Да, сэр?

— Предоставьте мне вкратце описание трудностей, которые возникли у вас при переоборудовании «Астарты». Главное внимание обращайте на

то, что вы узнали нового в процессе этой работы, и особенно на допущенные вами ошибки.

— Э-э-э… есть сэр.

— Ваши заметки будут приняты во внимание при изменении руководства по эксплуатации устаревшего оборудования. Не спешите, сделаете это, когда вернетесь из отпуска.

Выходя из кабинета начальника, Мэтт уже не чувствовал себя таким великаном, каким себе казался входя, но подавленности в нем не было никакой, наоборот, он ощущал странный подъем. В комнате, куда он добрался чуть не бегом, ждал Текс. Текс внимательно его осмотрел.

— Как я понимаю, тебя отправили вниз.

— Угу.

— Хэйуорт-холл?

— Ага. — На лице Мэтта было написано недоумение. — Ничего не понимаю. Я же шел туда в полной уверенности, что мне, как только войду, тут же присвоят звание. И все равно чувствую себя великолепно. С чего бы это, не знаешь?

— Не смотри на меня. Я чувствую себя точно так же, хотя он доброго слова мне не сказал. Вся наша эпопея с Венерой была просто пущена побоку, будто ему это не интересно.

— Вот оно! — сказал Мэтт.

— Что «вот оно»?

— Просто пущена побоку. Потому мы и чувствуем себя так здорово. Он не стал распространяться об этом потому, что меньшего от нас и не ожидал, потому что мы *патрульные*!

— Чего-чего? Слушай, а точно, так ведь оно и есть! Это вроде как если бы у него была тридцать вторая степень посвящения, а у нас только первая. Но все равно мы из одной ложи.

Текс начал насвистывать.

— Я чувствую себя еще лучше, — сказал Мэтт. — Я и так чувствовал себя здорово, а теперь и вовсе прекрасно, теперь ведь я понимаю почему. Слушай, еще одно дело.

— Какое?

— Ты ему про мою драку с Берком в Нью-Оклендe, случайно, не говорил?

— Нет, конечно! — возмутился Текс.

— Странно, — сказал Мэтт. — Я ведь не рассказывал никому, кроме тебя. И заложиться могу, что драки никто не видел. Я же все спланировал.

— И он что, знал?

— Еще как знал.

— Ругал тебя?

— Нет. Он сказал, что знает: Берк выпущен под залог, и что я был тогда в отпуске, и что он совсем

не хочет вторгаться в мою личную жизнь, но хочет дать мне один совет.

— Да? А какой?

— Не атаковать с левой.

Изумление на лице Текса сменилось задумчивостью.

— Я думаю, он хотел еще тебе посоветовать не подставлять подбородок.

— Возможно.

Мэтт снова принялся собирать совсем недавно распакованную сумку.

— Когда ближайший скутер на станцию?

— Минут через тридцать. Кстати, Мэтт, у тебя тоже ведь отпуск?

— Конечно.

— Ты как насчет того, чтобы провести недельку-другую на Джермэновской пустоши? Познакомлю тебя со своими… и с дядей Боди.

— Ну конечно, с дядей Боди! Одна только просьба, Текс…

— Да?

— Оладьи на завтрак…

— Никаких оладий!

— Тогда решено.

— По рукам!

Послесловие к романам «Ракетный корабль „Галилей“» и «Космический кадет»

Первая юношеская

Стимулы

Весной 1945 года к молодому писателю Роберту Хайнлайну обратился молодой редактор из «Westminster Press» Уильям Хейлиджер с предложением написать фантастическую книжку для детей. «Что-то наподобие Жюля Верна, только про жизнь американских мальчиков из глубинки в ближайшем будущем, году в одна тысяча девятьсот семьдесят пятом или около того». Предложение было не слишком заманчивым, но небезынтересным. С одной стороны, детская литература в тусовке писателей-фантастов котировалась не слишком высоко, зато с другой — это были настоящие книжные публикации в Твердой Обложке. А Твердая Обложка была для обитателей фантастического палп-гетто вожделенной мечтой. Приятно же слышать за своей спиной почтительный шепот: «Ты знаешь, кто

это?» — «Нет». — «У него вышла книга в Твердой Обложке. Это Настоящий Писатель!» Так что Хайнлайн сходу не отклонил предложения Хейлиджера, а обещал подумать. Переход в детские писатели вроде бы подразумевал уход из научной фантастики, ведь нельзя же писать научную фантастику для детей, которые и школу-то не закончили? Или…

Тут нужно учесть, что в середине сороковых годов прошлого века фантастика для детей была совершенно отдельным жанром и жила совершенно независимой от взрослой фантастической литературы жизнью. Их писательские круги практически не пересекались. Детская фантастика имела более давнюю традицию (Жюль Верн), имела ярко выраженную специфику (так называемая эдиссонада — упор на гаджеты и уникальные изобретения) и четкий гендерный уклон: фантастика была литературой для мальчиков (считалось, что девочки предпочитают сказки). Книги выходили в твердом и мягком переплете, огромными тиражами, в хорошей полиграфии с иллюстрациями, а авторам платили жирные гонорары, в общем, это был довольно соблазнительный рынок, и на нем сидели несколько авторов, между которыми нужно было

протиснуться.

Зимой 1945-го литературный агент Хайнлайна Лертон Блассингейм напомнил Роберту про предложение из «Вестминстера». Хайнлайн колебался: цензурные ограничения в детской литературе куда более жесткие, чем у Кэмпбелла, писать нужно простым языком, да и сама идея дать двадцатилетний прогноз выглядела как-то мелковато для автора, глядевшего в будущее на сотни лет вперед.

Однако в послевоенные годы с деньгами было совсем туго. Хайнлайн спросил совета у своего друга, режиссера Фрица Ланга. Ланг сказал Хайнлайну нечто неожиданное: писать для детей куда важнее, чем для взрослых, ведь это шанс сформировать мировоззрение целого поколения. Клив Картмилл, еще один друг и коллега Хайнлайна, к мнению которого Боб прислушивался, повторил примерно то же самое (однако сам Клив почему-то не спешил воспользоваться собственным советом). Выслушав друзей, Боб внезапно понял, что вся юная Америка сама идет к нему в руки: податливые умы подростков не смогут противостоять соблазнительной пропаганде, которую Хайнлайн готовился на них обрушить. Писатель болел космическими полетами и собирался зара-

зить своей мечтой все доступное ему население Америки.

Дело было почти решенное, правда, оставалось одно сомнение: как писать для детей? У Хайнлайна не было своих детей, да и опыта возиться с чужими он пока не приобрел. Это была неизведанная область, terra incognita. И снова помог отеческий совет старшего товарища.

17 февраля 1959 года Роберт Э. Хайнлайн — Алисе Далглиш

…Он сказал мне: «Черт, да не пишите вы „книги для мальчиков“, пишите такие, какие, по вашему мнению, мальчики сами захотели бы читать…»

Так прозвучала формула успеха. Но и после этого Хайнлайн не бросился в воду, зажмурив для храбрости глаза, — такое поведение для него было нехарактерно. Он был очень основателен в своих поступках и подошел к делу методично.

…однако мне настолько не хватало уверенности в своих силах, что моим первым шагом было пойти в книжный магазин и купить дюжину с лишним книг, которые, по уверению владельца магазина, нравились современным детям. Большинство из них имели отношение к авиации и были битком набиты приключениями типа «по-

лицейские и воры».

Авиация все еще, как магнит, тянула к себе подростков. Космическим бумом в воздухе даже не пахло — никто не хотел в астронавты, потому что никаких астронавтов в природе не существовало. Самолеты, гангстеры и шпионы пленяли детское воображение. Что же касается конкретно фантастической детской литературы, то картина, увиденная Хайнлайном, легко укладывалась в два слова: Том Свифт.

Том Свифт

Имя Тома Свифта в то время полностью оккупировало тему «мальчики и наука». Том Свифт был не просто мальчиком, с которым постоянно случались разные приключения, Том Свифт был торговой маркой и названием проекта, его следовало бы писать так: Т. О. М. С. В. И. Ф. Т.

Главным отличием историй про Тома Свифта от того, что привык писать Хайнлайн, были их прочные жюльверновские корни. Это была литература ближнего прицела, построенная на гаджетах и вокруг гаджетов, украшенная шпионским или гангстерским антуражем.

На нынешний день бренд «Tom Swift» насчитывает пять серий книг, свыше 100 томов, общим

тиражом в 30 миллионов экземпляров. На серию трудились десятки литературных негров под общим именем Виктор Эпплтон. Книги строились по одному отлаженному шаблону: Том изобретал очередной гаджет и испытывал его всем на удивление. Тут появлялись шпионы, бандиты или стихийные бедствия, но Том справлялся с ними с помощью внезапных гениальных озарений и изготовленных на коленке приспособлений. Все это была фантастика ближнего прицела, многие «изобретения» Тома Свифта появлялись в железе через год-два после выхода книги. Это была не литература, а шапито с клоунами, и наука здесь была в качестве дрессированной собачки.

Хайнлайн прочитал всю закупленную в магазине стопку детских книг, немного подумал и пришел к выводу, что вполне способен повторить и превзойти тексты такого уровня. В начале нового 1946 года он написал своему литературному агенту.

29 января 1946 года Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингейму

Навскидку я думаю, что подростковая НФ — это книги про Тома Свифта и книги наподобие «Motor Boys», нацеленные на ранних подростков, герои которых на три-четыре года старше чита-

телей, — так, чтобы читатель мог вообразить, будто бы сам мог принять участие в таких приключениях в ближайшем будущем. Стиль должен быть стремительным, простым, а язык не должен быть слишком книжным. Эти книги должны цеплять так же быстро, как истории палп-фикшн, и разворачиваться в непрерывную цепь приключений, с подлинно научной основой, не слишком глубоко проработанной. Никакого секса или интереса к любви, естественно. Я не сомневаюсь в своей способности делать такие сюжеты и, думаю, смогу достаточно хорошо конкурировать на этом рынке.

Хайнлайн увидел, что имеет дело с форматной проектной литературой. Тот самый вид литературы, взглянув на которую студенты и школьники уже два столетия говорят себе: «Хо! Я тоже так смогу!» То же самое сказал себе Хайнлайн. Но, в отличие от юнцов, осаждающих редакции, он понимал, что перед ним заматерелый монстр, который вряд ли потеснится ради молодого талантливого автора. Хайнлайн считал, что этот монстр — всего лишь реликт прошлой, жюльверновской эпохи, что-то вроде динозавра, против которого у него была наготове хорошая дубинка.

Дети Бомбы

В 1945 году человечество шагнуло в атомную эру. Все резко помешались на атомной теме, газеты и журналы с руками рвали статьи любого уровня компетенции, где фигурировало слово «атом». При этом томсвифтовская фантастика только-только преодолела эпоху пара и шагнула в век электричества и магнетизма. Боб понял, что у него есть хорошая научная фора перед стариной Виктором Эпплтоном. И еще ракеты. Том Свифт не покидал нижних слоев атмосферы, а Хайнлайн собирался подарить своим читателям безбрежные просторы космоса, планеты и звезды. И в первую очередь — Луну. Сразу же после войны Хайнлайн активно начал пропагандировать ракетостроение и амбициозную задачу достижения Луны. Взрослые реагировали на его прожекты довольно вяло, так почему бы не взяться за детей? Хайнлайн предполагал насытить информационное пространство ракетными темами настолько, что со временем это заставит кого-то из политиков пошевелиться.

19 февраля 1946 года Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингейму

Через пару дней я собираюсь начать писать подростковый роман, который в общих чертах

изложил в моем последнем письме. Вы получите отрывки и синопсис, законченная рукопись должна быть у Вас около 15 марта. Двое друзей убедили меня, что для моих пропагандистских целей в дополнение к взрослым вещам, о которых я писал, лучше всего подойдет серия книг для мальчиков. Я купил несколько романов из популярных серий для мальчиков и уверен, что смогу произвести пригодную для продажи рукопись, которую можно предложить одному из этих издателей: «Westminster», «Grosset and Dunlap», «Crown» или «Random House».

Роман назывался «Молодые атомные инженеры и завоевание Луны» и рассказывал о подростках, которые построили собственную атомную ракету и полетели на Луну. Этакий нуклеопанк с атомными котлами, нестрашной, прирученной радиацией и гимном Ее Величеству Логарифмической Линейке. 25 февраля 1946 года Блассингейм отправил синопсис будущего романа Хейлиджеру и велел Бобу придержать коней до начала марта, пока не поступит отклик из «Westminster». Но Боб так не умел — он уже «услышал голоса персонажей» и остановиться мог, только поставив последнюю точку.

Вопреки первоначальным заявлениям, Хайн-

лайн тут же начал плотно укладывать в текст романа инженерный и научный бэкграунд. Писатель решительно вышвырнул чудеса в открытый люк и тщательно его задраил. Никаких чудес и случайностей — он вскрыл переборки и снял боковые панели, чтобы показать, как тут все устроено. Ничто в романе не делалось само, ничто не выпрыгивало из кустов, как бешеный рояль, каждый шаг сюжета имел свое научное и бытовое обоснование, каждое действие юных астронавтов сопровождалось техническим описанием. Параллельно тексту детской книги он писал серию заметок о межпланетном путешествии, которые должны были послужить основой для сценария игрового псевдодокументального фильма. У него была предварительная договоренность с Фрицем Лангом о съемках такого фильма.

Что же касается морально-нравственной основы (а что за детская книжка без морали и поучений?), то тут у Хайнлайна были крепкие тылы — он легко и органично транслировал в свои тексты истины, почерпнутые им самим в подростковом возрасте из приключенческих книг Горацио Алджера. Позднее он вспоминал:

17 февраля 1959 года Роберт Э. Хайнлайн — Алисе Далглиш

Я писал книги для этого поколения, всегда с той же самой откровенно моральной целью, которая вписана в каждую строчку книг Алджера (я прочитал их все, и они сильно на меня повлияли).

Честность — лучшая политика.

Упорный труд будет вознагражден.

Нет легких дорог к успеху.

Храбрость — прежде всего.

Учеба не сразу окупается счастьем и деньгами.

Стой на своих собственных ногах.

Никогда не угрожай.

Глотай свое лекарство.

В мире всегда найдется место для человека, который трудится, но никогда — для бездельника.

Вот вещи, которым учили меня книги Алджера словами, подходящими для моего поколения. Я верил им, когда читал их, я верю им теперь, и я постоянно стараюсь донести их до юного поколения (чем, я уверен, позорно пренебрегают многие из взрослых, ответственных за его моральное воспитание).

Добавим сюда пафосные установки американского духа пионеров, рупором которых в романе выступает мать Росса: «Нашу страну открыли люди, которые не боялись пуститься в дорогу». Момент экспансии в дальнейшем творчестве

Хайнлайна станет обязательно присутствующей темой.

Еще одним из краеугольных камней морального воспитания Хайнлайн считал толерантность. В качестве героев он выбрал подростков трех разных национальностей. Для заострения ситуации один из них был немцем, другой евреем. В Америке 1950-х вполне еще процветал антисемитизм, а антинемецкие настроения после войны были вещью само собой разумеющейся. Совершив эту демонстративную акцию, Хайнлайн *очистил текст от явных указаний на национальность героев*. Прием этот он использует позднее неоднократно. Читателю предоставлялась возможность самому догадаться о положении вещей, поразмыслив над именами и фамилиями героев. Этакое застенчивое фрондерство с кукишем в кармане.

В своем первом детском романе Хайнлайн не злоупотреблял новаторскими решениями. В целом «Галилей» держался в рамках традиционных образцов — романтичная история приключений, правда с мощным реалистичным и научно обоснованным фундаментом. Подростки Хайнлайна полностью подконтрольны старшим, стереотипны, послушны, хорошо воспитаны и

не позволяют себе проявлять деструктивные эмоции. Дав начальный старт событиям, они более не влияют на их ход, полностью доверяясь руководству старшего. Доктор Каргрейвз играет чисто жюльверновскую роль опекуна, контролера, планировщика и ходячего справочника.

Но приключения с наставником за плечами, очевидно, были не такими захватывающими, как альтернативный вариант — подростки, предоставленные самим себе. После «Галилея» Хайнлайн двенадцать лет придумывал различные способы вывода героев из-под опеки старших. И эти способы постепенно эволюционировали в радикальную сторону — от случайной изоляции вследствие экстремальных ситуаций, как в «Красной планете», до прямой откровенной конфронтации и ухода в свободный полет, как в «Астронавте Джонсе».

Нацистский след

В 1940 году в германском ракетном центре на острове Пенемюнде начались разработки ракетной системы, способной вывести человека в космос. К 1943 году проект А-9/А-10 был готов. Это была двухступенчатая ракета весом 100 тонн, длиной свыше 30 метров, с герметичной кабиной для пилота. Одновременно Отто Скорцени начал

отбор военных летчиков для пилотирования космической техники. В 1945 году генеральный конструктор ракетного комплекса Вернер фон Браун предложил использовать проект А-9/А-10 для обстрела Американского континента. 24 января 1945 года штурмбанфюрер СС Рудольф Магнус Шредер стартовал с мыса Пенемюнде в ракете А-9/А-10. На четвертой минуте полета ракета покинула пределы атмосферы и вышла в космическое пространство. Далее полет продолжался по баллистической траектории. Из-за ошибок навигации ракета не достигла Нью-Йорка и, предположительно, затонула в Атлантическом океане, а ее пилот погиб. Рудольф Шредер стал первым человеком, вышедшим в космос. Но не последним. Работы над пилотируемыми полетами в фашистской Германии продолжались и после бегства фон Брауна в Америку на секретной базе люфтваффе в Антарктиде…

Вот тут нужно бы упомянуть о секретных лабораториях Аненербе, о золоте Мартина Бормана, о межпланетных кораблях «Муте» и «Шрайбер» и основанной ими лунной колонии «Новая Швабия», но лучше на этом остановиться — миф о космической программе рейха чрезвычайно притягателен, не успеешь оглянуться, как угодишь в

него с головой. И даже знание реальной истории никак этой притягательности не отменяет. А ведь то, что сегодня для нас криптоистория, некогда были вполне актуальными слухами.

Впервые об «астронавтах Гитлера» написали некие неназванные европейские газеты сразу после войны. Они рассказывали о германских камикадзе, управлявших ракетами «Фау-2» и «Фау-3». На самом деле под кодом «Фау-3» скрывалась суперпушка, а не ракета, но пилотируемая программа самолета-снаряда «Райхенберг» на базе «Фау-1» действительно существовала, как и параллельная ей разработка крылатой «Фау-2» для доставки диверсантов в тылы противника, так что дым был отнюдь не без огня. И потому тема была нежелательной, ведь вчерашние союзники, быстро (и отнюдь не по-братски) поделившие результаты немецкой ракетной программы, вовсе не были заинтересованы в шуме. Ну а секретность — самая плодородная почва для самых увлекательных баек. И если сегодня эта байка вызывает такой оживленный интерес у малообразованной публики, то детишки сороковых годов должны были просто визжать от восторга, читая об орбитальной солнечной пушке Sonnengewehr или нацистских базах на Луне.

Я, к сожалению, не нашел корней мифа о лунной базе нацистов. Возможно, своим «Галилеем» Хайнлайн сам заложил его фундамент. В любом случае писатель уловил важный тренд, витавший в воздухе. Архетип «законсервированные фашисты» был подхвачен и растиражирован послевоенной литературой, вспомним хотя бы «Конец подземного города» Я. Кальницкого (1950) или «Остров Разочарования» Л. Лагина (1951). Но обстановка в мире менялась, и вскоре секретные базы поменяли хозяев — ими стали подлые американцы, кровожадные русские или коварные пришельцы из космоса. Последнее, что я помню из «нацистского» ответвления, — это «Пленники подземного тайника» Ф. Лукманова (1971).

Если задуматься, база на Луне нужна была Хайнлайну только для подтверждения стратегической важности подобного объекта. И по всей логике, это должна была быть советская ракетная база. Но это означало отдать приоритет русским, на что Хайнлайн по идеологическим соображениям пойти никак не мог, да и патриоты за это съели бы его живьем, а книгу навечно прибили к позорному столбу. Отдать приоритет фашистам, укравшим американскую ракету, было куда лучшим решением: технологическое превосходство

остается за Америкой, а детишки, которым «не повезло» посидеть в окопах Второй мировой, могли вдоволь наиграться в войнушку с обломками Третьего рейха, благо на отстрел фашистов блюстители общественной морали выдавали неограниченную лицензию. Хайнлайн все рассчитал точно. В первой же детской книге его герои пролили кровь и поубивали кучу народу, и автору это сошло с рук. Это как если бы Квентина Тарантино пригласили снять веселую короткометражку для журнала «Ералаш» — автор прошел по грани, нащупывая пределы дозволенного. В дальнейшем Хайнлайн продолжил исследовать границы терпимости в детской литературе, но так гладко у него уже не выходило.

Другой вставкой скандально-сенсационного характера был город селенитов. Тема селенитов не частый гость в его произведениях, рассказ 1940 года «Взрыв всегда возможен» и «Галилей» с его производными — вот и весь список. Место селенитов у Хайнлайна довольно быстро заняли марсиане. Как бы то ни было, момент с подземным городом чужаков — совершенно излишний с точки зрения основной сюжетной линии. Возможно, Хайнлайн внес его, планируя развить в следующих романах цикла или чисто

для украшения. Он не раз подбрасывал в свои произведения щепотку мистики и тайн, эта приправа должна была будоражить воображение читателей. В отличие от Чехова, он считал, что некоторые ружья надо оставлять висеть на стене, чтобы читатель всласть пострелял из них уже *после* чтения.

Внезапный тупик

Роман пошел быстро: Хайнлайн начал писать в конце февраля 1946-го, а в начале марта он отослал первые несколько глав Блассингейму для ознакомления. К 15 марта 46 года «Галилей» был закончен. Хайнлайн посвятил книгу «Колину, Мэтту и Бадди». Колин Хаббард — племянник писателя, сын Кейт Хаббард, сестры Леслин Хайнлайн. Мальчик выступил в роли бета-тестера первых глав романа. Мэтт Картмилл — сын друга Хайнлайна, Клива Картмилла. Бадди Хайнлайн — еще один племянник, сын Ларри Хайнлайна, брата писателя.

«Westminster Press» между тем изучило предложение и… отказалось от книги «Юные атомщики и завоевание Луны». Нацистская база на Луне, по мнению Уильяма Хейлиджера, не слишком хорошо вписывалась в его идею жюльверновской истории о юных подростках из маленького

городка в американской глубинке. Как показала дальнейшая история, «Westminster» здорово просчиталось, и, видимо, это была системная ошибка — в активах издательства не числится никто из известных фантастов, за исключением Лестера Дель Рея.

То, что роман отклонил заказчик, было для Хайнлайна большим разочарованием. Он выдал Блассингейму карт-бланш на поиск других издательств и разразился длинным письмом, фактически манифестом, в котором упомянул о нескольких важных вещах, проливающих свет на его писательские методы и *принципы*.

16 марта 1946 года Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингейму

Я преднамеренно выбрал мальчика, у которого в роду шотландско-английские пионеры, мальчика, отец которого — немецкий иммигрант, и мальчика — американского еврея. Несмотря на различное происхождение, они росли как обычные американские дети. Вы можете столкнуться с редактором, который не захочет, чтобы один из юных героев был евреем. Я не буду иметь дела с такими издателями. Происхождение всех троих мальчиков именно то, каким оно должно быть, и книга предлагается только на таких условиях.

Эта книга была мне интересна в том числе и возможностью показать детям, что я понимаю под американизмом. Использование столь разнообразной группы — часть моего намерения, и я не позволю его изменить… Пусть сам я не заинтересован, как рефери на поле, но я хочу предоставить читателям наглядный пример практической демократии.

Я думаю, его (Хейлиджера. — Swgold*) концепция истории атомной эры несостоятельна. Мы вступаем в эпоху чрезвычайных перемен. Я вижу две основные альтернативы — либо ужасающая атомная война, которая надолго разрушит существующую технологическую структуру, за чем последует ренессанс, природу которого я не способен предсказать, либо период мира, во время которого технический прогресс чрезвычайно ускорится, так что только краткосрочные предсказания, как я могу надеяться, будут разумно точными. «Юные атомщики» базируются на втором варианте развития событий, т. е. период мира и беспрепятственного технического прогресса.*

…

Когда я пишу о будущем, я чувствую себя профессиональным пророком, который делает честную

попытку оценить вероятности развития событий и пишет истории, в которых предлагает примеры реализации этих альтернатив. Чтобы оставаться честным, я должен предсказывать то, что произойдет (или может произойти), по моим собственным выкладкам, а не потому, что кто-то еще решил, что это может случиться. Если у м-ра Хейлиджера отличная от моей концепция развития событий, пусть напишет об этом сам или наймет литнегра, который захочет писать по чужим сюжетам. Он легко может это сделать. Я не осуждаю подобную халтурку, но для меня почти невозможно ею заниматься, и я не буду заниматься подобными вещами, разве что под угрозой голода, — а он мне пока не грозит.

(В «Юных атомщиках» я позволил себе два общепринятых отступления от того, что я считаю вполне вероятным: я сократил время подготовки к путешествию и предположил, что четыре человека могут выполнить работу, для которой, скорее всего, потребуется сорок. Все остальное — технику, использованную в сюжете, и даже эпизоды — я расцениваю как вполне возможные, хотя и романтические, а в некоторых отношениях не слишком точные в деталях. Но я действительно

ожидаю начала космических полетов, и в самое ближайшее время. Описанное противостояние более чем вероятно, я ясно вижу эту угрозу, хотя она вполне может проявиться и вне зависимости от базы, расположенной на Луне.)

...Я предполагаю, что Вы привыкли к методике, когда автор присылает несколько глав и резюме. Если нужно, я так и сделаю, но, к сожалению, если я настолько далеко продвинусь с романом, то он будет завершен дней через десять, и только самый быстрый ответ от издателя сможет как-то повлиять на конечный результат. Я сожалею, но это — сопутствующее обстоятельство моего стиля работы. Над романом я работаю медленно только на первых нескольких главах. Как только я начинаю слышать разговоры персонажей, процесс превращается в гонку, потому что я должен описывать их действия достаточно быстро, чтобы не пропустить ни одно из них. Это более экономично по времени и по деньгам, и у меня лучше получаются истории, когда я работаю сразу от начала до конца, не дожидаясь, пока редактор решит, нравится ему текст или нет. В любом случае редакторам вряд ли понравятся мои предварительные конспекты, поскольку для меня просто невозможно передать аромат еще

ненаписанной истории в резюме.

(Предлагаю дополнить серию такими книгами:

«Юные атомщики на Марсе, или Тайна лунных коридоров»;

«Юные атомщики на астероидах, или Тайна разрушенной планеты»;

«Юные атомщики в бизнесе, или Корпорации горной промышленности Солнечной системы».

И еще как минимум парочка.)

Блассингейм заверил Хайнлайна, что у рукописи, безусловно, есть хороший коммерческий потенциал, и направил предложение в издательство «Holt, Rinehart & Winston», которое запускало серию подростковой научной фантастики. Любопытно то, что и автор, и литагент пытались продвинуть на рынок не отдельную вещь, а сериал, то есть они мыслили себе дальнейшую работу с детскими издательствами именно в рамках проектной литературы. И у Хайнлайна действительно хватало идей на целый сериал со сквозными персонажами. Одновременно он обдумывал возможность стыковки сюжета «Юных атомщиков» с «Историей будущего» — будущего, в котором третью мировую войну должны были спровоцировать действия недобитых нацистов

на Луне. В дальнейшем Хайнлайн отказался от сериальности по вполне очевидным причинам: молодые атомщики не могли оставаться молодыми по мере развития сериала.

Между тем жизнь, словно нарочно, подбрасывала писателю подходящие впечатления: в апреле 1946-го в Белых Песках в Нью-Мексико начались испытания трофейных ракет «Фау-2». Его друг Кэл Ланинг обещал устроить Хайнлайнам журналистскую аккредитацию на следующие пуски ракет.

А 19 апреля «Winston» отклонило «Юных атомщиков».

Мои чувства взлетают, как ракета!

28 июня 1946 года Хайнлайн, трепеща от ужаса и восторга, снимал на стерео ревущее пламя, грозный силуэт ракеты и дымный след в небесах, а также все, что было разрешено снимать на военном полигоне в Белых Песках. Видимо, на пленку все же попали какие-то секретные кадры, потому что при проявке она вся оказалась безнадежно испорчена…

Оправдывая журналистский статус, Хайнлайн написал восторженную статью, полную громких эпитетов и восклицательных знаков, но ее никто не напечатал — в отличие от более сдержанных

заметок его жены Леслин.

А осенью, 30 сентября 1946 года, произошло грандиозное событие в жизни Хайнлайна и истории американской фантастической литературы: рассказ «Зеленые холмы Земли» был продан в глянцевый журнал «The Saturday Evening Post». Фантастика впервые пробилась на рынок серьезной, ну, или, во всяком случае, высоко оплачиваемой массовой литературы. Вторым событием этого дня было сообщение о том, что Алисе Далглиш, главе детской редакции издательства «Scribner's», понравились «Юные атомщики».

Редактор, по словам Лертона Блассингейма, была «тихим, приятным человеком в свои пятьдесят» (много позже Хайнлайн подвергнет эту характеристику сомнению и предложит свою, диаметрально противоположную). Лертон выслал ей список возможных продолжений, предложенный Хайнлайном, и подготовил ее приезд в Лос-Анджелес для личной встречи с автором.

Здесь нужно сказать пару слов и о самом редакторе. Алиса Далглиш (Alice Dalgliesh, 1893–1979) — популярная детская писательница, редактор и издатель. Получила бакалавра в области образования и магистра английской литературы.

17 лет она преподавала и писала книги — всего на ее счету их около сорока. В «Scribner's» она некоторое время работала редактором в отделе учебников. В 1934-м году она возглавила (фактически создала) редакцию детской литературы «Scribner's» и проработала в ней до 1960 года. В те времена, когда женщин в издательском бизнесе рассматривали в лучшем случае в качестве секретарш, это была совершенно фантастическая карьера. Соответственно, и сама Алиса была редактором совершенно фантастическим. Сотрудники и руководство «Scribner's» оставили о ней массу уважительных отзывов, четыре ее детские книги были удостоены литературных премий и переиздаются до сих пор, а количество наград, присужденных книгам, которые выпустил ее отдел, зашкаливает по всем параметрам. Она прекрасно разбиралась во всем, что касалось истории, фольклора, сказок и продвижения книг. Она плохо разбиралась в технике, космосе и тому подобных вещах, но умела пропихнуть сомнительный с точки зрения господствующей пуританской морали текст в печать. Многие считали, что она была редактором от Бога.

Хайнлайну повезло — ему попалось доверчивое издательство и редактор, который на тот момент

была профаном в области научной фантастики. Алиса хорошо знала, что нужно девочкам, она сама была успешным детским писателем, но фантастика, атомы, ракеты — все это находилось далеко за пределами ее интересов. У Хайнлайна к 1946 году было имя в научной фантастике и несколько популярных статей на тему ракетостроения. Здесь Алиса могла полагаться только на чужое мнение. Но еще у Хайнлайна был великолепный литагент со связями в Библиотечном обществе, а вот это было уже ближе и понятнее. Бизнес-схема производства детской редакции «Scribner's» подразумевала, помимо розницы, значительный процент оптовых продаж в публичные библиотеки, и вменяемый литагент, который может втолковать автору, что это значит, был очень даже кстати. Алиса рискнула, сделав ставку на Хайнлайна, и ее редакторское чутье не подвело. Кто знает, как бы сложилась личная и литературная судьба Роберта Хайнлайна, прими она иное решение. Одно можно сказать точно: мы бы не увидели тринадцати романов ювенильной серии плюс «Марсианки Подкейн», а также рассказов о Клиффе и Морин или «Угрозы с Земли», если бы судьба не столкнула Роберта Хайнлайна с Алисой Далглиш.

27 сентября 1946 года Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингейму

«Юные атомщики». Я рад слышать, что Алисе Далглиш понравилась эта рукопись. В моем письме от 16 марта 46-го Вы найдете список названий для продолжений предложенного цикла, там же всесторонне рассмотрен вопрос о том, что я хотел бы сделать в книгах для подростков и что предполагаю делать далее, чтобы эксплуатировать эту историю. Надеюсь на Ваше руководство во всех этих делах, мое мнение пока еще не окончательное. Разумеется, я готов переписывать тексты по требованиям редакции и разрабатывать проекты историй в соответствии с пожеланиями редакции, чтобы увидеть свою книгу выпущенной столь выдающимся издательским домом, как «Scribner's».

Пришло время подписывать контракт. Хайнлайн никогда раньше не подписывал подобных соглашений. Он обязывался раз в год выпускать книгу, удовлетворяющую требованиям издателя, то есть прорабатывать и согласовывать сюжет с заказчиком на стадии синопсиса, а затем исправлять черновик по требованию редактора до полного его удовлетворения и принимать посильное участие в постпродакшн. Это было

литературное рабство, ярмо и кабала, которое компенсировалось достойными гонорарами, гигантскими тиражами и жирными роялти. Писатель получал гарантированный стабильный доход, позволявший содержать семью и свободно творить в оставшееся от кабалы время. Ну и, разумеется, раз в год у него будет выходить Книга в Твердой Обложке!

1 февраля 1947 года Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингейму

По Вашему совету я подписал контракт, но я возвращаю контракт со «Scribner's» через Вас, чтобы Вы посмотрели, не надо ли попросить, чтобы они внесли в него какие-то изменения… Рукопись была исправлена и теперь перепечатывается. Она поступит в «Scribner's» к десятому февраля.

Контракт со «Scribner's», однако, оказался штучкой с двойным дном. Начать с того, что цензурные нормы, принятые в издательстве, не имели четко оговоренных границ, эти нормы на практике, говоря юридическим языком, получали *расширительное толкование*. Писатель не сразу это осознал — первый скандал с редактором случился лишь спустя пару лет после подписания

контракта, — а осознав, счел это жульничеством и попыткой изменить правила во время игры. Вторым ограничением стали *неписаные* правила, которые касались репутационных рисков. Любое появление автора в какой-либо скандальной (в самом широком спектре значений) истории влекло за собой расторжение контракта. Этот момент Хайнлайн понимал прекрасно (возможно, ему разъяснил его Лертон Блассингейм). Он редко появлялся на конах — банкеты на них часто заканчивались в угарной атмосфере, на нудистских тусовках он регистрировался под фамилией Монро и практически не участвовал в публичной политике. Привычка дозировать свою общественную жизнь отчасти сказалась на охлаждении отношений писателя с фэндомом, а успех ювенильной серии настолько перегрузил его внешние контакты, что Хайнлайн на долгое время выпал из процессов американского фантастического гетто. Все было логично: Боб де-факто и де-юре стал профессиональным писателем и перешел в другую лигу.

Новые перспективы

Детская литературная гильдия (по сути — клуб, рассылающий книги по подписке) заинтересовалась книгой Хайнлайна в планах выпуска

1947 года. Продажа через подписку обеспечивала дополнительный тираж в десять тысяч экземпляров. С «клубных изданий» автору капало по десять центов с экземпляра, то есть плюс тысяча долларов к обычному гонорару. Сейчас это кажется незначительной суммой, но в те времена на такие деньги можно было неплохо прожить целый месяц или купить чуть подержанный автомобиль.

В январе 1947-го поступили первые замечания от тестовых читателей издательства, которые Хайнлайн без лишних слов отработал. Разумеется, название пришлось поменять, так появился «Ракетный корабль „Галилей“». Маркетинг счел, что лучше нажимать на «ракеты», а не на «атомы». Кроме того, издательство запросило у Хайнлайна обзорную статью о путешествии на Луну для публикации в поддержку выходящей книги. Он написал эссе «Завтра — Луна», где рассказал историю полетов на Луну, начиная с Лукиана и завершая современным состоянием дел и ближайшим будущим, на материале собственной книги.

Разговоры о фильме с Фрицем Лангом так и оставались разговорами, и Хайнлайн выписал доверенность своему голливудскому агенту Лу

Шору на продажу «Галилея» для экранизации. Закончилась эта история выходом в 1950 году оскароносной ленты «Цель — Луна», но это совершенно отдельная история.

«Ракетный корабль „Галилей“» вышел 13 октября 1947 года, и спустя несколько недель стало ясно, что книга пошла — покупатели сметали ее с полок магазинов. 22 октября редактор художественной литературы скаутского журнала «Boys' Life» Ирвинг Крамп написал Хайнлайну письмо, в котором просил присылать подобные вещи для публикации в журнале. Возможно, именно это письмо натолкнуло Хайнлайна на мысль собирать по два урожая с одного поля — продавать вещь для журнальной и книжной публикации одновременно.

Но главное — Роберт получил весомое подтверждение, что опробованные в «Галилее» методы написания детской научной фантастики работают. Он мог продолжать возделывать эту делянку и дальше. Алиса одобрила синопсис следующей книги — истории о космическом стажере.

И у него на полке появилась первая книга в Настоящей Твердой Обложке.

Бомбардир из поднебесья

В отличие от «Галилея», «Космический кадет» создавался в условиях не просто некомфортных, но даже жестоких и драматических. Это был серьезный вызов профессионализму писателя, но он сумел превозмочь все обстоятельства и выдал роман к сроку. Собственно, у него просто не было другого выхода.

Развод

Война катком прошлась по жизни Леслин Хайнлайн и всех ее родственников — одних унесли болезни, других сожгли заживо японцы, а свой гражданский долг она отдавала в центре реабилитации, где ее с утра до вечера окружали слепые, калеки и не вполне адекватные люди. Она не выходила из депрессивного состояния, она выпала из литературного процесса Роберта, а ее собственные перспективы постепенно схлопнулись в одну-единственную альтернативу — быть тенью собственного мужа. Но этого Леслин было недостаточно. В ее вселенной образовались пробелы, которые не желали зарастать и со временем соединились в один огромный зияющий провал в пустоту. Алкоголь оказался

неэффективным лекарством, и весной 1947 года Леслин сказала Роберту, что пыталась покончить с собой. Это стало последней каплей, переполнившей чашу его терпения. Роберт ответил жене, чтобы она позвонила их семейному адвокату и подала документы на развод — в любое время, на любых условиях, какие сочтет нужными. Писатель упаковал дорожную сумку, взял пишущую машинку, кое-какие рабочие бумаги и съехал жить в гостиницу. 20 июня документы были оформлены, но на развод Леслин подала только в августе. Ей не нужен был развод, ей нужна была поддержка, которой она не могла найти. На все попытки восстановления отношений Хайнлайн ответил ей: «Нет».

Наличность и ценные бумаги супруги поделили поровну. Боб оставил Леслин дом ($~10 000) и забрал себе машину ($~500). Взамен Леслин отказывалась от алиментов и всех прав на литературные произведения, написанные до 1947 года. Это было нетрудное решение — все основные публикации под именем Хайнлайна, Макдональда и Сандерса были сделаны в журнале «Astounding», и все права на них принадлежали его издателям, компании «Street&Smith». А издательство сидело на них, как собака на сене, и наотрез отказыва-

лось уступать кому-либо права на перепечатку. Так что Хайнлайн не мог заработать на них ни цента. Неофициально Хайнлайн обязался выплачивать Леслин $40 ежемесячно.

Боб несколько дней занимался разборкой своего огромного архива. Ему помогала Вирджиния Герстенфильд, она бросила все свои дела и прибыла «для поддержки». Вирджиния относила мешки с бумагами к мусоросжигательной печи и скармливала огню письма и черновики, которые в данный момент не представляли для Хайнлайна никакой ценности. Она и думать не могла, что полвека спустя уцелевшие листы она сама будет готовить к печати — в виде томиков в коричневом кожаном переплете с золотым тиснением.

Жизнь в гостинице была писателю не по карману, поэтому Хайнлайн погрузил остатки имущества в машину и скитался по пригородным мотелям (по закону он не мог задерживаться ни в одном из них более пяти дней). Вирджиния не могла сопровождать его. Супругам давался год до окончательного утверждения развод, то есть с точки зрения закона Боб и Леслин все еще оставались супругами, а адюльтер карался тюремным заключением. По этой причине Хайнлайн на год прервал или ограничил контакты с друзьями и

знакомыми, он не упоминал имени Вирджинии даже в письмах к близким друзьям. Любой слух, помимо риска угодить в тюрьму, мог поставить крест на его писательской карьере в «Scribner's». Боб всерьез учитывал возможность того, что Леслин наймет детектива проследить за супругом и получит хороший рычаг давления на него.

Чуть медленнее, но мотели тоже истощали активы писателя. Хайнлайн пытался подправить свое финансовое положение литературным трудом, но из редакций непрерывным потоком шли одни отказы. «Saturday Evening Post» вообще дал понять, что не испытывает энтузиазма по поводу дальнейшего сотрудничества. Наконец, в середине июля журнал «Colliers» опубликовал статью «Космический флот», написанную Хайнлайном совместно с Ланингом. На долю Хайнлайна пришлось $562,50. Все-таки глянцевые журналы были писательским эльдорадо, и Хайнлайн не зря рвался туда всеми силами. Полученный гонорар Боб вложил в крошечный трейлер. «Думаю, в прежней жизни он был коробкой из-под фортепиано, — вспоминал Хайнлайн. — На самом деле это был прицеп для поездки на рыбалку, а не настоящий домик на колесах, но это было максимумом того, что мы могли позволить себе

в то время». Хайнлайн отвез свой новый дом в трейлерный парк в тридцати милях от города и стал ждать суда.

22 сентября в 9 утра открылось слушание дела о разводе. Через 15 минут слушание завершилось подписанием документа, который должен был вступить в силу ровно через год. Боб больше не был привязан к Лос-Анджелесу и немедленно покинул его — с незаконной гражданской женой и ветром в карманах. Вирджиния тоже начала эту походную жизнь с чистого листа: она продала пианино, единственную ценную вещь, которая у нее была, и бросила учебу в Калифорнийском университете, перечеркнув все альтернативные возможности устроить свою жизнь. Они отправились на восток — через пустыню, в Аризону, Нью-Мексико и Техас.

Скитания и муки творчества

Содержание второго романа для «Scribner's» было предварительно согласовано с издателем — год назад при встрече с Алисой Далглиш Хайнлайн предложил историю о космонавте-стажере, который проходит учебу, преодолевает различные трудности и наконец, получив путевку в жизнь, покидает Космическую академию. Но чем больше он думал над сюжетом, тем меньше он

ему нравился.

«Hayworth Hall»[69] не должен был стать обычной школьной историей в космическом антураже. В его основе лежали ужас, паранойя и мечты о сильной руке, которая пасет народы. Хайнлайн позаимствовал идею у Герберта Уэллса: фильм «Облик грядущего» в свое время произвел на него большое впечатление. Писатель просто слегка модернизировал прогрессоров из «Крыльев над миром» — поднял их на орбиту и вручил им в руки вместо усмиряющего газа атомную дубинку. «Стоп-стоп! — скажет внимательный читатель. — Пилоты Уэллса никого не убивали! Они усмиряли агрессоров и перевоспитывали диктаторов». Все так. Но на Земле только что отгремела мировая война, и диктаторов было принято вешать, а не перевоспитывать. Кроме того, Хайнлайна весьма впечатлил эффект, произведенный атомными бомбардировками, и ужаснула мысль, что таким же бомбардировкам может однажды подвергнуться США. Он не верил, что секреты или запреты могут быть сдерживающим фактором. Джинна выпустили из бутылки, и обратно его уже не загнать.

---

[69] Примечания: 69

Хэйуорт-холл — так называлось здание Космической академии в романе.

17 июля 1947 года Роберт Хайнлайн — Кэлу Ланингу

…а время на исходе, Россия ясно показала, что рано или поздно она полезет в драку. Думаю, у них уже есть Бомба, и они успеют скопить достаточное их количество к тому моменту, когда разработают эффективный дальний бомбардировщик. Полагаю, они нас размажут. Конечно, ты больше в теме, чем я, но, честно говоря, я не вижу, на что мы можем надеяться, кроме как на слепую удачу или политический переворот. Я все твержу «Один мир», но это глас вопиющего в пустыне…

Начиная с конца сороковых Хайнлайн непрерывно жил под страхом Бомбы, этот страх породил его знаменитое бомбоубежище, «Свободное владение Фарнхэма» и многие другие вещи, в том числе «Космического кадета». Сразу после войны он, как и многие, был уверен, что эта война должна была стать последней. Но для этого атомное оружие нужно было передать под международный контроль, поскольку Штаты не могли сохранить на него монополию. Так возникла идея о международном жандарме, мудром, решительном и неподкупном. Идея Космического патруля к этому времени уже была не нова. Бравые парни

в форме многим были знакомы по «Ленсмэну», но то были всего лишь «неприкасаемые» фэбээровцы, заброшенные Доком Смитом в космос. Хайнлайн же возложил на патруль функцию мирового политического контроля. По сути, он придумал «голубые каски» ООН задолго до того, как они появились в реальности, и отправил их служить в космос.

Ключевой сценой романа должны были стать мучительные раздумья курсанта Мэтта Додсона, получившего приказ бомбить его родной город Де-Мойн…

24 ноября 1947 года Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингейму

…С этого момента я должен посвятить все свое время исключительно подготовке второй детской книги для «Charles Scribner's Sons». Я работал над этим романом для мальчиков урывками в течение нескольких месяцев. Я немного опасаюсь сесть и сделать черновой набросок к нему, потому что у меня нет того жизнерадостного настроения, которое должно присутствовать в любой книге, предназначенной для молодежи. Прямо сейчас мне легче накропать с полдюжины трагедий, чем написать одну веселую историю.

Кое-какие душевные резервы у него все же нашлись. Половину романа Хайнлайн написал за две-три недели. Эти главы были посвящены учебе, и для работы над ними он просто использовал свои воспоминания об Академии ВМФ. Разумеется, он кое-что приукрасил, а кое-какие мелкие детали были результатом довольно долгих и серьезных раздумий. Поэтому в романе мельком появляется обычный сотовый телефон, а сцены тренировок в невесомости живо напоминают документальные кадры с борта станции «Скайлэб». Некоторые вещи в романе проявляются очень косвенным образом, например время подъема на орбиту, длительность орбитального трансфера или перелета в Пояс астероидов, а оттуда к Земле и Венере. Все числа, на которые читатели редко обращают внимание, были результатом точного обсчета с жестко заданными параметрами. Три дня Боб с Вирджинией чертили и обсчитывали гомановские орбиты, по которым двигались корабли в романе. Они решали эти задачки независимо друг от друга, а потом сверяли результаты. Как выяснилось, Вирджиния считала лучше.

Но если с техническим бэкграундом все было в порядке, то с персонажами дела были неважнецкие.

Хайнлайн никогда не придерживался жестких схем, он определял ключевые точки сюжета и пускал персонажей свободно перемещаться между ними. Но на этот раз персонажи оказались более живыми, чем экипаж ракетного корабля «Галилей». Они не хотели идти из точки «А» в точку «Б», где на родной город падали бомбы.

Момент с «понуждением к миру» атомной бомбардировкой внезапно перестал вписываться в сюжет и дух романа. Сам персонаж отказывался участвовать в этом жутком экзамене, а мудрые, решительные и неподкупные руководители патруля просто не желали взваливать на неоперившегося кадета такое решение. «Автор, — говорили они, — ты что, рехнулся?»

Приближалась зима, трейлер катился все дальше по пустыне, пианино Джинни было почти съедено, а Хайнлайн застрял на середине романа и больше не мог выдавить из себя ни одной строчки. Примерно две недели писатель пластом лежал на диванчике, бессильно стонал и рычал на Джинни, когда она предлагала ему какую-нибудь идею. Они жили в трейлере, в ужасающей нищете (4 доллара, в сутки, и ни цента больше), но Боб не позволял Джинни искать работу — это противоречило его *принципам*.

«У нас было настолько плохо с деньгами, что мы даже не могли купить бензин, чтобы податься куда-нибудь на юг, где теплее». На остатках бензина Хайнлайн привел свой дом в Форт-Уэрт[70] и бросил якорь в трейлерном парке. Там они с Джинни намеревались пережить зиму.

Зимой в пустыне было очень холодно. Роберт укутывался во всю одежду, которую мог на себя натянуть, но его пальцы быстро цепенели от холода, и он не мог подолгу печатать на машинке. Новости с большой земли его не слишком радовали. Фэндом встретил выход «Космического корабля „Галилей“» более чем прохладно, а профессиональной критики в американском гетто в тот момент просто не существовало. Хайнлайн скрипел зубами и раздраженно писал друзьям, что «эти любители просто не понимают специфики детской литературы». Но худо-бедно, роман все же двигался вперед. Венерианские приключения закрыли дыру в сюжете, а советы Вирджинии начали идти в дело. Конечно, всю структуру романа пришлось пересмотреть — она была заточена под ключевую сцену, от которой пришлось избавиться, а в романах Хайнлайна

---

[70] Примечания: 70

Форт-Уэрт — город в центральной части Техаса, недалеко от Далласа.

никогда не было случайных деталей.

На Рождество Джинни сшила ему халат, а Боб купил ей в аптеке бутылку духов за два доллара. Эту бутылку Джинни хранила до конца жизни.

Наконец что-то во внешнем мире стронулось с места и покатилось в нужную сторону. В январе 1948 года свежеиспеченное издательство «Шаста» захотело приобрести «Детей Мафусаила», но просило увеличить его объем, чтобы можно было издать отдельной книгой. Это было фантастическое предложение — обычно издатели просили Хайнлайна сократить текст, а не увеличить его. Аванс от «Шасты» составил $200. А вскоре журнал «Argosy» купил рассказ «Присаживайтесь, джентльмены». Имея деньги на руках, они смогли оставить трейлерный парк Форт-Уэрта и двинуться к побережью, в Новый Орлеан. Там осточертевший им трейлер был продан какой-то молодой парочке, а они окунулись в атмосферу фестиваля Марди Гра и наконец-то позабыли ледяные ужасы кочевой жизни. В съемном жилье Хайнлайн завершил «Хэйуорт-холл», переименовал его в «Космического кадета» и начал сокращать. Обычная рутина — из 73 000 слов сделать 70 000.

Литературови́дение

Что же было в этих семидесяти тысячах слов? Безусловно, это был шаг вперед по сравнению с «Галилеем». Хайнлайн перестал максимально упрощать сюжет, и в «Кадете» происходит множество разных событий и сплетаются множество тем и сюжетных линий. К сожалению, в нем маловато приключений. Дети этого, похоже, не заметили, а вот многие взрослые дяденьки были этим обстоятельством очень недовольны.

В отличие от «Галилея», «Кадет» — уже полноценный роман взросления. В нем впервые, очень осторожно, поднимается проблема отрыва от корней — то, что Хайнлайн сам испытал на своей шкуре, вернувшись на побывку в родной дом: стены стали уже, потолок ниже, а разбег интересов с родными больно ужалил в сердце. Хайнлайн убрал из сюжета душераздирающую сцену бомбардировки, заменив ее чисто умозрительной дискуссией с родителями, но моральный гнет, нависший над героем дамокловым мечом, оставил. Очень жаль, что Хайнлайн не вставил в роман *несколько* подобных сцен — в разных местах, с разными людьми, но писателю, конечно, виднее, а мне остается только сожалеть, что в «Кадете» не нашлось места для хорошей социально-психологической драмы. В целом же роман

уже приблизился к универсальной ювенильной формуле Хайнлайна: «наука + приключения + социология».

В «Кадете» Хайнлайн впервые выводит своих подростков из-под опеки старших, погрузив капитана в кому. Ну, не он первый, конечно, не он и последний прибегает к такому трюку. Именно этот кусок самый запоминающийся в романе. В дальнейшем он сделает тему автономного плавания подростков во взрослом мире магистральной.

Хайнлайн оконтуривает период взросления героя симметричными ситуациями с приемом новичков на станции: в первой из них герой сам новичок в новом незнакомом мире, его сопровождает старший курсант, во второй — он уже представитель принимающей стороны и сам вводит новичков в курс дела. Позднее писатель еще не раз использует замкнутую в круг композицию для того, чтобы подчеркнуть возмужание главного героя.

Во вступительной части Хайнлайн снова пишет о том, что хорошо знает на собственном опыте, — ракетная лаборатория школьников в «Галилее» была отражением его собственных школьных экспериментов, учеба в Хэйуорт-холле отчасти

отражает годы Хайнлайна в Аннаполисе. Но это не просто костюмная драма, Хайнлайн футурологически проецирует быт и занятия курсантов на сотню лет вперед и, видимо, делает это хорошо, поэтому ключевые моменты обучения кадетов, такие как освоение скафандра, управление скутером или тренировки в невесомости, уже полвека кочуют по книгам разных авторов.

Полет в Пояс астероидов погружает нас в бытовую рутину. Космический патруль демонстрирует идеальный коллектив с идеальными отношениями. И идеальный командир отправляет своего идеального стажера пропалывать грядки. Видимо, фермерство — максимально неприятная текущая работа, которой писатель нашел место в космосе. Все-таки Хайнлайн рос городским мальчиком, и возиться в земле он не привык. Позднее, в «Астронавте Джонсе», он откровенно даст понять, что работа в оранжерее — самое дно в иерархии космического корабля. Эпизод наглядно демонстрирует юным читателям одну важную мысль: бывают ступени, которые невозможно перепрыгнуть, их можно преодолеть только длительными и довольно однообразными усилиями.

Финальная, венерианская, часть наконец-то по-

священа подвигам и приключениям. Но писатель попутно решает в ней различные этические проблемы. Одна из тем, без которой не обходится ни один роман Хайнлайна, — расовые / этнические проблемы. Тема вновь была решена традиционным для Хайнлайна способом, отработанным еще на «Галилее»: он выпускает на сцену пеструю в этническом плане компанию и тщательно скрывает расовую или национальную принадлежность героев, оставляя в качестве маркеров только их имена. Но на этот раз в одном месте он снисходит до того, что объявляет открытым текстом:

«– Ос, ты несправедлив, — запротестовал Текс. — У Мэтта, как и у меня, нет расовых предрассудков. Возьми лейтенанта Петерса: разве для нас имеет какое-нибудь значение то, что он черен, как туз пик?»

Напомню, у Хайнлайна не бывает случайных деталей. И эта фраза понадобилась в тексте для логического перехода от межрасовой толерантности к межвидовой. В последующих текстах писатель вновь прямо не указывает этническую принадлежность героев, щедро подкладывая читателям свои расовые пасхалки. А проблема межпланетной ксенофобии, высвеченная в вене-

рианской части «Кадета», позднее станет одной из центральных тем «Двойной звезды», но уже на примере марсиан.

И еще одна тема краешком появляется на горизонте. Напомню, что в «Кадете» на Венере царит матриархат, а самцы вообще не показываются землянам на глаза. Рассказывая об аборигенах, Хайнлайн впервые осторожно прощупывает зоны доступного в области, связанной с сексом. Редактор, по-видимому, отнес эти биологические пассажи к безобидным элементам инопланетной экзотики. И Хайнлайн продолжил осторожно дергать тигра за усы. Добром это, конечно же, не кончилось. Принимая следующий роман, Алиса Далглиш недвусмысленно дала понять писателю, что прекрасно видит все его пасхалки и кукиши в карманах.

Роман изначально был встроен в «Историю будущего». Микросюжет о предотвращении мятежа позднее лег в основу «Долгой вахты», история о курсанте с Ганимеда нашла поддержку в «Фермере в небе», а венерианские джунгли пришли в роман из недавно написанной «Логики империи». Правда, позднее, в «Кукловодах» и «Марсианке Подкейн», Хайнлайн пересмотрел вопрос о местном населении. Зато марсианская

идея «двойного мира» затем использовалась в «Красной планете» и позже перешла в «Чужака». И только история о взорванной пятой планете так и осталась в подвешенном состоянии.

Откуда писатель берет свои идеи? Нет-нет, не отвечайте, это был риторический вопрос. Гораздо интереснее, куда эти идеи отправляются после того, как ими попользовались. Не могу не отметить одно забавное совпадение. Если положить рядом «Космического кадета» и «Звездоплавателей» Г. Мартынова, в них обнаружится много общего: это и Фаэтон-Люцифер с его разумными обитателями, уничтоженный и превращенный в Пояс астероидов, это пленение землян венерианами-амфибиями, это тюрьма в подводном городе, где по сюжету один из пленников болен, трудности коммуникации с аборигенами, отлет с Венеры на древнем корабле, найденном в джунглях… Вряд ли Мартынов читал Хайнлайна, но параллели в сюжетах, на мой взгляд, вполне очевидны. Или возьмем болото с трансурановыми элементами. У Хайнлайна оно куда меньше, чем в «Стране багровых туч», но все же присутствует. Да и корабль, погрузившийся в болото, имеет место быть.

Но вернемся к роману Хайнлайна. В нем присутствует еще один важный элемент, который

нельзя не упомянуть. Это тема идеальных рыцарей, которые держат в стальных перчатках наш хрупкий мир. Как и любая другая идеальная вещь, она выглядит совершенно нереальной. Потому что настоящие джедаи существуют только в кино. Голливуд учит нас, что воспитать высоконравственное существо, чтущее заповеди, проще простого: нужно в детстве запереть его в какомнибудь бомбоубежище или на необитаемом острове и с младых ногтей учить только хорошему. Реальность подсказывает мне, что моральные догмы, не закаленные в горниле жизни, разбиваются вдребезги при первом же столкновении с настоящими проблемами. Хайнлайн описал в романе систему воспитания идеального человека, весьма близкую к голливудским рецептам. Но он не стал бы любимым детским писателем миллионов, если бы сам, своими руками не снес эту пафосную картинку ко всем чертям одним-единственным эпизодом, когда кадет приходит к наставнику после тяжелого разговора с родителями. И вот что отвечает ему наставник:

«– Если бы необходимость бомбить свой собственный город оставила вас равнодушным, я бы немедленно вышвырнул вас с этого корабля. Патруль вовсе не рассчитан на идеальных офи-

церов. Если такая необходимость возникнет, ваш командир прикажет запереть вас в каюте или еще более надежном месте, но не станет из-за вас рисковать всей операцией».

Вот это внезапное исчезновение джедаев и появление живых людей на их месте мне кажется самым ценным в романе.

«Космический кадет» был типично «скаутской» вещью, он писался в прицеле на публикацию в журнале «Boys Life». Одним из консультантов писателя был его племянник Уильям Бахус, сын Луизы Хайнлайн-Бахус. Ему Боб и посвятил этот роман.

Не слишком радостный прием…

Алиса Далглиш была недовольна рукописью. Ее не устраивали слишком тусклые характеры и обилие технического бэкграунда. Хотя ее помощница, Виктория Фаулер, нашла книгу очаровательной, Алиса сделала несколько замечаний. Недоволен был и редактор журнала «Boys' Life» Ирвинг Крамп. Он по-прежнему страстно желал печатать Хайнлайна, но его категорически не устроила сцена распития коктейлей в баре на станции «Терра». Бойскауты и алкоголь были несовместимы. Из-за этой сцены романа Хайнлайн лишился верных $1000 за журнальную

публикацию и теперь смотрел на перспективы печати у Крампа без особого энтузиазма. Но так или иначе, книга вышла из печати, и осенью 1948 года, когда Хайнлайн снова был в Голливуде, почтальон принес ему бандероль с шестью авторскими экземплярами «Космического кадета». Хайнлайн был счастлив, но не мог отвлекаться, он был занят важным делом — снимал кино.

Фэндом встретил «Кадета» столь же прохладно, как и «Галилея». Отклики в фэнзинах были в основном отрицательными. Студенты и инженеры чувствовали себя обманутыми, не находя в новых текстах писателя ни оригинальных фантдопущений, ни захватывающих сюжетов. Форрест Аккерман прислал Хайнлайну негативный отзыв писателя Роберта Блоха, который, похоже, вообще не понял, о чем эта история. К сожалению, отзыв был напечатан в каком-то фэнзине, поэтому у меня не было возможности его прочитать. А сам Форрест обвинял писателя в том, что своими новыми вещами для детей и рассказами, опубликованными в глянцевых журналах, он не только не приближает космические полеты, но загоняет их в еще более отдаленную перспективу.

Естественно, в ответ на подобную критику Боб мог только разозлиться:

Черт, вы же должны понимать, что вещи, которые покупает «Astounding», невозможно было продать в SEP[71]*, что этими вещами я познакомил с космосом больше людей, чем любой другой писатель, за исключением Герберта Уэллса и Жюля Верна, — больше, чем все ныне живущие писатели, вместе взятые… Я стал известен широкой публике только как автор, пишущий о полетах в космос, и это произошло потому, что я рассказывал им о космосе в той форме, которая им была понятна, и заставил их верить моим словам. Вы бы так же стали критиковать меня за то, что я кормлю детей кукурузными хлопьями, а не здоровенными непрожаренными бифштексами?*

При этом обзоры, опубликованные в коммерческих фантастических журналах типа «Astounding», «Startling Stories» или «Other Worlds», были сплошь комплиментарные:

«Поколение назад читатели научной фантастики требовали тщательной детализации в этих историях. Мы хотели, чтобы нам рассказали, на что похож космос, как он выглядит и что

---

[71] Примечания: 71
SEP — журнал «Saturday Evening Post».

происходит с нашими внутренностями, когда наступает невесомость или ускорение добавляет несколько *g*…

Постепенно ощущение новизны притупилось, мы видели, что писатели все больше и больше начали увлекаться фантазиями… Однако нет такой старой формулы, в которую хороший писатель не может вдохнуть новую жизнь, и этого с большим успехом добился Роберт Хайнлайн в своем „Космическом кадете“…»

P. Schuyler Miller. Astounding Science Fiction, май 1949

Этот восторженный тон неудивителен, ведь в те времена, как и сейчас, подобные обзоры были просто еще одним сортом рекламных объявлений. Любопытно, что во всех трех упомянутых обзорах авторы подчеркивали, что «Кадет» предназначен для более взрослых читателей, чем «Галилей». Это было попыткой снизить мощный негатив, вызванный в фэндоме первой книгой скрибнеровского цикла Хайнлайна. Все-таки конец сороковых — совсем иная эпоха, и слово «дерьмо» даже критики фэндома старались не употреблять. Вместо этого они писали «слишком детский». Слишком детский сюжет, слишком детские характеры, слишком детский роман.

Корпус фантастической критики в те годы еще только начал складываться, критики не получали рассылок от издателей, они были обычными читателями или писателями, членами фэнтусовки без привилегий и образования. Единственной площадкой фанткритики были фэнзины — любительская критика в любительских изданиях. И вся эта критика на первые два скрибнеровских романа была полна негатива. В конце сороковых Хайнлайн начал чувствовать смутное раздражение от фэнов, фэндома, да и от некоторых коллег-фантастов, подрабатывающих на общественных началах в качестве критиков.

И еще одна проблема, которая в те дни краешком замаячила на его горизонте. Она выглядела то ли как досадный курьез, то ли как следствие его бешеной писательской популярности: его родственники, знакомые и его читатели все как один жаловались, что не могут купить «Кадета» ни в одном книжном магазине, все экземпляры распроданы. Наверное, стоит упомянуть, что это происходило не в Советском Союзе, и книжный дефицит в условиях развитого капитализма выглядел… странно. Весь тираж «Кадета», вышедший в августе, был реализован в течение двух недель. В сентябре со складов ушли последние

остатки. Хайнлайн не уделил тогда этому серьезного внимания — он задал вопрос Алисе Далглиш, узнал, что тираж действительно быстро разошелся, пожал плечами и выкинул этот случай из головы. В конце концов, подобная ситуация была и с «Ракетным кораблем „Галилей“». О причинах книжного дефицита и о том, как эти причины скажутся непосредственно на нем самом, он не задумывался, пока не случились неприятности. Но это произошло много позже.

…И куда более радужная перспектива

Несмотря на отношение фэнов и фэнзинов, продажи «Кадета» успешно продолжались — уже помимо издательства «Scribner's». В 1949 году Лертон Блассингейм заключил контракты с итальянской «Bompiani» и голландским «J. W. Eides Forlag», чуть позже подсуетились немцы и финны. Сам Хайнлайн к иностранным продажам поначалу относился как к какому-то маленькому, чисто символическому бонусу. Зарубежные права на романы Хайнлайна не уходили веером в десятки издательств, обретение популярности за рубежом было довольно длительным, растянутым во времени процессом. Роман вышел в Америке в 1947-м, а контракт с датским издательством, например, Блассингейм заключил только

через десять лет, в 1957 году. Поэтому на писателя не обрушивался единомоментный водопад денег, чеки приходили время от времени, но все более и более мощным потоком. Отчасти это заслуга Лертона Блассингейма, который умел находить нужных людей. Отчасти — самого автора, о чем литагент не забывал регулярно повторять Хайнлайну.

26 февраля 1959 годаЛертон Блассингейм — Роберту Э. Хайнлайну

Очень немногие авторы продаются в столь многих странах, как Вы. В каждой стране я стараюсь составить рейтинг наиболее результативных агентов, я начинаю с ними работать во время визитов их издателей в Нью-Йорк, а через них стараюсь помочь нашим представителям в странах, откуда прибыли эти издатели. Но, как и у нас, во всех других странах решающим фактором является качество произведения. Высокое качество ваших историй и сделало их настолько популярными. По счастью, Вы пишете о вещах, которые представляют интерес во всем мире. Мы испытывали бы большие трудности со сбытом ваших историй, несмотря на их качество, если бы Вы писали о бейсболе или о футболе.

Но, помимо переизданий и зарубежных публикаций, роман «Космический кадет» обладал еще одним дополнительным коммерческим потенциалом, правда ни Роберт Хайнлайн, ни Лертон Блассингейм не сумели его вовремя разглядеть.

Том Корбетт

21 июля 1949 года рекламная фирма «Kenyon & Eckard» организовала опцион для своего клиента «Rockhill Radio» на телевизионный сериал на базе романа «Космический кадет». Опционный контракт, если не углубляться в детали, — распространенная в творческой среде форма договора, по которой автор бесплатно предоставляет свое произведение для создания сценария фильма или постановки, а какие-то деньги получает только после продажи сценария продюсеру или после выхода программы в эфир — в виде доли в прибыли или фиксированной суммы. Разумеется, слово «бесплатно» немедленно повергло Хайнлайна в ступор. Он поискал глазами свой «Ремингтон», не нашел его и двумя короткими словами отказал гг. Кеньону и Эскарду в опционе. Кеньон и Эскард, вместо того чтобы повернуться и очистить помещение, широко улыбнулись (они были прожженные дельцы и не таких видали) и предложили писателю продать права на сло-

восочетание «космический кадет». За это фирма обязалась осыпать автора золотым дождем на сумму $50 еженедельно — пока шоу выходит в эфир.

Тут надо сказать, что Хайнлайн вовсе не был монополистом или первооткрывателем столь выгодного словосочетания, как «Space Cadet». В январе 1946 года в редакцию радио поступил сценарий Джозефа Грина под названием «Том Рейнджер и космические кадеты». Но Хайнлайн успел напечатать свой роман, а Джозеф Грин выпустить в эфир свою постановку не успел, поэтому в итоге пятьдесят баксов раз в неделю платили Бобу, а не Джозефу.

В тот момент, когда «Kenyon & Eckard» озвучили свое предложение, ни Хайнлайн, ни Блассингейм не видели ни «Светлячка», ни «Игры престолов». Единственным примером фантастического сериала, который они видели, была экранизация комикса «Бак-Мать-Его-Роджерс в каком-то там веке». Боб презирал «Роджерса» во всех его проявлениях, а Лертон и вовсе получил классическое образование, поэтому они переглянулись и сказали рекламщикам «ага». Опыт Хайнлайна показывал, что 99 % подобных предварительных соглашений ни к чему в итоге не приводят. А в

этом варианте ему даже не приходилось ничего писать. Это было во всех смыслах выгодное предложение.

И тут он ошибся. В отличие от десятков предыдущих неудачников, «Kenyon & Eckard» занимались только реальными вещами. Они быстро нашли подходящий сценарий. Героя там звали Крис Колби, но его быстренько зачеркнули карандашом и вывели на титульном листе «Том Корбетт — космический кадет». А потом дали отмашку спонсору, которого тайно держали наготове, до оформления всех бумаг. И 2 октября 1950 года шоу пошло в телевизионный эфир. Пятнадцатиминутными эпизодами три раза в неделю.

Хайнлайн не увидел ни одной серии «Тома Корбетта» — когда шоу вышло в эфир, они с Джинни были заняты строительством своего дома и жили в довольно спартанских условиях, так что Хайнлайн попросил режиссера прислать ему хотя бы сценарии эпизодов. В январе 1951 года он получил дюжину папок с распечатками, прочитал их — и пришел в ужас.

5 января 1951 года Роберт Э. Хайнлайн — Алисе Далглиш

Шоу настолько идиотское, мотивации и подразумеваемые этические нормы героев настолько

фальшивые, что я не могу себе представить, чтобы я по какой-либо причине захотел бы, чтобы мое имя упоминали в связи с этим шоу. Я очень доволен тем, что получил свои тридцать сребреников и остался неизвестным.

5 января 1951 года Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингейму

Я написал мисс Далглиш о телевизионных сценариях. Вы читали их? Если да, то Вы знаете, насколько они плохи. Я не хочу фигурировать в титрах этого шоу (как бы я ни ценил чеки за роялти!), и я имею все основания быть уверенным, что такой уравновешенный, солидный дом, как «Scribner's», будет чувствовать то же самое. Это просто адаптированная для детей мыльная опера.

Свои сребреники в размере 50 долларов Хайнлайн получал еженедельно, пока шел сериал, и думал, что остался не внакладе. На роялти с «Тома Корбетта» он с Джинни смог прожить почти год, и это было очень кстати. Однако сериал был всего лишь предвестником. «Том Корбетт» стал ядром одной из самых успешных франшиз 50-х годов. В апреле 1951-го начал выходить комикс «Том Корбетт — космический кадет», затем продюсеры

запустили целую линейку товаров под лейблом «Космический кадет» — гермошлемы, скафандры, лучевые пистолеты, игрушки «уйди-уйди» и тому подобное. Дети по всей стране внезапно посходили с ума и потребовали купить им стеклянную банку на голову.

Не меньшим спросом пользовались другие предметы первой необходимости, такие как ланчбоксы, космическое мыло, значки, нашивки, перочинные ножи и, разумеется, атомные космические пистолеты. До Лертона Блассингейма с некоторым запозданием дошло, какую вещь они отдали за бесценок.

25 июля 1951 года Лертон Блассингейм — Роберту Э. Хайнлайну

А еще я слышал, что эти шлемы народ раскупает, как безумный. В Лос-Анджелесе магазины охраняет полиция, дети выстраиваются в очереди длиной в квартал. Как жаль, что мы не придержали эти права у себя или, по крайней мере, не потребовали за них больше бабла.

Сам Хайнлайн отнесся к упущенной выгоде с философским смирением:

7 апреля 1951 года Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингейму

Что касается коммерческих прав, то деньги вещь относительная. Я помню, было время, когда я удавился бы ради пятидесяти центов, — тогда я был полностью на мели, нищий и голодный. Я помню еще случай, когда заложил свое (священное!) кольцо выпускника Аннаполиса за семь долларов. В тот момент, когда они заплатили мне за коммерческие права, их деньги стали выкупом, который вытащил меня из весьма неприятной финансовой дыры. Сам я нисколько об этом не жалею, но это, конечно, несправедливо по отношению к Вам, если смотреть в долгосрочной перспективе.

30 сентября 1952 года Келлог прекратил спонсировать телесериал про Тома Корбетта, и вереница еженедельных чеков временно прекратилась. Но продюсеры не успокоились, и сериал в конце концов возобновился. Он несколько раз менял студии, спонсоров и формат выхода, канал CBS сменил ABC, потом NBC, но сериал упорно продолжал выходить вплоть до 1956 года.

Юридически непризнанный первооткрыватель «космических кадетов» Джозеф Грин, хотя и не получал 50 долларов в неделю, тоже не был обижен судьбой. Он заменил имя героя своей пьесы с Тома Рейнджера на Тома Корбетта, кое-

что подрихтовал, и радио Rockhill запустило программу в эфир. Радиопостановки выходили шесть месяцев, а затем прекратились, но идеи Грина продолжали жить и легли в основу многих эпизодов телесериала. Есть подозрение (история темная, но поклонники продолжают рыть землю), что Джозеф Грин приложил руку и к книжному воплощению Тома Корбетта, которое выходило в издательстве «Grosset & Dunlop». По какому-то совпадению Грин работал редактором в этом самом издательстве. Научным консультантом всех восьми выпущенных книг стал давний друг Роберта Хайнлайна ракетчик Вилли Лей.

В 1954 году, путешествуя вокруг света, Хайнлайны посетили Сингапур, где остановились в отеле «Раффлз». В лавке сувениров в холле отеля Хайнлайн с удивлением обнаружил тоненькие книжечки издательства «Dell» с надписью «Том Корбетт» на титульном листе. Эта серия комиксов выходила в 1952–1955 годах, всего вышло 14 книг, но Тома Корбетта рисовал еще и Рэй Бейли для последней полосы газеты «Chicago Sun». Как ни печально, но все это были объекты вторичного права, с которых Хайнлайн не получал ни цента. А ведь еще были настольные игры, открытки, диски, песни и поп-группы.

Оркестр «Space Cadet Marching Band» выпустил пластинку с песнями о приключениях Тома Корбетта, а тридцать лет спустя по космическим кадетам прошлась своей бас-гитарой Сьюзи Кватро.

И только полнометражного фильма по «Космическому кадету» не было снято ни одного. Поначалу это было технически сложно, а к тому моменту, когда производство фантастики было поставлено на поток, «Кадет» превратился в архаизм.

От пафоса к иронии

Надеюсь, теперь вам понятно, что «Kenyon & Eckard» не зря обхаживали писателя по поводу прав на словосочетание «space cadet». Слова оказались золотыми, а бум вокруг «Тома Корбетта» поспособствовал тому, что понятие «космический кадет» прочно засело в американской национальной культуре. Правда, смысл этих слов с годами менялся. От пафосного «космонавта-стажера» в 1950-х он плавно продрейфовал к «энтузиасту космических полетов» в 1960-х, а десятилетие спустя «space cadet» употреблялось уже только как обозначение человека, напрочь оторванного от реальности.

И когда Роджер Уотерс в песне «In the Flesh» с

альбома Pink Floyd «The Wall» поет:

So ya
Thought ya
Might like to go to the show
To feel the warm thrill of confusion
That space cadet glow, –

он ироничен как никогда.

И если в мультсериале «Гриффины» появляется эпизод под названием «Space Cadet», можно не сомневаться, что в название заложена изрядная доля иронии.

Нынешний смысл выражения «space cadet» окончательно оторвался от космических и иных первоначальных коннотаций и означает придурка, вечного лузера, витающего в облаках. И когда вымрет поколение, отстоявшее в пятидесятых часовую очередь за атомным пистолетом и стеклянной банкой на голову, слова «space cadet» окончательно перестанут кем-то восприниматься как символ героя и победителя.

С. В. Голд